

63.3(2)
Т81

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

В. А. ТУГОЛУКОВ

ТУНГУСЫ (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири

Ответственный редактор
С. А. Арутюнов

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Написано в 1985
Библиотека
Якутск-1-Секция ССР
г. Якутск

1398170 - 46888 -

X

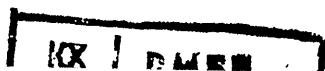
4/3

В книге на основе архивных, полевых и литературных источников рассматриваются расселение и численность сибирских эвенков по отдельным регионам за период XVII — начала XX в., этносоциальная структура и взаимодействие эвенков с кетоязычными и самодийскими племенами, а также с якутами и русскими, активное участие эвенков в формировании новых этнических общностей на Северо-Западе Восточной Сибири — нганасанов, долганов и северных якутов-оленьеводов.

Для историков, этнографов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

А. В. СМОЛЯК, Е. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ

Тунгусы «разнствуют не токмо от сибирских, но и от всех народов на земли».

И. Э. Фишер

ВВЕДЕНИЕ

Выступая на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (1964 г.), Б. О. Долгих говорил, что важнейшей задачей, стоящей перед исследователями Севера, «является создание их истории, внесение историзма в этнографию» (Труды VII МКАЭН, т. 10, с. 458).

Еще не так давно этнографы обыкновенно ограничивались описанием того или иного народа на основе собственных полевых материалов и литературы. Однако потребность в решении вопросов этногенеза, а также особенностей исторического развития исследуемых народов потребовали обращения этнографов к документальным источникам прошлого и к более широкому привлечению данных, добытых смежными науками — историей, антропологией, археологией, лингвистикой. Так пробило себе дорогу новое направление в этнографии — историко-этнографическое изучение народов СССР.

Это направление быстро завоевало себе широкую популярность среди исследователей. Достаточно указать на работы о народах Средней Азии, опубликованные С. Г. Агаджановым (1969), Б. Г. Гафуровым (1972), Т. А. Жданко (1950), Б. Х. Кармышевой (1976). О народах Сибири работы историко-этнографического плана написали С. И. Вайнштейн (1972), В. И. Васильев (1979), И. С. Вдовин (1965, 1974), И. С. Гурвич (1966), Б. О. Долгих (1952а, б, 1960, 1963, 1970б), Л. П. Потапов (1953), С. А. Токарев (1940, 1945), Л. В. Хомич (1976) и др. Предлагаемая читателю работа также является по своему характеру историко-этнографическим исследованием.

Значение избранной нами темы в первую очередь определяется тем фактором, что этническая история тунгусов (эвенков и эвенов) до сих пор не являлась предметом специального изучения со стороны тунгусоведов. Некоторым исключением можно считать работу И. С. Гурвича (1966), в которой нашла отражение этническая история части эвенков и эвенов.

Эвенки и эвены — два малых народа Советского Севера. Численность эвенков, по данным Всесоюзной переписи 1979 г., определяется в 28 тыс. человек, эвенов в 12 тыс. (Брук, 1981, с. 207—208). Несмотря на скромную численность, эвенки заселяют огромное пространство Восточной и Западной Сибири. На западе грани-

цей их расселения является Обь в ее среднем течении, на севере — лесотундра между низовьями Лены и Енисея, на востоке — побережье Охотского моря (южная часть) и на юге — левобережье Амура и правобережье Ангары, причем следует иметь в виду, что к приходу русских эвенки осваивали и левобережье Ангары.

По нашему мнению, до недавнего времени за пределами СССР (в северо-восточных районах Китая и Монголии) проживало 13—14 тыс. эвенков.

Современное расселение эвенков гораздо уже: они дислоцируются в основном на северо-востоке Восточной Сибири, за пределами рассматриваемой нами территории. Однако в XVII в. эвенки кочевали также по северо-западу Восточной Сибири (между низовьями Лены и Енисея и, без сомнения, в некоторых районах Обь-Енисейского региона). Благодаря участию эвенков в этнических процессах, происходивших на Северо-Западе, там сформировались две новые этнические общности — долганы и нганасаны, ныне входящие в число малых народов Советского Севера.

Столь широкое расселение тунгусов относительно их небольшой численности представляет собой уникальное явление в истории человечества.

Целью настоящей работы является последовательное изложение истории западных эвенков и эвенков, живших или живущих ныне в Средней и Западной Сибири (между Леной и Обью). Хронологические рамки работы — от рубежа XVI—XVII вв. до периода социалистических преобразований у эвенков и эвенков, т. е. до начала 1930-х годов.

Разделение эвенков и эвенков на восточных и западных проведено нами не только ради удобства изложения материалов. Оно имеет определенное историческое обоснование, связанное с характером расселения древних тунгусов из пределов их прародин (восточная часть Северного Байкаля, северные районы Алдано-Амурского региона), в особенности после водворения на средней Лене якутов.

Структура работы обусловлена громадными размерами освоенной западными тунгусами территории. Поэтому вся она разделена нами на шесть крупных этногеографических регионов: 1). Прибайкалье; 2). Среднее и нижнее Приангарье; 3). Бассейн Подкаменной Тунгуски; 4). Бассейн Нижней Тунгуски; 5). Северо-запад Восточной Сибири; 6). Обь-Енисейское междуречье. Каждому региону отводится соответствующая глава. Порядок расположения глав определяется направлением основных миграций западных тунгусов с юга на север и с востока на запад. Главы построены, как правило, по следующему принципу: этническая история; этносоциальная структура; межэтнические контакты и особенности традиционной культуры тунгусов того или иного региона.

В разделах, посвященных этносоциальной структуре, мы рассматриваем любые объединения кровных родственников, имевшие собственное название (этноним). К числу таких этнонимических объектов мы относим не только кровные роды, но также некото-

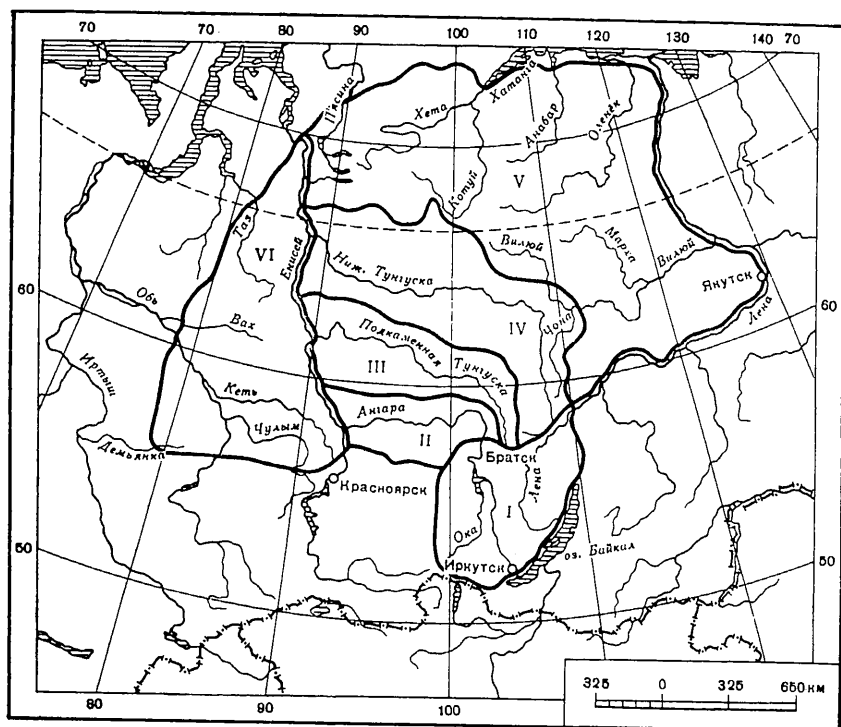

РИС. 1. Схема расположения этногеографических регионов у тунгусов Средней и Западной Сибири:

- I — Прибайкалье; II — Среднее и Нижнее Приангарье; III — Подкаменная Тунгуска;
IV — Нижняя Тунгуска; V — Север Средней Сибири; VI — Обь-Енисейский регион

рые патронимии и другие группы, социальный статус которых нам не всегда ясен. В ряде случаев это были разросшиеся семьи, возникшие в результате национально-смешанных браков.

Мы не ставили перед собой задачи дать всестороннее описание традиционной культуры и социального строя западных тунгусов, ограничившись приведением лишь тех сведений, которые позволяют выявить своеобразие той или иной этнографической группы. В общем виде культура тунгусов достаточно подробно рассмотрена в книге Г. М. Василевич «Эвенки» (1969), а их общественное устройство — в нашей работе «Социальная организация эвенков и эвенов» (1970) и работе В. В. Карлова «Эвенки в XVII — начале XX в. (хозяйство и социальная структура)» (1982).

Источниками настоящей монографии являются главным образом литературные, архивные и полевые материалы.

Из источников первой группы важное значение имеют дореволюционные и советские публикации документов XVII—XVIII вв. К числу таковых принадлежат «Дополнения к Актам историческим», работа Е. Д. Стрелова «Акты архивов Якутской области»,

«Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», «Сборник документов из истории Бурятии. XVII век», «Материалы по истории Якутии XVII в.» и др.

Мы широко пользовались также статистическими сведениями демографического характера и исследованиями, отражающими расселение и численность западных тунгусов в XVII—XIX и начале XX вв. Применительно к XVII в. сводной работой указанного профиля является фундаментальный труд Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» (1960). Статистические данные о тунгусах применительно ко второй половине XVIII в. приведены в двух работах В. М. Кабузана и С. М. Троицкого — «Движение населения Сибири в XVIII в.» (1962) и «Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в.» (1966). Для второй половины XIX в. аналогичные материалы содержатся в работах С. К. Патканова, из которых нами преимущественно использован его труд «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» (1906).

Из трудов общего историко-этнографического характера, использованных в настоящей монографии, назовем записки путешественников XVII—XVIII вв., а также работы А. П. Степанова, М. А. Кастрена, А. Ф. Миддендорфа, А. Мордвинова, М. Ф. Кривошапкина, Р. К. Маака, К. М. Рычкова и других авторов.

К рубрике литературных источников принадлежат широко использованные нами публикации эвенкийского фольклора и словари. Из публикаций фольклора укажем, в частности, на сборники, изданные под редакцией Г. М. Василевич: «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» ((1936 г.) и «Исторический фольклор эвенков» (1966), а также на сборник М. Г. Воскобойкова «Эвенкийский фольклор» (1960).

Архивные материалы составляют значительную часть источниковедческой базы настоящей работы. Они были почерпнуты нами преимущественно из следующих центральных государственных архивов СССР: Древних актов (ЦГАДА), Исторического (ЦГИА), Октябрьской революции (ЦГАОР), а также из государственных архивов Иркутской обл, Красноярского края, Томской обл, Эвенкийского и Таймырского автономных округов, Архива Академии наук СССР (ААН), Архива Всесоюзного географического общества, Архива Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР и ряда других учреждений.

К архивным источникам мы относим также подготовленную к печати рукопись третьего тома «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (1961), и кандидатскую диссертацию Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири» (1946), хранящиеся в Архиве Института этнографии АН СССР. Указанная работа Б. О. Долгих включает обработанные им данные Похозяйственной переписи Приполярного Севера (Приполярной переписи) 1926—1927 гг., одним из участников которой он был. Из этой работы мы черпаем обильный цифровой и этнонимический материал по сибирским эвенкам на конец исследуемого нами периода.

Полевые материалы, также широко представленные в настоящей работе, собирались автором во время его экспедиционных поездок к западным тунгусам. Всего таких поездок было совершено десять: в 1957 г.— в Эвенкийский автономный округ (восточная часть), в 1959 г.— в Таймырский автономный округ, в 1962 г.— в Эвенкийский автономный округ (западная часть) и Туруханский р-н Красноярского края, в 1963 г.— в Качугский р-н Иркутской области и Туруханский р-н, в 1966 г.— в Катангский р-н Иркутской обл., в 1971 г.— в Анабарский, Оленекский, Жиганский и Булунский районы Якутской АССР, в 1972 г.— в Каргасокский и Верхне-Кетский районы Томской обл., и Красноселькупский р-н Тюменской обл., в 1974 г.— в Енисейский и Туруханский районы Красноярского края, в 1977 г.— в Эвенкийский автономный округ (северная часть), в 1979 г.— в Катангский р-н Иркутской обл. и Илимский р-н Эвенкийского округа. Полевые материалы автора хранятся в Архиве Института этнографии АН СССР.

Многим в данном исследовании мы обязаны нашим информаторам эвенкам. Их сообщения и указания позволили нам в ряде случаев уточнить, объяснить и конкретизировать отдельные факты историко-этнографического характера, известные из двух источников, а также этимологизировать многие эвенкийские этнонимы.

В одной из своих последних работ Б. О. Долгих писал: «Этническая история маленьких северносибирских народов не только освещает конкретные ранние этапы развития человечества на значительной части суши, входящей в состав нашей страны, но является также источником для понимания этнических, миграционных и других процессов, происходивших на ранних ступенях человеческой истории в других районах земного шара» (1970, с. 8). Мы полностью разделяем эту позицию крупнейшего советского этнографа-сибироведа.

Глава первая

ПРИБАЙКАЛЬСКИЕ ЭВЕНКИ

1

Прибайкальские эвенки в XVII — начале XX в.

Прибайкальскими мы называем эвенков, которые к приходу русских занимали пространство, включающее верхние части бассейнов Ангары и Лены. Восточная граница региона проходит по Байкалу и Лене до устья ее правого притока — Киренги. Северную границу можно провести от устья Киренги на востоке до устья Илима на западе. Западная граница соединяет устье Илима с верховьями Уды (она же Чуна и Тасеева) — нижнего левого притока Ангары. Наконец, южными пределами региона будут истоки Ангары и верховья ее левых притоков — Оки с Ией и Уды.

В географическом и историко-культурном отношении рассматриваемый регион делится на две неравные половины. К меньшей по территории половине относятся левобережная часть верхнего течения Ангары и юго-западное побережье Байкала, характеризующиеся лесостепным ландшафтом. Этот субрегион (назовем его лесостепным) в XVII в. преимущественно заселяли буряты («брацкне»).

Меньшую часть местного населения составляли эвенки, которые занимались охотой, рыболовством и скотоводством; оленей у них не было. С приходом русских наиболее верхняя часть Ангары с Иркутским острогом стала относиться к Иркутскому у., а более нижнее течение той же реки с острогами Балаганским и Братским — к Енисейскому.

Правобережная часть Ангары представляет собой преимущественно горную тайгу. Большинство здешнего населения составляли в XVII в. эвенки — охотники-оленоводы; буряты были в меньшинстве. В административном отношении таежный субрегион относился к Илимскому уезду.

Ознакомление русских с Прибайкальем началось в 1627 г., когда атаман Максим Перфильев (Перфирьев), продвигаясь вверх по течению Ангары, достиг устья Илима и объясачил тамошних эвенков. Важнейшими пунктами взимания ясака в регионе в течение последующих тридцати — сорока лет стали следующие остроги и зимовья: на Ангаре — Илимский острог (1630 г.) при устье Илима, Братский острог (1631 г.) при устье Оки, Балаганский острог (1654 г.) ниже устья Осы, Иркутский острог (1661 г.) при

устье Иркуты; на Лене — Усть-Кутский острог (1631 г.) в устье Куты, Усть-Киренское зимовье (1633 г.) в устье Киренги (позднее — Киренгский острог), Верхоленский острог (1641 г.) возле устья Куленги¹. В лесостепной части региона в 1647 г. были основаны Удинский острог (позднее — г. Нижнеудинск) на Уде и в 1675 г. — Тункинский острог в верховьях Иркуты (Миллер, 1961, т. 3, л. 69, 80, 92, 111, 157; СДИБ, с. 25, 184, 200; Долгих, 1960, с. 222, 276, 294).

Самой нижней по Ангаре в пределах лесостепного субрегиона была безымянная группа эвенков, обитавшая между левым притоком Ангары — Вихоревой (Геей) и правым притоком — Видным, но главным образом в верховьях Вихоревой. В 1629—1630 гг. эта группа насчитывала 30 плательщиков ясака, а в 1669 г. — 50 (СДИБ, с. 147; Долгих, 1960, с. 208).

Гейско-видимская группа тунгусов разделялась ясачной администрацией на три волости: 1). Ордынскую во главе с князем Чеулкой; 2). Гейскую во главе с князем Хеленкой; 3). Мунгули во главе с князем Едоком (он же Корок) (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 453; Долгих, 1960, с. 207).

Название Ордынской вол. отражало, по мнению Б. О. Долгих, ее зависимое положение от бурят. Он полагал, что слово «орда» отражало ситуацию зависимости безотносительно к данному региону (1960, с. 208). Однако проще думать, что «ордой» русские называли бурят, и поэтому название «Ордынская» означало зависимость именно этой волости от последних. Название «Гейская» в комментариях не нуждается: оно образовано от гидронима Гея. Название «Мунгули», по всей видимости, связано с этнонимом монгол.

Уже в 1633 г. об «ордынских тунгусах» сообщалось, что они «с старого своево кочевья откочевали в ыные в сторонние реки», где их не могли найти (ЦГАДА, ф. 214, кн. 48 л. 52 об.). Однако в 1640 г. в этой волости указывалось 7 ясачных плательщиков. В списке ее членов привлекает внимание имя Ичеренга, которое, похоже, имеет отношение к этнониму «Ичериль», известному у эвенков среднего и нижнего Приангарья (см. главу 2).

Между 1669 и 1702 г. гейско-видимские эвенки разделялись на пять улусов: Чичеулов, Кобулюков. Керкин, Вихоревский, Видимский. Первые три, судя по названиям, представляли собой патронимии или большие семьи, возглавлявшиеся Чичеулом, Кобулюком и Керкой, а два последние — территориально-соседские общины. Численность населения улусов варьировала от 4 до 27 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 208).

Соответствие названных улусов прежним волостям не поддается точному установлению. Чичеулов улус почти наверняка принадлежал к Ордынской вол., потому что фамилию Чичеулов в нем имели четыре тунгуса, а имя Чичеул, от которого она образована, похоже на имя главы Ордынской волости князя Чеулка. В том же улусе имелось трое тунгусов с фамилией Корохаев — видимо, от имени Корохай, близкого к имени князя Корока периода

1628—1629 гг. Однако Корок возглавлял волость Мунгули, а не Ордынскую (Там же, с. 207—208).

Выше гейско-видимской группы находилась группа ангарских эвенков, которую можно называть видимско-удской, потому что она занимала отрезок течения Ангары между устьями ее правых притоков — Видима и Уды. Последняя впадает в Ангару несколько ниже современного Балаганска. В 1669 г. видимско-удские эвенки насчитывали 41 ясачного плательщика. В 1683 г. у них упоминалось семь улусов с названиями, образованными от имен возглавлявших их лиц (Там же, с. 210).

Еще две локальные группы эвенков Братского острога располагались в бассейне большого левого притока Ангары — Оки. Одну из них можно называть верхнеокинской, а другую — нижнеокинской. Границей между ними являлась р. Ия — левый приток Оки.

У эвенков нижнеокинской группы в 1669 г. существовали Ийская вол. (74 ясачных плательщика) и Нагатаев улус (7 ясачных плательщиков). Позднее эта волость, по-видимому, распалась на улусы, так как в 1683 г. она уже не упоминалась, а упоминались улусы Нагатаев, Зонокоев, Кочемарский, Мурмугирский, Кармагирский и Ершевский. Эвенкийскими, по мнению Б. О. Долгих, были только последние четыре улуса. Относительно первых двух он полагал, что это были тунгусы, жившие среди бурят. В Кочемарском улусе в 1702 г. числился 41 ясачный плательщик, в Мурмугирском — 11, в Кармагирском — 29 и в Ершевском — 9, Нагатаев и Зонокоев улусы вместе насчитывали всего 6 ясачных плательщиков (Там же, с. 211).

Часть тунгусов нижнеокинской группы, видимо, кочевала по-Ие, доходя на юге-западе до верховьев Уды (Чуны, Тасевой). Там в 1669 г. существовали три этнонимические группы тунгусов: кочемары — 13 ясачных плательщиков, кармазинцы (кармагиры) — 9 и караноты (карануты) — 9. Эти тунгусы были приписаны к Верхнеудинскому острогу, входившему в Красноярский уезд. В 1701 г. они совокупно насчитывали 28 ясачных плательщиков (Там же, с. 253).

У верхнеокинских тунгусов в начале XVIII в. была известна волость Верхнеокинская — 43 ясачных плательщиков (Там же, с. 211), однако их родовые или территориальные подразделения нам неизвестны.

Переходя к эвенкам Балаганского острога, отметим, что они тоже кочевали на левобережье Ангары — в бассейне р. Белая и в верховьях р. Китой по соседству с «кайсотами» и бурятами-хонгодорами.

В составе балаганских эвенков выделялись два рода — Борондоев (Боролдоев) и Харанут (Каранут, Каранот). В 1689 г. суммарная численность этих родов составляла 24 ясачных плательщика (Там же, с. 220—221).

Самыми верхними по Ангаре были эвенки, приписанные к Иркутскому острогу. Они состояли из четырех групп, которые в

ясачных документах носили следующие названия: 1). Заектаев род; 2). Низовые и подгородные тунгусы; 3). Загачины; 4). Мунгалские выходцы. В 1669 г. первые три группы совокупно насчитывали 63 ясачных плательщика. Мунгалские выходцы (тунгусы, возвратившиеся из Монголии) стали учитываться в Иркутском остроге около 1681 г., когда их было 7 ясачных плательщиков. Начиная с 1693—1695 гг. их численность все время увеличивалась и к 1701 г. достигала 24 ясачных плательщиков. Но нужно иметь в виду, что с 1682 г. среди них учитывались и Загачины. В 1701 г. Заектаев род, Низовые и Подгородные тунгусы, а также Мунгалские выходцы, включавшие и Загачинов, насчитывали 109 ясачных плательщиков. Кроме того, часть тунгусов из этих групп была в 1698 г. выделена в род Кумкагир, в котором насчитывался 21 ясачный плательщик (Там же, с. 295, 302).

В 90-х годах XVII в. к Иркутскому острогу тяготели отдельные группы тунгусов — обитателей района верхней Лены. В 1694 г. иркутские ясачные сборщики взяли ясак с 13 верхненских тунгусов Чючинигирского рода. В 1699 г. в Иркутский острог поступил ясак от троих тунгусов Куркунеева рода, взятый на Куленге — левом притоке Лены. Тогда же в документах Иркутского острога упоминались и тунгусы Молзаевского рода (Там же, с. 304) без указания численности.

Попытаемся определить общую численность эвенков лесостепного субрегиона. Суммируя вышеприведенные цифры и отдавая предпочтение наибольшим, находим, что в период между 1669 г. и рубежом XVII—XVIII вв. эвенки данного субрегиона насчитывали 420 ясачных плательщиков. По аналогии с регионом Южного Забайкалья (к востоку от Байкала) примем, что часть лесостепных прибайкальских эвенков (порядка 10%): не имела ни скота, ни оленей. Это составляет 42 взрослых мужчины. Применяя к скотоводам коэффициент 5, а к оленеводам и бесскотным тунгусам коэффициент 4, находим, что скотоводы Прибайкалья составляли приблизительно 1900 чел., а бесскотные эвенки — охотники, рыболовы — 170 человек². Всего, таким образом, в лесостепном регионе проживало приблизительно 2,1 тыс. эвенков.

Теперь обратимся к эвенкам таежного субрегиона Прибайкалья, входившего в Илимский у. В XVII в. там существовали следующие тунгусские волости: Нижнеилимская, Верхнеилимская, Усольская, Устькиренская, приписанные к Илимскому острогу, а также Тутурская, Куленгская, Киренско-Хандинская и Очеульская, приписанные к Верхоленскому острогу. К последнему были приписаны и буряты верхней Лены.

Большую часть тунгусского населения Нижнеилимской и отчасти Устькиренской волостей составляли представители рода Шамагир, а большую часть населения Верхнеилимской, Усольской, Тутурской и Куленгской волостей — представители рода Налягир. В Усольскую вол. входили также тунгусы рода Ладагир, которых Б. О. Долгих относил к «племен» налягиров. В Киренско-Хандинской вол. жили эвенки рода Икогир (или Никогир), а в Оче-

ульской (между верховьями Лены и Байкалом) — роды Камчагир и Челкогир (Там же, с. 277—284).

По соседству с налягирами и бурятами верхней Лены русские в 1620-х годах иногда называли также «сычѣгурских» тунгусов (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 97—98), в которых следует видеть членов рода Сычегир у эвенков верхней части Нижней Тунгуски (см. главу 4). Позднее сычѣгиры в Прибайкалье не упоминались.

Численность эвенков таежного субрегиона Б. О. Долгих определял для 1681 г. в виде следующих слагаемых: шамагиры — 45 ясачных плательщиков, налягиры с ладагирами — 176, икогиры — 47, камчагиры — 90 (Долгих, 1960, с. 278—284). Однако, учитывая отсутствие среди этих слагаемых челкогиров, мы сочли возможным увеличить полученную цифру до 375 ясачных плательщиков (см. заключительный раздел). С использованием коэффициента 4 это означает около 1,5 тыс. человек всего населения.

Таким образом, во всем Прибайкалье в XVII в. (преимущественно в начале 1680-х годов) учитывалось приблизительно 3,6 тыс. эвенков, из которых 1,9 тыс. чел. составляли скотоводы, 1,5 — оленеводы и 0,2 — бесскотные эвенки.

Относительно благоприятные климатические и почвенные условия, существующие в бассейне Илима, на верхней Лене и верхней Ангаре, были причиной их ускоренного освоения русскими крестьянами в XVII в. Известный землепроходец Е. П. Хабаров около 1639 г. завел в Усть-Кутском остроге соляную варницу, а затем «начал пахать пашню в устье реки Киренги» (Миллер, 1961, т. 3, л. 156). Около 1641 г. якутский воевода водворил пашенных крестьян возле чечуйского волока, а в 1643 г. по Илим и верхней Лене были поселены ссыльные «черкасы», присланные из Енисейского острога (Шерстобоев, т. I, с. 135—241).

В 1663 г. на Илеме и верхней Лене учитывалось 145 пашенных крестьян, обрабатывавших более 280 дес. земли (Там же, с. 235—241, 245). Отсюда следует, что общее земледельческое (преимущественно русское) население таежного Прибайкалья достигало примерно 1 тыс. человек. Николай Спафарий, проследовавший в 1675 г. из Москвы в Пекин во главе русского посольства, видел на Ангаре и в низовьях Илима «многие русские деревни» (Спафарий с. 76, 87).

Увеличение численности пришлого населения, его промысловая деятельность, рубка лесов, участвовавшие лесные пожары не могли не оказывать сильного влияния на жизнь прибайкальских эвенков. В первую очередь это сказывалось на добыче соболей и другой пушнины для уплаты ясака.

Усложнение условий промысла вынуждало эвенков откочевывать в менее обжитые районы. Согласно сводке ясака и помипков на 1649 г., 37 плательщиков ясака ушло из Илимского уезда на Ангари и на Ламу (Байкал), а также «на иные дальние захребетные речки», а 42 ясачных плательщика вообще не были сысканы (Шерстобоев, т. I, с. 541).

Количество добываемой эвенками пушнины к концу XVII в.

резко сократилось. Отмечалось, что по Илимской и Устькиренгской таможням за период с 1682 по 1697 гг. было собрано столько же соболей, сколько раньше поступало за один год (Там же, с. 544). Среди эвенков росло число недоимщиков по ясаку. В ведомости по учету недоимок от 1703 г. имеется такая запись: «И из доимки на прошлые годы ничево с них не взято, потому что за скудостью зверей более того упромышлять они не могли» (Там же, с. 545).

На рубеже XVII—XVIII вв. началось оседание части илимских и верхнеленских эвенков в русских деревнях. Поселяясь среди крестьян, эвенки переставали систематически заниматься промыслами и вовлекались в сельское хозяйство, на первых порах обычно в качестве батраков. Обыкновенно они принимали крещение и именовались «новокрещенами». Такие новокрещены «тунгусского рода» упоминались, в частности, в 1720-х годах в Илгинском остроге (в устье Илги — левого притока Лены). Уже в первой половине XVIII в. отдельные эвенки таежного субрегиона держали лошадей и коров (Там же, с. 553; Степанов, 1961, с. 230).

Родовой состав верхнеленских эвенков заметным образом изменился. В 1735 г. в составе Тутурской и Очеульской волостей Верхнеленского дистрикта упоминались роды Зучеурский, Каркагирский, Хенкегорский, Чербагуевский (Чорбатовский), Чюрмагирский и Шугуагирский (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 28; ф. 509, № 1, л. 11), о которых не было упоминаний в источниках XVII — начала XVIII в.

Эвенки, жившие на Ангаре, возле Братского острога, издавна находились под культурным влиянием бурят. В первой половине XVIII в. большинство тех и других перешло на жительство к истокам Ангары и на юго-западный берег Байкала. В 1735 г. при Култукском зимовье, расположенном на юго-западном побережье Байкала, числились тунгусские роды Заектаев, Цангелинов (Цингидинов) и Тыртеевский — всего 165 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, с. 26). Те же группы тунгусов там находились и во второй половине XVIII в. (*Кабузан, Троицкий*, 1966, с. 28—29).

Немногочисленные эвенки, остававшиеся жить возле Братского острога, подпали под влияние русского населения. В дневнике И. Г. Гмелина за время его путешествия по Сибири в 1733—1743 гг. приведены некоторые подробности об этих эвенках. «У них нет скота, — писал Гмелин, — живут они в лесах, но так бедны, что многие даже не имеют оленей, чтобы отправиться на охоту. Тех, которые не имеют оленей, называют бедными. Впрочем, они, может быть из-за своей бедности, много общаются с русскими жителями и в большинстве случаев понимают русский язык и часто позволяют себя крестить» (*Зиннср*, с. 165).

В 1750 г. в Илимском у. была проведена перепись ясачного населения. По ее данным, среди местных тунгусов оказалось 108 новокрещенов — около 11% всего тунгусского населения (*Шерсто-*

боев, т. II, с. 635). Крестившиеся принимали русские имена и фамилии. Креститься эвенкам было выгодно: их на три года освобождали от ясака либо списывали недоимку. Препровождая начальству материалы переписи, сын боярский Петр Литвинцев характеризовал эвенков Илимского у. следующим образом: они «люди самые бедные и скудные»: «вместо лошадей и скота... самое малое число имеют оленей, на которых в лесные и каменистые места для звериного промысла ходят и юрты свои возят, и то разве из всех тунгусов одна треть. А прочие за совершенною своею скудостью тех оленей не имеют. Они ж жилищами обитают в лесных и каменистых и русским людям неизвестных местах, переходя с места на место» (Там же, с. 629).

Опрос, проведенный в 1769 г., показал, что большинство крестившихся эвенков продолжало жить «работою своею у тутошних жителей», вследствие чего большинство считало своим основным занятием «пропитание... от пахотной земли» (Там же, с. 638). Чтобы иметь возможность уплачивать ясак, осевшие эвенки должны были добывать пушнину. На промысел они отправлялись либо на лошадях, либо на лыжах. Некоторые выменивали меха у охотников-скотоводов на продукты сельского хозяйства.

Наиболее развитое сельское хозяйство существовало во второй половине XVIII в. у эвенков «Верхнеокинской и Ицкой» (Ийской) и «Верх-и-Гиз-Ангарской» волостей. В других волостях в этом отношении было хуже. Из 26 крестившихся тунгусов-домохозяев Верхнеилимской вол. только один в 1769 г. имел лошадь, две коровы и две овцы. «У остальных не было ни скота, ни земли». В Нижнеилимской обл. только два двора эвенков держали по две лошади и по восемь коров; они занимались хлебопашеством. Среди крещеных эвенков Киренской, Хандинской и Усольской волостей (Верхняя Лена) в то время не имелось ни скотоводов, ни пахарей (Там же, с. 637).

Ревизия 1762 г. выявила некоторое сокращение численности прибайкальских эвенков по сравнению с концом XVII в. Всего в регионе их оказалось 1632 человека мужского пола (*Кабузан, Троицкий*, 1966, с. 28—30). т. е. приблизительно 3260 человек обоего пола. Это на 10% меньше цифры, указанной нами в первом разделе.

Сокращение численности можно связывать с ассимиляцией части прибайкальских эвенков бурятами и русскими, а также с откочевкой отдельных групп в более северные районы, например, в верхнюю часть бассейна Нижней Тунгуски. С тамошними эвенками у прибайкальских существовали весьма тесные связи. В 1786 г. сельский заседатель Киренского нижнего земского суда Иван Востров (по национальности эвенк), направленный для разбора жалоб в Киренско-Хандинскую вол., отмечал, что местные тунгусы бывают на р. Непа (*Шерстобоев*, т. II, с. 615—616) — левом верхнем притоке Нижней Тунгуски.

По Уставу «Об управлении инородцев» (1822 г.) ясачные волости прибайкальских эвенков были преобразованы в инородческие

управы. Было сформировано четыре управы, приписанных к селениям русских крестьян: Очеульская (сел. Качуг), Тутурская (сел. Верховенск), Киренско-Хандинская (сел. Усть-Кут) и Нижнеилимская (сел. Нижнеилимское) (ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 47, л. 13—14 об.).

Расположение указанных управ преимущественно в восточной части таежного субрегиона Прибайкалья ясно указывает на то, что большинство местных эвенков, еще сохранивших родной язык и традиционную культуру, тяготело к бассейну верхней Лены, а не Илима. В 1823—1824 гг. эвенки Очеульской управы составляли семь «стсийбищ», в которых проживало 297 человек мужского пола и 279 человек женского пола с 240 оленями. Стойбища были объединены в четыре «родовых управления» — Тыркинское, Карамское, Иликтинское и Ленское (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 28; ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 42 об. — 45). Названия этих родовых управлений образованы не от этнонимов, а от топонимов, что указывает на далеко зашедший процесс разложения родового быта. Видимо, не случайно, что позднее, в 40-х годах XIX в., выражение «родовое управление» было заменено термином «десяток» (ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 24, л. 6—8 об.).

Администрация управы состояла из главного начальника (шуленги) и подчиненных ему начальников (старшин) отдельных родовых управлений, или десятков. Первым шуленгой Очеульской управы был эвенк Иван Балаганчин (Там же, д. 1, л. 82).

Вскоре после организации Очеульской и Тутурской управ они были, по-видимому, объединены в одну Тутуро-Очеульскую. Население объединенной управы состояло в 1851 г. из 773 человек обоего пола (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 227, л. 9). Однако в 80-х годах обе управы (или «ведомства») снова упоминаются раздельно. Скорее всего, объединение ограничивалось содержанием одного писаря и наймом общего служебного помещения.

В «кинородческих» управах, существовавших у эвенков таежного субрегиона на середину 1880-х годов, числилось 1236 человек (ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 47, л. 13 об. — 42 об.). Сравнивая эту цифру с цифрой, относящейся к 60-м годам XVIII в., мы видим, что за истекшие 120 лет произошло новое, весьма значительное сокращение численности прибайкальских эвенков. Причинами указанного явления были, на наш взгляд, как и прежде, ассимиляция и миграция их в более северные районы. Ассимиляции в основном подвергались тутуро-очеульские и нижнеилимские эвенки, а на север мигрировали киренско-хандинские.

В течение всего XIX в. эвенки таежного субрегиона последовательно теряли оленей, обзаводились домашним скотом и переходили к полuosедлой и оседлой жизни. Наиболее благоприятные условия для развития сельского хозяйства существовали у эвенков Нижнеилимской управы. В 1824 г. нижнеилимские эвенки насчитывали 181 человек мужского пола; у них имелось 1756 оленей. Часть этих эвенков в то время еще вела традиционный образ жизни, но часть уже, несомненно, осела. На это указывает наличие у них 10

десяти пашенной земли (АВГО, разр 55, оп. 1, д. 74, л. 9 об.). В начале 1860-х годов у нижнеилимских эвенков существовало четыре «участка», один из которых включал «бродячих», т. е. охотников-оленоводов (их было всего 18 человек), а три остальных — полуседлое и оседлое население (ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 11, л. 2—16 об.) Об этих «бродячих» сообщалось, что охота и рыболовство обеспечивают их в недостаточной степени, и они «большею частью задалживаются у крестьян и других сословий людей». На одну «юрту» этих эвенков приходилось всего по 6 оленей «с подростками» (ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 7, л. 41 об.— 42 об.).

Оседлые нижнеилимские эвенки экономически жили лучше: на одно их хозяйство, состоявшее в среднем из 4 человек, приходилось по две лошади и по пять голов другого скота (Там же). Многие к тому времени перечислились в сословие крестьян: таковых в Нижнеилимской управе в 1865 г. числилось 138 человек (Там же, л. 17 об.— 18). Подобные перечисления совершались и в более поздний период. Так, в 1882 г. Нижнеилимская управа выдала увольнение «оседлому инородцу» М. Ф. Березовскому, изъявившему желание перейти «в крестьяне» Верхнеилимского общества Нижнеилимской вол. (ГАИО, ф. 461, оп. 1, д. 14, л. 2) В конце XIX в. многие илимские эвенки, жившие в русских селениях, говорили «лишь по-русски» (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 182).

В том же направлении, хотя и с определенным отставанием, происходило развитие эвенков района верхней Лены. Лошадей и коров эти эвенки приобретали у бурят и русских. В 1845 г. тутуро-очеульские эвенки имели всего 35 лошадей и 9 коров, а в 1864 г. — уже 127 и 33. Поголовье оленей у них за тот же период сократилось с 323 голов до 270 (ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 20, л. 10; д. 39, л. 24).

В одной из своих неопубликованных работ проф. Б. Э. Петри писал, что первым из тутуро-очеульских эвенков обзавелся скотом житель Верхнетутурского стойбища Тахал, «от которого считается пять колен» (до 1920-х годов). Однако еще раньше тутурские эвенки позаимствовали у бурят коневодство (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 317, л. 87)³. О том, как это конкретно могло происходить, рассказывает в своей статье тутурский эвенк Х. Дорофеев: «Одним тунгусом, Чертовских Иваном, был взят калым лошадьми, от этого и другие начали заводить лошадей» (Дорофеев, с. 33).

Уже к 1875 г. эвенки Тутурского ведомства располагали таким количеством домашнего скота, что это потребовало делажа покосов между ними и соседними русскими. В конечном счете эвенкам «пришлось покупать свои бывшие участки у бурят» (Там же, с. 34).

В конце XIX в. некоторые тутуро-очеульские тунгусы начали заниматься земледелием. Судя по Дорофееву, первым заведшим пашню тунгусом был Кирилл со стойбища Кичигир. Его начинание относится к 1882 г., но после его смерти хлебопашество на этом стойбище прекратилось. Кичигирские тунгусы все же предпочитали заниматься охотой и рыболовством (Там же, с. 33).

Обзаведение скотом, а тем более пашней, способствовало осе-

данию верхнеленских эвенков. По сообщению Дорофеева, первое строительство избушек тунгусами Тутурского и Ковылейского стойбищ относится к 1875 г. Тунгусы Чиканского стойбища начали оседать в начале XX в. В 1908 г. они построили пять избушек (Там же). Чум они стали использовать преимущественно как промысловое жилище.

Оседая, тутуро-очеульские тунгусы все чаще практиковали промысел с использованием плашек и капканов. Некоторые охотники устанавливали в течение охотничьего сезона от 500 до 1000 плашек на белку. Добыча диких копытных и волков велась ими с помощью «глубоких ям». Стрельбу из винтовок они вели с сошек (Кларк, 1864, с. 90—92).

Менялась и одежда тутуро-очеульских тунгусов. Наряду с традиционными «лосинными шароварами» они носили рубашки из дабы или китайки, короткие кафтаны из крестьянского темно-коричневого сукна, русские шапки и картузы (Там же).

Из дел Очеульской инородческой управы видно, что вплоть до второй половины прошлого века среди ее жителей было много «язычников». В 1824 г. крещеных насчитывалось всего 18 человек. Активное приобщение очеульцев к христианству было предпринято в начале второй половины века усилиями священников Бирюльской Покровской церкви. Именно в этот период многие тутуро-очеульские эвенки сменили свои прежние эвенкийские имена на русские, православные (ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 45; д. 20, л. 3 об.; д. 79, л. 44—46; д. 86, л. 3).

В первой половине XIX в. наше внимание привлекают дела о сдаче киренско-хандинскими эвенками своих угодий в арсенду крестьянам. Так, в 1842 г. тунгус Усольского десятка В. С. Ванчуков заключил с крестьянином сел. Уфимцево Нижнеилимской вол. С. Л. Моисеевым «акт» о передаче ему сроком на 10 лет части своих угодий. За это крестьянин обязывался уплатить тунгусу 100 р. Из дела видно, что, получив указанную сумму вперед и дополнительно заняв у крестьянина 26 р., тунгус через восемь лет отказался от договора, но, поскольку он не имел денег для уплаты крестьянину неустойки и долга, последний обратился к киренскому земскому исправнику с просьбой разрешить ему продолжать охотничий промысел на угодьях тунгуса (ГАИО, ф. 150, оп. 1, д. 22, л. 13 об.). Вероятно, благодаря таким актам часть охотничьих угодий киренско-хандинских эвенков постоянно находилась в распоряжении пришлого населения.

В сводке о населении Киренско-Хандинской управы за 1865 г. отмечается, что все оно крещеное, живет в «юртах», домов не имеет, земледелием не занимается, имеет 675 оленей и 10 лошадей (ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 187, л. 410 об.—411).

В лесостепном субрегионе на левобережье верхней Ангары во второй половине XIX в. оставалось уже очень мало эвенков. Часть их принадлежала к Балаганскому, а часть — к Иркутскому округам Иркутской губ. Балаганские эвенки, составляющие Малобельский улус⁴, характеризовались как сильно обурьяченные. Из них

только двое или трое в конце XIX в. помнили родной язык; остальные говорили либо по-бурятски, либо по-русски; женами большинства из них были бурятки (Патканов, 1906, ч. I, вып. I, с. 181—182).

Эвенки Иркутского округа составляли, по выражению С. К. Патканова, «примесь» к бурятам Кудинского ведомства и, кроме того, образовывали самостоятельный улус — Верхнекетский⁵. Они жили между правобережьем Куды (правый приток Ангары) и юго-западным побережьем Байкала.

Всего на территории региона перепись 1897 г. учла 1483 тунгуса. Все они входили в Иркутскую губ. По отдельным округам и «ведомствам» указанное число распределялось следующим образом (см. табл.)⁶.

Округ	Ведомство	Численность (чел.)
Верхоленский	Тутурское	167
	Очеульское	401
	Прочие тунгусы	45
Киренгский	Киренгско-Хандинское	334
	Нижнеилимское	258
	Прочие тунгусы	100 ⁷
Иркутский	Кудинское	78
	Верхнекетский улус	48
	Прочие тунгусы	8 ⁸
Балаганский	Малобельский улус	44
Всего		1483

Из таблицы следует, что численность эвенков лесостепного субрегиона в конце XIX в. не превышала 178 человек. Это означает, что за истекшие два столетия абсолютное большинство местных эвенков-скотоводов либо обурятилось, либо, подобно представителям родов Заектаева, Тыртеевского и Цингидинова, перешло на жительство в более восточные районы. Эти переселенцы, хотя и считались официально тунгусами, тоже фактически слились с бурятами.

Из таблицы, далее, следует, что в таежном субрегионе в конце XIX в. проживало 1305 эвенков, большинство которых являлось обитателями северо-восточной части Прибайкалья. Илимские эвенки составляли весьма скромную часть этого населения, причем их отнесение к тунгусам тоже до некоторой степени было формальным. По данным Иркутского Комитета Севера, в 1920-х годах среди жителей Ангары и Илима встречались только отдельные семьи обруселых эвенков, занимавшихся сельским хозяйством (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 117, л. 72). Остальные, видимо, уже считались русскими или бурятами.

Побывавший на Илеме в середине 1920-х годов Я. Н. Ходукин нашел там одно-единственное селение местных эвенков — д. Ясач-

ная на р. Коченга, в 17 км от ее впадения в Илим. Там насчитывалось 16 хозяйств оседлых эвенков (*Ходукин*, с. 15).

Хозяйство эвенков д. Ясачная Ходукин характеризовал следующими словами: «Немного пашни, скота в меру возможности, охота и совсем немного — рыболовство». Земледелие, сопряженное с тяжелым трудом, было развито слабо и велось на низком уровне. Пахотным орудием служила соха-рогалюха, разравнивание земли производилось деревянной бороной. В среднем на хозяйство приходилось 1,7 десятины пашни. Эвенки сеяли яровую и озимую рожь, пшеницу и коноплю, выращивали на огородах картофель, лук и табак. У 16 хозяйств имелось 53 лошади, 54 головы крупного рогатого скота, 33 овцы, 52 курицы. Подспорьем служил сбор кедровых орехов и ягод (Там же, с. 16—24).

Эвенки д. Ясачной носили одежду русского типа, справляли православные праздники и говорили только по-русски. Единственным написанием об их тунгусском прошлом были сохранившиеся у некоторых из них берестяные лодки (Там же, с. 23—27). Позднее эта группа эвенков окончательно слилась с русскими.

Распределение эвенков восточной части таежного субрегиона по территориальным группировкам имело в 1926—1927 гг. следующий вид (см. таблицу)⁹.

Группировка	Численность				
	семей	человек	оленьев	лошадей	коров
Хандинско-Орлингская	16	104	—	23	9
Карамская	25	127	—	50	25
Верхнеленская	38	140	169	31	30
Верхнекиренгская	20	80	66	28	18
Верхнеленская	20	75	212	20	8
Байкальская	25	92	—	50	60—70
Всего	144	618	447	182	150—170

Новое сильное сокращение численности таежных прибайкальских эвенков можно объяснять двумя основными причинами. Во-первых, злключениями, испытанными ими за годы гражданской войны. Это побудило определенную часть эвенков переселиться в верховья Нижней Тунгуски. Во-вторых, упразднением после установления советской власти инородческих управ и деления местного населения на ясачных (тунгусы) и неясачных (крестьяне). Это способствовало тому, что часть обруселых эвенков стала причислять себя к русским, а часть обуряченных эвенков — к бурятам.

Эвенки первой из вышеуказанных группировок жили между верхней Леной и Киренгой, образуя «выселки» Аикта, Кисла¹⁰, Хандинский, Динткан и Икагия. Все они были оседлыми и представляли собой сильно обруселое население (*Долгих*, 1946, л. 615).

Эвенки Карамской группировки проживали преимущественно в деревнях Туколонь, Горбиткан и выселках Конец-Луг и Такамо-

кит в верховьях Киренги. По мнению Б. О. Долгих, значительная часть местных русских крестьян представляла собой обруселых эвенков. Они также вели оседлый образ жизни (Там же, л. 617—618).

Эвенки Верхнетутурской группировки представляли собой часть прежних тугуро-очульских тунгусов. Им принадлежали выселки Верхнетутурский, Ковылей, Чикан, Кичигир. Почти половина их вела полуоседлый образ жизни, проводя лето на берегах крупных озер Эконор, Беченор и Тутурское (Там же, л. 619—620). В 1928 г. экономическое положение эвенков этой группировки характеризовалось как тяжелое, и Иркутский Комитет Севера предлагал им переселиться на Нижнюю Тунгуску. Однако эвенки отказались послать туда ходоков, мотивируя это как «экономическими соображениями», так и «родовыми принципами тунгусов» (ГАИО, ф. 2375, оп. 1, д. 3, л. 4; ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 305, л. 13) ¹¹.

В 1929 г. при обсуждении вопроса о дальнейшей жизни тутурских эвенков (где жить, чем заниматься) большинство высказалось за то, чтобы оставаться на луговых низинах Тутуры, где возможно развитие скотоводства. Представитель соседних илгинских эвенков Петр Дорофеев объяснил этот выбор так: «Мы, илгинцы, с оленями не умеем обращаться. Мы уже давно скотоводы, нам нужны луга для покосов и выгона». Данное обстоятельство определило выбор места для строительства Тутурской культбазы Комитета Севера (ГАИО, ф. 2375, оп. 1, д. 3, л. 10—10 об.).

Эвенки Верхнекиренгской группировки жили в северо-восточной части Качугского р-на в выселках Шевыкан, Тырка, Куруля, Чинанга. Большинство их зимовало на стойбище Мурин ¹², расположенном на берегу Киренги, а летовало на берегах оз. Нириткан. Преобладающим населением названных выселков были буряты и русские (Долгих, 1946, л. 622—623). Видимо, под влиянием последних тыркинские эвенки перешли около 1920 г. к земледелию, начав выращивать озимую рожь, яровую пшеницу, овес, ячмень, коноплю и картофель (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 6, л. 61).

Эвенки Верхнеленской группировки занимали истоки Лены, оседая в селениях Дудовка и Чанчур, где, кроме них, жили и русские. Несмотря на заметную обруселость, местные эвенки вели полукошачевой образ жизни, что определялось наличием у них довольно большого по местным масштабам поголовья оленей (Долгих, 1946, л. 624).

Эвенки Байкальской группировки в значительной степени соответствовали тунгусам Иркутского округа 1897 г. В 1926—1927 гг. они жили в улусах Зоги, Загота и выселке Кочергат. Эвенки бывшего Верхнекетского улуса ¹³ входили в Сойгутский сельсовет Усть-Ордынского национального округа бурят и насчитывали всего 4 семьи (19 человек). Остальное население улуса, считавшееся русским (14 семей, 46 человек), представляло собой обруселых эвенков (Там же, л. 626).

Стойбища и выселки верхнеленских эвенков представляли собой мелкие деревушки с населением от 6 до 13 семей. В этих дере-

вушках эвенки жили в избах русского типа, мылись в русских банях. Непременной принадлежностью тунгусской избы была глинобитная печь, расположенная справа от входа (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 6, л. 54; *Копылов*, с. 18).

Интересны некоторые детали, характеризующие состояние отдельных сторон быта прибайкальских эвенков в 1920-х годах. В тайгу на охоту они выезжали либо на оленях, либо на лошадях. Последних затем специальные люди отводили обратно. Разбив «табор», охотники отправлялись на промысел с ланягой¹⁴ за плечами. После выпадения глубокого снега они становились на лыжи, подклеенные конским камусом¹⁵. На промысле пользовались традиционным чумом, который старались крыть брезентом. В мировоззрении эвенков сохранялись элементы анимизма и промыслового культа, однако шаманство уже забывалось: последний «настоящий шаман» умер в начале второй половины XIX в. (*Петри*, 1930, с. 31, 36, 38, 62, 75, 78).

Относительно высокая общая культура эвенков восточной части таежного субрегиона проявлялась в их тяге к овладению русской грамотой. Еще до революции 1917 г. ленско—киренгские эвенки «отдавали своих детей в русские школы или нанимали частных учителей» (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 6, л. 73 об.).

Б. Э. Петри обратил внимание на «заметные следы метисации» прибайкальских эвенков с русскими. Метисы, по его словам, были «более крепкие, более рослые и тяжелые по весу, энергичные и более способные к восприятию новой культуры» (*Петри*, 1930, с. 18). Правильнее, конечно, говорить о метисации эвенков восточного Прибайкалья как с русскими, так и с бурятами. Метисов там обыкновенно называли «ясачными» (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 6, л. 52 об.—53).

Указанные изменения в физическом типе были причиной того, что верховая езда на оленях мало практиковалась эвенками таежного Прибайкалья в начале XX в. «Взрослые никогда не ездят на оленях, так как последние не могут поднять.... взрослого человека», — отмечал Н. П. Копылов (с. 34). Охотовед Н. И. Коротин писал: «Дети, подростки едут на оленях, иногда садятся и женщины, но вообще тунгусы неохотно садятся на оленей, а мужчины совершенно не ездят на оленях верхом». Имея в виду слабосильность местного оленя, тунгусы говорили Коротину: «Лишь бы харч и припасы вез [олень], а мы пешком дойдем» (ПМ, 1963, № 1, л. 7 об.)¹⁶.

Эвенк обычно шел в стороне от оленьего аргиша и охотился. «Связку» оленей, навьюченных домашним скарбом, вела хозяйка. По мере надобности она и другие члены семьи садились на оленей, но в этом случае пользовались вьючным седлом, либо вообще обходились без седла, так как верховых седел у верхнеленских эвенков в 1920-х годах уже не было.

Говоря о сокращении оленеводства у эвенков восточной части северного субрегиона Прибайкалья в XIX — начале XX в., нужно иметь в виду не одни только внешние факторы. Некоторые эвенки сами освободились от оленей как от обузы, мешавшей им зани-

маться более рациональным скотоводством. Жители стойбища Кичигир еще «три поколения назад» (т. е. около середины прошлого века) «ликвидировали своих оленей, а остатки передали ковылейским», — сообщал Б. Э. Петри. «Ликвидаторское отношение к оленеводству», выражали, по его словам, и тутурские эвенки, которые объясняли это следующим образом: «Пойдешь за оленем — попустишься скотом; за скотом пойдешь — попустишься оленем» Некоторые эвенки пытались сочетать оленеводство и скотоводство, выделяя для пастбы оленей «коллективного пастуха» (Петри, 1930, с. 9, 25, 27—28).

Для скота у местных эвенков существовали бурятские термины. Способы содержания скота в зимних условиях тоже были бурятские; скот только на ночь укрывали в неотапливаемых хлевах — «стайках». Сено эвенки, подобно бурятам, накашивали на удобренных полыми водами лугах — «утугах». Это указывает на то, что главными учителями эвенков по части скотоводства были буряты, а может быть, и монголы (Там же, с. 75, 93).

2

Этносоциальная структура прибайкальских эвенков

Данный раздел мы посвящаем рассмотрению эвенкийских родов, волостей и улусов Прибайкалья. Для удобства изложения мы разделяем их на две группы: в первую войдут те, которые упоминались в XVII—XVIII вв., а во вторую — те, которые были выявлены лишь в 1920-х годах и позднее. Таким образом, в первом подразделе будут рассмотрены следующие группы: XVII в.: Борондоев, Загачины, Засктаев, Камчагир, Каранут, Кармагир, Кочемар, Кумкагир, Ладагир, Мунгули, Мурмугир, Налягир, Тыртеевский, Халхакчин, Челкогир, Цингидинов, Чючинигир, Шамагир. Роды Зучеурский, Каркагирский, Херкеевский, Чербагуевский, Чюрмагирский и Шугукагирский будут рассмотрены в конце подраздела. Улусы Ершевский, Зонокаев, Кобулюков, Керкин, Нагатаев, а также роды Куркунеев и Молзаевский мы исключаем из рассмотрения. С одной стороны, нам о них почти ничего не известно, а с другой, они, судя по названиям, представляли собой не отдельные роды, а группы большесемейного или патронимического характера. Впрочем, о Куркунееве роде мы будем говорить в главе 3 в связи с историей рода Куркагир у эвенков Подкаменной Тунгуски.

Итак, начинаем наш обзор с Борондоева рода. Этот род образовался, по-видимому, как патронимия в составе рода Каранут. Во главе этой патронимии стоял тунгус Мёлка Борондой (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 1422, ч. 3, л. 503). В 1691 г. в Борондоевском роде числилось всего 4 ясачных плательщика, включая подростка (СДИБ, с. 414). К середине XVIII в. борондоевцы, вероятно, обурятились и стали именоваться бурятами Борондоевского рода. По ясачной ревизии 1762 г., у них насчитывалось 89 человек мужско-

го пола (*Кабузан, Троицкий, 1966, с. 27*), т. е. всего около 180 человек.

Загачины в 1693 г. насчитывали 9, а в 1700 г. — 24 ясачных плательщика. Б. О. Долгих полагал, что они составляли либо самостоятельный род, либо территориальную группу эвенков-конево-дов. Очевидно, в 1682 г. Загачины были объединены в одну платежную группу с «мунгальскими выходцами» (*Долгих, 1960, с. 295, 302—303*). С начала XVIII в. известия о загачинах прекращаются. Долгих считал, что они, как и другие иркутские тунгусы, вошли в состав Заектаева рода (Там же, с. 303). Но это только предположе-ние.

В 80-х годах прошлого столетия у эвенков-скотоводов Урульгин-ской инородческой управы в Южном Забайкалье существовала д. Цагакчинская с населением в 17 человек (ГАЧО, ф. 1, оп. 3. д. 2172, л. 96 об.). Данный факт может указывать на переселение ан-гарских загачинов на восток от Байкала. Отметим, что там же то-гда упоминалась и д. Илимская, видимо, основанная какими-то вы-ходцами с Илима.

В Северо-Западной Монголии в конце XIX в. существовал хо-шун Цзахачин, расположенный по обе стороны Алтайского хреб-та. Жители хошуна, заселявшие долину р. Дзерге, называли себя олётами и указывали в своем составе представителей «костей» Буконют, Киргис и Шангыс (Чингис). По мнению Г. Н. Потанина, название упомянутого хошуна образовано от монгольского *цза-хэ* — «граница», а сам он был «составлен из смеси разных олёт-ских хошунов» (*Потанин, с. 42*). Олётами в XIX в. называли часть западных монголов, в которых следует видеть монголизированных тюрков-ойратов, ответвлением которых считаются забайкальские баргуты и туматы (*Абулгачи, с. 156—157*).

Мы полагаем возможным видеть в загачинах монголизирован-ную группу эвенков из забайкальского рода Улят, имеющего, по нашему мнению, то же происхождение, что и олёты Монголии. Местность, в которой жили ангарские загачины XVII в., входила в орбиту эвенков-улятов, о которых было известно, что они «для промыслу ясака ходят по Тункинской и Олекминской вершинам и лесным покатым» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 92).

Заектаев род ведет свое начало от эвенка Заектай, который жил, как можно думать, среди бурят Тункинского острога. Он умер в 1685 г. (*Долгих, 1960, с. 303*). Есть основания думать, что по своему происхождению Заектай являлся членом рода Кумка-гир (см ниже). К Иркутскому острогу эвенки Заектаева рода бы-ли приписаны, по-видимому, около 1681 г., когда у них насчиты-валось 36 ясачных плательщиков. Но часть их, судя по всему, про-должала числиться при Тункинском остроге, ибо там в начале 90-х годов XVII в. упоминалось 10 ясачных плательщиков Заек-таева рода (СДИБ, с. 379). Все заектаевцы были в XVII в. ското-водами (Там же, с. 414—415).

В первой половине XVIII в., как уже говорилось, заектаевцы перешли на жительство в район Култукского зимовья, где у них

в 1735 г. указывались две группы численностью в 53 и 18 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 26), т. е. суммарно около 350 человек всего населения. На рубеже XVIII—XIX вв. заектаевцы были переселены на р. Джиду — левый приток Селенги, для несения караульной службы на русско-китайской границе (Туголуков, 1975, с. 81). Там, живя в окружении бурят и русских, они к началу XX в. обурятались и обрусели (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 148—149; вып. 2, с. 142, 164, 167, 190).

Эвенки рода Икогир составляли население Усть-Киренской и Хандинской волостей в бассейне Киренги. В 1657 г. они насчитывали 55 ясачных плательщиков, включая группу из 16 ясачных плательщиков во главе с Доргеем Немтюгиным, которая особым списком была подверстана к списку икогиров Хандинской вол. Б. О. Долгих, на наш взгляд, неправомерно, отождествлял эту группу с шамагирами, которые в 1639 г. ушли с Илима на Киренгу (Долгих, 1960, с. 279—281). Я. И. Линденау в описании своего путешествия из Якутска в Иркутск (1745 г.) называл у киренских тунгусов род Хойкагир (ЦГАДА, ф. 199, д. 511, ч. 1. № 7, л. 8).

Материалы Киренско-Хандинской (или просто Хандинской) управы за 1838—1852 гг. содержат многочисленные упоминания об эвенках Немтушкиных (Емтушкиных), фамилия которых, без сомнения, образована от имени Немтюга, принадлежавшего отцу вышеназванного Доргея Немтюгина. Старостой управы в 1852 г. был Василий Емтушкин (ГАИО, ф. 150, оп. 1, д. 22, л. 2). В настоящее время потомки прибайкальских икогиров, или хайкогиров, в том числе и Немтушкины, живут в южной части Катангского р-на Иркутской обл. на Нижней Тунгуске. Они называют свой род Хайкоир или Хайкаир (ПМ, 1966, №2, л. 140, 140 об.).

Вероятно, произношение самими эвенками названия интересующего нас рода было не всегда одинаковым, что нашло отражение в существующих русских транскрипциях. Транскрипцию Икогир можно объяснить от эвенкийского *ико* — «железо» (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 43, л. 1)¹⁷ или *икэ*, имеющего ряд значений, в том числе — «котел» (ТМС, т. 1, с. 301). Варианты Хайкогир и Хойкагир не поддаются удовлетворительному объяснению. Можно указать также на созвучные эвенкийские этнонимы Агинкагир и Йокогир. Первый из этих двух этнонимов этимологизируется от эвенкийского *агинкан* — «лесной» или «волк» (Там же, с. 13)¹⁸. Ряд транскрипций данного этнонима близок к транскрипции «Икагир». Этноним Йокогир образован от основы *йоко* — «якут». Аналогичный род, а также род с почти тождественным названием Йококогир были зафиксированы в XVII в. у забайкальских эвенков. В связи с этим мы в данном случае отдаем предпочтение этнониму Йокогир. Вероятно, именно такое название носил род, обозначенный в источниках как Икогир и Хайкогир (Хойкагир).

Род Камчагир к приходу русских дислоцировался между верховьями Лены и юго-западным побережьем Байкала. В 1620-х годах «землица» Камчаги упоминалась среди других ленских «конных» землиц (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 498). Но, вероятно,

среди камчагиров были и оленеводы. Нялягирский князец Можеул говорил в 1640 г. о камчагирах как о большом роде: «Живут-де по Иголикте-реке и по Ленской вершине неясачные тунгусы камчагири, человек с 300, а Ленская-де вершина от Иголики недалеко» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 55; ДАИ, т. II, с. 247; СДИБ, с. 36). Первый ясак с камчагиров был взят около 1632 г. (МИЯ, с. 1070). Позднее они были приписаны к Верхоленскому острогу. По данным Б. О. Долгих, их численность в 1657 г. достигала 50 ясачных плательщиков, в 1681 г. — 90 и в 1701 г. — 130 ясачных плательщиков (1960, с. 284). Вероятно, камчагиры лишь постепенно вовлекались в платеж ясака, что, может быть, было связано с их уходом в другие районы и возвращением оттуда.

Во второй половине XVIII в. камчагиры исчезают из ясачной документации Прибайкалья. Одно из последних упоминаний о роде Камчагир относится к 1735 г., когда он указывался в составе Очеульской вол. (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 509, № 1, л. 11). Поэтому естественно предполагать, что около середины XVIII в. камчагиры распались на ряд кровнородственных подразделений, приписанных к различным волостям верхнеленских тунгусов, по главным образом — к Очеульской. Вместе с тем не подлежит сомнению, что часть камчагиров мигрировала из Прибайкалья на восток и на север. Об уходе камчагиров-скотоводов на восточное побережье Байкала было известно еще в 1670-х годах (Долгих, 1960, с. 284). Об уходе по крайней мере двух групп камчагиров-оленьеводов в верховья Нижней Тунгуски мы судим по наличию там в 1920-х годах эвенкийских родов Чамкаир и Кумчул (Кунчуллар): в этих названиях мы усматриваем искаженный этноним Камчагир (см. главу 4).

Из тунгусских языков этноним Камчагир не объясняется. Маньчжурское *камчи* — «присоединять», *камчиган* — «приписной селянин». Созвучные термины с тем же значением имеются и в монгольском языке (ТМС. I. с. 371), поэтому мы склонны приписывать камчагирам монгольское или бурятское происхождение.

Род Каранут (Каранот, Харанут), как помнит читатель, в XVII в. упоминался на Уде (Чуне) и на Ангаре, в районе Балаганского острога. Численность тунгусоязычных каранутов в последней трети XVII в. не превышала 30 ясачных плательщиков, т. е. 150 человек всего населения. Надо, однако, иметь в виду, что около 1685 г. часть каранутов ушла кочевать в Монголию, откуда вернулась только в первой трети XVIII в. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 973, л. 223, 224; Долгих, 1960, с. 316).

Много каранутов в то время входило в состав бурят, среди которых они были обыкновенно известны под названием шаранутов. В конечном счете сближение каранутов с бурятами привело к тому, что они вообще перестали упоминаться среди тунгусов. Ясачные ревизии второй половины XVIII в. зафиксировали в Прибайкалье три ясачных группы каранутов в составе бурят: «Харанутский» род, а также 1-й и 2-й Каранутские (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 27—28). Позднее, однако, часть каранутов снова стала

считаться тунгусами. По переписи 1897 г., тунгусы Каранутского рода были обнаружены в Кудинском ведомстве Иркутского округа (бассейн р. Голоусной, впадающей в Байкал) — 65 человек, а тунгусы «Хоронуцкого» рода — в Онгошонской управе Урульгинской степной думы (к востоку от Байкала) — 47 человек. С. К. Патканов писал об этих каранутах («хоронутах»), что, хотя они и говорят по-бурятски, но, «без сомнения, настоящие тунгусы... еще сохранившие память о своем тунгусском происхождении» (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 97, 131, 138).

Фактически карануты имели тюркское происхождение. В одном из источников XVII в. сказано, что ийские «корчюны» (баргуты) «словут Караноты» (Токарев, 1939, с. 115). В бурятских преданиях часть бурят, и в том числе род Харанут, рисуются происходящими от некоего Барго-батара, жившего «в местности Баргузин у подошвы горы Бархан» (Сказания бурят, с. 93). Имя Барго и гидроним Баргузин достаточно ясно указывают на баргутов. По Абулгачи, предком рода Каранут был человек по имени Бучджюдай — из потомков Каяна, сына татарского Илл-хана. У Бучджюдая было двое сыновей, в том числе старший — Каранут, от которого «поколение Каранутов произошло» (Абулгачи, с. 179). Приход на верхнюю Ангарау большой массы монголов в XIII в., видимо, побудил небольшую группу каранутов мигрировать оттуда на север. Вероятными потомками этих переселенцев были тунгусы «Каратунского» рода, упоминавшиеся в 1645 г. на р. Оленек (см. главу 5).

Род Кармагир («Кармазин») состоял к приходу русских из двух локальных групп, дислоцированных между реками Уда (Чуна) и Ия. Общая численность этих двух групп составляла во второй половине XVII в. около 40 ясачных плательщиков (см. раздел 1). Название данного рода нам не встречается в других регионах Сибири. Прибайкальские кармагиры в конце XVII в. исчезают из ясачной документации. Вероятнее всего, они влились в состав местных бурят. Б. О. Долгих усматривал в основе этнонима Кармагир эвенкийское *кэр* — «луг» и трактовал кармагиров как «еланный род» (1960, с. 212). Более реалистично, по-видимому, производство этнонима от маньчжурского *кэрмэ*, обозначающего какую-то *рыбу*, или от нанайского *кэрмэ*, *кэрмэкэ* — «отломанный» (ТМС, т. I, с. 453). Последнее значение позволяет рассматривать кармагиров как обломок какого-то более крупного рода у эвенков. Нельзя не обратить внимания и на маньчжурский термин *кармази* — «криводушный» (Там же, с. 382).

Род Кочемар обитал в том же районе и тоже делился на две локальные группы, суммарная численность которых не превышала 55 ясачных плательщиков. Этноним Кочемар Б. О. Долгих, на наш взгляд, вполне обоснованно производил от эвенкийского *кочо* — «излучина реки» (Долгих, 1960, с. 212). Характер этнонима может указывать на то, что кочемары были скорее оседлыми рыболовами, чем скотоводами. К какому кровному роду они принадлежали — не ясно. В течение XVIII в. — первой половины XIX в. коче-

мары, по-видимому, сблизилась со своими соседями тофаларами. В «Ведомости о числе инородцев, обитающих в Иркутской губернии (1824), Кочемарский улус — 9 человек мужского пола — показан в составе «карагасов» (Долгих, 1946, л. 738), как тогда называли тофаларов.

Род Кумкагир занимал юго-западное побережье Байкала, а также самое верхнее течение Ангары и некоторые правые притоки верхней Лены (СДИБ, с. 36). Хотя в росписи тунгусских земель на Лене кумкаги показаны как земля оленная (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 497—498), мы полагаем, что данное определение относилось только к верхнеленским кумкагирам; остальные были, без сомнения, коневодами и скотоводами.

Возможно, что к кумкагирам относилось и название «точали», имеющееся в росписи притоков Лены вверх от Куты (1640—1641 гг.). Оно встречается в следующем контексте: от «брацких» «в правую сторону по Байкалу к Енисейской вершине живут люди Точали скотные» (ДАИ, т. II, с. 248). В транскрипции «точали» можно видеть эвенкийское *тэгол* или *тээл* — «иноплеменники», «чужеродцы» (ТМС, т. 2, с. 226). Такое название могли дать кумкагирам верхнеленские эвенки — налягиры или челкогиры¹⁹.

Б. О. Долгих отмечает какую-то путаницу с верхнеленскими (куленгскими) кумкагирами, которые как будто в действительности являлись налягирами (Долгих, 1960, с. 301). Может быть, кумкагиры представляли собой бурятизированное ответвление от рода Налягир? На это отчасти указывает тот факт, что кумкагиры стали числиться плательщиками ясака в Иркутском остроге только в самом конце XVII в. Список кумкагиров за 1698 г. содержит преимущественно имена членов Заектаева рода, низовых и подгородных тунгусов, а также «мунгальских выходцев» (Там же, с. 302). Позднее кумкагиры в Прибайкалье не упоминались, что можно связывать с их обурячиванием и раздроблением между указанными платежными группами.

Народная этимология эвенков трактует этноним Кумкагир как производное от *кумкэ* — «вошь». Вместе с тем его можно сопоставлять и с названием «ветви» Кумгаут в составе древнетюркского племени Джалаир (Рашид-Эддин, 1858, с. 33)²⁰.

Род Ладагир, при совмещении его с тунгусским населением Усольской вол., насчитывал между 1657 и 1701 гг. от 18 до 26 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 281), т. е. всего около 100 человек. Ладагиры занимали оба берега Лены к югу и к северу от устья Куты. На правобережье Лены их территория доходила до устья Орленги (СДИБ, с. 34—35; ДАИ, т. II, с. 246). Этноним Ладагир мы склонны рассматривать как фонетический вариант хорошо известного к востоку от Лены тунгусского этнонима Лалигир (Лалагир). Справедливость подобного отождествления подтверждает роспись земель на верхней Лене, называющая среди прочих земель Лалигилли (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 498).

Произношение эвенками этнонима Лалигир как Ладагир было характерно не только для Прибайкалья. В одном из документов

1642 г., относившемся к зейско-амурским даурам («Пегая орда»), отмечается, что их время от времени посещают тунгусы-ладагиры (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1. д. 31, л. 125). В том, что тут имелись в виду, лалигиры, не может быть никакого сомнения. Обращает на себя внимание имя Лалага, принадлежавшее в 1654 г. одному из «лучших» бурятских князцов в районе Балаганского острога (СДИБ, с. 200). Учитывая тесные межэтнические контакты местных бурят и эвенков, легко допустить, что оно отражало первоначальный этноним Лалигир.

Похоже на то, что современные обруселые эвенки Качугского р-на переделали этноним XVII в. Ладагир в Долодыр. О своем предке по имени Долодыр нам говорил тутурский эвенк И. В. Лобов (ПМ, 1963, №1, л. 86 об.).

Этноним Мунгули, как мы помним, служил названием тунгусской волости на Ангаре. Б. О. Долгих отказывался объяснить это название (1960, с. 208). На наш взгляд, оно образовано от этнонима монгол и служит подтверждением давних связей ангарских эвенков с монголами. Потомками мунгулей мы считаем род Монго у эвенков верхнего течения Нижней Тунгуски (см. главу 4)

Род Мурмуگیر, отмеченный у ийских тунгусов на левобережье Ангары, в других районах Сибири нам неизвестен. Можно думать, что этноним имеет отношение к гидрониму Мурма; такое название носит один из притоков Усолки (левый приток Тасеевой), на которой в начале XX в. существовала д. Мурма (ГАКК, ф. 217, оп. 2, д. 38, карта Енисейской губ.).

В эвенкийском языке этнониму Мурмуگیر соответствуют термины *мурбу* — «куча», «холм». *мурбука* — «сгрудиться» и, может быть, *мэримэ* — «пестрый» (ТМС, 1, с. 558, 571). Нельзя исключать того, что правильным названием рода было Мэримэگیر и что ко времени ясачной ревизии 1760-х годов его члены переселились на Нижнюю Тунгуску, где были записаны под названием рода Вервеگیر (см. главу 4).

Род Налягир, как уже говорилось, являлся одним из крупнейших в таежном субрегионе Прибайкалья. Основным районом расселения налягиров была горная местность, охватывающая верховья Илим и Лены (ДАИ, т. II, с. 246—247). Верхнеилимская вол. состояла из налягиров, принадлежавших к роду князя Мукини (с 1672 г. — его сына Гришки Мукинина), Усольская — из налягиров, принадлежавших к родам Кинеге, Балея и Звероула, Тутурская — из налягиров, принадлежавших к родам Можеула, Коуеула и Окулнея (Окулни). Упоминались налягиры и в Куленгской вол. (Долгих, 1960, с. 279—280).

Налягиры верхней Лены были, по-видимому, как оленными, так и конными охотниками. Об этом свидетельствует упоминание о тунгусе из рода Налягир, который в 1645 г. привозил ясак в Верхоленский острог: он положил пушнину на дерево возле острога, «а сам на лошади прочь побежал» (ДАИ, т. III, с. 22).

Мы не разделяем уверенности Б. О. Долгих в том, что налягиры образовывали племя. Кроме ладагиров, относительно которых

нет указаний на их возможную принадлежность к налягирам, у последних не остается никаких иных родов, кроме тех, которые обозначались по именам возглавлявших их князцов. По нашему мнению, группы налягиров во главе с Мукиней, Кинегой, Балеем, Звероулом, Можеулом, Конеулом и Окулнеем являлись либо патронимиями, либо большими патриархальными семьями.

Подобно другим родам местных эвенков, налягиры после XVII в. не упоминаются в ясачной документации. Вероятно, большинство их обурятилось и обрусело, а те немногие, что избегли этой участи, мигрировали на север. Записанное Г. М. Василевич от эвенков Подкаменной Тунгуски предание повествует о сражении сонинга Куривуля с похитившим его жену врагом Манги (ИФЭ, с. 332—333). Имя Куривуль напоминает нам о налягирах, у которых почти такое же имя (Курябыль) носил в 1620-х годах один из князцов (Окладников, 1937, с. 34). Похититель Манги, живший «в деревянном доме», имевшей «большие лук и стрелы» и «бока железные» (латы), ассоциируется с монголами.

В аспекте миграции части налягиров из Прибайкалья наше внимание привлекает название озера Нелягир-Мякында и речки Нелягир-Хариалак в районе устья р. Намана — левого притока Лены, ниже устья Олекмы (Крашенинников в Сибири, с. 152—153), а также название речки Налягир — правого притока нижней Лены (Бычков, карта). Расположение указанных гидронимов как бы пунктиром прочерчивает тот путь, который проделали налягиры. В низовьях Лены их следы теряются. Сам этноним Налягир, по своей видимости, образован от эвенкийского *налэ* — «рука» (ТМС, т. 1, с. 656).

Тыртеевский род тунгусов был впервые назван в 1753 г. в числе плательщиков ясака, числившихся при Култукском зимовье. В Тыртеевском роде указывалось 8 ясачных плательщиков, которые платили ясак по одному соболю в год, тогда как числившиеся при том же зимовье тунгусы родов Заектаева и Цингидинова платили по пять соболей (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481 № 7, л. 26). Возможно, что часть ясака тыртеевцы вносили шкурами домашнего скота. Ясачные ревизии 1762 и 1782 гг. учли в этом роде, соответственно, 36 и 46 человек мужского пола. Тогда же при Тункинском остроге учитывался бурятский Тыртеевский род, насчитывавший, соответственно, 379 и 505 человек мужского пола (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 27—28).

Сравнение численности тунгусского и бурятского Тыртеевских родов, а также факт их обитания в одном и том же районе Прибайкалья дают основание предполагать, что оба эти рода имели общее, а именно — тунгусское происхождение, но большая часть тунгусов-тыртеевцев в то время была уже обурячена. На рубеже XVII—XVIII вв. оба Тыртеевских рода были переселены на р. Джида в Южном Забайкалье, где образовали бурятскую Закаменную инородческую управу. Вместе с тем любопытно, что в материалах переписи 1897 г. эти тыртеевцы были названы тунгусами (Патканов, 1906 ч. I, вып. 1, с. 147—150; вып. 2, с. 143).

Род Халзакчин, приписанный в XVIII в. к Братскому острогу, был, по-видимому, невелик. Судя по размеру ясака (10 соболей), взятого в 1624—1625 гг. с предшествовавшей этому роду «Калякшинской землицы», в нем было вряд ли больше двух-трех охотников. В сводки ревизий второй половины XVIII в. этот род не попал — вероятно, он растворился в ангарских бурятах.

Этноним Халзакчин образован, по-видимому, от монгольского *халз* — «прямо спереди» (МРС, с. 503). Исходя из этого, можно предполагать смешанное монголо- или бурято-тунгусское происхождение халзакчинов.

Род Цингидинов впервые упоминается в районе Иркутского острога под названием Цингидинского или Цынгигирского рода в самом конце XVII в. (Долгих, 1960, с. 304). В начале XVIII в. этот род стал числиться при Култукском зимовье, где он делился на две локальные группы, одна из которых в 1735 г. включала 61, а другая — 25 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481. № 7, л. 26), т. е. суммарно около 430 человек всего населения.

Ясачная ревизия 1762 г. учла в «Ценгейдинове» роде 193 ясачных плательщика (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 29). Дальнейшая история этого рода связана с районом р. Джиды. Там, в составе Армакской управы, тунгусы «Цингиндинова» рода в 1897 г. насчитывали 337 чел. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 150; вып. 2, с. 142).

По мнению Б. О. Долгих, название Цингидинов («Цынкигинский», «Цангелинов») — суть искаженная передача этнонима Чючинигир (1960, с. 304). Но, по-видимому, ближе к истине А. С. Шубин, считающий все указанные транскрипции отражением северо-байкальского этнонима Киндигир (Шубин, с. 31).

Ю. Д. Талько-Грынцевич называет в составе рода Цингидинов (у него — «Цанкиндин») «кости» Топорхот и Денгент (Талько-Грынцевич, с. 63), в которых можно усматривать потомков кетоязычного населения Прибайкалья и Приангарья. Название Топорхот напоминает нам о «топорках», представляющих собой контактную тунгусо-асанскую либо тунгусо-кетскую группу (см. главу 2). Название Денгент, по-видимому, восходит к кетскому слову *денг* — «люди», «народ» (ПМ, 1974, № 1, л. 58 об.).

Эвенки рода Чёлкогир в росписи тунгусских земель по Лене (XVII в.) показаны в виде оленной землицы «Чолкаги» после землицы «Кумкаги» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 498). Однако, если исходить из локализации прибайкальских чёлкогиров на юго-западном побережье Байкала, трудно поверить в то, что они были оленеводами, а не скотоводами. В ряде документов первой половины XVII в. чёлкогиры («чалкагиры», «чилкагиры») именовались «ламскими тунгусами». Их численность в начале 1640-х годов достигала 50 ясачных плательщиков (ДАИ, т. II, с. 248; Окладников, 1937, с. 256, 381), т. е. около 250 человек всего населения. Тогда же чёлкогиры-скотоводы упоминались и на восточном побережье Байкала (СДИБ, с. 112), а чёлкогиры-оленеводы — на Охотском побережье и даже в верховьях Индигирки среди юкагиров (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 79; АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 174, л. 89—97)²¹.

Во второй половине XVII в. чёлкогиры перестают упоминаться в Прибайкалье. Большинство их, по-видимому, перешло в регион Южного Забайкалья. Заметим также, что какая-то группа чёлкогиров появилась во второй половине XVIII в. в регионе Нижней Тунгуски, где она именовалась «Солкагорским» родом (см главу 4). Чёлкогир — без сомнения, один из весьма древних тунгусских родов. Основой этнонима баргузинские эвенки-скотоводы считают термин *чёлком* — «орел» (ПМ, 1961, № 2, л. 133), который, вероятно, восходит к эвенкийскому *чолко* — «белый», «седой» (ТМС. с. 2, с. 405).

Род Чючинигир (правильно — Чучинигир) в конце XVII в. состоял приблизительно всего из 65 человек. Позднее он не упоминался, в связи с чем можно думать, что его члены или обурятились, или обрусели. Этноним образован скорее всего от эвенкийского *чучин* — «медь» (ТМС, т. 2, с. 418).

Род Шамагир стал известен русским приблизительно с 1628 г., когда, поднимаясь вверх по Ангаре, они достигли района, предшествующего устью Илима, где в Ангару впадают реки Багдарма (Бадарма), Олева (Полива), Тушама и др. Целый сгусток топонимов, связанных с этнонимом Шамагир, упоминается в «Описании водяного пути от города Иркутска вниз по рекам Ангаре, Тунгуске²² и Енисею до города Енисейска» (около 1735 г.) на отрезке Ангары длиной в 79 верст, который расположен выше устья Илима. Там указываются следующие географические объекты: Шаманский порог, речка Шаманка, Шаманский бык, Нижняя Шаманская деревня и еще одна речка Шаманка (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. 1, № 26, л. 15 обл.—17 об.).

В 1640 г. «В Тунгуске под Брацким порогом» упоминалась «Шаманская волость, а в ней князец Нотуй Когунев». Волость состояла из трех локальных групп, включавших 3, 8 и 14 ясачных плательщиков, общей численностью 25 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 145, ч. 1, л. 199), т. е. около 100 человек всего населения. Эту группу можно считать ангарской. На нижнем Илеме жили «Шамагирские люди» во главе с князем Окингой; они насчитывали 23 ясачных плательщика (Там же, л. 202 об.), что составляло около 90 человек всего населения. В итоге ангарские и нижеилимские шамагиры, объединявшиеся примерно с 1657 г. общей Нижнеилимской волостью, насчитывали около 190 человек.

Верхнеилимские шамагиры в источниках не упоминаются, но их существование до прихода русских не вызывает сомнений. О кочевках илимских шамагиров вверх по Илимму до «Усть-Тур»²³ и о платеже ими ясака «на Ленской волок» сообщалось в 1630-х годах (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 43). Вероятно, именно верхнеилимские шамагиры были в 1638—1639 гг. обнаружены возле устья Киренги на Лене. Енисейский пятидесятник Константин Степанов встретил их позднее уже на устье Ичёры (ниже устья Киренги), «призвал» на свое судно шамагирского князца Бакшенгу и посадил его в аманаты. Под Бакшенгу собирался ясак в раз-

мере 400 соболей в год (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 205 об.). Исходя из местной нормы ясачного оклада (5 соболей с охотника), численность данной группы шамагиров можно определить в 80 ясачных плательщиков, или 320 человек всего населения.

Об уходе части илимских шамагиров вниз по Лене свидетельствует гидроним «Шамагира», отмеченный в путевом журнале Якова Линденау, когда он в 1745 г. следовал из Якутска в Иркутск. Река Шамагира, по его записи, — приток р. Пеледуй, которая впадает в Лену ниже устья Витима (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 511, ч. 1, № 7, л. 8 об.).

Происхождение рода и этнонима Шамагир представляется весьма сложным. Г. М. Василевич полагала, что шамагиры являются собой некий общий «южный компонент в этногенезе тунгусо-маньчжуров, самоседов и обских угров». Этноним «Шамагир» она связывала со словом «шаман» (Василевич, 1965, с. 145). Мы полагаем, что основой данного этнонима является именно тунгусское *шаман* (саман, хаман), хотя в тунгусские языки это слово, вероятно, попало из древнетюркских языков (Туголуков, 1976, с. 102; 1980б, с. 170). Исходя из этого, мы думаем, что род Шамагир имеет древнетюркское происхождение. Шамагиры были в числе первых тунгусских пришельцев в бассейн Ангары и поэтому к приходу русских успели в значительной степени перемешаться с ее более древними насельниками — кетоязычными племенами. Сообщение Адама Каменского об ангарских тунгусах, приведенное нами во втором разделе настоящей главы, следует рассматривать как относящееся к шамагирам нижнего Илим.

Теперь перейдем к родам 1735 г. — Зучеурскому, Каркагирскому, Хенкегорскому, Чербагуевскому (Чорбатовскому), Чюрмагирскому и Шугукагирскому.

О Зучеурском роде у нас нет никаких данных. Похоже, что это название образовано от тунгусского имени Зучсул. Если данное предположение правильно, то в Зучеурском роде естественное всего видеть патронимию. Менее вероятно производство этнонима Зучсур от дючер («жучер», «дучар» и т. д.) — русского обозначения амурских чжурчженей.

В Каркагирском роде мы склонны усматривать одну из локальных групп ангарского рода Куркагир, прикочевавшую в XVIII в. на верхнюю Лену (см. главы 2 и 3), а в Хенкегорском — локальную группу Сенкагирского рода эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. В 1735 г. в этой группе числилось 12 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 28).

Чербагуевский (или Чорбатовский) род в том же году насчитывал 9 ясачных плательщиков. Обе транскрипции близки к названию Черповского рода у эвенков Есейской вол. 1760-х годов (см. главу 5), поэтому мы склонны думать, что после 1735 г. чербагуевцы мигрировали далеко на север. В главе 5 мы отстаиваем генетическую принадлежность эвенков Черповского рода к забайкальскому роду Каранут.

Чюрмагирский род насчитывал в 1735 г. 22 ясачных платель-

щика. Нам трудно сказать что-либо определенное об этом роде. Возможно, что Чюрмагир — одна из транскрипций этнонима Чамамагир у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Дело в том, что, несмотря на свою локализацию, этот род, по-видимому, получил свое название от гидронима Чама, обозначающего левый приток Ангары ниже устья р. Видим.

О том, что собой представлял Шугукагирский род, также можно строить только предположения. В названии Шугукагирский, не объясняемом из тунгусских языков, можно усматривать искаженную транскрипцию от этнонима Йококогир, служившего обозначением одного из родов забайкальских эвенков («Окукогир» ясачных источников XVII в.).

Список родов, которые мы собираемся рассмотреть во втором подразделе, включает этнонимы: Амунчир, Бадарагир, Гаранчаир, Делхар, Джерандоль, Кичигир, Корчи, Лонтогир, Манеир, Нахоскаир, Опотогир, Потай, Сувгуир, Таминчаир, Хокинчаир, Чильчагир, Чинагир.

Роды Амунчаир и Нахоскаир нам удобно рассматривать совместно. Первый этноним мы записали в пос. Чинанга, второй — в пос. Муринья; оба поселка расположены на берегу Киренги в Качугском р-не Иркутской обл. Жительница Чинанги эвенкийка А. Г. Шукина с трудом вспомнила, что «щукинский дед» принадлежал к роду Амунчаир. К этому же роду эвенки иногда относят и обладателей фамилии Шерстов.

Происхождение амунчаиров местная традиция связывает с предком по имени Амуня, который с двумя братьями лет сто назад пришел с востока (от Байкала) на Киренгу. Род Нахоскаир считается ответвлением от рода Амунчаир. К нахоскаирам наши информаторы относили представителей фамилии Сафонов (ПМ, 1963, № 1, л. 70—70 об., 89 об., 92 об., 96 об.).

Имя Амуня и этноним Амунчаир можно рассматривать как производные от этнонима Амункан — «амгунские», служившего в недавнем прошлом обозначением части эвенков рода Лалигир, живших в верховьях Амгуни (Мельникова и Цинциус, с. 120—121). В этой связи интересно указать на то, что у баунтовских эвенков Северного Забайкалья еще недавно существовали представители рода Амункагир (Шубин, с. 57). Название Амунчаир — местное (прибайкальское) произношение этнонима Амункан или Амункагир.

На Амгуни, кроме эвенков, живут негидальцы. В соответствии со сказанным нельзя исключать того, что нахоскаирами Прибайкалья являются негидальцы — выходцы из рода Насихагил, который ведет происхождение от эвенского рода XVII в. Нашикагир (ДАИ, т. X, с. 342).

Род Бадарагир (4 семьи, 23 человека, без оленей) был обнаружен Приполярной переписью 1926—1927 гг. на р. Усолка — левом притоке верхней Лены в составе Хандинско-Орлингской территориальной группировки (Долгих, 1946, л. 615, 616). Данный этноним в других районах расселения тунгусов не встречается.

Для его объяснения подходит эвенкийское *бадаран* — «болото», «топь» (ТМС, I, с. 63). Члены рода Бадарагир носили фамилию Катанаев, явно образованную от тунгусского имени Катана (Катанай). Такое имя носил до своего крещения сын Гантимура — Павел Петрович Гантимуров (Туголуков, 1975, с. 80).

О роде Гаранчаир мы услышали от эвенков из пос. Вершина Тутуры. Наши информаторы, однако, не смогли указать, кто из современных обитателей Качугского р-на мог бы считаться потомком данного рода (ПМ, 1963, № 1, л. 83). Этимология этнонима неясна. Из возможных сопоставлений с другими эвенкийскими этнонимами наиболее подходящим представляется записанное в XVII в. на Нижней Тунгуске название «Горынцына рода». Последний, как мы полагаем, представлял патронимию в роде Кондогир (см. главу 4).

Род Делхар был выявлен в ходе Приполярной переписи у эвенков Хандинско-Орлингской группировки (4 семьи, 27 человек, без оленей). Они носили фамилию Чертовских. Б. О. Долгих относил делхаров к гипотетическому племени Налягир (1946, л. 617, 621, 681). На наш взгляд, Делхар — фонетический вариант тунгусского (эвенского по происхождению) этнонима Долган. Заметим, что К. М. Рычков записал этот этноним на правом берегу нижнего Енисея как Голхар (Рычков, 1917, с. 20). Искаженное произношение этнонима Долган самими эвенками указывает на их смешанность с каким-то иноязычным населением. Вероятность наличия части долганов в рассматриваемом нами регионе определяется их присутствием в 1920-х годах в районе станции Тайшет (см. главу 2).

Род Джерандоль в период Приполярной переписи находился в составе Хандинско-Орлингской группировки и насчитывал 4 семьи (22 человека), без оленей. Все джерандоли носили фамилию Жерондоев (Долгих, 1946, л. 617, 679), явно образованную от этнонима. В настоящее время Жерондоевы живут в пос. Ханда. Наш информатор эвенк С. С. Шерстов из пос. Чинанга сообщил, что Жерондоевы ведут начало от «старика», имевшего прозвище Подпаль. Подпаль — местное русское слово, означающее белку с темными подпалинами (ПМ, 1963, № 1, л. 86 об., 92).

Указанная фамилия существовала на верхней Лене уже в первой половине XIX в. В 1825 г. упоминается крещеная тунгуска Полина Жарандуева из «десятки Нижнехагдарского» (Хандарского) в Очеульской инородческой управе (ГАИО, ф. 148, оп. 1, д. 2, л. 3). В 1848 г. фамилия Жерандуев принадлежала шести семьям тунгусов Усольского десятка Киренгско-Хандинской инородческой управы, в том числе одинокому 32-летнему тунгусу, названному Подпалем Жерандуевым (ГАИО, ф. 150, оп. 1, д. 7, л. 2). Вероятно, этот Подпаль и есть тот самый «старик», о котором нам говорил С. С. Шерстов.

В этнониме Джерандоль мы усматриваем фонетический вариант этнонима Нюрумняль, известного в регионе Нижней Тунгуски.

Данный этноним якуты произносят как Джурумджаль, Журумжаль и т. п. (см. главу 4). Отсюда следует, что Джерандоль — якутская огласовка этнонима Нюрумняль и что на верхнюю Лену эти нюрумняли мигрировали, по-видимому, из региона Северо-Запада, где они долго общались с якутами (см. главу 5). Не исключено, что часть этих нюрумнялей ушла из Прибайкалья на Подкаменную Тунгуску, где образовала патронимию Подпалёнок в составе тамошнего рода Момоль (см. главу 3). В 1926—1927 гг. в этой патронимии числилось 13 эвенкийских семей (Долгих, 1946, л. 504).

К роду Кичигир Б. О. Долгих относил 6 семей верхнетутурских эвенков с фамилией Дорофеев и одну семью Дорофеевых из Верхнеленской группировки. Эти 7 семей насчитывали в 1926—1927 гг. 31 человека; оленей у них не было (Долгих, 1946, л. 612, 625). Этноним Кичигир Долгих, по-видимому, реконструировал из названия Кичигировского стойбища существовавшего у эвенков верхней Тутуры, потому что тунгусский род с таким названием в Прибайкалье в XVII—XIX вв. не упоминался.

Несмотря на данное обстоятельство, прежнее существование рода Кичигир у тунгусов не вызывает сомнений. В Прибайкалье кичигиры пришли, вероятно, из Забайкалья, где их следы с XVII в. прослеживаются весьма четко²⁴. 90-летняя эвенкийка Варвара Литвинцева из пос. Старая Тутура рассказывала, что Кичигир было имя «дедушки», имевшего трех жен (ПМ, 1963, № 1, л. 84 об.). Когда жил этот «дедушка», установить не удалось, но ясно, что речь идет не о личном, а о родовом имени; на это указывает оформляющий суффикс *-гир*.

Отсутствие кичигиров в Прибайкалье в XVII—начале XX в. объясняется, очевидно, откочевкой их предков из района верхней Лены на север, в бассейны Подкаменной и Нижней Тунгуски, где потомки этих выходцев были в 1920-х годах зафиксированы под названием рода Киче (см. главы 3 и 4).

Мы видим в кичигирах один из древнейших тунгусских родов, связанных происхождением с уйгурами. Доказательством служит существование рода Кичигир у уйгуров («огоров») нижней Волги в VI—VII вв. (Артамонов, с. 41).

Род Корчи (также Корши, множественное число — Коршиль) был представлен в период проведения Приполярной переписи всего одной семьей эвенков, входившей в Верхнекиренгскую группировку; фамилия главы этой семьи была Балтуков (Болдаков). Род Коршил был выявлен Г. М. Василевич в группе токминских эвенков в верховьях Нижней Тунгуски. Эта исследовательница считала коршилей потомками прибайкальского рода Икогир (1972а, с. 222), т. е., как видим, в какой-то степени она разделяла мнение Б. О. Долгих. На наш взгляд, этноним Корчи (Корши) отражает известный в лесостепном Прибайкалье XVII в. этноним корчун, ввиду чего эвенков рода Корчи мы считаем потомками смешанной тунгусо-корчунской (баргутской) группы.

Род Кукчуир мы реконструируем у верхнеленских эвенков на основании фольклорных сообщений о некоем эвенке по имени Са-

навул, потомков которого наши информаторы называли «кукчуевскими». К числу «кукчуевских» они относили представителей фамилии Распопин (ПМ, 1963, № 1, л. 82). Этноним Кукчуир можно объяснять из эвенкийского *кукчу* — «мешок (спальный), «глухой (закрытый со всех сторон)» и т. п. (ТМС, т. 1, с. 427).

Род Лонтогир в 1920-х годах почти целиком дислоцировался в верхнем течении Нижней Тунгуски; поэтому все основное о нем нами сказано в главе 4. Среди прибайкальских эвенков лонтогиры были представлены двумя семьями Стариковых и двумя семьями Куницных (8 человек) в Верхнетунгурской территориальной группировке. Оленей у местных лонтогиров не было (Долгих, 1946, л. 622).

Род Манеир (или Маней) нам назвал старейший эвенк пос. Вершина Тутуры П. И. Тюрюмин. К «манейским» он относил эвенков Карнаковых и Литвинцевых из бывшего стойбища Дудовка. Существование в прошлом рода Манеир подтвердила и 90-летняя Варвара Литвинцева из пос. Старая Тутура (ПМ, 1963, № 1, л. 82, 84 об.).

Мы полагаем, что в манеирах, или манеях, следует видеть выходцев из тунгусского рода Манегир («манегры»), обитавшего в XVII в. в Верхнем Приамурье. Миграция части манегиров на запад могла произойти еще до XVII в., о чем свидетельствует получение русскими ясака в 1626 г. в верховьях Нижней Тунгуски с одного представителя «Мандегирева роду» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 28).

Род Опогогир эвенки из пос. Муринья связывают с Шерстовыми и считают, что Опого — имя основателя их рода (ПМ, 1963, № 1, л. 92). Вполне возможно, что это имя образовано от эвенкийского *опот* — «дуга» (ТМС, т. 2, с. 22); последнее же представляет собой переделку русского «обод».

Члены рода Потай (6 семей, 17 человек, без оленей) в 1926—1927 гг. были обнаружены в Верхнекиренгской группировке (Долгих, 1946, л. 623). По-видимому, тот же этноним в форме Поталь был тогда же записан у питско-ворогонских тунгусов в междуречье Ангара и Подкаменной Тунгуски (см. главу 3). Обе формы, как мы думаем, восходят к якуто-тунгусскому этнониму Бети, который в форме Пота бытует на севере Эвенкийского автономного округа (см. главу 5). Следовательно, в прибайкальских потаях следует видеть выходцев с далекого Севера.

Род Сувгуир нами реконструирован из названия «сувгуевские», которое эвенки Тутуры употребляли по отношению к представителям фамилии Сокольников. Нам приходилось слышать от них что-то вроде прибаутки: «Кукчуй да Сувгуй...» (ПМ, 1963, № 1, л. 82). Вероятно, подобные этнонимы представлялись верхнеленским эвенкам уже либо очень архаическими, либо очень странными; в 1963 г. о них помнили только немногие старики. В одном случае мы записали тот же этноним в форме Сугдюир (Там же, л. 83).

Этноним Сувгуир сами эвенки производят от слова *сувгу* или *субгу* — «кожа (рыбья)» (ПМ, 1963, № 1, л. 92; ТМС, т. 2, с. 116).

Поэтому нельзя исключать из виду того, что сувгуирами называли эвенков, которые не имели оленей, жили почти исключительно рыболовством и шили одежду из рыбьей кожи.

Род Таминчаир наши информаторы в Муринье связывали с эвенками Софроновыми — прежними обитателями р. Туколонь, левого притока Киренги (ПМ, 1963, № 1, л. 92 об.). Эвенкийское *тами* имеет ряд значений: «кочерга», «щипцы для углей», «завязка», «западня» и т. д. (ТМС, т. 2, с. 159). Какое из этих значений лежит в основе данного этнонима, мы не знаем.

Род Тангалаир мы выявили у эвенков верхней Тутуры. Нам сообщили, что тангалаиры жили по Чикану — правому притоку Тутуры — и носили фамилию Чертовских. Этноним переводится как «раскоряка» или «косопалые» (ПМ, 1963, № 1, л. 75, 91, об.). Между тем в ТМС термин *таналай*, который можно рассматривать как смысловую основу данного этнонима, переводится как «нёбо» и считается заимствованием из якутского (ТМС, т. 2, с. 162). Термином *тангалай* якуты и объёкученные эвенки Вилюя в середине прошлого века обозначали женскую якутскую одежду, к тому времени уже вышедшую из употребления, — что-то вроде кафтана без рукавов. В одной из гробниц на Вилюе Р. Маак обнаружил тело якутки, одетой, по словам его информаторов, в *тангалайдах-сон*, где *тангалай* — «старинный якутский женский костюм», а *сон* — «шуба» (Маак, 1887, с. 103). Исходя из этого, в тангалаирах можно видеть группу объёкученных эвенков — выходцев с Вилюя.

Название рода Хокинчаир нами было записано в пос. Муринья, однако никто из местных эвенков не мог сообщить каких-либо подробностей о таком роде (ПМ, 1963, № 1, л. 92 об.). Этноним, по-видимому, имеет отношение к эвенкийскому *хакин* — «печень» (ТМС, т. 2, с. 310).

Род Чильчагир был в 1926—1927 гг. представлен всего одной семьей с фамилией Леканов (7 человек, без оленей) в составе Хандинско-Орлингской группировки (Долгих, 1946, л. 616). Чильчагир — один из крупнейших родов у эвенков Северного Байкаля, и мы не будем здесь о нем говорить. Отметим лишь, что несколько семей чильчагиров в 1920-х годах проживало в верховьях Подкаменной и Нижней Тунгусок (см. главы 3 и 4). Вероятно, они были выходцами из Прибайкалья, куда, в свою очередь, попали с Северного Байкала.

К роду Чинагир в 1926—1927 гг. себя относил одна семья эвенков из той же Хандинско-Орлингской группировки, состоявшая из 6 человек, без оленей. Ее фамилия была Чинагин. Б. О. Долгих включал этих чинагиров в предполагаемое «племя Никогир» (1946, л. 616, 679). По нашим полевым данным, фамилию Чинагин в 1963 г. носили некоторые эвенки — члены колхоза «Омакта бэе бэйсэн» («Новый охотник») из пос. Ханда. В пос. Муринья ту же фамилию мы записали как Чинан. Название поселка Чипанга на Киренге тоже, наверное, образовано от этнонима Чинагир (ПМ, 1963, № 1, л. 86 об., 92 об.).

Чинагиры — несомненные выходцы из региона Северо-Запада, где в XVII в. жили тунгусы рода Синигир. Подвергшись объякучению в XVIII—XIX вв., синигиры стали называть себя родом Чинагир (см. главу 5).

3

Межэтнические связи прибайкальских эвенков и особенности их традиционной культуры

В данном разделе мы остановимся на контактах эвенков региона с его иноязычными обитателями (кроме русских). Итак, в XVII в. и позднее значительная часть этих эвенков находилась под языковым и культурным влиянием бурят. Важной стороной эвенки-ско-бурятских контактов была обменная торговля. Эвенки привозили к бурятам пушнину — соболей, лисиц, бобров, а взамен получали лошадей, рогатый скот, луки, ткани, серебряные украшения, просо и другие товары (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 48—49, 54; ДАИ т. II, с. 247; *Окладников*, 1937, с. 265, с. 341—342).

Большинство эвенков лесостепного субрегиона являлось «киштымами», т. е. данниками бурят. Русские в 1620-х годах сообщали что «берут-де братцкие люди есак со многих с малых землиц». Основная масса «братцких киштымов» жила на Ангаре выше устья Илима (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 90, 354). Естественно, что киштымами в первую очередь становились «пешие» тунгусы, обитавшие среди бурят. Но в число киштымов, без сомнения, попадали и некоторые эвенки-оленоводы. В основном это были налягиры — обитатели бассейна верхней Лены (СДИБ, с. 34). Так, о налягирах Тутуры в 1641 г. сообщалось, что бурятские князцы Баракан (Баяркан) и Котога нападали на них, требуя ясак, запрещая его платить русским (*Залкинд*, с. 26). Налягирский князец Можеул жил всего «в полднище» от бурят. Русские видели у него просо, полученное от бурят, живших на р. Онга (Анга). Было также известно, что многие «роднѣики» Звероула жили в верховьях Лены «под братами, и сам он по вся годы, переходя, живет в братах» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 48 об.—49, 54, 56 об., 70 об.; ДАИ, т. II, с. 247).

Киштымы платили бурятам ясак — по два-три соболя с охотника в год, за что пользовались военной защитой со стороны своих покровителей. С обложением самих бурят ясаком в пользу московского царя буряты нередко забирали своих тунгусских киштымов к себе в улусы, чтобы по-прежнему держать их у себя в подчинении (СДИБ, с. 28; *Миллер*, т. 3, 1961, л. 81; *Окладников*, 1937, с. 68).

По-видимому, еще до появления русских отдельные группы эвенков-оленоводов, не желавшие находиться в подчинении у бурят (а может быть, и у монголов), бежали из Прибайкалья на север. На это указывает существование фольклорных этнонимов Хуладал и Хуладыгир у эвенков Подкаменной Тунгуски (СМЭТФ,

с. 152)²⁵. Из тунгусских языков названные этнонимы не объясняются, но объясняются из монгольского и бурятского: в них термин *хулагай* означает «вор», «разбойник» (МРС, с. 563). Вероятно, так называли этих беглецов их преследователи.

Давние и тесные связи с бурятами, особенно у эвенков лесостепного субрегиона, были причиной их значительной обуряченности к приходу русских. Сами прибайкальские буряты в большой степени состояли из таких обуряченных эвенков, на что указывают отдельные этнонимы и личные имена, зафиксированные у бурят в XVII в. Так, например, упоминавшийся у бурят-булагатов верхнего течения Ангары род «Солманхин» (Окладников, 1937, с. 271), без сомнения, представлял собой поглощенных бурятами эвенков из рода Шамагир, или Самагир. Бурятские князцы Баракан (Баяркан) и Котога тоже были, как мы думаем, эвенками по происхождению — об этом свидетельствуют их имена. В частности, имя Котога почти буквально совпадает с именем Котега, принадлежавшим в середине XVII в. князю северо-байкальских эвенков (Фишер, с. 550) в регионе Северного Забайкалья.

С другой стороны, некоторые тунгусские — по определению русских — группы обитателей Прибайкалья имели определенно бурятские названия. К числу таковых относится так называемая Калякшинская земляца, упоминавшаяся в Енисейском у. в 1624—1625 гг. (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 351). Потомки ее жителей под названием Халзакчинского рода тунгусов платили ясак в XVIII в. в Братском остроге (Шерстобоев, т. II, с. 621).

Слиянию эвенков с бурятами в немалой степени способствовала практика ясачного обложения. Размеры ясака у тунгусов Братского острога были в середине XVII в. в пять раз больше, чем у бурят (СДИБ, с. 183).

В свете всего сказанного неудивительно, что некоторые группы прибайкальских эвенков в течение XVII—XVIII вв. слились с бурятами. В качестве примера укажем на Ордынскую вол. и Чичеулов улус у гейско-видимских тунгусов. Во второй половине XVII в. обе эти группы уже не упоминались. Между тем у бурят Кудинского ведомства стал упоминаться «Чечеловский» род, а у бурят Тункинского острога — «Чичелдарский» (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 27).

В ответ на запрос Академии наук администрация Братского острога в 1760 г. писала: «В Братском уезде имеца народ смешенной с некрещеными иноверцами, брацкими и тунгусами... а по ихнему языку называются они буреть» (Шерстобоев, т. II, с. 460). В 1927 г. иркутский этнограф Н. Н. Козьмин писал, что буряты Прибайкалья «на наших глазах вобрали в себя большое количество тунгусов» (Козьмин, с. 48).

Процесс поглощения части прибайкальских эвенков бурятами и параллельный процесс этнического формирования самих бурят восходят, по нашему мнению, к периоду XIII—XIV в., когда в лесостепном Прибайкалье появилось довольно значительное монгольское население. Вероятно, это были монголы, уклонившиеся от

участия в движении орд Чингисхана на запад. Несомненно, среди этих монголов было много монголизированных тюрок типа упоминавшихся нами баргутов (корчунов). Б. Э. Петри, как он пишет, слышал «бурятские легенды, повествующие в красивых образах о народе «монгола», населявшем наш край (Прибайкалье.— В. Т.) до прихода бурят» (Петри, 1922, с. 29).

Вооруженные столкновения эвенков с пришельцами-монголами отражены в эвенкийских преданиях о людоедах-великанах «манги». В этих преданиях говорится, что эвенки при встрече с последними, превосходившими их числом и вооружением, уклонялись от открытой схватки и вели борьбу с помощью хитрости (Василевич, 1972б, с. 148).

Более поздние по времени столкновения прибайкальских эвенков с монголами (а, может быть, и с бурятами) нашли отражение в преданиях о людоеде Корсндо (Кэрэндэ, Карен), который изображается в образе птицы, пожиравшей людей. Эвенкийский богатырь Уняны боролся с Корсндо в небе — то над «морем» (Байкал), то над «рекой» (Ангара?) (Рычков, 1917, с. 9; СМЭТФ, с. 41—44, 147). Имя Корсндо весьма созвучно имени княззя «братских людей» «Кориндея» (Корондая), жившего на левобережье Ангары — на Чуне и Оке — в 30-х годах XVII в. (Долгих, 1960, с. 248). Какие-то монголы упоминались в районе Братского острога еще в середине XVII в. (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 496; СДИБ, с. 183). О монголах нам напоминают названия озер Бочинор и Эконор, существующих в районе верхней Лены²⁶.

В XVII в. и позднее прибайкальские эвенки контактировали также с тюркоязычными обитателями севера современной Тувы. Есть основания полагать, что эвенки довольно часто ходили туда охотиться и поэтому хорошо знали эти места. В 1661 г. основатель Иркутского острога Яков Похабоев пошел с тунгусскими «вождями» вверх по Иркуту, «в Камень», и погромил там «шесть юртишек» у «тотар», возглавлявшихся князем Яндашем. В связи с этим возник вопрос о посылке в «новую Яндашскую землю» служилых людей для их объяснения (ДАИ, т. IV, с. 239—241). К югу от Китайских и Тункинских гольцов расположено крупное оз. Хубсугул («Косогол»). Вокруг него кочевали «кайсацкие мужики», или «кайсоты». В 1692 г. «кайсотский» князец Керсень жаловался русским, что тунгусы — пришельцы с верхней Лены — отбирают у него оленей и угрожают войной (Долгих, 1960, с. 261).

В «кайсотах» нужно видеть сойотов — народ, по-видимому, самодийского происхождения, ныне входящий в состав тувинцев. В ясачных документах XVII в. кайсоты нередко именовались урянхами. В связи с этим не лишено интереса, что Борондосв род балаганских эвенков тоже иногда назывался «Урянским» (Там же, с. 298—299, 305). Обращает на себя внимание и род Кайзой (Кайзойский), существовавший в XVII в. у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Похоже, что данный этноним образован от слова «кайсот». Возможно, что тунгусо-тувинские (сойотские) связи развивались и по линии общего для обеих этнических групп древне-

тюркского рода Кичигир, ветвью которого у сойотов был род Кучугет (АИВАН, ф. 28, оп. 1, д. 5, л. 14) ²⁷.

В лесостепном Прибайкалье эвенки контактировали также с людьми, которых русские источники называют «корчунами». Корчуны кочевали в верховьях Уды (Чуны, Тасеевой) и по Ие. В середине XVII в. у них указывалось около 70 ясачных плательщиков (СДИБ, с. 96, 148, 187, 209). К приходу русских корчуны были монголизированы, являлись киштымами бурят, поэтому наши источники часто называют их «братцкими людьми» (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 371).

Б. О. Долгих — на наш взгляд, ошибочно — отождествлял корчунов с коттами (Долгих, 1960, с. 250). Прибайкальские корчуны — несомненные родственники забайкальских баргутов, которых тамошние эвенки называли *корчин* (ПМ, 1961, № 1, л. 53 об.). На это с очевидностью указывает существование гидронима Барга в системе р. Кан — правого притока Енисея (Долгих, 1960, с. 246). В свою очередь, в бургутах мы склонны видеть потомков тюркоязычных курыканов (кит. *гулигань*), обитавших в лесостепях по обе стороны Байкала еще в домонгольское время.

Баргуты Прибайкалья, как и баргуты Северного Забайкалья, были монголизированными тюрками (см. главу 4). Тюрками в полном значении данного этнонима были кратковременно находившиеся на территории западного Прибайкалья якуты. О пребывании там якутов — видимо, в XII—XIV вв. — имеется ряд достаточно достоверных известий. Яков Линденау, по его словам, видел в 1745 г. несколько якутских укреплений по дороге от Лены к Байкалу. «Имели они также поселения на высоком выровненном правом берегу Лены ниже села Качутского. Место это у русских называется Якутский взвоз, а у якутов и бурятов — *кёбёлир*. На якутском языке это слово значит «он спорит» или «он кричит на меня»; на бурятском же [языке] оно никакого значения не имеет», — писал Линденау (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 94). В указанном месте жил, по преданию, Омогой (Омогой) — вождь «первого» якутского рода Ботулу. На воспитаннице Омогона женился «какой-то беглец по имени Ерсоготох или, как его еще называют, Елей». От этого брака родилось восемь сыновей, ставших родоначальниками прибайкальских якутских родов. Члены указанных родов имели постоянные стычки «с киргизами, а по некоторым сведениям — с монголами». Будучи, однако, не в состоянии сопротивляться своим врагам, якуты покинули Прибайкалье и ушли вниз по Лене к Якутску (Там же, л. 94—97). Таковы сведения, почерпнутые Линденау из якутского фольклора.

О промежуточном — на пути их миграции к северу — пребывании якутов в западной части Прибайкалья свидетельствует и предание, записанное в 1820 г. Ф. П. Врангелем на нижнем Алдане. Согласно этому преданию, «некто из татар, по имени Сахалар, перекочевал из какой-то земли, лежащей где-то за горами, к Киренге на Лену, поселился тут, женился на тунгуске и сделался родоначальником якутов, которые потому еще и ныне называют себя

сахаларами» (*Врангель*, 1948, с. 114, примеч.). Таким образом, мы должны принять во внимание, что еще одной этнической группой Прибайкалья, с которой взаимодействовали древние тунгусы, были якуты или, точнее, их предки.

Все вышесказанное относится главным образом к эвенкам лесостепного субрегиона Прибайкалья. Что касается эвенков таежного северного субрегиона, то их вероятными предшественниками там были кетоязычные племена асанов и коттов. Основной территорией этих племен в XVII в. было среднее течение Ангары и область, примыкающая с юга. Однако некоторые специфические особенности культуры прибайкальских и приангарских эвенков позволяют предполагать, что в прошлом названные племена занимали также и верхнюю часть Ангары.

Обратимся к конкретным материалам. Летом 1658 г. вверх по Ангаре проследовал в ссылку с партией других пленных польский артиллерист Адам Каменский-Длужик. Возле Шаманского порога (выше устья Илима) он увидел тунгусов и записал о них ряд интересных подробностей: «Они ходили «голые», их «лица были расписаны разными красками». Тунгусы щедро угощали пленных и снабдили в дорогу большим количеством соболей, рыбы и оленьего мяса. По словам Каменского, тунгусы «зимой и летом кочуют от реки к реке с целью пропитания. Едят наполовину сырое...» «Тунгусы — многоженцы: они имеют до девяти жен. Оленей у них большие стада — по тысяче и больше (голов). Имеются у них прирученные олени, которые диких оленей обманывают таким способом: на рога оленю накладывают ременный аркан длиной около десяти локтей; когда приходит дикий олень, домашний олень с ним играет и при этом свой аркан на него накидывает и с ним сплетается, и тогда хозяин оленя или пастух стреляет из лука в дикого оленя и его убивает и кровь его с водой пьет» (*Полевой*, 1965, с. 125).

Весьма любопытны сведения Каменского о нартенной езде верхнеангарских эвенков. Они ездят из Енисейска на узких и длинных нартах «при упряжке в 4 собаки: когда же сест ветер, то нарты движутся под парусом», который натянут «у дышла» (Там же). Обращает внимание то, что такой способ езды на нартах применялся эвенками лишь на обратном пути из Енисейского острога. Стало быть, в Енисейск они ездили на оленях? Это можно допустить, если иметь в виду, что в обмен на оставляемых там оленей они получали потребные им товары и ездовых собак.

Итак, с одной стороны, ангарские эвенки, жившие возле Шаманского порога, — это оленеводы. Они ведут кочевой образ жизни; с другой стороны, их кочевки простираются от реки к реке, явно непродолжительны и, похоже, связаны в основном с потребностями рыболовства. Определенно не тунгусское происхождение имеют такие черты их культуры, как раскрашивание лица и нартенная езда на собаках.

Более верхних по Ангаре эвенков, живших ниже Иркутского острога, наблюдал в 1693 г. Избрант Идес. По его словам, это был «крепкий высокий народ». Прическа мужчин не отличалась от та-

ковой у нерчинских тунгусов: «Свои длинные волосы они связывают сзади пучком, который на манер конского хвоста висит у них на спине». Лоб, щеки и подбородок тунгусы украшали татуировкой. «Они прошивают кожу на теле нитками, смазанными черным жиром» (*Идес и Бранд*, с. 122).

Летом мужчины и женщины, по словам Идеса, ходили нагими и прикрывались только «кожаным поясом шириной в три ладони с глубоко врезанной в него оборкой». На приложенной к его описанию гравюре изображен татуированный тунгус в коротенькой юбочке (Там же). Аналогичные юбочки в начале XIX в. носили летом эвенки, жившие на правобережье Енисея между Ангарой и Подкаменной Тунгуской. В начале XX в. они все еще были в употреблении у токминских эвенков — обитателей верхнего течения Нижней Тунгуски. Эвенкийское название такой юбочки *ханни* (ЭРС, с. 469). Она представляла собой «кусочек ровдуги, на три четверти прорезанный бахромой» и прикрепленный спереди к «натазникам» (коротким штанам). У мужчин бахрома была выше колен, а у женщин она покрывала колени. Верхняя часть юбки украшалась тремя рядами бисера (*Василевич*, 1962, с. 113).

Идес заметил, что в левой руке эвенки носили горшки с дымом. Вероятно, с помощью дыма они защищались от гнуса, но не исключена и защита от заразных болезней. Джон Белл в начале XVIII в. писал о верхних ангарских эвенках, что в случае болезни одного из сородичей они оставляют ему «немного воды и пищи, а затем, забрав все вещи, уходят по наветренной стороне, каждый с глиняным горшком с горящими угольями» (*Зиннер*, с. 54).

Зимой верхнеангарские эвенки одевались в платье из оленьих шкур, включая нагрудник, с которого свисали «конские хвосты». Снизу нагрудник обшивался собольим мехом (*Идес и Бранд*, с. 123). Данная деталь одежды («хвосты») роднит этих эвенков с вилюйскими туматами, которые, согласно якутскому фольклору, носили меховую одежду, обвешанную «разноцветными кистями из оленьих волос» (см. главу 5).

Виденные Идесом эвенки жили в берестяных чумах, вокруг которых висели «конские хвосты, гривы и другие украшения». Возле ряда «хижин» Идес видел повешенных щенят (*Идес и Бранд*, с. 126). В первом русском издании его записок отмечается, что тунгусы имели обыкновение жарить молодых собак (*Путешествие и журнал...*, ч. VIII, с. 408).

Главными занятиями верхнеангарских эвенков были, по описанию Идеса, рыболовство летом и охота зимой. Они изготавливали «веревки и крученые сети из рыбьей кожи». Идес упоминает их «лодки, или байдарки, сшитые из одной бересты», которые выдерживали тяжесть семи или восьми человек. Эвенки плавали в берестянках, стоя на коленях, с помощью двухлопастного весла (*Идес и Бранд*, с. 126).

Отправляясь на промысел диких оленей, эти эвенки надевали «шкурку с головы самца-оленя, рога которого торчат вверх» (Там же, с. 123). При помощи такой маскировки охотник подкрадывал-

ся к своей добыче. Идес не упоминает об оленеводстве у верхнеангарских эвенков. Но он не упоминает и о наличии у них лошадей и коров, а также ездового собаководства. Возможно, что это была группа безоленных и бескотных эвенков, которые летом передвигались на лодках, а зимой на лыжах.

Кожаные юбочки в качестве летней одежды, конские хвосты на нагрудниках, конские хвосты и гривы как внешнее украшение жилищ, татуировка и раскрашивание лица, сети и веревки из рыбьей кожи, употребление в пищу собак, глиняная посуда — все это нехарактерно для традиционной тунгусской культуры и явно перешло к верхнеангарским эвенкам от предшествовавших им асанов и котлов, а частично также от монголов и бурят.

И. Г. Гмелин, присутствовавший при камлании тунгусского шамана в районе Братского острога, отмечал, что последний произносил слова, которых не понимали ни тунгусы, ни русские (Зиннер, с. 166). Скорее всего, это был язык кетоязычных аборигенов.

Многие из перечисленных нами элементов нетунгусской культуры верхней Ангары, вероятно, свойственны в той или иной степени также эвенкам Илима и верхней Лены. Примечательно сообщение Г. Ф. Миллера о том, что тунгусы Хандийской вол. (на Киренге) называли себя *чонгул* (ЦГАДА, ф. 199. оп. 1, д. 509, № 3, л. 19). В данном термине мы склонны усматривать вариант более широко распространенного термина *чангит*, служившего эвенкийским обозначением дотунгусских аборигенов и части смешанных с ними тунгусских групп (см. главу 2).

В заключение скажем два слова об оленеводстве таежных эвенков Прибайкалья. В том, что к приходу русских абсолютное большинство их было оленеводами, сомнений быть не может. Но верно и то, что поголовье оленей у этих эвенков вряд ли было достаточным с точки зрения потребностей охотничье-оленьеводческого хозяйства. Именно поэтому в их жизни немалое значение имели рыболовство и другие занятия. Причина указанного явления в том, что Прибайкалье не является достаточно благоприятным районом для оленеводства. Из-за сильной жары летом олени здесь часто болеют и погибают.

В данном аспекте весьма существенным представляется свидетельство иркутского землемера И. Е. Кожевина, который в 1806 г. сообщал, что в верховьях Тутуры «жиТЕЛЬствуют тунгусы пешие и оленные», которые «оленьей получают из баргузинского уезда от верхнеангарских кочующих, покупая ежемалых самцов по двадцати и по двадцати пяти, а самок — не дороже пятнадцати рублей» (ААН, ф. 37. оп. 1, д. 1, л. 7) ²⁸.

Общим дефицитом оленей, а также их слабосильностью и объясняется, на наш взгляд, нераспространение у верхненеленских эвенков верховой езды на оленях, отмеченное в 1920-х годах (см. следующий раздел).

Проведенное в настоящей главе исследование позволяет высказать следующие общие положения. Эвенки пришли в Прибайкалье еще до появления там монголов — по-видимому, в XII в. Исходной территорией их миграции являлись районы, расположенные к востоку от Байкала и Лены. В Прибайкалье эти пришельцы вступили в общение с монголами, бурятами, баргутами, якутами и кетоязычными племенами.

Общение с монголами и бурятами было причиной того, что к XVII в. большинство эвенков на левобережье верхнего течения Ангары было монголизировано и перешло к скотоводству. Позднее эти эвенки-скотоводы вошли в состав бурят. Освоение северной части региона русскими крестьянами в XVII—XVIII вв. обусловило обрусение части местных эвенков-оленьеводов. Некоторые группы этих эвенков откочевали оттуда в верховья Нижней Тунгуски. Вместе с тем в русский период истории эвенкийское население таежной части региона пополнилось за счет переселения туда ряда мелких тунгусских групп из региона Северо-Запада и с восточной половины энического ареала эвенков. Сказанное определяет те серьезные изменения, которые претерпела этносоциальная структура прибайкальских эвенков за период с XVII в. по 1920-е годы.

Нарисованная нами схема ранних этнических процессов в Прибайкалье лишь в малой степени совпадает с точкой зрения А. П. Окладникова, который считал, что буряты — это «аборигены, подвергшиеся ассимиляции со стороны монгольских переселенцев». Под аборигенами Окладников разумел не асанов с котами и даже не тунгусов, а курыканов. По его мнению, монголы проникли в Прибайкалье в XI—XII вв. «из Забайкалья», оттеснив вниз по Лене вышеназванных курыканов (1958, с. 200—206). О тунгусах или якутах в Прибайкалье Окладников не упоминал.

В отличие от Окладникова мы считаем, что к приходу монголов (XIII—XIV вв.) тунгусы уже заселяли Прибайкалье. Приведенные в данной главе материалы указывают на ранние связи местных тунгусов с монголами, а также с якутами, но отнюдь не с бурятами или курыканами. Последние ни тогда, ни позднее на территории региона вообще не упоминались.

Наша точка зрения о более позднем, по сравнению с тунгусами, появлении бурят в Прибайкалье, впервые высказанная И. Э. Фишером (1774, с. 528, примеч.), находит поддержку в бурятском фольклоре. Так, Д. А. Клеменц со ссылкой на одно из преданий прибайкальских бурят писал, что хамниганы (тунгусы) были более ранними обитателями данного региона, нежели буряты (АИВАН, ф. 28, оп. 1, д. 8, л. 77 об.).

¹ И. Э. Фишер упоминает еще Тутурский острог, построенный П. Бекетовым, видимо, в устье Тутуры, около 1631 г. для походов на западное побережье Байкала и в верховья Киренги (Фишер, с. 357—358).

² Бесскотные, или «пешие», тунгусы упоминались в XVII в. на верхней Лене и

верхней Ангаре. Атаман Иван Галкин, по его словам, в 1630 г. видел, что на верхней Лене «живут тунгусские... и брацкие многие люди... все сидячие». В 1657 г. «пешие» тунгусы упоминались около Балаганского острога (*Окладников*, 1937, с. 257), а в 1660 г. — около Братского острога (СДИБ, с. 223). Судя по запискам Избранта Идеса, он тоже видел в конце XVII в. группу безодельных и бескотных эвенков на Ангаре ниже Иркутского острога (см. раздел 2).

³ *Петри Б. Э.* Оленеводство (1926—1928 гг.). Рукопись.

⁴ От названия р. Малая Белая — одного из конfluenceнтов р. Белая на левобережье Ангары.

⁵ От названия р. Кеть — притока р. Куза (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. I, с. 112).

⁶ Таблица составлена по материалам работы С. К. Патканова (1906, ч. I, вып. I, с. 99—113).

⁷ Из этих 100 человек больше трети (37 человек) были выходцами из Преображенской вол. (в верховьях Нижней Тунгуски) и 7 человек — из якутской Сунтарско-Олекминской инородческой управы.

⁸ У С. К. Патканова — 7 человек, однако, исходя из общей численности эвенков Иркутского округа (134 человека), мы показываем 8 человек.

⁹ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 616—627).

¹⁰ «Кислой» в 1920-х годах нередко называли Таюру — правый приток Лены (ГАИО, ф. 2375, оп. I, д. 25, л. 18).

¹¹ Речь шла о переселении качугских эвенков на реки Илимпию («Илимпэ») и Кочечуמו в бассейне Нижней Тунгуски.

¹² Ныне пос. Мурина Качугского р-на.

¹³ Б. О. Долгих называет этот улус хутором.

¹⁴ «Паняга» (эвенкийское *панагаэ*) — заплечное приспособление для переноски тяжестей.

¹⁵ «Камус» — шкура с ноги копытного животного (олени, лося, лошади).

¹⁶ *Коротин И. И.* Описание охотоведческого обследования Тутуро-Очеульских тунгусов Иркутского округа Качугского р-на в экспедицию 1928 г. Рукопись. — Архив Восточно-Сибирского отделения ВНИИЖП (г. Иркутск).

¹⁷ «Русско-Тунгусский (первоначальный) словарь, составленный около 1889 г. псаломщиком Хатангской Богоявленской церкви Михаилом Сусловым».

¹⁸ Род Акинкагир в XVII в. и позднее существовал у эвенков Охотского побережья. Данный этноним писался русскими как Аинкагир, Оинкогир и т. д. А. Ф. Миддендорф привел его к транскрипции Икагир (*Миддендорф*, 1878, ч. 2, с. 731).

¹⁹ В настоящее время термин *тэрол* эвенки верхней Лены и Киренги прилагают к северобайкальским киндигирам и чильчагирам (ПМ, 1963, № 1, л. 92).

²⁰ О джалаирах мы подробно говорим в главе 4 в связи с историей рода Июлогир.

²¹ В XVII в. на Индигирке упоминалась «Челкаская волость».

²² Тунгуской в то время называли Ангару в ее нижнем течении (ниже устья р. Илим).

²³ На современных картах — р. Турука.

²⁴ Достаточно указать на упоминание там русскими в XVII—XVIII вв. этнонимов «Кидагир», «Китагир», «Китигир» и др. у тунгусов.

²⁵ Рассказы о чангитах «из рода Хуладал», испавших на эвенков, нами были записаны также в Джелтулакском р-не Амурской обл. (ПМ, 1975, № 3, 29 об.).

²⁶ Современные эвенки Качугского р-на Иркутской обл. помнят, что на р. Ханда — левом притоке Киренги — монголы некогда добывали золото. Наш информатор И. И. Чертовских — житель пос. Вершина Туруры — видел на Ханде остатки старинных горных выработок. Неподалеку от пос. Вершина Туруры имеется оз. Окей, в котором вода будто бы «красная, как монгольская кровь». Метрах в двухстах от берега сохраняются остатки стены, сложенной из камней, высотой до 1 м. Вершино-тунгусские эвенки называют эту стену «монгольской крепостью» (ПМ, 1963, № 1, л. 76, 81).

²⁷ *Клеменц Д. А.* Сойоты, или Енисейские урянхи. [б. д.]. Рукопись.

²⁸ Путевые математический журнал с замечаниями, который И. Е. Кожевни вел в качестве сотрудника профессора Академии наук И. И. Редовского. Говоря о «верхнеангарских кочующих», Кожевни имел в виду эвенков р. Верхняя Ангара (Северное Забайкалье).

Глава вторая

ЭВЕНКИ

СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

1

Приангарские эвенки в XVII — начале XX в.

В настоящей главе рассматриваются эвенки, жившие в XVII в. в бассейне среднего и нижнего течения Ангары — ниже устья Илима. Восточной границей региона мы считаем устье Илима и линию, которую можно провести к северу от этой точки примерно до истоков р. Чадобец — правого притока Ангары, а на западе — устье самой Ангары с прилегающим районом. Широтными границами региона являются горные цепи на севере и на юге, с которых берут свое начало правые и левые притоки средней и нижней Ангары.

Ради удобства мы поделили Приангарье на два субрегиона: собственно ангарский и тасеевский — по названию крупного левого притока Ангары р. Тасеева с ее притоками. Ознакомимся с эвенками ангарского субрегиона. Русские вошли с ними в соприкосновение, еще находясь на левом берегу Енисея. По сообщению приказчика Кетского острога Григория Елизарова, до него в 1609 г. дошел слух о том, что тунгусский князец Данул «воевал» «в судех по последнему пути» ясачных людей Кузнецкой вол. (т. е. кетов), возглавлявшихся князем Туметкой. Елизаров отмечал, что тунгусы собирались также идти войной против ясачных людей — жителей р. Кеть, «чтобы оне государю ясак не давали, а давали ясак тунгусам» (РИБ, т. 2, с. 204). Елизаров послал на правый берег Енисея объединенный отряд, состоявший из русских, зырян и кетских «остяков» (селькупов). Тунгусы были разбиты, но когда отряд возвратился, они «воевали государевых ясашных людей Сымской волости князца Каягетя с товарищи» (Там же, с. 205), т. е. кетов.

В 1611 г. ангарские эвенки (около 15 воинов), переправлялись «в судех» через Енисей и побили «остяков» на р. Кас (Миллер, 1941, т. 2, с. 215, 221) — очевидно, кетов.

Вышеприведенное заявление Григория Елизарова, а также то упорство, с каким приангарские эвенки нападали на «остяков», плативших ясак московскому царю, наводит на мысль, что до появления русских последние являлись вассалами эвенков и платили им дань.

В битвах с приангарскими эвенками участвовали и кодские «остяки» (ханты) Алычевы. В 1623 г. царю Михаилу Федоровичу был челом «князь[ь] Михайло Алачев» о своих делах на государственной службе. Он писал, что поставил Маковский острог на волюке с Оби в Енисей и в 1619 г. ходил в походы «на тунгусских людей» — «князца Данулка с братею» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 6, л. 413 об. — 414).

Непосредственное знакомство русских с эвенками региона произошло около 1817 г., когда в устье Ангары была объясачена так называемая Кипанская вол. (Миллер, 1941, т. 2, с. 241—242). Кипанцы представляли собой как бы выдвинутый непосредственно к Енисею авангард приангарских эвенков, основная масса которых обитала по Ангаре возле устья Тасеевой и выше.

Объясачение более верхних приангарских эвенков произошло в начале 1620-х годов. В мае 1621 г. в Енисейский острог приходили с пушшиной тунгусские князцы Ялым и Иркиней. Тогда же был привезен ясак и от князца Югани. В 1622 г. дали ясак князец Тасей (брат Ялыма) и дальний князец Тарсей, в 1623 г. — аплинские князцы Улус и Куюнка, дальний князец Мунти и другие эвенкийские вожди (Там же, с. 46).

Имя князца Иркинея увековечено в названии р. Иркинеева — правого притока Ангары (ниже сел. Богучаны), а имя князца Тасея — в названии Тасеевой, которая в своем верхнем течении именуется Чуной, а в самом верхнем — Удой¹. Князец Мунти (или Мулти) жил на левом притоке Ангары — Мура (см. ниже).

Более четкие сведения о расселении эвенков региона в XVII в. содержит челобитная стрелецкого сотника Петра Бекетова, атamana Максима Перфильева и их сподвижников. Авторы челобитной сообщают, что первой тунгусской «волостию», которую они привели «под высокую царскую руку», была волость «лопалских тунгусов» (лапагиров), находившаяся в трех днях пути от устья Ангары в местности, именуемой «на рыбной ловле»; там в конце 20-х годов XVII в. жили князцы Иркиней и Бокей «с товарищи». Выше находилась волость «тунгусских людей топорков». На ее территории в Ангару впадают реки Мура, Чадобец и Кова. Во главе «топорков» стояли Мамыга и другие князцы (имена их неразборчивы).

Еще выше, «на Аплинском пороге», русские объясачили «чапагирицов» (чапагиров) во главе с князцом Бултурином (Болтурином), а возле устья р. Ката — «шаманских тунгусских людей» во главе с князцом Когоней (ЦГАДА, ф. 214, ст. 2, л. 452—453). Эти последние уже относятся к региону Прибайкалья и были рассмотрены нами в главе 1.

В данном документе, таким образом, названы следующие основные группы эвенков ангарского субрегиона (вверх по течению Ангары): лапагиры, топорки и чапагиры. Первые, судя по их дислокации («на рыбной ловле»), находились около устья р. Рыбная, являющейся правым притоком Ангары; устье Рыбной расположено в 106 верстах от Енисея (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. 1,

№ 26, л. 28 об.— 31) ². В этом месте русскими был поставлен Рыбенский острог ³. Устье Каты, возле которого жили чапагиры, находится в 575 верстах от Енисея. Тем самым оказывается, что расстояние, которое занимали эвенки рассматриваемого субрегиона, простиралось по Ангаре примерно на 600 км вверх от ее устья, т. е. от Енисея.

В начале 30-х годов XVII в. «рыбенские эвенки» учитывались в составе трех ясачных волостей: Лапагирской. Мендизикурской и Кайваганской (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 48, л. 50 об.). Лапагиров (25 ясачных плательщиков) возглавлял князец Иркийей, кайваганцев (22 ясачных плательщика) — Болкей Келов, а мендизикуров (16 ясачных плательщиков) — князец Мукотей (Долгих, 1960, с. 195). Две последние волости находились, по нашему мнению, не на Ангаре, а в низовьях Тасеевой.

К группировке рыбенских эвенков следует относить и группу лапагиров во главе с князем Мадугой Бурулчиным, жившую возле устья левого притока Ангары — Карабулы. У карабульских лапагиров в начале 1630-х годов учитывался 31 ясачный плательщик (Там же).

«Топорки» в начале 1630-х годов на Ангаре не упоминались. Вместо них на Муре указывались «ичеренцы» (ичерильцы), а на Чадобце — тунгусы во главе с князем Тюлкинеем. У ичеренцев было 12 ясачных плательщиков, их возглавлял князец Готал Мултин — вероятно, сын вышеупомянутого князца Мунти (Мулти). Челобские эвенки насчитывали 62 ясачных плательщика (Там же).

Наиболее верхние по Ангаре чапагиры насчитывали в это время 41 ясачного плательщика. Они по-прежнему упоминались «на Аплинском пороге» ⁴ и их по-прежнему возглавлял князец Болтурин (Там же).

В итоге на указанную дату в ангарском субрегионе был учтен 171 ясачный плательщик из эвенков (без двух групп, отнесенных нами к тасеевскому субрегиону). Это — с учетом коэффициента 4 — составляет приблизительно 680 человек всего эвенкийского населения.

В последующие десятилетия на территории рассматриваемого субрегиона были вовлечены в платеж ясака новые группы эвенков. В 1683 г. все местные эвенки суммарно обозначались как «рыбенские» и «чадобские». Первые жили между устьями Муры и Каты (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 1422, ч. 1, л. 153) ⁵. В свою очередь, рыбенских тунгусов этого периода можно разделить на более нижних и более верхних. К более нижним относились роды Коюнгольский, Лапагирский, Нанадунский и Немеднинский общей численностью в 46 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 197). Из этого числа 8 ясачных плательщиков лапагиров мы относим к ангарскому субрегиону, а остальные 38 — к тасеевскому. Более верхнюю часть рыбенских эвенков составляли четыре платежные группы, дислоцированные по рекам Каменке, Пичуге, Иркийеевой и Карабуле, — 109 ясачных плательщиков (Там же).

Эвенки Чадобских волостей также подразделялись на четыре группы, обитавшие на реках Чадобец, Кежма, Кова и Ката. У них указывалось 186 ясачных плательщиков, т. е. приблизительно 740 человек всего населения, а их родами были «Зятоягинский», «Ичеривский», «Ичерилиный» и «Чипугирский», т. е. Ятоягир, Ичериль и Чапагир. Таким образом, в начале 1680-х годов в ангарском субрегионе учитывалось 303 ясачных плательщика, что составляло около 1200 человек всего эвенкийского населения.

Теперь обратимся к тасеевскому субрегиону. В 1630 г. сообщалось, что местные тунгусы (порядка 38 ясачных плательщиков) живут по Тасеевой от ее устья «до порогу», выше которого кочевали уже «бращские люди» — куряхонцы (СДИБ, с. 22)⁶. Более подробных сведений о тасеевских эвенках тогда не приводилось. В 1683 г. на Тасеевой и Чуне указывалось семь платежных групп эвенков: роды Ичерильский (две группы), Легор, Недединский, Таналчин и Топорокильский. Одна группа, обитавшая на р. Она (Бирюса), не имела обозначения. Суммарная численность всех указанных групп составляла 89 ясачных плательщиков (*Долгих*, 1960, с. 197). Если к этому числу добавить 38 ясачных плательщиков, числившихся в составе нижних рыбенских эвенков (см. выше), то окажется, что численность эвенков тасеевского субрегиона достигала на указанную дату 127 ясачных плательщиков, т. е. около 500 человек всего населения. В целом же на территории региона в 1680-х годах проживало 430 ясачных плательщиков эвенков, что составляло около 1720 человек всего населения. Учитывая тесные контакты приангарских эвенков с безоленными аборигенами в лице асанов и коттов (см. следующий раздел), можно предполагать, что примерно десятая часть этих эвенков тоже не имела оленей. Это означает, что из 1,7 тыс. человек эвенкийского населения Среднего и Нижнего Приангарья 1,5 тыс. человек были оленеводами и 0,2 тыс. чел. — безоленными охотниками и рыболовами. Большую часть безоленных эвенков составляли, по нашему мнению, жители тасеевского субрегиона.

* * *

С середины XVII в. жизнь эвенков региона протекала под постоянно усиливавшимся влиянием со стороны все возраставшего пришлого населения. Первые шаги по хозяйственному освоению Ангары и Тасеевой были сделаны русскими еще в конце первой половины XVII в. На Ангаре, возле Рыбенского острога, и на Тасеевой в 1648 г. были отведены угодья для Енисейского Спасского монастыря (*Миллер*, 1961, т. 3, л. 180). Во время проезда Николая Спафария (в 1675 г.) на Тасеевой и ее притоке Усолке уже существовали «многие русские деревни» (*Спафарий*, с. 76—87). В 80-х годах XVII в. русские селения появились и на Ангаре, возле устьев ее притоков Каменки, Иркинеевой, Пинчуги и Кежмы (*Александров*, с. 114—115).

Активная промысловая деятельность пришлого населения была причиной того, что эвенкам стало трудно добывать пушнину для

уплаты ясака. Администрация пыталась ограничивать эту деятельность (Там же, с. 227—228), однако, несмотря на запреты, она продолжалась.

Ассимилятивные процессы и частичный уход эвенков из Приангарья в другие районы вскоре привел к сокращению их численности. По данным 1735 г., в Рыбенской, Мурской, Чадобской, Ковинской, Катской, Тасеевской и Чунской волостях числилось 219 ясачных плательщиков тунгусов (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 9—9 об.). Это были, по-видимому, те эвенки, которые продолжали постоянно жить на территории региона. Около 700 эвенков к тому времени ушло за его пределы — преимущественно на север (см. ниже).

Помимо положительных сторон тесного взаимодействия эвенков с пришлыми жителями (получение более совершенных орудий, новых материалов, продуктов) оно имело и некоторые теневые стороны, выражавшиеся в торговой эксплуатации, спаивании и т. п. явлениях. Сообщения об этом встречаются в документах, относящихся к самым первым годам XVIII столетия (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 1422, ч. 1, л. 15).

Русское влияние на приангарских эвенков заметно усилилось после того, как в 1754 г. на Чуне был основан Чунской Петропавловский приход «с миссионерской целью для просвещения новокрещеных тунгусов и язычников» (К истории Енисейской епархии, с. 87, 206). По материалам ясачной ревизии 1782 г., полностью крещеными считались эвенки Мурской и Ковинской волостей, а среди жителей Катской вол. были как крещеные, так и некрещеные. Язычниками, по всей вероятности, оставались в основном лишь чапагиры Чадобской вол. и ее локальных подразделений (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 1—60 об.).

Крещеные эвенки получали русские фамилии: Безруких, Брюханов, Иванов, Козмин, Колпаков, Михалев, Мутовин, Прокопьев, Рукусуев и др. Крещение способствовало физическому смешению местных эвенков с русскими посредством взаимных браков. На этот счет имеются прямые указания архивных источников. В списке жителей Чунской вол. эвенки именовались не тунгусами, а «ясашными» (Там же, л. 95—111).

Приобщение приангарских эвенков к христианству продолжалось и в XIX в. Только в 1818—1819 гг. священник чадобской церкви Михаил Левицкий окрестил 136 человек (ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 492, л. 1—5), а священник Спасской церкви Нижнекежемской слободы Тимофей Тежев — 242 человека (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 2294, л. 1). К 1884 г. в Приангарье насчитывалось всего 366 некрещеных эвенков (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 27, л. 73—75). В последних нужно, как мы думаем, видеть ту часть местного эвенкийского населения, которая кочевала к северу от Ангары.

Эвенки, продолжавшие вести традиционный образ жизни, регулярно наведывались в некоторые селения на Ангаре для сдачи ясака и закупки необходимых товаров. О том, как это конкретно происходило, можно судить по описанию, составленному одним

из наблюдателей в первой половине XIX в. «Тунгусы,— писал этот автор,— для снабжения себя вещами приходят к селениям русских два раза в год: первый раз — в январе, а в другой — в июне месяцах; они останавливаются своими юртами в лесу в разном расстоянии от селений» и сначала сдают ясак, а затем «с дозволения тамошнего отдельного заседателя» производят торг. Торг «происходит только между теми тунгусами, кои давно имеют связи с русскими, что у тунгусов называется дружбою. Тунгус отдает другу весь пушной товар, какой только остался после сдачи ясака; за то от него получает не деньги, но ржаную муку, табак, сохатные кожи, холст, сукно русское, бисер и прочие нужные вещи для кочевой жизни. Люди сии называют себя чапогирами... Некоторые из них хорошо говорят по-русски и их большая часть крещены. Некоторые из них берут наше российское платье и, нося во всякое время года фрак и сюртуки... покупают чай и сахар» (Пестов, с. 179—182).

Здесь описана обычная для Сибири меновая торговля пришлого населения с эвенками, основанная на личных «дружеских» отношениях между обеими сторонами. Подобная торговля была, как правило, неэквивалентной и по сути дела представляла собой торговую эксплуатацию «инородцев».

После выхода в свет «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) приангарские эвенки были распределены по 10 инородническим управам, которые чаще именовались «родами». К числу таковых относились (в транскрипции источника): 1). Каменско-Черноульский — 42 человека мужского пола (место прописки — сел. Кежемское); 2). 1-й Куркугирский — 132 (место приписки не указано); 3). 2-й Куркугирский — 120 (сел. Чадобское); 4). 3-й Куркугирский — 66 (сел. Иркинеевское); 5). 1-й Лапагирский — 29 (сел. Ковинское); 6). 2-й Лапагирский — 39 (сел. Кежемское); 7). Нанудальский — 35 (сел. Чадобское); 8). Панкагирский — 28 (место приписки не указано); 9). Чамдальский — 108 (сел. Кежемское); 10). Ятоульский — 125 (сел. Чадобское) (Долгих, 1946, л. 717, 718; АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52)¹. Перечисленные роды находились в ведении Богучанского отделения Енисейского округа Енисейской губ.

Суммарная численность этих родов составляла 724 человека мужского пола, т. е. приблизительно 1540 человек всего населения. Сравнивая полученную цифру с цифрой, исчисленной нами для 1735 г. (см. выше), приходим к выводу, что разница между ними — порядка 670 человек — как раз и составляла ту часть приангарских эвенков, которая уже в первой половине XVIII в. кочевала за пределами региона, преимущественно к северу от него.

Реформа «инородческого» управления сопровождалась «исправлением самих наименований» групп плательщиков ясака, как выражался енисейский губернатор А. П. Степанов. Однако это исправление (восстановление старых названий) было проведено в ряде случаев чисто формально. Так, например, 1-й Лапагирский род был образован вместо Ковинской вол., а 2-й Лапагирский —

вместо Катской вол. (Долгих, 1946, л. 728—729), в составе которых лапагиры прежде не числились.

Во второй половине XIX в. среднее и отчасти нижнее Приангарье неофициально именовалось Богучанским краем. Центрами этого края считались русские селения Пинчуга и Кежда. В 1875 г. в одной из газет отмечалось, что местное русское население достигало 5 тысяч ревизских душ, тогда как тунгусское — только 648. Об эвенках сообщалось, что они «с каждым годом уменьшаются в численности. Их ужасно истребляет оспа. Недавно еще, кажется, года три тому назад, болезнь эта произвела страшное опустошение в среде богучанских и туруханских инородцев» (Сибирская газета, 1875, № 26) ⁸.

Автор цитируемой заметки отмечал, что богучанские тунгусы сдают ясак в селениях Кежемское (на Ангаре) и Коновалово (на Муре), выходя туда с пушниной в начале зимы и по окончании пушного промысла в марте. Там происходили тунгусские сугланы (общие собрания). Туда же «со всех прочих пунктов» стекались «богучанские акулы с запасом приличного количества табаку и сивухи». «После этих сугланов,— писал автор,— бедные инородцы как очумелые бродят по деревне... Почти все они в постоянном долгу у вышесказанных торговцев». Иногда должники всей семьей возмещают свои долги торгашу — «жнут хлеб, косят сено, возят на золотые прииски тяжести и т. д.» (Там же).

Видимо, понимая вред от непосредственного общения с торговыми хищниками, тунгусы стали реже выходить в указанные селения, ограничиваясь отправкой туда своих «князцов». «Но за то их в кочевьях посещают тамошние коммерсанты для обмена своего товара на тварской продукт», — писал тот же автор (Там же) ⁹.

Перепись 1897 г. выявила в Енисейском округе 1333 тунгуса, однако к рассматриваемому региону относилось только 1258 человек. Их распределение по русским волостям и селениям, а также административным родам имело следующий вид (см. табл.) ¹⁰:

Власть	Административный род	Численность (чел)
Пинчугская	Каменско-Черноульский, Нанудальский, Ятояльский, 2-й и 3-й Куркугирские	335
Кежемская	В русских селениях	50
Кежемская	1-й Куркугирский	491
	Чемдальский	276
	Панкагирский	69
	2-й Лапагирский	12
	В русских селениях	2
Пришлые тунгусы		23 ¹¹
Итого:		1258

Фактически абсолютное большинство приангарских эвенков в конце XIX в. осваивало районы, расположенные на территории региона Подкаменной Тунгуски. На Ангаре эвенков было очень мало. «Южнее Ангары тунгусы очень малочисленны и сведений о них почти не имеется», — констатировал С. К. Патканов (1906, ч. I, вып. I, с. 161).

Сведения об этих эвенках были добыты в начале XX в. В 1908—1909 гг. район между Чуной (Тасеевой) и Мурой посетил податный инспектор И. И. Покровский. Он выявил там 10 эвенкийских семей (53 человека), принадлежавших в большинстве случаев к Нанудальскому роду Пинчугской вол. Нанудальцы сохраняли 163 оленя, но многие из них были безолennыми. Из доклада следует, что русский язык прочно вошел в обиход этих эвенков. В двух семьях оказались даже русские жены. Зимой эвенки жили в избах, а на лето переходили в «юрты». Часть эвенков летом батрачила в хозяйствах чунских и мурских крестьян, а осенью уходила в тайгу на промысел. Один из эвенков, Е. А. Рукосуев, принадлежавший к Ятоульскому роду, перешел в крестьяне и жил на заимке Савельево на р. Чукуша. На жизнь он зарабатывал продажей самодельных кошей, посуды и других изделий из дерева (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{509}$, л. 60—63) ¹².

Заслуживает интереса следующее наблюдение Покровского: большая часть молодежи чунских и мурских эвенков «совершенно» не употребляла спиртных напитков (Там же, л. 64). К сожалению, Покровский не указал, благодаря чему им удалось избежать этого пагубного влияния «цивилизации».

В 1914 г. красноярский этнограф И. Чеканинский тоже посетил чунско-мурских эвенков. По его данным, оседлые эвенки этой группы жили в 40 верстах от д. Березовая на Чуне. Часть русских оказалась по происхождению эвенками. Так, один крестьянин из д. Хая помнил, что его дед был «чепагыр» (Чеканинский, 1914, с. 70. 74). Чеканинский установил, что еще одна группа эвенков кочевала по Оне (Бирюсе), «выходя даже на Ангару» (Там же, с. 79), однако численность этой группы он не указал.

На другом, левом, притоке Ангары — Кове — в 1910 г. побывал сотрудник Красноярского подотдела РГО А. П. Ермолаев. «В местности, где протекает речка Кова, еще недавно жила особая Тунгусская орда. [но] в настоящее время от последней остались старые, большей частью разрушенные, лабазы, — писал он — ...Из тунгусов на Кове остались лишь двое: молодая девушка в д. Костиной и пожилой тунгус в д. Кове». Оба говорили по-русски и одевались в русское платье. «Предки их частью вымерли, частью ушли на Катангу» (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{500}$, л. 19) ¹³, т. е. на Подкаменную Тунгуску.

Выше по Ангаре, между деревнями Кежма и Савина, Ермолаев встретил три семьи эвенков, которые, несмотря на паличие оленей, жили оседло и занимались охотой. Несколько человек из них (в

том числе дети) знали русскую грамоту. Эвенк Ларион носил бурки, новые галоши, брюки из желтоватого сукна, «приличный пиджак», каракулевою шапку и часы, хорошо играл на гармонии. Ермолаев нашел, что у него, при плоском профиле, «лицо почти правильное..., интеллигентное». Себя эти эвенки называли «аванки» (Там же, л. 23, 24).

В 1920-х годах остатки южных приангарских эвенков были обнаружены в верховьях Муры (на территории Шиткинского р-на Иркутской обл.) и в бассейне левых притоков Бирюсы — Туманшета и Поймы (на территории Тайшетского р-на той же обл.). К Шиткинской территориальной группировке (она же Верхне-Мурская) официально принадлежало 14 семей (69 человек) эвенков, однако на месте в момент Приполярной переписи оказалось только 24 человека. С 1926 г. эти эвенки стали переселяться на Подкаменную Тунгуску (в район факторий Кузьмовка и Таимба) и даже еще дальше на север — на р. Игарка. Они сочетали оленеводство со скотоводством: помимо 92 оленей, держали 10 лошадей и 3 коровы (Долгих, 1946, л. 589—590). В состав шиткинских эвенков входили семьи из родов Лопукор (5 семей), Багдаль (3 семьи), Тумныйяр (2 семьи), Момоль (2 семьи), Кордуаль (1 семья) и Коннокоир (1 семья) (Там же). Большинство представителей названных родов, кроме рода Багдаль, дислоцировалось в это время уже на Подкаменной или Нижней (род Коннокоир) Тунгусках.

Тайшетских эвенков в 1926 г. обследовала сотрудница Красноярского музея М. Д. Соловьева. На основании произведенных опросов она писала: «Давно, лет сто тому назад, в районе бассейна р. Туманшета кочевало большое количество тунгусов, вышедших с Ангары, из Кежемской и Пинчугской волостей». Эти выходцы тяготели к селениям Тины и Нижнечеремуховская. Они жили в чумах и носили одежду из шкур, в том числе нагрудники. Одежду украшали вышивками и биссром с характерной гаммой белого, зеленого и черного цвета. «У некоторых из старых тунгусов на лбу и щеках была татуировка в виде прямых или дугобразных полос, но подобное украшение встречалось сравнительно редко и было, вероятно, признаком каких-то особых заслуг и отличий». Оружием эвенкам сначала служили луки и стрелы, а позднее — кремневые винтовки и берданы. Лыжи были по краям подбиты лосяным камусом, а посредине — оленьим. Рыболовные сети эвенки заимствовали у русских, так как их собственными орудиями рыбловства были только остроги и «изгороди». Средствами передвижения по воде служили лодки-берестянки. До того, как они познакомились с хлебом, эвенки мололи луковицы сараны и из полученной муки пекли лепешки. Сарану они, кроме того, тушили в котлах. Они имели по 20—50 оленей на семью, «но олени были мелкие и слабосильные, хуже, чем у бирюсинских карагасов». Для верховой езды пользовались седлом «из оленьих рогов». Зимой на корм оленям рубили ветки елей, покрытые лишайником. Суглан тайшетских эвенков происходил на р. Туманшет (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 213, л. 19 об. — 20).

Соловьева отмечала, что большую часть этих эвенков унесла эпидемия оспы, вспыхнувшая в 80-х годах XIX в. У них уцелело всего 11 семей, не считая одиночек. Олени во время эпидемии разбежались и были перестреляны русскими охотниками либо задавлены их собаками. В 1897 г. эпидемия повторилась. Уцелевшие эвенки (3—4 семьи) переселились в район, прилегающий к железнодорожной станции Туманшет, где и перешли к оседлости. Один из них, Егор Чемдальский, приписался к крестьянам и «завел хозяйство». На р. Тина (правый приток Поймы, впадающей слева в Бирюсу) в бытность там Соловьевой оставалось еще несколько эвенков, имевших фамилию Долганенок (Там же, л. 20 об.). Судя по фамилии «Чемдальский», ее носители принадлежали к административному Чемдальскому роду, а фамилия Долганенок дает основание думать, что часть тайшетских эвенков являлась потомками представителей рода Долган — выходцев из региона Северо-Запада.

О своей встрече с обруселыми эвенками Тайшетского р-на общала в 1926 г. и Г. М. Василевич. В письме, адресованном Л. Я. Штернбергу и В. Г. Богоразу, она писала, что на тракте от Тайшета до Ангары встретила две семьи эвенков, живших в рабочих у русских, а ближе к Ангаре — еще две семьи совершенно обруселых эвенков. В тайге, возле тракта, они строили себе дом, тогда как до тех пор жили в «зимовье» зимой и в «юрте» летом. В их хозяйстве имелись коровы и лошади. Верстах в 12—15 от них Василевич встретила еще 4 семьи полуоседлых эвенков, державших как коров, так и оленей. «В таком же роде можно было встретить тунгусов на тракте из Канска и Богучаны», — писала она (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 175, л. 58).

Поблизости от Ангары, на ее правых притоках, эвенков в начале XX в. также оставалось очень немного. А. П. Ермолаев, поднявшийся в лодке вверх по Чадобцу до д. Яркина, эвенков не обнаружил. Вместе с тем их влияние среди жителей ощущалось очень сильно: половина ходила «в тунгусской одежде». Еще десяток лет тому назад эвенки приходили в Яркину для меновой торговли, но затем местные «богачи» сами стали посещать эвенкийские стойбища (КККМ, № $\frac{572.4(09)}{500}$, л. 17—18) ¹⁴.

Некоторое число оседлых эвенков было обнаружено в 1920-х годах в верховьях р. Каменка, однако они фактически составляли одно целое с Комовской территориальной группировкой эвенков региона Подкаменной Тунгуски (см. главу 3).

2

Этносоциальная структура приангарских эвенков

В настоящем разделе мы рассмотрим следующие роды и волости приангарских эвенков: Багдаль, Ичерильский, Кайваганская, Каменско-Черноульский, Кипанская, Коюнгольский, Лапагир (Ло-

пальская), Легор. Мендизинкурская (Мендизикурская). Нанадунский (Нанудальский). Немединский (Недединский). Таналчин. Топорки. Все прочие, упоминавшиеся в предыдущих разделах, мы по ряду соображений рассматриваем в главах 3 и 4, а род Долган — в главе 5.

Эвенки рода Багдаль, выявленные Приполярной переписью в Шиткинской территориальной группировке на левобережье Ангары, насчитывали в 1926—1927 гг. 3 семьи (14 человек) и имели 22 оленя (Долгих, 1946, л. 580). В конце 1920-х годов багдали, вероятно, переселились на Подкаменную Тунгуску, однако в точности мы этого не знаем.

Происхождение данной группы, а также ее административная принадлежность не совсем ясны. А. Ф. Анисимов относил ее (у него — род Багдалил) к фратрии Багдалил из «племени» Чемдаль (Анисимов, с. 107). Б. О. Долгих сначала относил род «Багдаль» к Ятоульскому административному роду (1946, л. 590), а позднее — к «группе Нанудаль» (1960, с. 202). По нашему мнению, Багдаль — не род, а патронимическая группа в составе какого-то кровного рода. Не исключено, что это название — производное от имени Багдарикан, принадлежавшего отцу сонинга Пачаки из рода Момоль (ИФЗ, с. 297). Эвенкийское *багда, багдарин* — «белый» (ТМС, т. 1, с. 62).

К роду Багдаль, судя по всему, принадлежал известный в Эвенкии учитель Евлампий Спиридонович Бурмакин. Как он сообщал о себе в письме к М. Г. Воскобойникову, он родился в сел. Талая Тайшетского р-на Иркутской обл. в 1896 г. Его отец был политическим ссыльным (русским), а мать — эвенкийкой. Свою фамилию Е. С. Бурмакин унаследовал от нее. В скобках он указывает ее эвенкийское прозвище или фамилию — «Багдашонок» (Воскобойников, 1969, с. 71) очевидно образованное от этнонима «Багдаль»¹⁵.

Род Ичериль существовал только в XVII в., позднее такой этноним у эвенков не встречался. В 1683 г. этот род существовал в виде четырех локальных групп: 1). «Ичеринский» род на Кове — 61 ясачный плательщик; 2). «Ичерилиный» род на Кежме — 18; 3). «Ичерильский» род на Тасевой — 9; 4). «Ичерильский» род на Чуне — 6 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 197). Всего, стало быть, приангарские ичерильцы насчитывали в то время 94 ясачных плательщика, т. е. около 370 человек всего населения. Но надо также иметь в виду, что в первой трети XVII в. какие-то ичерильцы под названием рода Инберетин упоминались на Подкаменной Тунгуске (см. главу 3).

Этноним Ичериль, очевидно, имеет отношение к эвенкийскому термину *ичэри* — «шаманить», «предсказывать» (ТМС, т. 2, с. 335). Территориально ичерильцы были соседями шамагиров, живших выше по течению Ангары. В списке нижеилимских шамагиров за 1640 г. встречается имя «Ичеренской» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 145, ч. 1, л. 202 об.). Б. О. Долгих полагал, что ичерильцы и шамагиры «представляли одно тунгусское племя», основным названием

которого было «Ичериль». Наличие двух различных (по форме, но не по смыслу) названий этого племени он объяснял следующим образом: название «Ичериль» было записано русскими от эвенков в Енисейском у. (т. е. в Приангарье) «без перевода» на русский язык, а в Илимском у. (т. е. в Прибайкалье) то же название было записано русскими более употребительным среди них словом «шаманцы» (1960, с. 198—199). Нам эта версия не представляется убедительной.

Как мы помним, до начала 1630-х годов ичерильцы в Приангарье не упоминались. Вместе с тем как раз в это время начались миграции шамагиров из Прибайкалья. Одна из шамагирских групп была около 1639 г. обнаружена на Лене, возле устья ее левого притока Ичёры (см. главу I). Похоже на то, что некоторые из этих ичёрских шамагиров за несколько лет до того перешли на Ангару, в район устья Муры, и стали там именовать себя Ичёрил или Ичёриль, т. е. «ичёрские» (по названию реки). Исчезновение данного этнонима в Приангарье после 1683 г. можно объяснить тем, что часть шамагиров-ичерильцев была ассимилирована местными русскими крестьянами, а часть мигрировала из Приангарья, возвратив себе прежнее родовое название Шамагир.

Кайваганская вол., известная у рыбенских эвенков в первой трети XVII в., в 1683 г. тоже не упоминалась. Потомки жителей этой волости, судя по всему, образовывали тогдашний Коюнгольский род (12 ясачных плательщиков), возглавлявшийся князем Наунцей Болкеевым (*Долгих*, 1960, с. 195—197). Как мы помним, Бокей (или Болкей) был одним из руководителей рыбенских эвенков в 1620-х годах. Название Кайваган — вероятно, более правильное обозначение данной группы, нежели Коюнгол. Оно, видимо, представляет собой производное от гидронима Хайба: *хайба* + *ган*, где *-ган* — эвенкийский суффикс принадлежности к местности. В системе Ангары мы такой реки не находим, но она имеется на левобережье Енисея: это один из правых притоков р. Дубчес на территории кетов. В кетском языке имеется и созвучный этноним *хайбаг-дэнг* — «люди гористой земли», где кетское *хай* — «гора», а «дэнг» — «люди» (*Алексеев*, с. 26). В связи с этим вполне реально предполагать в кайваганцах тунгусоязычную группу этнически смешанного происхождения.

Каменско-Черноульский административный род кочевал возле д. Каменка, расположенной при устье одноименной реки — правого притока Ангары (*Кривошапкин*, 1865, с. 139)¹⁶. В 1897 г. этот род включал 80 человек. (*Патканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 168), однако в 1920-х годах о нем уже не было никаких известий. Предки указанного рода были по происхождению чапагирами. В материалах ясачной ревизии 1795 г. мы встречаем упоминание о «Чадобской волости Каменского роду Чапогирского ясачных тунгусах» в числе 23 человек мужского пола. Главой этого рода считался до своей смерти в 1785 г. тунгус Лунюнча Черноусов (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 21—24). После Октябрьской революции, когда прежние административные объединения эвенков потеряли свое значе-

ние, члены Каменско-Черноульского рода стали, по-видимому, называть себя чапагирами.

Кипанская вол. упоминалась только в начале 1620-х годов; в ней тогда числилось 6 ясачных плательщиков (Миллер, 1941, т. 2, с. 259). В связи с этим Б. О. Долгих думал, что кипанцы были не тунгусами, а кетами, и что между 1623 и 1628 гг. они слились с Кузнецкой вол. «остяков», население которой в это время возросло с 6 до 11 ясачных плательщиков (1960, с. 185—187). Мы полагаем, что кипанцы представляли собой смешанную тунгусо-аринскую группу, говорившую по-эвенкийски. На это отчасти указывает тот факт, что в 1626 г. кипанский князец Илтик «со всей своей волостью» и князец Епея — глава Кодской вол. «остяков» на р. Кеть — совершили кратковременный побег к аринцам в район Красноярского острога (Долгих, 1960, с. 186).

Согласно Г. Ф. Миллеру, название «Кипанская» было дано волости по речке Кипан, которая якобы впадает в Ангару «с южной стороны» (Миллер, 1941, т. 2, с. 241—242). Однако мы не нашли такой речки на картах. Поэтому мы считаем, что это название представляло собой искажение от названия «Киманская», ввиду близости данной волости к Енисею, который до своего слияния с Ангарой носит у местного тюркоязычного населения название Кем (Кемь) или Ким¹⁷. Отметим также, что ниже Енисейска в Енисей впадает р. Кемь; в первой половине XVII в. русские ее также называли Ким. На этой реке находилась ясачная Кимская вол., жителей которой — вероятно, аринцев — Г. Ф. Миллер называл «загадочным народом» (Миллер, 1937, т. 1, с. 323, 420—428).

Эвенки рода Лапагир («Лопа») были наиболее близкими соседями кипанцев на Ангаре. Расселение лапагиров по этой реке простиралось примерно от устья Тасеевой до устья Карабулы. В начале 1630-х годов лапагиры, как уже отмечалось, образовывали две локальные группы; их суммарная численность достигала 56 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 195), т. е. около 230 человек всего населения. К 1683 г. численность лапагиров заметно сократилась: рыбенские лапагиры насчитывали в это время всего 8 ясачных плательщиков, а о карабульских вообще не было никаких известий (Там же, с. 197).

Этнографически лапагиры, по-видимому, составляли одно целое с варгаганскими лунгусами, обитавшими в XVII в. между низовьями Ангары и Подкаменной Тунгуски. На это указывает, в частности, имя питского князца Лопа (см. главу 3).

В летописном сочинении XVII в. «О Сибирском царстве и о царях того великого царства» наряду с «тунгусами» называются также «лопане» и «гарагили» (Изборник славянских и русских сочинений..., с. 401), т. е. лапагиры и горагиры¹⁸, которые, как видно, чем-то выделялись среди других эвенков.

Этимология этнонима Лапагир затруднительна. Эвенкийское слово *лапака* («яма», «впадина») существует только в одном северобайкальском говоре южного наречия (ТМС, т. 1, л. 493). Селькупское *лапо* означает «весло» (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 43)¹⁹. На

возможную связь лапагиров с селькупам указывает свидетельство тазовских селькупов Каргачевых, приводимое нами в главе 6. Нельзя игнорировать и этноним лопари («лопяне», «лопь»), прилагавшийся русскими к саамам. Иными словами, нельзя исключать версию о древнеуральском происхождении предков рода Лапагир эвенков.

Во время административной реформы 1822 г. лапагиры, по-видимому, вошли в один из трех «Куркугирских» родов. В начале XX в. лапагиры, как и большинство куркагиров, жили на Подкаменной Тунгуске, где именовались лопаями или лопоколями (лопуками).

Род Легор в 1683 г. именовался: «По Тасеевой реке тунгусы род Легор»; в нем числилось 7 ясачных плательщиков. Б. О. Долгих считал его членов «асанами по происхождению» (1960, с. 197, 205). Дальнейшая судьба данного рода нам неизвестна. Не лишено интереса, что в середине XIX в. фамилия Легоров существовала у ляхинских ненцев на левобережье нижней Оби (Васильев, с. 174).

Мендизинкурская вол. во главе с князем Мукотеем в 1631 г. была приписана к Рыбенскому острогу и насчитывала 16 ясачных плательщиков. В 1683 г. эта волость уже не упоминалась, зато упоминался Немединский род (9 ясачных плательщиков), приписанный к тому же острогу (Долгих, 1960, с. 195, 197). Вероятно, другая группа того же рода, дислоцированная на Чуне (17 ясачных плательщиков), именовалась Недединским родом. Совместимость мендизинкуров с немединцами подтверждается сличением их имен в списках плательщиков ясака (Там же).

В этнониме Мендизинкур можно выделить суффикс-*нкур*, означающий в эвенкийском языке принадлежность части людей или даже одного человека к определенному роду. Отбрасывая этот суффикс, получаем гипотетический родовой этноним Мендизин (Мендигир?). Возможно объяснение этого этнонима от эвенкийского *мэндикэ* — «свой, собственный, личный» или от негидальского *мэндэнзи* — «целиком» (ТМС, т. 1, с. 568, 570). Нельзя исключать и того, что в основу этнонима лег гидроним Мендель, принадлежащий верхнему левому притоку р. Кеть на левобережье Енисея, или гидроним «Мензя», служащий названием левого притока Ангара, впадающего в нее ниже Карабулы.

В XVII—XVIII вв. эвенки Недединского рода, судя по всему, входили вместе с другими эвенкийскими обитателями р. Тасеева (Чуна) в Чунскую вол. Енисейский губернатор А. П. Степанов переименовал ее в Мендежельский род (Долгих, 1946, л. 729—732), название которого до некоторой степени повторяет исчезнувший этноним Мендизинкур. Следует, однако, отметить, что в известных нам источниках XIX — начала XX в. Мендежельский род не упоминался; можно думать, что ввиду его малочисленности он был присоединен к Нанудальскому роду, к которому мы теперь переходим.

Прототипом Нанудальского рода был Нанадунский род XVII в. который впервые был назван в 1683 г. у тунгусов Рыбенских воло-

стей. Его название было передано следующим образом: «Нанадунского рода, топоракки они ж». Род насчитывал 17 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 197) и, вероятно, входил в Мурскую вол. Этноним Нанадун можно производить из эвенкийского *н'аннада* — «грузный», «мутный» (ТМС, т. 1, с. 633).

В 1683 г., кроме Нанадунского рода, существовал и «Топорокильский» род (22 ясачных плательщика) у тунгусов Чунских волостей. Топорками были, по-видимому, также эвенки, именовавшиеся «по реке по Оне тунгусы» — 22 ясачных плательщика (Долгих, 1960, с. 197). В итоге общая численность топорков, включая нанадунцев, достигала на указанную дату 61 ясачного плательщика. Кроме приангарских, существовала и группа топорков, обитавшая в верховьях Подкаменной Тунгуски (см. главу 3).

Совмещение нанадунцев с топорками в документе 1683 г. дает основание полагать, что в данном случае мы опять-таки имеем дело с этнически смешанной группой, говорившей по-эвенкийски. Этноним Топорки не тунгусский. Нам уже приходилось указывать на созвучие данного этнонима с названием Тупоракова улуса котлов на Бирюсе (Оне) и гидронимом Топорок в системе той же рски (Долгих, 1960, с. 242).

Имя князя Мамыга, который в 1620-х годах возглавлял одну из групп топорков (см. первый раздел), мы склонны рассматривать не как личное, а как родовое. В соответствии с нашей версией вождем указанной группы топорков был представитель тунгусского рода Момогир — выходец из региона Нижней Тунгуски (см. главу 4). В силу того же соображения в топорках можно видеть тунгусо-аборигенную группировку, в образовании которой активное участие принимали момогиры.

Возвращаясь к Нанудальскому административному роду XIX в., отметим, что в 1852 г. он был приписан к Пинчугской вол. на Ангаре и состоял из 94 человек обоего пола (КККМ, № $\frac{902(09)}{816-V}$).

л. 7—9). Нанудальцы кочевали «близ деревни Коноваловской» на левом берегу Муры почти в 150 верстах от устья (Кривошапкин, 1865, с. 137—138). По переписи 1897 г., у них насчитывалось 9 хозяйств, 34 человека (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 152). Потомками нанудальцев XIX в. и топорков XVII в. можно считать род Топороколь у эвенков региона Подкаменной Тунгуски (см. главу 3).

Род Таналчин в конце XVII в. фигурировал в двух ипостасях: 1). «Вверх по Тасесвой реке и по Усолке... асаны, род Таналчин» — 10 ясачных плательщиков; 2). Тунгусы Таналчина рода в том же районе — 6 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 197). Скорее всего обе группы имели смешанный национальный состав, причем представители первой говорили на асанском языке, а представители второй — на эвенкийском. Этноним Таналчин можно производить от эвенкийского *тана* — «осетр» (ТМС, т. 2, с. 161).

Судьба этих смешанных групп нам неизвестна. Можно лишь предполагать, что их тунгусоязычные потомки были в XIX в. административно присоединены к Ятоульскому роду, у членов которо-

го существовала фамилия Наталчин (КККМ, № $\frac{902 (09)}{816-V}$, л. 3), видимо, образованная из этнонима Таналчин.

Род Ятояль в документах XVII в. обычно писался как «Зятоягин», что отражает его тогдашнее название Ятоягир. В 1683 г. «Зятоягинский род» на р. Чадобец насчитывал 68 ясачныхплательщиков (Долгих, 1960, с. 197). На рубеже XVII—XVIII вв. ятояли входили, по-видимому, в Чадобскую «береговую» волость, потому что в 1824 г. А. П. Степанов переименовал ее в Ятасльский или Ятоульский род. В 1824 г. ятоули насчитывали 125 человек мужского пола и имели 300 оленей (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 5^о).

В 1852 г. Ятоульский род числился в составе Пинчугской вол., а его численность определялась в 164 человека обоего пола. Среди фамилий, принадлежавших ятоулям, мы встречаем фамилию Долганов (КККМ, № $\frac{902 (09)}{816-IV}$, л. 2—3 об.). Эта фамилия коррелирует с фамилией Долганенок, выявленной в 1926 г. у остатков тайшетских эвенков М. Д. Соловьевой (см. раздел 2). Поэтому похоже на то, что после 1852 г. часть ятоулей мигрировала с Ангары на юг, и именно этим объясняется резкое снижение численности данного рода к 1897 г., когда в нем было зарегистрировано всего 8 семей, 46 человек (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 152). Эти учтенные переписью 1897 г. ятоули жили в регионе Подкаменной Тунгуски.

Для объяснения этнонима Ятояль («Ятоягир») мы отыскиали в словарях лишь термины, принадлежащие к языкам тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура, Сахалина и Приморья: негидальское *ятаву* — «шалаш» (для роженницы), удэгейское *ята* — «кровь» (менструальная), орокское *ята* — «родить». и т. д. (ТМС, т. 1, с. 344—345). Все приведенные значения так или иначе связаны с процессом деторождения.

3

Межэтнические связи приангарских эвенков и особенности их традиционной культуры

В бассейне среднего течения Ангары (в XVII—XVIII вв., наряду с эвенками жили кетоязычные асаны и отчасти котты. Район расселения асанов русские называли Асанской или Васанской землицей (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 315; Миллер, т. 2, с. 48).

В одном из документов 1633 г. Асанская землица совмещалась с владением князца Сабука — Тупоракова брата, жившего на Тасевой. С именем Тупорак логично сопоставлять гидроним Топорок, принадлежащий одному из правых притоков Оны (Бирюсы), и этноним Топорки (см. первый раздел). Бирюса — левый приток Тасевой.

В 1626 г. енисейский воевода Андрей Ошанин, пославший служилых людей и питских эвенков покарать «изменника тунгусского князька Тасейка», приказывал, «сыскав васанских людей», говорить им, «чтоб они... государю прямили и служили» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 18). Создается впечатление, что Тасей до прихода русских осуществлял власть над тасеевскими асанами и вместе с ними бежал, чтобы уклониться от платежа ясака московскому царю.

Прямым свидетельством прежнего обитания асанов на Ангаре и ее притоках служит упоминавшийся еще в первой половине XVIII в. «Асанов ручей» — первый приток Ангары, впадающий в нее ниже устья Каты (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. I, № 26, л. 21 об.).

Котты были южными соседями асанов. В 1628 г. на р. Кан, возле Араксиева порога, было основано зимовье для взимания ясака с коттских князцов Тымака и Теменека. Об этих коттах сообщалось, что они зимой ходят на лыжах, а «летом пеши» (Александров, с. 47, 56). Жили котты и на Бирюсе (Кастрен, с. 427).

Контакты приангарских эвенков с асанами были территориально более широкими и массовыми. Можно говорить даже о весьма далеко зашедшем процессе слияния асанов с эвенками в XVII в., приведшем к появлению ряда контактных этнографических групп. Таковыми, например, являлись роды Лагор и Таналчин (см. ниже). Б. О. Долгих писал, что имена эвенков, живших в XVII в. на Бирюсе, напоминают имена асанов и коттов, а некоторые имена асанов имеют тунгусский характер (1960, с. 206—207). М. А. Кастрен сообщал о существовании в его время около г. Канска д. Барнауль, в которой (как и в других соседних селениях) жили бирюсинские котты (1860, с. 427). Судя по типичному окончанию *-уль*²⁰, название Барнауль является тунгусским.

Приангарские эвенки общались также с кетами и кетоязычными аринами (или аринцами). Арины жили на Енисее возле Красноярского острога, но Б. О. Долгих включал в область их расселения и верхнее течение р. Кеть — правого притока Оби (1960, с. 229). Самые нижние по Ангаре тунгусы Кипанской вол. представляли собой, по-видимому, смешанную тунгусо-кетскую или тунгусо-аринскую группу.

Русские называли район расселения енисейских аринов «Тюлькиной землицей», образовав данное обозначение от имени Тюлька или Тулка — вероятного главы этих аринов. Совпадение имени Тюлька с именем тунгусского князца Тюлкинея (на р. Чадобец) представляется весьма примечательным с точки зрения предполагаемых тунгусо-аринских связей. О связях эвенков с кетами мы достаточно подробно говорим в главе 3.

Таким образом, асаны, котты, арины и кеты составляли то кетоязычное население, с которым эвенки встретились на средней и нижней Ангаре по мере своего расселения к западу от Байкала. К приходу русских большая часть указанного населения в пределах рассматриваемого региона была уже либо отунгушена, либо оттеснена

к югу и западу. Это хорошо заметно по распределению местных коренных жителей на «Чертеже земли Енисейского города», составленном в 1697 г. С. У. Ремезовым (*Гольденберг*, с. 160—161).

Неудивительно, что некоторые обычаи кетоязычных племен стали достоянием левобережных приангарских эвенков, которые продолжали их соблюдать даже после того, как сами были ассимилированы русскими.

Сотрудник Красноярского подотдела РГО И. А. Чеканинский, приезжавший в начале XX в. на Чуну для выяснения вопроса о «культе коня»²¹, существовавшего, по слухам, у части русских крестьян, пришел к заключению, что этот культ принадлежал бывшим приангарским тунгусам, которые, в свою очередь, заимствовали его от предшествовавшей им «чуди» (*Чеканинский*, 1914, с. 70—73), т. е. от асанов и коттов²².

Адам Бранд отмечал, что тунгусы «прошивают себе лица вдоль и поперек кружками, квадратами, смотря по прихоти или желанию каждого». Путешественник встретил только что татуированных тунгусов: их лица «были до последней степени окровавлены и так распухли, что люди едва могли открыть глаза». Бранд усматривал в татуировке «родовые опознавательные знаки» тунгусов (*Идес и Бранд*, с. 127).

Джон Белл также встречал «много мужчин с овальными знаками вроде колец на лбу и щеках и иногда знаки, напоминающие ветви деревьев, идущие от угла глаз до рта». Эти знаки тунгусы наносили себе в детстве, прокалывая кожу иглой и натирая ее затем древесным углем (*Зиннер*, с. 52).

Примечательна клятва ангарских эвенков, запечатленная Брандом: клявшийся в чем-либо должен был «вонзить нож под левую ногу собаки и высосать из нее всю кровь, пока та не сдохнет» (*Идес и Бранд*, с. 129). Данный ритуал, судя по всему, являлся отражением обычая, существовавшего у асанов и коттов, которые, как можно думать, употребляли мясо собак в пищу. У других тунгусских групп подобный обычай не отмечен.

Еще одной примечательной особенностью приангарских эвенков было поедание мяса волков, о чем сообщал Джон Белл (*Зиннер*, с. 54). Указанная особенность находится в резком противоречии с традиционной культурой других эвенков, исключавшей даже охоту на волков (*Туголуков*, 1969, с. 149—152).

Зимой приангарские эвенки передвигались на лыжах, подклеенных «шкурой тюленя, ворсом назад» (*Зиннер*, с. 54). Данное сообщение можно воспринимать как указание на существование товарообменных отношений у приангарских эвенков с прибайкальскими, поскольку речь, без сомнения, идет о байкальской нерпе.

Помимо асано-коттского влияния, приангарские эвенки испытывали на себе также некоторое влияние со стороны прибайкальских монголов и бурят. К числу культурных элементов, заимствованных этими эвенками от монголов и бурят, можно относить использова-

ние в отдельных случаях войлочных покрышек для «домов», а также наличие у местных эвенкийских шаманов «всяческих масок чартей, медведей, львов, змей, драконов и т. д.» (*Идес и Бранд*, с. 127—128).

Все же, несмотря на разностороннее культурное влияние, большинство приангарских эвенков оставалось к приходу русских охотниками-оленьеводами. Белл видел возле эвенкийских жилищ «табуны оленей» (*Зиннер*, с. 52). Оленями эвенки уплачивали калым за невесту. Покрышки их чумов были сшиты «из оленьих шкур» (*Идес и Бранд*, с. 127—129). Этническое взаимодействие приангарских и прибайкальских эвенков с кетоязычными аборигенами не считывало к приходу русских не менее четырех столетий. Результатом этого было сложение этнически смешанных групп (см. второй раздел настоящей главы), обычно с эвенкийским языком, но обладавших синкретической культурой, отличной от эвенкийской. Эвенки нередко называли представителей таких групп чангитами. Этноним чангит весьма часто фигурирует в эвенкийском фольклоре западной половины этнического ареала тунгусов.

Характеристика чангитов в эвенкийском фольклоре весьма однозначна. Они глуповаты, и их легко обмануть. Они охотно женятся на тунгусах и часто крадут их (забирают силой). Из фольклора видно, что тунгусо-чангитские браки заключались, как правило, без внесения выкупа. Обычная формула такого брака: поженились, обменявшись сестрами (СМЭТФ, с. 83). В древних вариантах эвенкийского фольклора чангиты выступают как безоленные «бродяги», вооруженные копьями (пиками), тогда как в более поздних вариантах они уже оленеводы, вооруженные луками (*Василевич*, 1949 а, с. 2). Шаманские камлания чангитов сопровождалось кровавыми жертвоприношениями, причем в жертву обычно приносились эвенкийские женщины.

Г. М. Василевич сопоставляла эвенкийский термин *чангит* с чукотско-корякскими *таньгыт* — «враги», с коттским *чангхит* — «гость» и с селькупским *чанг* — «враг» (АИЭАН, К-2, оп. 1, д. 156, л. 4—5).

Представителей местного дотунгусского населения приангарские эвенки называли *чулугды*, что означает «скакать (на одной ноге)». Данному термину, вероятно, соответствуют юкагирское *чульди* (ПМ. 1969, № 1, л. 76) или *чуолэ* (МИЮЯФ, с. 168), якутское *чологор* — «одноглазый», древнетюркское *чолак* — «однорукий, безрукий» (ТМС, т. 2, с. 413). Таким образом, термин-этноним *чулугды* можно рассматривать как отражение соответствующего древнего общеалтайского термина.

В эвенкийском языке образ чулугды наделен следующими особенностями: у него один глаз, одна нога и железное тело. Чулугды умирает, если сгорит или лопнет его единственный (не железный) глаз (СМЭТФ, с. 56). Возможно, поэтому герои эвенкийского фольклора нередко толкают в огонь своих жен из враждебного племени. Согласно фольклору, женщины-чулугдынки появляются на стойбищах эвенков, когда мужчины отсутствуют; они убивают

эвенкийских женщин, а сами остаются вместо них. Вернувшись охотники поначалу ничего не подозревают и живут со своими новыми женами, как со старыми, но те сами себя выдают: они не умеют выючить оленей, сажают детей на оленей задом наперед и т. д. В конце-концов тунгусы обо всем догадываются и, улучив минуту, расправляются с ними — толкают в костер (Там же, с. 147—148).

Хитростью тунгусы борются и с мужчинами-чулуды. Покидая стойбище, не снимают покрывку с чума и, дождавшись, когда возле него появляется чулуды, убивают его из засады. Зимой делают проруби и маскируют их снегом, в результате чего выслеживающие эвенков чулуды проваливаются и тонут. Эвенкийки, ставшие женами чулуды, подрезают тетивы у своих мужей, продырявливают их лодки-берестянки. Когда же мужья посылают их за смолой для ремонта лодки, эвенкийки вешают на дерево свой «кафтан» (чтобы обмануть бдительных чулуды), а сами бегут.

Характерно, что в некоторых фольклорных рассказах эвенков чулуды упоминаются русские (Там же, с. 71). В начале XX в. недалеко от станции Тайшет на транссибирской железнодорожной магистрали существовала д. Челюгда (К истории енисейской епархии, с. 50). Это не только придает рассказам о чулуды и чангитах определенную историческую достоверность, но и до некоторой степени позволяет совмещать их с котлами и асанами Приангарья.

Известия о чулуды проникли даже в официальные русские документы XVII в. В отписке енисейского воеводы К. О. Шербатова в Сибирский приказ от 1685 г. говорится, что «меж всяких чинов» людей распространились слухи, будто «вверх по Тунгуске-реке (Ангаре — В. Т.) явились дикие люди об одной руке и об одной ноге». Допрошенный на этот предмет тунгус — житель р. Ката — Богдашка Чекотеев сообщил: «... вверх-де по Тунгуске-реке идучи, на левой стороне против деревни Кежемской... на высокой горе, в камени, от Тунгуски-реки верст с три, видел он, Богдашко, яму, а та-де яма во все стороны кругла, шириною аршина по полтора, и ис той-де ямы исходит дух смрадной, человеку невозможно духа терпети... а около-ле тое ямы мелкой и большой стоячей лес на кореню, по местам знаки строганы ножом или иным чем в многих местах, а у своей братьи, у тунгусов, он, Богдашко, слышал, что живут-де в той яме люди — среднему человеку в груди, об одном глазе и об одной руке и об одной ноге, а глаз-де у него, челюгдея, и рука с левую сторону, а нога с правую сторону; а зверя-де всякого и птицу они, челюгдеи, стреляют из луков, а режут-де зверя и дерево стружат пилою..., а торг-де у них, челюгдеев, с ними, тунгусами, такой: приносят-де тунгусы на их дороги... дятлевое птичье перье и то-де перье втыкают они около лиственничного дерева в лиственничную кожу, а те-де челюгдеи, пришед, то перье емлют без них, тунгусов, а тем-де тунгусом вместо того перья кладут на то ж место стрельные всякие птицы и посуду своего дела» (Чтения..., с. 3—4).

Тунгус Богдашка слышал «от брацких ясашных тунгусов, ко-

торые живут по Ангаре-реке в Брацком уезде, ставили-де тунгусы на зверей самострелы и ис тех-де тунгусов тунгус в самостреле вынял застрелянного того дикого человека, а платье-де на том диком человеке — тулупец кожиной, опущен белою козлиною, а в руках-де у него пила железная..., а на которой-де стороне глаза нет, и та-де сторона, лицо и бок весь черн, что уголь..., а другая сторона, лицо и бок как у человека». Богдашка заявил, что «подлинно-де про то ведают братские ясашные тунгусы», а сам он видел «ту яму и от той-де ямы видел же след тех диких людей на снегу, хождено одною босою ногою, в тот-де их след гораздо мал, как пяти лет робенка» (Там же, с. 5).

«Тое ж реки Каты тунгус Имарги по допросу сказал, в прошлых-де годах шел-де он, Имарги, с соболиного промыслу из лесу-весною по малому снегу и против деревни-де Кежемской, где живет пашеной крестьянин Васка Панов с товарищи, в камени в том же месте... нанесло-де на него дух смрадной с того места, с камени, невозможно человеку терпети, а тот-де дух таков, как железо горит..., а около де того места на таком лесу от дерева кожа²³ кругом рукою обтерта до дерева по одному месту, от земли человеку в пояс», и его братья-тунгусы ему объяснили, что «тут живут дикие люди челюгден» (Там же).

Крестьянин Василий Панов в допросе сообщил следующее: ямы он не видел и духу смрадного в тех местах «никакова не слышал, а Кежемские-де тунгусы сказывают, слышали они у дедов и у прадедов своих, что близ той ево нынешней Васкины Кужемской деревни жили «дикие люди во Каменю в земле, а называли-де их челюгдеями, а те-де дикие люди ростом среднему человеку в груди, попере́к толсты, об одной руке, об одной ноге, об одном глазе, а пласть-де они носят будто-де тунгусово переводу, а шапки-де на них маленькие круглые..., а след-де деды и прадеды их тунгуские видали гораздо мал, в тот-де след видали летом на песку: около их, где они живут, хождено босою ногою... и в вид-де их видали, а хотят-де дикие люди гораздо скоро».

Выяснилось также, что «дикие люди» боятся света: «Буде от них бежать против солнца, и они-де постичь человека не могут, а буде в которой день солнца нет и в те дни носят они, тунгусы, с собою дерево, которое быют громовою стрелою, и тем же деревом от них отбиваются; а [так] как-де тех дерев с ними не живет, и они-де, чюлюден, их, тунгусов, давят. А торгуют-де они, дикие люди, с тунгусами, [которые] приносят-де на их ямы птичье перо дятлевое и сойное²⁴ и делают из прутья деревянные колца и те-де колца кладут у ям их с перьем вместе для того, как-де они делают колцо большое, и то[гда]-де против того [челюгден] положат котел малой, а говорят-де те люди по-тунгуски, да те ж дикие люди будто вымали у дедов и у прадедов их, [тунгусов], из ловушек их зайцы и козы... да видали-де ево, Васкины, внучаты против своей деревни в ближних местах, знать стояче дерево человеку в пояс, обтерто неведомо чем кругом дерева, мало что не до самого дерева, а те-де тунгусы-де им сказывают, что будто то дерево

обтерли те дикие люди, а он-де, Васка, сам того дерева не видал» (Там же, с. 6).

Василий Панов слышал от тех тунгусов, что, «идучи по Илимуреке, на посторонней реке на Тубе²⁵ ставили-де в прошлых давных годах тунгусы на зверей самострелы и одному-де тунгусу попал на самострел такой же дикий человек», а какой он видом — неведомо (Там же).

Данное разбирательство, несмотря на фантастические подробности, характеризует чельюгдеев как людей, с которыми у эвенков издавна существовали довольно сложные отношения: чельюгдеев становились жертвами настороженных тунгусами самострелов, воровали из эвенкийских ловушек зайцев и коз, при случае преследовали и «давили» эвенков. Но наряду с этим они вели с эвенками меновую торговлю: за перья птиц (дятлов и соек) и деревянные кольца²⁶ давали стреляных птиц и металлическую посуду. Чельюгдеев умели говорить по-эвенкийски и по крайней мере некоторые из них носили эвенкийскую одежду.

Основной район дислокации чельюгдеев, по дознанию 1685 г., — это правобережье Ангары между ее притоками Кежмой и Илимом. «Дерево», бившее «громовую стрелой», которое эвенки носили с собой, чтобы отпугивать чельюгдеев, представляло собой, надо думать, боевой лук, снабженный свистящими стрелами. Такие стрелы эвенки получали либо от бурят, либо от своих соплеменников из региона Южного Забайкалья²⁷. Иркутский надворный советник Франц Ланганс писал о бурятах в XVIII в.: «Есть у них стрелы, называются кибири; у них копейца весьма широки и остры, а сверху копейца — косточка с дырочками, от конх стрела на лету визжит; и теми кибиями зверей простреливают навывлет» (ГАКК, ф. 805, оп. 1, д. 78, л. 108 об.)²⁸.

* * *

Подведем некоторые итоги. Заселение эвенками Среднего и Нижнего Приангарья происходило с востока, вероятно, с XII—XIII вв. Как и их соплеменники из Прибайкалья, приангарские эвенки до прихода русских активно взаимодействовали с местными аборигенами — кетоязычными племенами, а также с монголами и бурятами. Однако контакты с последними здесь не имели таких последствий, как в Прибайкалье. Начиная с XVII в. развитие приангарских эвенков протекало под мощным воздействием русской культуры и русского языка. В результате тунгусо-русских контактов часть приангарских эвенков почти полностью утратила свои национальные особенности, войдя в состав русских крестьян, а часть перешла в более северные районы, благодаря чему регион Подкаменной Тунгуски, до того весьма малолюдный, стал одним из наиболее заселенных эвенками. Несмотря на это, вплоть до Октябрьской революции эти переселенцы с юга продолжали учитываться на Ангаре по месту своей официальной приписки.

Значительная часть этнонимических групп у эвенков Приан-

гарья представляла собой к приходу русских этнически смешанные образования, включавшие, кроме эвенков, также асанов, котлов и даже аринов. К числу таких групп мы относим Ичериль, Лапагир, Легор, Мендизинкур, Таналчин, Топорки. Большинство представителей названных групп вело, по-видимому, полуседлый или даже оседлый образ жизни, занимаясь охотой и рыболовством, что способствовало их последующей быстрой ассимиляции русскими.

- ¹ Прежнее название Тасеевой (с Чуной и Удой) — «Бирья» (Фишер, с. 340), т. е., по-видимому, эвенкийское Бира — «Большая река» (ТМС, т. 1, с. 84).
- ² «Описание водяного пути от г. Иркутска вниз по рекам Ангаре, Тунгуске и Енисею до города Енисейска» [1735 г.].
- ³ В вышеуказанном документе о Рыбенском остроге сообщается, что он был расположен «на правом берегу Тунгуски на камне, называемом Кровавым», в 4 верстах ниже устья «Рыбной речки». Название камня объясняется тем, что «преж сего на оном камне Русские иноземцев побили» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. 1, № 26, л. 28 об.).
- ⁴ Аплинский порог находился на Ангаре выше устья Ковы. Эту реку можно считать центром ареала ангарских чапагиров (ЦГАДА, ф. 199, д. 517, ч. 1, № 26, л. 23; СДИБ, с. 16, 20).
- ⁵ Среди ясачных волостей упоминались: на Ангаре (снизу вверх) — Рыбенская, Мурская, Чадобская, Ковинская, Катская, на Тасеевой — Чунская.
- ⁶ О курахонцах (корчунах) мы говорили в главе 1.
- ⁷ Мы пишем вместо «Куркугирский» — Куркагирский, вместо «Чамдальский» — Чемдальский, вместо «Ятоульский» — Ятольский.
- ⁸ Имеется в виду заметка под названием «Богучанский край» за подписью Б. П.
- ⁹ «Тварской продукт» — эвенкийская пушнина. Прозвище «тварь» прилагалось крестьянами к эвенкам в силу народного убеждения, что они «нехристи, живут в лесах..., едят всякую пропастину» (ЕФ ГАКК, ф. 6, оп. 1, д. 32, л. 14).
- ¹⁰ Таблица составлена по материалам работы С. К. Патканова (1906, ч. I, вып. 1, с. 159—161).
- ¹¹ 20 человек из Нижнеилимского ведомства Киренского округа Иркутской губ. и 3 человека из Туруханского края Енисейской губ.
- ¹² «Доклад [податного] инспектора 1-го участка Енисейского уезда по вопросу об обследовании инородцев Ангарского края Енисейского уезда» [б. д.]. Рукопись. И. И. Покровский совершил свою поездку в 1909—1910 гг.
- ¹³ «Отчет о посадке в Приангарский край» [около 1910 г.]. Рукопись.
- ¹⁴ А. П. Ермолаев перечисляет следующие элементы культуры, заимствованные яркинскими крестьянами у эвенков: парки, унты, рукавицы («кокольды»), ногвицы («карамужи»), натруски, сумочки, паняги, лыжи, пальмы («вместо рогатин»), мауты или арканы («которые крестьянами обыкновенно переделываются на вожжи»). Кроме того, местные русские, подобно эвенкам, верили в духов — «хозяев» природы (КККМ, $\frac{572.4(09)}{500}$, л. 81—82, 104).
- ¹⁵ Е. С. Бурмакин преподавал физику и математику. После выхода на пенсию жил в сел. Кежма на Ангаре (Воскобойников, 1969, с. 71). Эвенк С. Л. Воронин в беседе с нами указал, что до революции Бурмакин успел окончить Томскую духовную семинарию, однако священником он не был. Работал в Байкитском р-не Эвенкии не только учителем, но и заведующим районным отделом народного образования (ПМ, 1979, л. 45).
- ¹⁶ М. Ф. Кривошапкии называет этот род «Черноусольским».
- ¹⁷ Доказательством этого служит следующий факт. В хронографе «О Сибирском царстве и о людях того великого царства» сказано, что р. Кан впадает в «Кемь» (Изборник славянских и русских сочинений..., с. 404).
- ¹⁸ О горагирах мы говорим в главе 4.
- ¹⁹ «Словарь наречия Тазовских остяков, составленный под руководством благо-

чинного священника Михаила Суслова туруханским мещанином Феодором Мальцевым в 1889 году». Рукопись.

- ²⁰ Имя Барнауль носил в 1782 г. ангарский тунгус из рода Чапагир (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 13). На Ангаре русские в первой половине XVIII в. упоминали «Барнаулев остров», расположенный на 1039-й версте от Иркутска (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. 1, № 26, л. 21). Существует также эвенкийская фамилия Барнаулев. Во время Приполярный переписи 1926—1927 гг. она была зафиксирована у одной семьи эвенков из рода Чимдягир в верховьях Нижней Тунгуски (Долгих, 1946, л. 611).
- ²¹ Ангарские крестьяне тунгусского происхождения в начале XX в. хранили в амбарах и сараях деревянные изображения лошадей, доставшиеся им от дедов и прадедов. Согласно собранной Н. Чекачинским информации, местные тунгусы в прошлом «шманили по коню»: шаман ставил фигуру лошади перед собой, «завешивал» себе лицо платком, бормотал и скакал — «фарт на охоту делал, чтобы боле добычи было». Кроме деревянных лошадей, у шаманов имелись также кони, птицы разные да олени», сделанные из жезла (Чекачинский, 1914, с. 71—72).
- ²² Русские из д. Выдрина на Чуне помнили, что до них там жили асаны и тунгусы. Термин «чудь», видимо, относился как к тем, так и к другим (Чекачинский, 1915, с. 86—88).
- ²³ Имеется в виду древесная кора.
- ²⁴ Имеются в виду перья дятлов и соек.
- ²⁵ Туба — правый нижний приток Илимма.
- ²⁶ Возможно, это были кольца от лыжных погохов (палок).
- ²⁷ О наличии таких стрел у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья свидетельствует изображение на печати старосты Дулегатского рода (Дуликагир) стрелы с ромбическим наконечником. Печать была приложена к одному из документов 1916 г. (ГАЧО, ф. 55, оп. 1, д. 45). Согласно эвенкийскому фольклору, свистящие стрелы издревле употреблялись эвенками для различных целей. Посылая такую стрелу друзьям, эвенки давали знать, что идуг свататься (Воскобойников, 1965, с. 20): к врагам стрела-свистунка посылалась, чтобы посеять страх (Рычков, 1917, с. 59).
- ²⁸ «Собрание известий о начале и происхождении разных племен иноверцев, в Иркутской губернии обитающих». Рукопись. (1786 г.).

Глава третья

ЭВЕНКИ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ

1

Эвенки Подкаменной Тунгуски в XVII — начале XX в.

Открытие русскими Подкаменной Тунгуски состоялось в самом начале 1620-х годов. В 1621 г. сургутские казаки братья Федоровы, ходившие «Тымою-рекою на Сым-волоку для промысла», нашли «новую землю» на Подкаменной Тунгуске. Они извещали, что обнаружили «тунгусов человек с 60, а в тех... тунгусах никто не бывал». В 1622—1623 гг. «с Середние Тунгуски с князьца Конделя да с Яндеги» был получен первый ясак — 21 соболь (Миллер, 1941, т. 2, с. 292).

В 1625 г. по «Средней Тунгуске» ходил атаман Поздей Фирсов. Когда он добрался до места, названного им «Летние Россоси», на него напали «многие тунгусские люди». В сражении с ними Фирсов взял несколько «языков». Оттуда Фирсов шел три дня до «Варгаганской землицы» и заставил ее князцов Колделя и Ялтегу «шертовать» (присягать) на верность московскому царю (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 359). Имена Кондель и Колдель, а также Яндега и Ялтега, без сомнения, однозначны. Отсюда следует, что Варгаганская земляца территориально совмещалась с нижней частью бассейна Подкаменной Тунгуски.

К югу от низовьев Подкаменной Тунгуски русские упоминали в 1620-х годах тунгусских князцов Таена и Лопу. Князец Лопы с сородичами жил в верховьях р. Пит (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 18; Миллер, 1941, т. 2, с. 46) — правого притока Енисея. Вероятно, в том же районе обитала и группа во главе с Таеном. Около 1630 г. в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски были образованы две ясачные волости эвенков Енисейского у. — Питская и Варгаганская («Волость варганских тунгусов»). У питских эвенков в 1633 г. учитывалось 4 ясачных плательщика — «Човолко Лупин с товарищи»; взятый с них ясак составлял 40 соболей. Численность Варгаганской вол. не указывалась, но, судя по взятому ясаку (44 соболя), в ней тоже числилось 4—5 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 48, л. 50). Позднее в платеж ясака были вовлечены новые местные эвенки, в связи с чем численность обеих волостей возросла. В 1669 г. в Питской вол. значилось 9 ясачных плательщиков, а в Варгаганской — 22 (Долгих, 1960, с. 192).

Питские эвенки платили ясак русским в устье р. Пит (о сооружении там зимовья не сообщается), а варгаганские — в Чунском зимовье, находившемся около впадения в Подкаменную Тунгуску ее правого притока — Чуни¹. По сообщению Б. О. Долгих, «иногда ясак с них собирали и привозили (в Енисейский острог. — В. Т.) сымско-касские остяки» (Там же). Это наводит на мысль, что варгаганцы состояли в весьма тесных отношениях с кетами Сыма и Каса на левобережье Енисея.

В материалах ясачной переписи 1682 г. варгаганцы и питские тунгусы не упоминаются, но их потомков можно усматривать в тунгусских родах «Ваявы» и «Хомыли», плативших ясак в Закаменное зимовье, расположенное, по-видимому, в устье р. Дубчес. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение, что к указанной дате варгаганцы перешли жить на левобережье Енисея.

Кроме варгаганцев, в Чунском зимовье в первой четверти XVII в. платили ясак эвенки нюрумняли и чемдалы. В 1629 г. отмечалось, что «нюремец Муган» принес «с роду своего» пять соболей, а двое представителей рода «Чамдялена» принесли 10 соболей (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 52 об. — 53). Нюрумнялей можно считать выходцами с верхнего течения Нижней Тунгуски, а чемдалей — с верхнего течения Подкаменной Тунгуски, куда они пришли из Приангарья.

В период переписи 1682 г. при Чунском зимовье числились кондогиры и чапагиры. Первые под названием «Рода Койдогири» насчитывали 7 чумов, 13 ясачных плательщиков, 24 мужчины, вторые, «Род Чапагири», — соответственно 4, 6, 19 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 163 об. — 167). Всего стало быть, там числилось в это время около 80 эвенков обоего пола. Забегая вперед, укажем, что кондогиры в известной степени совмещаются с нюрумнялями, а чапагиры — с чемдалами.

Выше Чунского зимовья с 1628 г. функционировало Тетерское зимовье, расположенное в устье правого притока Подкаменной Тунгуски — р. Тэтэрэ («Тетери»). В 1630 г. там упоминались эвенки рода Топорки, а в 1637 г. — рода Инберетини (Долгих, 1960, с. 173).

В 1682 г. тетерские эвенки были представлены четырьмя платежными группами: 1). «Род Чемдели» — 7 чумов, 17 ясачных плательщиков, 25 человек мужского пола; 2). «Род Топороки» — 10, 20, 40; 3). Еще один «Род Чемдели» — 15, 25, 61; 4). «Род Целбуяна» — 7, 4, 10 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 145 об. — 160). Все это были выходцы из Приангарья.

Три из четырех названных групп представляли собой членов рода Чемдаль. «Топороки» — это уже известные нам топорки. Следует заметить, что небольшая группа чемдалей («Род Целбуяна» — 3 чума, 8 ясачных плательщиков, 10 чел. мужского пола) в 1682 г. числилась при Кондогирском ясачном зимовье на Нижней Тунгуске (Там же, л. 36, об. — 37 об.).

Суммируя сведения, относящиеся в обоим зимовьям Подка-

менной Тунгуски, находим, что в начале 80-х годов XVII в. эвенкийское население региона было весьма скромным по численности — порядка 340 человек. Но, учитывая вероятность наличия там также некоторой части варгаганцев², мы полагаем возможным округлять указанную цифру до 0,4 тыс. человек. Все местные эвенки были схотниками-оленоводами.

Причина слабой заселенности эвенками региона Подкаменной Тунгуски к приходу русских не составляет сложной проблемы. Факты показывают, что в XVII в. большинство сибирских эвенков сосредоточивалось в верхнем течении двух крупнейших притоков Енисея — Ангара и Нижней Тунгуски, а также на нижнем и среднем Вилюе (см. главы 2, 4 и 5). Видимо, их расселение на запад от Байкала и Лены осуществлялось именно по указанным выше рекам: вниз по Ангаре и Нижней Тунгуске, вверх по Вилюю. Подкаменная Тунгуска, как менее значительная река, оказалась в стороне от этих магистральных путей. Массированное освоение эвенками региона Подкаменной Тунгуски произошло только после прихода русских, в основном за счет их переселения из Приангарья.

В 30-х годах XVIII в. на Подкаменной Тунгуске эпизодически функционировали четыре ясачных зимовья: Подкаменное, Чунское («Чюмское»), Чапагирское и Тетерское — снизу вверх по течению рек. В Подкаменном зимовье, расположенном, видимо, в устье Подкаменной Тунгуски на Енисее, в 1735 г. платили ясак «новокрещенные остяки» (кеты) — 5 ясачных плательщиков и «некрещенные тунгусы» — 20 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 142). Насколько можно судить по более поздним данным, местные тунгусы принадлежали к роду Чапагир (*Латкин*, 1892, с. 53). По материалам ясачной ревизии 1782 г., во вновь образованной в данном районе Подкаменной вол. состояло 25 человек мужского пола «остяков» и 16 человек мужского пола тунгусов (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 162 об. — 163 об.).

В первой четверти XIX в. в данном районе упоминался «Подкаменный род», состоявший из 59 человек мужского пола. О его членах было сказано: «Тунгусы и остяки» (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 266, л. 187—188), однако в материалах переписи 1897 г. он отнесен полностью к «остякам» (*Латканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 158—159). Данное обстоятельство приводит к предположению о поглощении местных эвенков кетами, хотя это и не совсем очевидно. П. В. Латкин в конце XIX в. писал, что возле устья Подкаменной Тунгуски «бродят очень бедные тунгусы подкаменно-тунгусского рода, сугланным местом которого служит Подкаменное селение, расположенное на Енисее возле устья названной реки» (*Латкин*, 1892, с. 53, 122).

К Чунскому зимовью в 30-х годах XVIII в. был приписан «род один Чюмский» — 18 ясачных плательщиков, а к Чапагирскому зимовью — «род один Чапагири» — 44 ясачных плательщика. В Тетерском зимовье числилось 32 ясачных плательщика эвенка без указания их родовой принадлежности. Отмечалось, что «в верстах

с полпята» от устья реки находилось «пустое Чапагирское зимовье», к которому тунгусы после убийства ими мангазейских служилых людей перестали приходить с ясаком (ЦГАДА, ф. 199, оп. I, д. 481, № 5, л. 9, 111 об., 134 об. — 135). Где находилось действовавшее Чапагирское зимовье, — не совсем ясно, но, судя по всему, неподалеку от Чумского зимовья.

Во второй половине века на Подкаменной Тунгуске существовало только два зимовья — Верхнечумское («Верхнечумское») и Тетерское. Добавление слова «верхне» к названию Чумского зимовья объясняется тем, что часть приписанных к нему эвенков к тому времени переселилась на Нижнюю Тунгуску, где для приема с них ясака было основано «Нижнечумское» зимовье (см. главу 4).

«Верхнечумское» зимовье было расположено примерно в 130 км ниже прежнего Чумского. Эвенки, приписанные к этому зимовью, были объединены в две ясачные волости — Верхнечумскую и Чапагирскую. Верхнечумская вол. состояла в 1765 г. из 25 человек мужского пола. В ее списке наше внимание привлекает имя Хомяли, принадлежавшее сыну умершего тунгуса Шилданцы (ЦГАДА, ф. 214, оп. I, кн. 1648, л. 50—50 об.). Оно напоминает нам об одном из родов варганских тунгусов переписи 1682 г.

В материалах ясачной ревизии 1782 г. эвенки Верхнечумской вол. именовались членами «Баигирского роду», т. е. Баягир. Их было 31 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. I, д. 2, л. 179 об. — 180).

Чапагирская вол. в 1765 г. включала три тунгусских рода: Панкагирский, «Чивчигирской, или Чимжалской» и Шевокигирский. В первом указывалось 65 человек мужского пола, во втором — 77 и в третьем — 130 (ЦГАДА, ф. 214, оп. I, кн. 1648, л. 51, 58, 95). Всего, стало быть, в этой волости было 272 мужчины или около 540 человек всего населения.

В материалах ясачной ревизии 1782 г. о некоторых панкагирах было сказано: «Оной находитца в Нижней Чумской волости» (т. е. на Нижней Тунгуске. — В. Т.) или «в бегах». Численность рода Панкегир на Подкаменной Тунгуске сократилась до 42 человек мужского пола, однако к ревизии 1795 г. она неожиданно возросла до 113 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. I, д. 2, л. 141 об.; д. 6, л. 185 об.). Это, возможно, объясняется причислением к роду Панкагир каких-то новых групп плательщиков ясака.

«Чивчигирской или Чимжалской» род именовался в материалах ревизии 1782 г. «Чивчигирским», а в материалах ревизии 1795 г. — «Чимжалским». Его численность была в первом случае 82 человека мужского пола, а во втором — 70 (Там же, д. 6, л. 170 об.).

Что касается Шевокигирского рода, то уже в 1765 г. часть его членов во главе с князем Тамилцей (33 чел. м. п.) платила ясак в «Кочешминском зимовье» на Нижней Тунгуске³, а часть, во главе со старшиной Шилбаном (21 чел. и. п.), была перечислена в Илимскую вол. на той же реке. Это отражало состоявшийся ранее уход обеих указанных групп шевокигиров с Подкаменной Тунгуски на Нижнюю.

В 1782 г. на Подкаменной Тунгуске оставалось всего 12 человек мужского пола шевокигиров. Однако к 1795 г. их численность там возросла до 69 человек мужского пола (Там же, д. 2, л. 141; д. 6, л. 175 об.). Похоже, что произошло возвращение части шевокигиров с Нижней Тунгуски на Подкаменную.

Эвенки Тетерского зимовья в 1782 г. состояли из двух групп: «роду тунгусов береговых» и «чапогиров». Первая группа насчитывала 72 человека мужского пола, вторая—108; в 1795 г., соответственно,—89 и 131 (Там же, д. 4, л. 39—52 об.). Сведений об этих группах за 1765 г. мы не обнаружили. В итоге можно констатировать, что в 1782 г. в регионе Подкаменной Тунгуски находилось 363 эвенка, что составляло около 720 человек всего населения. Указанный прирост был осуществлен главным образом за счет переселенцев из Приангарья. Большинство эвенков Подкаменной Тунгуски, обитавших в районе, прилегающих к устью Чуни, известно в эвенкийском фольклоре под названием ганальчей («Стрелки из луков»). Родами ганальчей были Кордуаль, Кочениль, Куркагир, Лопоколь, Момоль, Момочар и Хорболь. Эти названия нам из официальных источников практически неизвестны⁴.

После обнаружения Устава «Об управлении инородцев» эвенки, обитавшие в низовьях Подкаменной Тунгуски и южнее, на правом берегу Енисея, были объединены в Верхнечумский род Питско-Варагонской инородческой управы. Другим родом той же управы был Питско-Варагонский, члены которого находились преимущественно на левом берегу Енисея. В 1859 г. в Верхнечумском роде числилось 4 человека, а в Питско-Варагонском — 98 (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 152). Местами проведения родовых сугланов были деревни Дубинина и Усть-Питская на правом берегу Енисея (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52; Костров, 1855, с. 32).

На ребеже 30—40-х годов XIX в. в районе расселения этих эвенков были открыты месторождения золота и началась его промышленная разработка. В бассейнах рек Пит, Вельмо, Каменка (с притоком Удереей), Рыбная возникли приисковые поселки. Жизнь эвенков стала быстро меняться. Золотопромышленность «вторглась в их заветные леса, разогнала зверя и особенно соболя вырубкой, пожарами лесов... разорила тунгусов, и теперь на них скопились уже огромные недоимки,— писал М. Ф. Кривошапкин.— Чтобы добыть средства пропитания, тунгусы ловят рыбу и стреляют птицу для продажи золотопромышленникам; отыскивают золотоносные россыпи; указывают дороги к содержащим золото местам; дают планы прокладки кратчайших дорог для сообщений», летом на оленях перевозят припасы для приисков, «косят сено и рубят дрова, в чем оказываются плохими работниками, потому что... не имеют достаточно выдержки и силы для таких работ». Предприниматели рассчитываются с ними «мукой, солью, сахаром, ситцами, сукном, чаще же табаком, поношенною одеждой и вином. этим ядом, за который тунгус готов отдать все». Кривошапкин также отмечал, что «эти вращающиеся вблизи приисков тунгусы

говорят порядочно по-русски и знают более или менее русский счет времени» (*Кривошапкин*, 1863, с. 76; 1865, т. 2, с. 39).

По более поздним наблюдениям П. В. Латкина, местные тунгусы быстро смешивались с более многочисленным приисковым населением (при этом имело место сожителство приискателей с тунгусскими женщинами) и буквально в течение нескольких десятилетий «сильно утратили свой природный тип» (*Латкин*, 1982, с. 126).

Перепись 1897 г. учла в рассматриваемом районе всего 33 эвенка (*Патканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 152, 159). Это означает, что за истекшие сорок лет часть их была ассимилирована русскими, а часть окончательно переселилась на левобережье Енисея.

В других районах рассматриваемого региона Подкаменной Тунгуски перепись 1897 г. не выявила эвенков, хотя они уже давно там фактически жили. Местами их официальной приписки считались Пинчугская и Кежемская волости на Ангаре. Поэтому в материалах переписи они были отнесены к числу приангарских эвенков (см. главу 2).

* * *

В последней четверти XIX в. междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски еще представляло собой «тунгусскую промысловую территорию» (ПМ, 1963, № 1, л. 9 об.— 10^л; *Сушилин*, с. 117), однако туда часто проникали русские охотники с Ангары; ангарские торговцы возили туда товары для обмена на эвенкийскую пушнину. Некоторые из них ухитрялись добираться даже до Подкаменной Тунгуски, на которой они вели торговлю с эвенками «сплавом» по течению этой реки. Таких торговцев называли «тунгусниками».

Массовое проникновение «тунгусников» на Подкаменную Тунгуску относится к 1895 г., когда О. В. Колмаков и другие ангарские купцы провели к ней дорогу от сел. Паново на Ангаре, найдя для этого кратчайшее расстояние длиной в 140 верст. В конечном пункте дороги они основали факторию, получившую название Верхняя Контора (нынешний пос. Чемдальск). Фактория стала обслуживать 60 чумов местных эвенков, но к ней вывозили и более отдаленные эвенки, включая обитателей Лены (КККМ, №: $\frac{572.4 (09)}{512}$, л. 59) ⁶.

В течение 1899—1911 гг. предприимчивыми «тунгусниками» было основано еще 13 факторий. Одна из них, Усть-Кюмо, находилась в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски, все прочие — на Подкаменной Тунгуске. Сверху вниз по течению реки фактории располагались в следующем порядке: Верхняя Контора, Тетеря, Ванавара, Панолик⁷, Оскоба, Рассолка, Бачинская, Куюмба, Полигус, Коченята, Кузьмовка, Черный остров (Там же, л. 56—59; № $\frac{572.4 (09)}{509}$, л. 6—8). Названия большинства факторий образованы от местных топонимов. Факторию Бачинская⁸ основали купцы Бачинские — наследники ссыльного поляка, жившего, по-види-

мому, в с. Ярки (Яркино) на р. Чадобец. Название фактории «Полигус» образовано от имени эвенка Ф. Ф. Полигуса — выходца из Нижне-Чумского административного района на Нижней Тунгуске, а название Коченята — от фамилии Коченев или Кочнев, принадлежавшей русскому, женившемуся на эвенкийке; дети этой пары именовались «коченятами»⁹. Фактория Кузьмовка отражает имя основавшего ее крестьянина Кузьмы Попова — жителя сел. Сумароково на Енисее (КККМ, № $\frac{572.4(09)}{512}$, л. 56, 67; № $\frac{572.4(09)}{509}$, л. 49).

Ниже Кузьмовки на Подкаменной Тунгуске, наряду с эвенками, жили кеты. Сообщалось, что самые нижние по Подкаменной Тунгуске эвенки в недавнем прошлом выходили на «тунгусскую ярмарку», собиравшуюся «верстах в 20» от сел. Подкаменная Тунгуска, расположенного на правом берегу Енисея. Однако в начале XX в. «купцы с Ангары начали перехватывать тунгусов» в тайге, и последние перестали появляться на ярмарке (Красноярск 1908, №127, 128).

Реализовыв на факториях большую часть завезенных товаров, ангарские торговцы спускались в больших лодках-илимках к устью Подкаменной Тунгуски, по дороге продолжая торг с эвенками, и выходили на Енисей. По Енисею поднимались до Енисейска, закупали новые партии товаров и везли на Ангару. Круг замыкался, и с осени все начиналось сначала.

О масштабах такой торговли свидетельствуют следующие данные: из 122—128 торговых предприятий, существовавших около 1913 г. в Кежемской и Пунчугской волостях, «в районе кочевий инородцев-тунгусов» их функционировало 25—35 (Аксенов, с. 19). Несмотря на запрещение властей ввозить в Туруханский край алкогольные напитки¹⁰, наиболее ходким товаром там были именно «спирт и водка». В водку некоторые купцы подмешивали «для крепости» махорку или сушеные мухоморы (ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 8060, л. 2 об.), что приводило эвенков в состояние буйного помешательства и вело к преступлениям.

Торгово-промышленное освоение ангарцами пространства между Ангарой и Подкаменной Тунгуской сопровождалось вырубкой леса и лесными пожарами. В. А. Кытманов, совершивший в 1900—1901 гг. путешествие из сел. Паново в факторию Верхняя Контора, «с грустью», как он пишет, наблюдал «унылую картину выжженного «строителями леса» (ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 8060, л. 2 об.). Н. В. Сушилину спустя четверть века отмечал, что «все пространство от фактории Рассолка и выше Верхней Конторы и почти до самой Ангары на юг» представляло собой «сплошную гарь» (КККМ, № $\frac{572.4(0)}{512}$, л. 39, 48). По мнению Сушилина, лес

жгли тунгусы, чтобы приостановить продвижение ангарских промышленников и торговцев. Понимая вред наносимый казне и эвенкам предпринимательской деятельностью ангарских торгов-

цев, дореволюционная администрация тоже пыталась воспрепятствовать их проникновению на Подкаменную Тунгуску. В 1912 г. все «тунгусники» были выдворены оттуда постановлением Енисейского губернского по крестьянским делам присутствия (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{512}$, л. 58, 59). Однако в период гражданской войны

их деятельность там возобновилась с новой энергией. Как отмечал Н. В. Сушили́н, с 1924 г. ангарцы начали строить зимовья к северу от Подкаменной Тунгуски (1929. 115). Председатель Красноярского комитета Севера И. М. Суслов писал в Комитет Севера при ВЦИК, что в 1926 г. готовилось «большое наступление охотников, самогонщиков и тунгусников на перевал между Подкаменной Тунгуской и Чуней (200—300 в[ерст]), куда сбежались все тунгусы» (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 175, л. 36). Только благодаря энергичному вмешательству Центрального Комитета Севера при ВЦИК вторжение эксплуататорских элементов на территорию будущего Эвенкийского округа было приостановлено, а торговля с эвенками постепенно перешла в руки государственных и кооперативных организаций. Возникновение таких организаций на Подкаменной Тунгуске относится к 1919 г., когда на фактории Оскоба был открыт распределительный хлебный магазин Ангарского отделения Енисейского союза кооперативов (Енсоюз), существовавшего с 1915 г. Позднее такие же пункты появились на факториях Верхняя Контора, Ванавара, Панолик и Полигус (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{512}$, л. 42). В 1921 г. Енсоюз доставил в Полигус 2 тыс.

пудов пшеницы, мельницу, двух коров и быка. Этим было положено начало развитию новой отрасли хозяйства в регионе — домашнего животноводства (ПМ, 1962. № 1, л. 95 об.— 96 об.).

В 1923 г. Енсоюз начал торговать и на фактории Кузьмовка, а в следующем году туда прибыл уполномоченный Туруханского уездного исполнительного комитета И. Д. Потапов, который помог тамошним эвенкам избрать родовой совет (Там же; ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 10, л. 17 об.). В Байките с 1925 г. существовала фактория Госторга. По-видимому, тогда же была открыта и фактория Стрелка — при слиянии рек Южная и Северная Чуня. Жизнь подкаменно-тунгусских эвенков потекла по новому руслу.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. выявила в регионе Подкаменной Тунгуски одиннадцать территориальных группировок эвенков. Сведения об этих группировках приведены нами в ниже следующей таблице¹¹.

Вместе с одной безоленной семьей эвенков из 4 человек, проживавшей в районе фактории Черный Остров, их всего оказалось в регионе 476 семей, 2295 человек, с 23 059 оленями. К Подкаменной Тунгуске как таковой относились территориальные группировки Полигусовская, Байkitская, Куомбинская, Таймбинская, Ванаварская и Верхнекатангская. Бахтинско-Учамская и Чунско-Таймурская группировка охватывали эвенков междуречья обеих

Территориальная группировка	Численность			Центр тяготения
	семей	человек	олений	
Бахтинско-Учамская	37	262	2783	Фактория Кузьмовка
Чунско-Таймурская	86	179	2202	Фактория Стрелка
Полигусовская	45	272	7479	Фактории Полигус и Коченята
Байкитская	85	484	5843	Фактории Байкит и Тычаны ¹²
Куюмбинская	28	148	1429	Фактория Куюмба
Таймбинская	45	229	526	Фактория Бачинская
Ванаварская	32	159	486	Фактория Ванавара
Верхнекатангская	39	210	1296	Фактория Верхняя Контора
Питско-Вельминская	48	194	690	Фактория на р. Вельмо и пос. Горбилорк ¹³
Комовская	30	154	325	Фактории Усть-Комо, Кумонда, Каменка-Зверёк и Красная горка ¹⁴

Тунгусок, а Питско-Вельминская и Комовская — эвенков междуречья Подкаменной Тунгуски и Ангара.

Поскольку подкаменно-тунгусские эвенки были преимущественно выходцами из Приангарья, у них сохранялись многие черты русской культуры. Это было особенно заметно на эвенках, живших в междуречье Ангара и Подкаменной Тунгуски, в частности, на эвенках Комовской территориальной группировки.

Комовские эвенки дислоцировались в районе, где сходятся истоки рек Комо (левый приток Подкаменной Тунгуски), Каменка (правый приток Ангара) и Пит (правый приток Енисея). Комовские эвенки были в 1927 г. обследованы Т. И. Петровой. Во время ее приезда они находились на покосе. Оленеводством занималось всего 20 хозяйств из 40. Оленей держали главным образом эвенки рек Тухомо и Горбылек (Горбилорк) ¹⁵. Почти в каждом стойбище оленеводов имелись лошади. Последние служили в основном для поездок в гости, в русскую деревню и т. п. Безоленные эвенки жили «в деревянных избах» с глинобитными печами. Самыми оседлыми среди комовских эвенков были обитатели верхнего течения р. Каменка: у них совсем не осталось оленей (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 238, л. 1—5). В 1927 г. каменные эвенки собирались приобретать коров и заводить огороды, чтобы выращивать овес и картофель (Там же, д. 213, л. 33—34) ¹⁶.

Большинство эвенков из других территориальных группировок региона оставалось в 1920-х годах охотниками-олeneводами. Они вели кочевой образ жизни, их традиционным жилищем являлся конический чум. Равным образом у них в относительной целостности сохранились и другие элементы тунгусской культуры, как материальной, так и духовной. Вместе с тем и эти эвенки были в какой-то степени затронуты русским влиянием. Наблюдатели отмечали, что «почти все взрослые мужчины» могли объясняться по-русски. Часть населения жила в домах русского типа и, наряду с оленями, держала лошадей (ГАИО, ф. 528. оп. 1, д. 9, л. 36 об.).

Строительство домов подкаменно-тунгусские эвенки вели, как правило, с помощью одного топора. Крышу настилали из бересты. Для обогрева домов пользовались «печками-жестянками» (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 350, л. 71, 81—85; д. 213, л. 36).

2

Этносоциальная структура эвенков Подкаменной Тунгуски

Если бы, приступая к данному разделу, мы захотели себя ограничить только теми родами, которые были упомянуты нами в предыдущих разделах, наша задача выглядела бы весьма простой: список этих родов невелик, к тому же некоторые из них уже были рассмотрены в главе 2, а некоторые мы собираемся рассмотреть в главе 4. Однако фактически этнонимический состав региона на период 1920-х годов был несравненно обширнее, что объясняется упразднением прежних административных родов, в недрах которых существовали самые различные кровные роды и патронимии. Их-то и стали учитывать в это время.

Для удобства изложения мы разделяем имеющийся у нас материал на две части: в первую включаем те роды эвенков, которые входили в состав так называемых ганальчей, а во вторую — все прочие этносоциальные единицы. Приступая к ганальчам, отметим, что в их составе выделяются два главных рода — Куркагир и Момоль. Роды Кордуаль, Кочениль, Лопоксль, Момочар и Хорболь менее значительны. В указанном порядке мы и рассмотрим родовой состав ганальчей.

Род Куркагир, несмотря на его позднее появление в источниках, имеет, по нашему мнению, весьма древнее происхождение. В XIII—XVII вв. большинство куркагиров, как мы думаем, обитало в лесостепном субрегионе Прибайкалья, где подвергалось сильному влиянию со стороны своих монголоязычных соседей. Потомками тамошних куркагиров мы считаем два рода, зафиксированные русскими в XVII в.: бурятский Куркутский род, объясаченный в 1659 г. «за Ангарой» (СДИБ, с. 198), т. е. на ее левобережье, и тунгусский, но обуряченный Куркунеев род, находившийся на правобережье верхней Ангары (см. главу 1). Согласно современному бурятскому исследователю М. Н. Мельхееву, Куркутский род «считается примкнувшим к бурятам родом неясного происхождения» (Мельхеев, с. 20).

Сказанное позволяет думать, что большинство прибайкальских куркагиров еще до прихода русских фактически превратилось в бурят. Лишь малочисленные куркагиры, жившие на Ангаре ниже современного Братска, избежали ассимилирующего влияния монголов и бурят и оставались по языку и культуре эвенками. Их малочисленность была очевидной причиной того, что русские в XVII в. стали учитывать эту группу в составе чапагиров, а точнее — в сос-

таве чапагирского подразделения рода Чемдаль. Территорией чемдалей являлось пространство между правым притоком Ангары Чадобцем и верховьями Подкаменной и Нижней Тунгусок (см. ниже).

Первое упоминание о куркагирах нам встретилось в материалах ясачной ревизии 1795 г., относящихся к «Особливому роду» чапагиров на р. Иркинеева. Об одной женщине в списке этого рода сказано: «Взята роду куркогирского у чипогира Карпашкина Гергауля» (ГАКК, ф. 910, оп. I, д. 4, л. 15).

В списке рода Чемдаль¹⁷ за 1765 г. нам встречается имя Гаюль, принадлежавшее мальчику 13 лет. Эвенки, ныне носящие фамилию Гаюльский, относят себя к роду Куркагир. Имя Джекуль из того же списка сопоставимо с другой патронимией куркагиров — Дженкоуль (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1. кн. 1648, л. 52 об. — 53 об.).

Как уже отмечалось в главе 2, в 1824 г. енисейский губернатор А. П. Степанов образовал в Богучанском отделении Енисейского округа целых три «Куркугирских» рода общей численностью 318 человек мужского пола, т. е. около 630 человек всего населения. Благодаря этой акции чапагиры как таковые исчезли из местной ясачной документации, а куркагиры заняли в ней доминирующее положение.

Согласно официальному представлению А. П. Степанова генерал-губернатору Восточной Сибири, в 1-й Куркугирский род были зачислены эвенки, выходившие для уплаты ясака в сел. Яркино на р. Чадобец, во 2-й Куркугирский — эвенки, приписанные к Тетерскому зимовью на Подкаменной Тунгуске, и в 3-й Куркугирский — эвенки бывшей Тасеевской вол. в левобережном Приангарье (Долгих, 1946, л. 729).

По переписи 1897 г. в трех Куркугирских родах насчитывалось 100 хоз., 666 человек. Самым крупным был 1-й Куркугирский род — 67 хоз., 491 человек (Латканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 165), ядро которого составляли бывшие чапагиры Чадобской вол.

В материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг. большинство куркагиров показано членами «рода» Дюронголь¹⁸. По нашему мнению, это были те члены кровного рода Куркагир (в составе административного 1-го Куркугирского рода), которые считали себя потомками эвенка Дюрунги из фольклора о ганальчах (Туголуков, 19796, с. 93). Мы в 1960-х годах о «роде» Дюронголь у эвенков Подкаменной Тунгуски не слыхали.

С учетом сказанного, члены кровного рода Куркагир насчитывали в 1926—1927 гг. 62 семьи, 369 человек и имели 5202 оленя. Большинство их дислоцировалось в Чунско-Таймурской территориальной группировке. Согласно народной этимологии, этноним Куркагир образован от эвенкийского *кургэ* — «кузнечные мехи» (ПМ, 1962, № 1, л. 24). Г. М. Василевич сопоставляла основу «куркэ — курко — курка» с древнетюркским этнонимом курыкан (1972, с. 219). Однако, на наш взгляд, предпочтительнее сопоставление данной основы с названием «ветви» Куркин у рода

(или племени) Джалаир, упоминаемого у монголов в период их военно-политического возвышения; род Джалаир, несомненно, имел древнетюркское происхождение. Заметим, что название другой «ветви» джалаиров, Кумгаут, сопоставимо с эвенкийским родовым этнонимом Кумкагир (см. главу 1).

Согласно А. Ф. Анисимову, в прошлом род Куркагир имел второе название — Дюкугир (*Анисимов*, с. 61). В то же время Г. М. Василевич записала от сымских эвенков (на левобережье Енисея) этноним дюкун — «выдра», прилагавшийся ими к кетам и селькупам (ЭРС. с. 140). Поэтому нельзя исключать того, что часть подкаменно-тунгусских куркагиров породнилась с ними посредством взаимных браков.

Переходим к роду Момоль. До революции такой род в официальной документации не значился, составляя одно из подразделений I-го Куркугирского рода (ЦГАОР. ф. 3977, оп. I, д. 350, л. 70 об.). По Приполярной переписи 1926—1927 гг., момоли насчитывали в общей сложности 133 семьи (716 человек), с 10 237 оленями, причем одна из их групп, Мамско-Чуйская, находилась за пределами региона — на левобережье нижнего Витима. Максимальное число момолей сосредоточивалось в Полигусовской, Байкитской, Бахтинско-Учамской и Чунско-Таймурской группировках (*Долгих*, 1946, л. 496—613).

У момолей в это время имелось до десятка фамилий, каждая из которых объединяла от 4 до 14 эвенкийских семей. Такие объединения можно считать патронимиями. Самыми крупными из них были патронимии Подпалёнок — 15 семей, Дорофеевых — 14, Коненкиных — 13, Арчамку — 10 семей (Там же). Наше внимание привлекает фамилия Подпалёнок: генетически, она, по-видимому, связана с патронимией Джерандоль (или Подпаль), существовавшей тогда же у киренгских эвенков Прибайкалья. В главе 1 мы говорили о возможности совмещения этнонима Джерандоль с этнографической группой Нюрумняль у эвенков Нижней Тунгуски.

О связях момолей с Нижней Тунгуской свидетельствует и патронимия Коненкиных. «Род Коненки» в виде двух локальных групп существовал в 1682 г. у курейских тунгусов на той же реке (см. главу 4).

Патронимия Арчамку представлена в работе Б. О. Долгих 1946 г. как «Арчамку (Баяки)» (л. 502). Из фольклора известно, что Арчамку (Арчамка) был сыном знаменитого у ганальчей сонинга Пачаки, который «жил в Кежме» (ИФЭ, с. 306), т. е. на Ангаре. Вероятно, тот же самый «Арчамко» был в 1682 г. приведен к шерти (присяге) в Тетерском зимовье (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 145). В этом деле изображена тамга Арчамки — рогатина.

По нашему мнению, Арчамка — искаженное русское имя Артем (Артемка), а Баяки — искаженный тунгусский этноним Баягир (подробнее об этом см. в главе 6). Последнее позволяет думать, что Арчамка принадлежал в баягирам, присоединившимся к момолям или, точнее, к предкам последних — момогирам.

Идентификация момолей с момогирами Нижней Тунгуски доста-

точно очевидна. В главе 4 мы приводим весьма подробные сведения о момогирах. Эти сведения указывают на то, что к приходу русских момогиры (они же шиялягиры) дислоцировались главным образом в двух смежных районах — в верховьях Нижней Тунгуски и на правобережье Лены, около устья Витима. В середине XVII в. ленско-витимские момогиры под давлением киндигиров и чильчагиров Северного Забайкалья были вынуждены перейти на левобережье Лены; при этом часть их, по-видимому, обосновалась на Ангаре.

Согласно преданию, записанному С. М. Широкогоровым от забайкальских эвенков, предки последних оттеснили момогиров к «большой реке, подобной Лене, где садится солнце». Широкогоров полагал, что речь шла о Енисее (*Shirokogoroff*, 1929, p. 58), однако это была, без сомнения, Ангара. Там момогиры вошли в контакт с асанами или коттами, результатом чего было образование смешанной тунгусоязычной группы Топорки (см. главу 2).

Следом пребывания момогиров на Ангаре можно считать топоним Момир: русские селения Большое и Малое Момирские находились во второй половине прошлого века несколько выше бывшего Братского острога (*Титов*, 1875). Основанием для отождествления этнонима Момогир с топонимом Момир служит тот факт, что эвенки — обитатели района оз. Баунт в Северном Забайкалье — еще не так давно именовали момогиров момырами. Рассказы этих эвенков об их войнах с момырами записал в 1912 г. П. М. Малых (СМЭТФ, с. 269).

Почти всякая тунгусоязычная контактная группа отличалась не только некоторыми культурными особенностями, но и особенностями своего говора. Поэтому видоизменение Момогир→Момоль представляется в достаточной степени понятным. Подобная метаморфоза была довольно типичной для регионов Приангарья и Подкаменной Тунгуски. Достаточно указать на примеры: Лапагир→→Лапаль (Лопаль, Лопоколь), Челкогир→Челколь, Ятогир→→Ятояль, и т. д.

В эвенкийском фольклоре эвенков Подкаменной Тунгуски кровные роды Куркагир и Момоль характеризуются как взаимно-брачующиеся: они «обменивались женщинами». На войне они выступали как единое целое (ИФЭ, с. 290, 300).

Теперь перейдем к более мелким родам ганальчей. Род Кордуяль (ед. число — Кордуй), судя по записанному Г. М. Василевич рассказу эвенка Павла Баяки, назывался так потому, что его «деда» (основателя) звали Кордуй. Баяки утверждал, что этот род выделился из рода Куркагир (ИФЭ, с. 381), однако он, по-видимому, ошибался: кордуяли до революции принадлежали не к Куркагирским административным родам, а к Чемдальскому роду (ГАИО, ф. 528, оп. 1, д. 9, л. 31 об.; ПМ, 1962, № 2, л. 119).

Положение кордуялей в составе ганальчей было сложным. В фольклоре имеется сообщение о приходе предков кордуялей в более нижнюю часть течения Подкаменной Тунгуски из более верхней, где обитали представители родов Саремикта и Хоркигир

(ИФЭ, с. 301), а стало быть, и Чемдаль. Там же сообщается, что сонинги ганальчей Оптикон (из рода Куркагир) и Пачаки (из рода Момоль) убивали и грабили кордудялей. Сонинг кордудялей Сергунго¹⁹ тоже «убивал ганальчей» (Там же, с. 289. 301—302).

Мы не исключаем нетунгусское происхождение рода Кордудяль. Кордой — имя одного из сыновей легендарного Ерсоготоха, женатого на воспитаннице прародителя якутов Омогоя (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 94)²⁰. Кэрдэ — монгольский род, обитавший в XVII в. в местности Корцинъ в Маньчжурии (Лебедева, 1958, с. 221). Этноним Кордуй не расшифровывается из тунгусских языков.

По материалам Приполярной переписи, численность рода Кордуй достигала 18 семей (124 человека), с 1960 оленями. Большинство кордудялей входило в Байкитскую территориальную группировку, а одна семья — в Верхнемурскую (Мурскую) группировку на территории Шиткинского р-на Иркутской обл. (Долгих, 1946, л. 497, 509, 589). Мура, как мы помним, — левый приток Ангары в ее среднем течении.

Род Кочениль (ед. число — Кочени), судя по всему, отпочковался от рода Лапагир. Согласно слышанному нами преданию, «дед» нынешних коченилей некогда отделился от рода «Лупа» и стал жить на мысу какой-то речки, вследствие чего и получил прозвище Кочени: эвенкийское *кочо* — «мыс» (ПМ, 1962, № 1, л. 88 об.). Возможно, это был тот самый человек, который под именем Кочани во время ревизии 1765 г. был учтен как пятилетний сын тунгуса Догнауля из Летней вол., существовавшей на Нижней Тунгуске (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 81). Как мы знаем (см. раздел 1), во второй половине XVIII в. эвенки, приписанные к Верхнечумскому зимовью, часто «бегали» на Нижнюю Тунгуску и обратно.

Согласно отчету экспедиции по установлению южных границ Туруханского края (1929 г.), до революции род Кочени входил в состав административного «Чапогырско-Куркагырского рода», т. е. как видно, 1-го Куркугирского (ГАИО, ф. 528, оп. 1, д. 4, л. 31—31 об.). Приполярная перепись 1926—1927 гг. учла у коченилей 16 семей, 82 человека и 540 оленей. Все коченили входили в Чупско-Таймурскую территориальную группировку (Долгих, 1946, л. 514), т. е. кочевали в междуречье Подкамнной и Нижней Тунгусок.

Переходя теперь к роду Лопоколь, остановимся прежде всего на множественности вариантов его обозначения в 1920-х годах и позднее: Лопаль (Лупаль). Лопоколь, Лопукор и т. д. Мы полагаем, что все эти варианты восходят к этнониму XVII в. Лапагир, поэтому лопалей, лопоколей, лопуков следует считать не представителями различных родов, как думали Б. О. Долгих (1946, л. 674) и Г. М. Василевич (ЭРС, с. 581), а представителями локальных групп одного и того же древнего, распавшегося на ряд локальных групп, рода. Промежуточная частица -ко- в этнониме Лопоколь не ослабляет, а подкрепляет наше предположение²¹.

До революции большинство бывших приангарских лапигиров входило в состав 1-го Куркугирского рода (ААН, ф. 135, оп. 2, д. 75, л. 14)²². В 1926—1927 гг. они были обнаружены в девяти различных территориальных группировках, расположенных преимущественно между Ангарой и Подкаменной Тунгуской. В семи группировках эти потомки лапигиров были записаны под названием Лопоколь, в одной — Лопаль и еще в одной — Лопукор. В сумме они составляли 32 семьи (189 человек) и имели 1593 оленя (Долгих, 1946, л. 496—589).

Род Момочар в период Приполярной переписи встречался главным образом в районе факторий Таимба и Ванавара. Всего в 1926—1927 гг. у момочаров оказалось 9 семей, 42 человека и 52 оленя. Одна семья держала лошадь (Долгих, 1946, л. 496—517).

Этноним Момочар мы трактуем как *Момо + чар*, где *Момо* — основа этнонима Момоль, а *-чар* — уменьшительный суффикс множественного числа (ед. число — *-чан*). Иными словами, Момочар — это «маленький Момоль», т. е. молодой род, отпочковавшийся от момолей. Во времена ганальчей момоли и момочары уже вступали во взаимные браки. (ИФЭ, с. 285).

Род Хорболь (ед. число — Хорбо) выделился из 1-го Куркугирского рода (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 350, л. 70 об.). Положение хорболей в составе ганальчей было столь же малоустойчивым, как и положение кордуялей. Это косвенно указывает на их весьма позднее присоединение к указанной группировке. Сообщается, в частности, что, убив себе на еду оленей, принадлежавших кордуялям, ганальчи «стали искать других (эвенков. — В. Т.) — хорболей. У тех перебили оленей — молодняк» (ИФЭ, с. 289). В преданиях, описывающих более поздние события, хорболи выступали на стороне куркагиров и момолей в их сражениях с чемдалями (Там же, с. 298—300).

Приполярная перепись обнаружила у хорболей 28 семей (177 человек) с 657 оленями. Хорболи встречались в семи территориальных группировках, но наибольшее их число (19 семей, 126 человек с 493 оленями) оказалось в Учамской, Таимбинской и Ванаварской группировках (Долгих, 1946, л. 512, 514, 517, 594, 603).

Происхождение этнонима Хорбо не совсем ясное. Нельзя сказать, имеет ли он отношение к гидрониму Хорбочико — названию правого притока Нижней Тунгуски в ее нижнем течении (Курилович и Наумов, 1934, карта). В эвенкийском языке *хор-ми* — «удерживаться», «примкнуть», «жить вместе» (ЭРС, с. 486). Характер приведенных значений дает повод усматривать в хорболях группу эвенков, прибывшую из региона Нижней Тунгуски.

* * *

Кроме рассмотренных выше, на территории региона в 1920-х годах были выявлены также следующие этнонимические группы (роды, патронимии): Балигир, Бульдагир, Галель, Гургагир, Дюмигган (Дюмгога, Юмнаган), Кималь, Кироктоль, Кичель, Кунногир,

Купогир (Копогир), Куричель, Кучаль, Лонтогир, Масель (Поталь), Мачакугир, Нюшкагир, Оёдаль, Ошикагир, Панкагир, Санягир, Саримикталь, Суликаль, Тонкуль, Топороколь, Тукаль, Хоркигир, Чапагир, Чёлколь, Чемдаль (Чандадуль, Чимдэль), Чильчагир, Чоноколь, Ятояль.

Роды и группы Галель, Гургагир, Кунногир, Купогир, Лонтогир, Ошикагир, Панкагир, Санягир, Чапагир, Чильчагир мы рассматриваем в главе 4, а род Кималь — в главе 6. Все прочие оставляем в данном разделе.

Род Балигир был обнаружен в 1926—1927 гг. в Питско-Вельминской группировке и насчитывал 3 семьи (6 человек) с 15 оленями Б. О. Долгих считал, что это был один из родов прежних питско-варагонских тунгусов (1946, л. 571—572).

Основой этнонима, очевидно, служит эвенкийское *бали* — «слепой» (ЭРС, с. 49). От той же основы образовано название рода Баликагир у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Можно думать, что некогда балигиры и баликагиры составляли один род, но впоследствии разделились на два самостоятельных рода, из которых баликагиры (судя по частице *-ка-* в этнониме Баликагир) представляли собой территориально обособившуюся часть балигиров.

Род Бульдагир мы считаем тезкой забайкальского рода Бултэгир. Вероятно, тот же род под названием Белдагир в 1765 г. был указан среди эвенков Илимпейской вол. на Нижней Тунгуске (см. главу 4). Судя по всему, группа членов рода Бултэгир уже в XVII в. мигрировала на Ангару, а оттуда в общем потоке приангарских эвенков переместилась к северу от последней.

На территории региона Подкаменной Тунгуски Приполярная перепись 1926—1927 гг. обнаружила бульдагиров в Комовской территориальной группировке. Их оказалось всего 2 семьи, 7 человек с 8 оленями (Долгих, 1946, л. 511—512). До революции бульдагиры были приписаны к Ятоульскому административному роду, о чем свидетельствует существовавшая у них фамилия — Ятоульский (Там же).

Род Дюмнгаган в виде одной семьи с фамилией Моронёнок (3 человека, 7 оленей) был обнаружен Приполярной переписью в составе Таимбинской группировки (Там же, л. 508—510). Н. В. Сушили́н писал название рода как «Дюмгога» и отмечал, что его основателем считался обладатель имени Дюмгонча, родившийся «уже после войны с русскими» в XVII в.; это позволяет производить этноним от личного имени. Сушили́н писал также, что, по некоторым данным, Дюмгонча «был приемным сыном одного из членов колоды²³ Кичель» и что в 1926—1927 гг. семья Моронёнок кочевала вместе с несколькими семьями кичелей (КККМ, № ^{572.4 (09)} 508, л. 11)²⁴.

Несмотря на свои тесные связи с кичелями, глава семьи Моронёнок относил себя к роду Панкагир (Там же). Особого противоречия тут нет, учитывая древние генетические связи между ки-

челями и панкагирами (см. главу 4). Что касается социального статуса группы Дюмнгаган, то ее следует, вероятно, считать патронимией, а не родом.

Род Кироктоль в 1926—1927 гг. был представлен тремя семьями (16 человек, 17 оленей) в Комовской группировке и одной безоленей семьей (3 человека) в Питско-Вельминской группировке. Все кироктоли носили фамилию Киринов (Долгих, 1946, л. 512, 572, 573). Этноним Кироктоль имеет определенное отношение к эвенкийскому *кирэктэ* — «черный дятел», тогда как фамилия Киринов — производное от эвенкийского *киран* — «орел», «ястреб» (ЭРС, с. 203—204). Чем вызвана подобная путаница, трудно сказать.

Б. О. Долгих, со ссылкой на одну из неопубликованных работ Г. М. Василевич, приводил генеалогическую схему, согласно которой интересующая нас этнонимическая группа отпочковалась от рода Чапагир (Долгих, 1946, л. 316). Доказательств в пользу данной версии им не приведено, однако она находит косвенное подкрепление в сообщении Николая Спафария, упоминавшего речку Кирон, впадающую в Ангору справа, выше устья р. Чадобец, и названную так по имени жившего на ней тунгуса (Спафарий, с. 83). В этих местах в XVII—XVIII вв. жили преимущественно чапагиры. С учетом сказанного, в кироктолях следует усматривать одну из локальных групп рода Чапагир.

Род Куричель в 1926—1927 гг. насчитывал четыре семьи эвенков Курочкиных (17 человек, 32 оленя) и находился в составе Питско-Вельминской группировки (Долгих, 1946, л. 572). Этноним, как и фамилия, явно образованы от эвенкийского *курича* — «курница» (ТМС, т. 1, с. 437). Данный «род», очевидно, представлял собой патронимию, основателем которой был либо оседлый эвенк, разводивший кур, либо русский — обладатель соответствующей фамилии. По Б. О. Долгих, куричели до революции входили в Ятоульский административный род (1960, с. 202).

В роде Кучаль²³, обнаруженном Приполярной переписью в Таимбинской группировке, насчитывалось 5 семей, 29 человек при 40 оленях. Все кучали носили фамилию Топоченок (Долгих, 1946, л. 508, 510). Данная фамилия позволяет рассматривать род Кучаль как отпочковавшийся от момолей, так как один из сонингов ганальчей, Топоко, принадлежал к роду Момоль (ИФЭ, с. 291). Наши информаторы также нам говорили: «у Топочёнков был дед по имени Топоко» (ПМ, 1962, №1, л. 41 об.).

Б. О. Долгих полагал, что род Кучаль (вместе с родами Оёдадь и Тонкуль) до революции входил в 1-ю Лапагирскую управу (1946, л. 509, 572), однако к концу XIX в. этот административный род «вымер от оспы» и состоял из одного человека — Н. А. Викторова, жившего в Кежемской вол. на Ангаре (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{509}$, л. 2;

Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 152). Поэтому правильнее относить кучалей вместе с момолями к 1-му Куркугирскому роду.

Этимология этнонима *Кучаль*, или *Кучай*, нам не ясна. Вряд ли в его основе лежит эвенкийское *куча* — «баран»; это слово существует только в говорах восточных эвенков (ТМС, т. 1, с. 440). Вместе с тем указанная основа в сочетании с суффиксом *-гир* образует гипотетический этноним Кучагир, весьма созвучный древнему тунгусскому этнониму Кичигир, о котором мы говорили в главе 1. Исходя из этого, в родах Кучаль и Кичель (см. главу 4) можно видеть две родственные группы, а их названия квалифицировать как фонетические варианты этнонима Кучагир~Кичигир.

Род «Масель (Потал)», по Б. О. Долгих, в 1926—1927 гг. входил в Питско-Вельминскую группировку и насчитывал 5 семей (19 человек) с 52 оленями. Долгих считал его родом бывших питско-варагонских тунгусов (1946, л. 572). Однако с этим плохо согласуется второе название данного рода — Потал или Поталь, явно имеющее отношение к фамилии Пота, существующей у обьякученых синигиров северо-восточной части Эвенкийского округа и восходящей к якутскому родовому этнониму Бети (см. главу 5). Поэтому мы полагаем в маселях группу выходцев из указанного района. Название Масель из тунгусских языков не объясняется.

Род Мачакугир в 1926—1927 гг. встречался в Ванаварской (5 семей, 21 человек, 71 олень) и Верхнекатангской (6 семей, 22 человека, 146 оленей) группировках. Б. О. Долгих относил его к бывшей Чемдальской управе (1946, л. 517, 520). Это находит подтверждение в протоколе «общеродового» собрания эвенков верхнего течения рек Таймура, Южная и Северная Чуня от 1—3 июля 1926 г., состоявшегося на фактории Стрелка. Из протокола видно, что Илья Потапович «Мачакугирь» являлся председателем Чемдальского родового совета (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 114, л. 83 об.)²⁶.

В архиве Л. Я. Штернберга имеется рукописная работа И. М. Суслова «Патернитет рода Мачакугирь, кочующего в бассейне рек Подкаменной Тунгуски и Чуни» (1926 г.), к которой приложена родословная мачакугиров. Согласно этой родословной, основатель рода Мачакугир Мачак принадлежал к роду Чемдаль. Его сын Четкан «первый из рода покорился русским и стал платить ясак; после этого покорился его брат Каданча». В 1926 г., по словам Суслова, существовало уже пятое поколение после Мачака (ААН, ф. 282, оп. 1, д. 87, л. 13—14). В этом рассказе непонятно одно — сколько лет считал в одном поколении И. М. Суслов: Если считать 20 лет, то окажется, что Мачак умер около середины XIX в., а родился вряд ли раньше третьей четверти XVIII в. Поэтому его сын никак не мог первым начать платить ясак русским.

Историей рода Мачакугир интересовался и Н. В. Сушили. Насколько можно понять из его рукописи, мачакугиры и хоркигиры происходили от двух родных братьев — Мачака и Хорки. После того, как ленские тунгусы из «колоды... Кольдо» (калтагиры?) убили двух мачакугиров, чемдали отомстили им за это (КККМ,

№ 572.4 (09), л. 12, 68). В записях эвенкийского фольклора, опубликованных Г. М. Василевич, Мачак выступает под именем Мл-чаку. В рассказе, где упоминается Мачаку, речь идет главным образом о сонинге Гильбовуле из рода Хоркигир (ИФЭ, с. 302—303).

У нас нет сомнений в том, что этноним Мачакугир образован от имени Мачак или Мачаку. Вероятно, сначала потомки этого эвенка составляли патронимию в роде Чемдаль, но в дальнейшем она превратилась в отдельный род, впрочем, весьма малочисленный.

Род Нюшкагир насчитывал в 1926—1927 гг. 25 семей, 146 человек, с 801 оленем. Основная масса нюшкагиров входила в Верхне-Катангскую группировку и лишь четыре семьи — в Ванаварскую. Помимо оленей, две семьи нюшкагиров держали лошадей (*Долгих*, 1946, л. 517—521). Нюшкагиры также известны на Подкаменной Тунгуске со времен существования там гальечей. В одном из преданий говорится, что нюшкагиры и куркагиры «начали большую войну. С шаманами [на место боя] пришли. На середину реки Вояв²⁷ вышли Куркогиры. У Нюшкагиров вождем-кури-воном²⁸ был куркогирский эвенк... Нюшкагиры были разбиты» (ИФЭ, с. 301).

В нюшкагирах можно предполагать выходцев из Прибайкалья. С. К. Патканов отмечал, что они пришли на Подкаменную Тунгуску «из Нижнеилимской управы Киренского округа» (1906, ч. I, вып. 2, с. 153). Этноним Нюшкагир средствами современного эвенкийского языка не поддается объяснению. Но может быть, более правильным или по крайней мере более старым его произношением было Ушкагир (Ускагир, Ошкагир). В этом случае у нас появляется основание считать род Нюшкагир ответвлением от рода Мучугир, еще недавно существовавшего в верхнем течении Нижней Тунгуски (см. главу 4).

Род Оёдаль, или Оядыль (также Эдэлил), в 1926—1927 гг. существовал в виде всего лишь одной семьи в Таимбинской группировке (3 человека, 5 оленей) (*Долгих*, 1946, л. 508). Как уже отмечалось, фамилия главы этой семьи была Топочёнок, что позволяет говорить о родственной связи оёдалей с кучалями.

Этноним Оёдаль, очевидно, образован от эвенкийского *оёду* — «вверху» (ЭРС, с. 316). Б. О. Долгих относил оёдылей (вместе с кучалями) к бывшей 1-й Лапагирской управе (1946, л. 509), а Н. В. Сушилину — к Ятоульскому роду²⁹. По его данным, оёдали жили на р. Тайга — левом притоке Подкаменной Тунгуски (КККМ, № 512.4 (09), л. 66).

512

Род Саримиктадь (Шаримиктадь) во время Приполярной переписи был представлен тремя небольшими группами: три семьи (23 человека, 78 оленей) — в Байкитской группировке, шесть семей (33 человека, 107 оленей) — в Ванаварской и столько же (29 человек, 298 оленей) — в Верхнекатангской (*Долгих*, 1946, л.

503, 517, 520). Всего в этом роде было 15 семей (85 человек) с 483 оленями. Н. В. Сушили́н и Б. О. Долгих относи́ли этот род к бывшей Чемзальской управе.

Обращает на себя внимание фамилия Тунальчин, принадлежавшая одной семье рода Саримикта́ль в Байкитской группировке (Там же, л. 504). Как мы знаем из главы 2, род Таналчин — тунгусо-асанского происхождения — существовал в конце XVII в. на Тасеевой. Можно, стало быть, говорить о том, что в более поздний период его члены переместились на Подкаменную Тунгуску, где приняли участие в формировании нового рода Саримикта́ль. Этимология этнонима Саримикта́ль довольно прозрачна: эвенкийское *саримикта* — «бровь» (ЭРС, с. 345). Вероятно, этот род развился из патронимии, основателем которой был эвенк, имевший такое прозвище.

Род Сулика́ль был зафиксирован в Питско-Вельминской группировке. В нем оказалось всего 2 семьи (11 человек) с 13 оленями. Обе семьи носили фамилию Суликин. Б. О. Долгих относил этот род к Ятояльской управе (1946, л. 572).

В основе этнонима и фамилии можно видеть эвенкийское *сули* — «остроганный», «плоский» (ЭРС, с. 369). Скорее всего, это был не род, а молодая патронимическая группа. Действительная родовая принадлежность Суликиных неизвестна.

Род Тонку́ль в числе 10 семей, 55 человек с 172 оленями разделялся между Питско-Вельминской и Комовской (8 семей, 46 человек, 145 оленей) группировками. Б. О. Долгих относил данный род к бывшей 1-й Лапагирской управе (1946, л. 511, 572), а Н. В. Сушили́н — к Ятояльской (КККМ, № $\frac{572.4^{(09)}}{512}$, л. 66).

Н. М. Ковязин, слышавший рассказы комовских эвенков, считал род Тонку́ль местным и «основным», т. е. относительно давним (Ковязин, 1931, с. 137). Однако нельзя исключать того, что это была патронимия, образованная потомками тунгуса, имевшего имя Тонку́ль или Танку́ль. Такое имя, в частности, имел один из сыновей Мойкана — главы молодого рода, существовавшего в начале XVIII в. в составе нижнетунгусских мучугиров (см. главу 4). Может быть, этот Танку́ль Мойканов и был родоначальником интересующей нас группы. Добавим, что имя Танку́ль (Тонку́ль), вероятно, имеет отношение к эвенкийскому *тэнкумнэ* — «мастер» (ЭРС, с. 422).

Род Топороко́ль нам хорошо знаком по главе 2; его приангарские предки именовались в XVII в. Топорокильским родом или родом Топорки. Это была тунгусо-асанская группа, которая со стороны тунгусов состояла, по-видимому, из момолей и ятоялей. В списке рода Топорки при Тетерском зимовье за 1682 г. мы встречаем имена сонингов ганальчей — Пачаки и Топоко³⁰. О последнем сообщалось, что он платит ясак уже 35 лет; десятилетний Пачаки назван в числе сыновей тунгуса Гулди́ги (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 149 об.). Во второй половине XVIII в. топорки Подкаменной Тунгуски, видимо, входили в Береговой род, который после 1822 г. был преобразован А. П. Степановым в Ятояльский

(Ятоульский). Во всяком случае, перед революцией 1917 г. звенки рода Топороколь числились в Ятояльской управе.

Перепись 1926—1927 гг. застала топороколей в Питско-Вельминской (8 семей, 42 человека, 66 оленей) и Комовской (2 семьи, 10 человек, 22 оленя) территориальных группировках. Фамилия Берегов, которую носили пять семей этого рода, довольно прозрачно намекает на их бывшую принадлежность к Береговому роду тунгусов.

Род Тукаль, обнаруженный Приполярной переписью в Комовской группировке, состоял из 5 семей, 19 человек с 29 оленями. Все члены рода носили фамилию Туканов (*Долгих*, 1946, л. 511—512), явно имевшую связь с этнонимом.

Хотя этноним можно объяснить от звенкийских слов *тука* или *тукала* — «песок», «глина», мы больше склоняемся к мнению, что Тукаль — искаженный этноним XVII в. Тугочер (см. главу 4). Наше предположение подкрепляется тем обстоятельством, что в рукописной работе Н. В. Сушилина рода Тукаль нет, но назван род Тыготоль — на р. Онок, правом притоке р. Комо (КККМ, № 572.4 (09), л. 66). Н. М. Ковязин тот же этноним переладал в

512

форме «Тыгото» (1931, с. 137). Произношение «Тыготоль» уже весьма близко к основной форме Тугочер.

Род Хоркигир в 1926—1927 гг. был обнаружен в Ванаварской группировке. В нем оказалось всего 2 семьи, 8 человек, 21 олень (*Долгих*, 1946, л. 517). Хотя этот род упоминается на Подкаменной Тунгуске еще в период существования ганальчей, о нем мало известий. Сообщается, в частности, что сонинг хоркигиров Гильбовуль «поссорился со своим младшим родственником», и они перестреляли друг у друга много сородичей (ИФЭ, с. 302—303). И Б. О. Долгих, и Н. В. Сушилины относили род Хоркигир к административному Чемдальскому роду. Этноним, по-видимому, образован от звенкийского *хэрки* — «штаны» или от *хэркэми* — «связать, завязать, привязать» (ЭРС, с. 510—511).

Род Чёлколь также упоминается в регионе со времени существования ганальчей. В преданиях сообщается о некоем Чолко, который, вслед за Момочо, ходил свататься к нюрумнялям. «Они испугали Чолко. Момочо убежал к Куркогирам, за ним. — Чолко» (ИФЭ, с. 300).

Приполярная перепись выявила членов рода Чёлколь (Чолколь) в Ванаварской (2 семьи, 10 человек, 19 оленей) и Чунско-Таймурской (3 семьи, 7 человек, 71 олень) группировках. Б. О. Долгих относил чёлколей к бывшей Куркагирской управе (1946, л. 514—517).

У нас нет сомнений в том, что чёлколы Подкаменной Тунгуски — выходцы из Прибайкалья, где в XVII в. был известен род Чёлкогир (см. главу 1). Но первоначально эти выходцы, по-видимому, успели побывать на Нижней Тунгуске, поскольку там во второй половине XVIII в. упоминался род «Солкагорский» среди тунгусов Туружской вол. (см. главу 4).

Род Чемдаль писался в XVII в. по-разному: Чамделяна, Чамлинский, Целбуяна, Цепления, Цемдели и т. п. В основе всех этих транскрипций лежит, по-видимому, гидроним Цемда (Чемда), принадлежащий правому притоку р. Чадобец, который является правым притоком Ангары. В XVII в. в бассейне Чадобца кочевали эвенки рода Чапагир.

Генетическая связь чемдалей с чапагирами достаточно очевидна. В названии «Чивчигирский, или Чимжальский род» ясачных ревизий второй половины XVIII в. мы усматриваем искаженные этнонимы Чапагирский и Чемдальский; союз «или» воспринимается в данном случае как указание на почти полное тождество названных родов в генетическом смысле. В списке «Чивчигирского, или Чимжальского рода» за 1795 г. мы находим имя тунгуса Болтури (ГАКК, ф. 310, оп. 1, д. 6, л. 169 об.). Оно было типично для чапагиров периода XVII—XVIII вв. (см. главы 1 и 2).

Как мы уже отмечали, в род Чемдаль начиная с XVII в., по-видимому, входили куркагиры, вследствие чего этот род имел сложный административный характер.

Численность Чемдальского рода в известный нам период все время росла: 1765 г. — 77 человек мужского пола (около 150 человек всего населения); 1824 г. — 108 (около 215 человек всего населения); 1897 г. — 275 человек мужского пола (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52; Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 152). Это, несомненно, было связано с продолжавшимся причислением к Чемдальскому роду каких-то новых групп плательщиков ясака.

В 1920-х годах в бывший Чемдальский административный род входили кровные роды: Кордуаль, Нюшкагир, Саримикталь, Хоркигир и Чемдаль (Суслов, 1928, с. 55). По данным Приполярной переписи, члены кровного рода Чемдаль насчитывали 25 семей (104 человека) с 251 оленем. В регионе Подкаменной Тунгуски чемдали жили среди эвенков Питско-Вельминской, Комовской и Верхнекатангской группировок, в регионе Нижней Тунгуски — Еромо-Титейской и Томинской группировок. Всего в обеих этих группировках оказалось 9 семей чемдалцев. Заметим, что питско-вельминские чемдали были записаны как члены рода «Чимдэ́ль», комовские и верхнекатангские — «Чандаду́ль», еромо-титейские — «Чимаягир» («Чимеир»), а токминские — «Чимдягир» (Долгих, 1946, л. 511, 520, 571, 603, 609). Столь значительное расхождение в фиксации этнонима Чемдаль указывает на то, что его различно произносили сами эвенки.

Род Чоноколь в регионе Подкаменной Тунгуски в 1926—1927 гг. входил в две территориальные группировки: Полигузовскую (4 семьи, 25 человек, 113 оленей) и Бахтинско-Учамскую (6 семей, 53 человека, 411 оленей). Кроме того, 8 семей чоноколей (51 человек, 252 оленя) кочевали на левобережье Енисея (см. главу 6). Б. О. Долгих относил чоноколей к бывшей Нижнечумской управе (Там же, л. 499, 501, 529, 559, 664). В фольклоре эвенков Подкаменной Тунгуски чоноколи выступают как группа, враждебная ганальчам. Существуют предания, в которых сонинг момолей Па-

чаки ведет длительную и кровопролитную войну с чоноколями (*Воскобойников*, 1965, с. 26).

Происхождение чоноколей мы связываем с объёкченными тунгусами из рода Синигир, существовавшего в XVII в. в регионе Северо-Запада (см. главу 5).

Род Ятояль, по данным Приполярной переписи, показала у себя часть эвенков, входивших в Куюмбинскую и Таимбинскую территориальные группировки. Общая численность ятоялей в 1926—1927 гг. достигла 8 семей, 47 человек, с 83 оленями (*Долгих*, 1946, л. 506, 509). Позднее Н. М. Ковязин выявил три семьи ятоялей также в Комовской группировке (*Ковязин*, 1931, с. 137), но, возможно, это были перекочевавшие на р. Комо ятояли Таимбы.

До революции ятояли составляли ядро административного рода Ятояль («Ятоуль»), который, насколько можно судить, был образован на основе «береговых тунгусов» Тетерского зимовья, упоминавшихся в последней четверти XVIII в. Судя по названию «береговые», у этих эвенков было мало оленей, и они существовали в основном за счет рыболовства, живя на берегах рек и озер.

В 1897 г. Ятоульский род Енисейского округа насчитывал всего 8 хозяйств, 46 человек (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 152), т. е. практически столько же, сколько и в 1926—1927 гг. Вероятно, эти данные относились только к членам кровного рода Ятояль без учета численности других кровных родов, входивших в административный Ятоульский род. Согласно Н. В. Сушилину и отчету экспедиции по установлению южных границ Туруханского края, таких родов было шесть: Бульдагир, Кималь, Оёдаль, Тонкуль, Топороколь, Тыготоль (КККМ, № $\frac{572.4}{512}^{(09)}$, л. 66; ГАИО, ф. 528, оп.

1, д. 9, л. 31 об.). Б. О. Долгих называл, кроме собственно ятоялей, в составе Ятоульского административного рода еще девять кровных родов: Бульдагир, Кималь, Кироктоль, Куричель, Суликаль, Топороколь, Тукаль, Хорболь, Чандадуль (1960, с. 202). Полной ясности в данном вопросе не существует.

3

Межэтнические связи эвенков Подкаменной Тунгуски и особенности их традиционной культуры

В XVII в. на Подкаменной Тунгуске жили, по-видимому, только тунгусы. Источники упоминают в низовьях реки лишь отдельных «остяков», приходивших туда ради промысла. Так, в 1627 г. в этом районе «лесовал» остяк Богдич (*Долгих*, 1960, с. 176) — вероятно, представитель Богденского рода кетов. Не упоминались кеты и к югу от низовий Подкаменной Тунгуски. Вместе с тем, судя по фольклору, они там до появления тунгусов жили. В кетской сказке «Тунгама» читаем: «С речки Вороговки тунгусы на Енисей вышли». Вождь тунгусов Тунгама сказал своим людям:

«Стреляйте!» Тунгусы выстрелили, «а кеты испугались.... на другой берег ушли». Тунгусы принялись их преследовать, однако кеты каким-то образом ухитрились убить своих преследователей и «ушли на речку Кас, зимовать стали» (Дульзон, 1966, с. 109).

Поскольку Вороговка — правый приток Енисея, а Кас — левый, создается впечатление, что сказка рисует вытеснение эвенками кетов с правого берега Енисея на левый. Надо думать, что это произошло еще до XVII в.

Материалы, приведенные нами в главе 2, дают основания думать, что эвенки еще до XVII в. делали попытки подчинить себе кетов и селькупов — обитателей левобережной стороны Енисея. Очень похоже на то, что такие попытки им вполне удавались. Но, видимо, одними враждебными отношениями связи между эвенками и кетами не ограничивались. Несомненно, существовали и товарообменные, и взаимобрачные отношения. В результате на правом берегу Енисея к приходу русских сформировалась синкретическая по культуре этнографическая группа тунгусов-варгаганцев (см. первый раздел). Название группы Варгаган представляет собой русскую переделку эвенкийского *баргаган* — «заречные». Данное обстоятельство свидетельствует о том, что основным районом обитания большинства представителей данной группы являлось левобережье Енисея. Сымские и кетские эвенки до сих пор прилагают этноним баргаган к своим соплеменникам с правого берега Енисея (П.М. 1974, л. 16).

Название Кузнецкой вол. кетов XVII в. отражает хозяйственную специфику ее обитателей — мастеров-металлургов, на что в свое время указывал И. Г. Георги (1777, ч. III, с. 23). Возможно, что именно от кетов левобережные енисейские эвенки заимствовали умение добывать и плавить железо. В 1650 г. оброчный крестьянин Дубчесской слободы Ф. И. Ворогов писал: «Окольные... тутощные... ясачные люди остяки и тунгусы в нашей заимке, в Дубчинской слободе, по заимке от Кии-реки³¹ и по сторонным речкам, по берегам, берут... железную руду и ис тое руды оне, остяки и тунгусы, плавят по-своему железо» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 40, л. 1).

Подобно своим соплеменникам из Прибайкалья и Приангарья, эвенки рассматриваемого нами региона практиковали татуировку лица. Этот обычай сохранялся у них в юго-западной части региона еще в первой половине прошлого века. Как сообщал А. П. Степанов, «мать продевает иглою под кожицей [ребенка] струнку самую тончайшую, натертую порошком каменного угля, который, оставаясь во внутренности, просвечивается через кожуцу прекрасным голубым цветком» (Степанов, ч. I, с. 80)³². Степанов указывал также на ношение местными тунгусами «коротенькой юбочки (*сильме*)», которая, по его словам, покрывала короткие штаны (Там же, с. 79). Описание данной детали одежды мы приводили в главе 1.

Судя по всему, варгаганцы были слабо обеспечены оленями. В 1781 г. прапорщик геодезии Козловский отмечал, что к «остякам» р. Кеть (на левобережье Енисея) — выходят в гости «из

хребтов реки Енисей», тунгусы, которые «держат для зимы собак с нартами», а летом передвигаются на лодках (АВГО, разр. 57, оп. 1, д. 1, л. 7 об.).

Причинами недостатка оленей у варгаганцев и их потомков могли быть, кроме культурного влияния «остяков», неблагоприятные экологические условия, выражавшиеся в дефиците ягеля — основного корма оленей. По сообщению К. М. Рычкова, олени «южных тунгусов Енисейского округа» питались «древесным мхом» (1917, с. 66), т. е. лишайником. Однако запасы такого корма весьма ограничены, и его добывание связано с определенными неудобствами.

Напряженные отношения с кетами существовали на рубеже XVII—XVIII вв. у ганальчей Подкаменной Тунгуски. Вероятно, это было связано со стремлением кетов закрепиться в нижнем течении названной реки. Предание сообщает о том, что ганальчи прогнали кетов обратно на Енисей. Такое предание слышал от эвенков и от кетов наш информатор Г. К. Низовцев (русский ангарец), много лет проработавший в Туруханском и Байkitском районах Красноярского края. Кетов, согласно преданию, возглавлял Бальбин³³, а эвенков — Ховоко³⁴ (ПМ, 1962, № 1, л. 50—50 об.). Есть основания думать, что описанное событие произошло около 1682 г. (см. главу 4).

Несмотря на противодействие со стороны эвенков, кеты довольно упорно стремились обосноваться в нижней части бассейна Подкаменной Тунгуски. В 1840-х годах эта река была освоена ими «до порогов» (Миддендорф, с. 657), т. е., по-видимому, до устья р. Вельмо, где находятся так называемые Вельминские пороги, но позднее они добрались и до устья Чуни. Г. К. Низовцев, по его словам, находил там в 1920-х годах четырехугольные углубления в земле, оставшиеся от кетских «землянок»³⁵. В углублениях росли ели 70-летнего возраста (ПМ, 1962, № 1, л. 56, 96 об.). Однако жизнь в непосредственной близости от эвенков, видимо, казалась кетам небезопасной. Поэтому они в конечном счете стали жить на Подкаменной Тунгуске, ниже фактории Кузьмовка.

Взаимное недружелюбие не препятствовало товарообменной торговле. Ганальчи в обмен на своих оленей и меховую одежду получали от кетов их луки, считавшиеся лучшими в приенисейской тайге, а также стрелы, оснащенные перьями птиц. В фольклорном рассказе о сражении ганальчей с чемдалями говорится, что сонинг-куркагиров (ганальчей) «Пачаки перестрелял все свои стрелы, подчитал — только три осталось. Одна стрела была у него дятловая». Ею Пачаки прострелил железную пластинку на колене чемдальского воина (ИЭФ, с. 298). Становится ясно, зачем ангарские «чюлюгдей» приобретали у тунгусов перья дятлов и соек.

Существовали и связи ганальчей с кетами по линии браков. Так, основатель патронимии Подпалёнок в роде Момоль имел, по преданию, 12 жен, одна из которых была «остячка» (ПМ, 1962, № 1, л. 88). В пос. Полигус мы в 1962 г. зафиксировали одну эвенкийку, тоже из рода Момоль, имевшую фамилию Кетто (Там же, л. 93).

До кетов и эвенков на Подкаменной Тунгуске, по-видимому, обитало иное аборигенное население, скорее всего, самодийское по происхождению. Основанием для такого мнения служат некоторые местные гидронимы, удовлетворительно объясняемые только из самодийских языков³⁶. Эвенкийский фольклор донес до нас скудные известия о неких «момондоях», с которыми эвенки вели немую торговлю, не зная их языка. Растворившись в эвенках, момондой вошли в пантеон эвенкийских предков (Василевич, 1972, с. 201—202). Вероятным указателем бывшего местожительства момондоев служит название р. Момондой, протекающей в районе лесоповала, образованного Тунгусским метеоритом 1908 г. (Вронский, с. 86), к северу от пос. Ванава. Г. М. Василевич считала, что термин *момондой* у эвенков Подкаменной Тунгуски соответствует термину *нгамэндри* у левобережных эвенков Енисея (Там же). Эвенкийское *нгамэндри* переводится как «медведь», «злой дух», «дух предков»; *нгамэн-ми* — «соблазнить, сманить» (ЭРС, с. 278).

Представляют интерес предания местных эвенков о «плохих людях», также живших некогда на водоразделе Подкаменной и Нижней Тунгусок. Эти люди арканом ловили мелкого дикого оленя «мелеле» и с живого «чулком» сдирали шкуру, после чего животное отпускали. «Побежит голый зверь, а они смеются... У этих людей были и собаки, они только жирели» (т. е. не работали). Летом их убивали на еду. Рыбу ловили удочкой и ели сырую. В конце-концов рыба перестала брать приманку у этих людей, а зверь от них убегал «голый». «Так и кончился этот народ» (ИФЭ, с. 316). Нравоучительный характер концовки напоминает легенды о маятах (ванядах) Северо-Запада, представлявших собой тунгусо-самодийскую группу (см. главу 5).

Приведенные нами материалы показывают, что к приходу русских Подкаменная Тунгуска была весьма слабо освоена эвенками, но по мере того, как на Ангаре и ее притоках развивалось земледельческое и промысловое хозяйство русских крестьян, часть приангарских эвенков-оленоводов перемещалась на территорию рассмотренного в настоящей главе региона. Туда же в XVIII — начале XX в. переключевали некоторые эвенки с верховьев Нижней Тунгуски и из региона Северо-Запада.

Характерная особенность региона Подкаменной Тунгуски — большое количество мелких этнонимических групп с названиями, оформленными с помощью суффикса *-ль* (вместо *-гир*), что, возможно, объясняется изменением языка местных эвенков под влиянием их контактов с дотунгусскими аборигенами (Туголуков, 19796, с. 94—95). Этнонимическая пестрота отчасти объясняется распадом местных родов, а отчасти сосредоточением на территории региона значительного числа выходцев из других регионов.

В большинстве случаев рассмотренные нами этнонимические группы представляли собой либо осколки прежних родов, либо образования патронимического характера³⁷. Не случайно, что прежняя родовая экзогамия была сведена здесь к воспрещению браков с кровными родственниками трех ближайших поколений от общего предка. Внуки общего прадеда уже могли вступать в половое общение (*Суслов*, 1928, с. 56; ПМ, 1957, № 1, л. 64).

Множественность эвенкийских этнонимов, часть которых относилась к кровнородственным объединениям, а часть — к бывшим административным родам, приводила к неизбежной путанице. Вероятно, для того, чтобы как-то дифференцировать эти этнонимы, некоторые исследователи эвенков Подкаменной Тунгуски ввели в 1920-х годах новый термин «колода», служивший обозначением кровного рода или патронимии как составной части крупного кровного или бывшего административного рода. Этим термином пользовались, в частности, Н. В. Сушили и Г. М. Василевич.

Существуют также попытки научно обосновать сложившееся к 1920-м годам этнонимическое многообразие у эвенков Подкаменной Тунгуски. А. Ф. Анисимов распределил все местные этнонимы по трем гипотетическим племенам (Куркагир, Панкагир, Чемдаль), каждое из которых, по его мнению, разделялось на фратрии, а фратрии — на роды. Б. О. Долгих сгруппировал те же этнонимы по племенам, родам и патронимиям, а племенами считал бывшие административные роды, или управы (*Туголуков*, 1979б, с. 90—91). Ошибка обоих исследователей заключалась в том, что указанное этнонимическое разнообразие они воспринимали как результат естественного социального развития эвенков региона, отвлекаясь от вопросов их конкретной истории.

¹ В настоящее время около устья р. Чуны находится пос. Байкит — районный центр Эвенкийского автономного округа.

² Название «Варгаган» мы относим к эвенкам обеих ранее существовавших на юго-западе региона волостей — Пигской и Варгаганской.

³ Имеется в виду Конлогирское зимовье, находившееся тогда, по-видимому, на устье р. Кочёма — левом притоке Нижней Тунгуски (см. главу 4).

⁴ Подробности о ганальцах нами приведены в статье: *Туголуков В. А.* Эвенки-ганальцы (к вопросу о существовании племени у тунгусов). — СЭ, 1979, № 4.

⁵ *Толстых А. И. и Наумов Н. П.* Предварительный отчет о работе Туруханской экспедиции (1929 г.). Рукопись. — Архив Восточно-сибирского отделения ВНИИЖП (г. Иркутск).

⁶ «Материалы обследования Подкаменной Тунгуски в 1926 - 1927 г. Н. В. Сушили» [б. д.]. Рукопись.

⁷ В начале XX в. фактория Панолик считалась «столиней» бассейна Подкаменной Тунгуски (ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 8060, л. 9).

⁸ Нынe пос. Ошароно.

⁹ В. А. Кытманов, проезжая в начале XX в. по Подкаменной Тунгуске, встретил братьев Коченевых возле устья р. Джегдали, где в XVIII в. находилось Верхнечумское зимовье. Они, по его словам, имели вид «совершенно обрусевших людей», не заплетали волос в косу и хорошо говорили по-русски (ГАКК, ф. 796, оп. 16, д. 8060, л. 13).

¹⁰ И. И. Покровский сообщает о законе от 2 июня 1904 г., который нарушали ангарские торговцы (КККМ, № $\frac{572.4}{572.4}$ (00), л. 54).

- ¹¹ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 498—499, 501, 503, 506, 508, 511—512, 514—515, 517—518, 520, 571—573). Количество и численность территориальных группировок, существовавших в регионе Подкаменной Тунгуски, в различных источниках варьируют. Например, Н. В. Сушилин зарегистрировал там 2173 эвенка с 20693 оленями.
- Сведения о центрах (пунктах) тяготения эвенков отдельных территориальных группировок нами извлечены главным образом из фонда Комитета Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР: ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 363, л. 3, 4.
- ¹² Фактория Тычаны находилась в нижнем течении р. Чуя, при устье ее левого притока р. Корла (в 85 км от пос. Байкент). Была основана ангарцами в 1925 г. (Сушин, с. 119).
- ¹³ Время образования фактории Вельмо и пос. Горбикок нам неизвестно.
- ¹⁴ Фактория Кумонда находилась на р. Комо, возле устья ее правого притока р. Кумон. В 1932 г. она упоминалась как центр тяготения для 34 хозяйств комовских эвенков (ПМ, 1962, № 1, л. 59). Фактория Каменка-Зверёк находилась, по видимому, в верхнем течении р. Каменка (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 350, л. 85), а фактория Красная Горка — на р. Иркинсева. Когда были основаны эти фактории, мы не знаем.
- ¹⁵ Тухомо — левый приток р. Комо, Горбикок — левый приток р. Пит.
- ¹⁶ Интересно, что, несмотря на переход комовских эвенков к новым формам хозяйства и быта, у них еще в 1920-х годах можно было встретить татуировку на лице (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 350, л. 90).
- ¹⁷ Речь формально шла о «Чивчигирском или Чимжалском» роде.
- ¹⁸ В состав рода Дюронголь была включена патронимия Гаюльских — 14 семей, 97 человек, с 3427 оленями.
- ¹⁹ «Сергунго» — от русского имени Сергей.
- ²⁰ Линдену Я. Описание якутов. (1741—1745 гг.). Имя Омогой Линдену писал как Омогои.
- ²¹ Промежуточная частица -ко- (также -ка-, -кэ), насколько можно судить на материале истории отдельных эвенкийских родов, служила средством номинального разграничения сородичей после разделения рода на две территориально разобщенные части. Сородичи, оставшиеся жить на старом месте, сохраняли прежний родовой этноним, а уходившие в другой район обитания добавляли к нему вышеуказанную частицу (между основной этнонимом и суффиксом -сир). Есть основания думать, что впоследствии члены отделившейся группы начинали заключать браки с членами своего бывшего рода и тем самым становились новым самостоятельным родом тунгусов.
- ²² Василевич Г. М. Катангские тунгусы [Б. д.]. Рукопись.
- ²³ Термином «колода» Н. В. Сушин обозначал молодой кровный род либо патронимию, а термином «род» — как старый кровный род, так и дореволюционный административный род (управу).
- ²⁴ «Материалы Н. В. Сушилина о «родах» и «колодах» у эвенков Подкаменной Тунгуски» [Б. д.]. Рукопись.
- ²⁵ Нами было записано Кучайль (ед. число — Кучай) (ПМ, 1962, № 1, с. 88).
- ²⁶ И. П. Мачакугир (правильнее было бы называть его И. П. Петровым) был близким другом И. М. Суслова. В 1927 г. Суслов снабдил исследователя Тунгусского метеорита Л. А. Кулика рекомендательным письмом к И. П. «Мачакугирию», в котором излагалась просьба провести Кулика на р. Лакура — место падения метеорита (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 213, л. 15 об.).
- ²⁷ Вероятно, имеется в виду р. Аяя — правый приток Подкаменной Тунгуски в ее верховьях. По Аяе до революции кочевали эвенки рода Чемдаль (КККМ, 572.4 (09) N $\frac{509}{509}$, л. 1).
- ²⁸ «...Куришон — синоним слова сонинг» (ИФЭ, с. 363). Думается, однако, что термин *куришон* означал сонинга-пужеродца или сонинга спойственника. На что указывает значение созвучного эвенкийского термина *куригэн* — «зять» (ЭРС, с. 223).
- ²⁹ У Н. В. Сушилина — «Атаульский, или Береговой, род».
- ³⁰ Пачаки и Топоко происходили из рода Момол, однако Пачаки был известен как сонинг рода Куркагиз (ИФЭ, с. 289—296).

- ³¹ Кия — правый приток Енисея, впадающий в него ниже устья р. Пит.
- ³² А. Ф. Миддендорфу также приходилось встречать на Енисее татуированных эвенков (*Миддендорф*, с. 650, 699).
- ³³ Правильно, по-видимому, Бальна или Бальгя (*Долгих*, 1934, с. 46, 50). От этого имени образована современная фамилия Бальбин (Бальдин) у кетов.
- ³⁴ *Ховоко* — один из сонингов у ганальчей; принадлежал к роду Момочар (ИФЭ, с. 290—291).
- ³⁵ О кетских «землянках с дымовым отверстием» сообщал еще А. П. Степанов (1835, ч. I, с. 63).
- ³⁶ Примеры: гидроним Куюмба можно объяснять из селькупского *коумба* — «богатый» (*Плотников*, с. 66); гидроним Танмба — из селькупского *тэимба* — «гнилой» (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 43; листы не нумерованы). Название реки и пос. Ванавара можно связывать с пенецким *ванг* — «яма» (*Хомич*, с. 99).
- ³⁷ Эвенки рода Момоль объясняют сужение у них родовой экзогамии своей многочисленностью: «Куда ни придешь — везде одни момолы. Вот и стали различать родню по дедам...» (ПМ, 1962, № 1, л. 89—89 об.).

Глава четвертая

ЭВЕНКИ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ

1

Эвенки Нижней Тунгуски в XVII — начале XX в.

Первый ясак с эвенков Нижней Тунгуски был получен в 1607 г. направленным на эту реку из Мангазеи березовским казаком Михайлой Кашмыловым, взявшим с 19 человек по два соболя. В том же году было основано Туруханское ясачное зимовье (Миллер, 1941, т. 2, с. 24—25). В последующие два десятилетия Нижняя Тунгуска была полностью обьясачена и покрыта сетью зимовий.

В первой половине XVII в. местные эвенки платили ясак преимущественно в следующих зимовьях: Туруханском — в устье р. Турухан, Летнем — в устье р. Летняя¹, Туружском — в устье р. Кочечумо², Илимпейском — в устье р. Илимпия, Кондогирском³, Тштейском — в устье р. Тштей, Курейском⁴ и Непском — в устье р. Неп. Кроме названных, на Нижней Тунгуске эпизодически функционировали и другие ясачные зимовья⁵, но более или менее постоянными были перечисленные выше.

По приближенным расчетам⁶, в первой половине XVII в. на Нижней Тунгуске было обложено ясаком около 680 эвенкийских мужчин-охотников, а по ясачной переписи 1682 г. их оказалось 579. Это было связано с начавшейся миграцией части местных эвенков на север. Большинство эвенкийского населения региона (около 55%) в 1682 г. сосредоточивалось в верхнем течении реки (Непское, Курейское, Тштейское и Кондогирское зимовья), а меньшинство (около 45%) — в ее среднем и нижнем течении (Илимпейское, Туружское и Летнее зимовья). Все это были охотники-оленьеводы.

В административном отношении Нижняя Тунгуска первоначально составляла часть Мангазейского (Туруханского) у., а после образования в 1822 г. Енисейской губ. вошла в состав Туруханского отделения (комиссарства) этой губернии, обычно именовавшегося Туруханским краем. Верхняя часть бассейна Нижней Тунгуски (Курейские и Кондогирские эвенки) с того же времени вошла в состав Киренского у. Иркутской губ. Сержант Степан Попов, проплывавший по Нижней Тунгуске и Илимпии в 1794 г., писал, что вторая из названных рек служит границей между туруханскими и киренскими тунгусами. Принадлежащие к Киренскому у. «Кюндягирьского и Момогирьского рода тунгусы чрез оную за промыслами не ходят, а Туруханского уезда чапагирьцы и чильчагирьцы также не переходят» (Стрелов, с. 292)⁷.

Учитывая значительную величину региона, мы сочли целесообразным разделить его территорию на четыре субрегиона, каждый из которых отводится для рассмотрения крупных локальных групп местных эвенков, включая их этносоциальную структуру. Последний раздел главы мы посвятили анализу этнических связей эвенков Нижней Тунгуски с предшествовавшими им аборигенами и некоторых особенностей местной эвенкийской культуры.

Среднее и нижнее течение Нижней Тунгуски, малопривлекательное для сельскохозяйственного освоения, почти не привлекало к себе внимания со стороны русских крестьян. Этого нельзя сказать о верхнем течении реки, где уже в середине XVII в. обосновались промышленники и крестьяне Мангазейского (Туруханского) монастыря⁸. В 1699 г. оттуда было вывезено 200 пудов ржи и ячменя (Александров, 1964, с. 65—67). Сплаваясь вниз по течению реки, русские вели попутную торговлю с эвенками. Сержант Степан Попов отмечал, что крестьяне завозили к тунгусам ружья, свинец, порох, пожи, топоры, ткани и некоторые продукты питания (Стрелов, с. 289—291).

Наличие в верхнем течении пахотных мест и покосов привлекло туда якутов — выходцев с Вилюя и Лены. Приток якутов в эти места в особенности усилился в XIX в. Согласно имеющимся данным, в 1820-х годах якутское население Киренского округа Иркутской губ. составляло всего 25 человек мужского пола, а к концу XIX в. оно возросло до 2727 человек обоего пола (Патканов, 1911, с. 52). Большинство якутов Нижней Тунгуски жило среди кондогирских эвенков и в меньшей степени — среди курейских, больше общавшихся с русскими. Инородческие управы (административные роды) были учреждены у эвенков региона, как и повсюду, после обнародования Устава «Об управлении инородцев». На территории региона вначале было образовано семь управ — Летняя, Нижнечумская, Чапагирская, Туружская, Илимпейская, Кондогирская и Курейская, но впоследствии их число возросло — видимо, в связи с миграциями местных эвенков.

Организация управ сопровождалась устройством хлебо- и рыбо-запасных магазинов. По сообщению М. А. Кастрена, в 1840-х годах русские казаки ежегодно сплавливали вверх по Нижней Тунгуске восемь барок с мукой (1860, с. 482). Однако неясно, в каких пунктах эта мука оставлялась. А. Мордвинов позднее называл на этой реке четыре запасных магазина — Нижнечумский, Тайминский, Таймурский и Усть-Туружский, но вместе с тем указывал, что впоследствии от них остался один (вероятно, Усть-Туружский), расположенный в 600—700 верстах от Туруханска (Мордвинов, с. 26). Состоявшие при магазинах «вахтеры» взыскивали с тунгусов за отпущенные им в кредит продукты «дважды» и «трижды» (Кривошапкин, 1865, т. 2, с. 22, 31).

В 70-х годах XIX в. запасных магазинов на Нижней Тунгуске, по-видимому, уже не было вовсе. Местные эвенки получали довольствие из Туруханского, Усть-Курейского, Карасинского и Плахинского магазинов на Енисее (ГАКК, ф. 217, оп. 1, д. 1143, л. 10;

ф. 592, оп. 1, д. 1014, л. 4 об.— 5). В Туруханск «для покруты» приезжали даже отдаленные эвенки Илимпейской управы («лимпейской орды»). В газете «Енисейский листок» (1893, № 11) сообщалось, что эти тунгусы привозят для продажи несколько десятков тысяч белок, несколько сотен шкурок лиса, а также горностаев, лиски и несколько десятков «постелей» (оленьих шкур). Сообщалось также, что у них «изрядное количество денег, скопляющееся... от продажи излишних оленей вилюйским якутам». Отмечалось, что илимпейские эвенки «деликатны и щедры», обладают «развитым вкусом»: «не пьют кирпичного чая, не употребляют неочищенной водки или спирта, наиболее состоятельные из них едят исключительно крупитчатый хлеб, охотно заводят серебряную посуду, в особенности ложки, или едят ложками из мамонтовой кости».

Приобщение эвенков нижней и средней части региона к православию началось в первой четверти XIX в. Согласно рапорту священника Сунтарской Введенской церкви Якутского ведомства Иркутской епархии Григория Попова, им в 1823 г. были окрещены 12 тунгусов Чапагирского рода во главе с князем Рубигой Сюдигиным (в основном дети), принадлежавшие к Туруханскому ведомству (ГАИО, ф. 50, оп. 1, д. 3023, л. 28 об.).

Судя по выписке из метрической книги Туруханской Преображенской церкви за 1846 г., крещеными на эту дату считались тунгусы Нижнечумской, Таймурской, Панкагирской, Курейской и «Чимзяльской» (Чемдальской) инородческих управ (ГАКК, ф. 217, оп. 1, д. 869). Последняя, как мы знаем, находилась на Подкаменной Тунгуске.

По крещении эвенки получали русские имена, но фамилиями у них становились, как правило, родовые этнонимы. Исключение составляли нижнечумские, кондогирские и курейские эвенки, у которых значительная часть фамилий была образована по типу русских. Данное обстоятельство, вероятно, объясняется пестротой родового состава этих эвенков. В 1850 г. по указу Синода была учреждена «Миссия для крещения инородцев Тунгусов орд Таймурской и Нижнечумской и для просвещения остальных инородцев, кочующих в Туруханском крае». Миссия была оснащена походной церковью, которая, однако, большею частью бездействовала «по тяжести и трудности сообщений» (ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 1014, л. 4 об.). По-видимому, с 1873 г. эвенков региона начал крестить туруханский стараниями Михаил Суслов — дед известного И. М. Суслова. Его стараниями к концу XIX в. практически все эвенки Нижней Тунгуски были обращены в православие (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 68, л. 5—11 об.).

В церковных приходах кое-где стали открываться начальные школы. В 1863 г. на средства золотопромышленника М. К. Сидорова было открыто «училище для детей инородцев» при Туруханском Троицком монастыре, однако через три года оно прекратило существование «за неимением лиц, кои могли бы заниматься учением детей» (ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 1014, л. 5 об.). Позднее, в 1892—1893 гг. упоминалась церковноприходская школа «с интернатом для

инородческих детей» в с. Туруханск, где жили пристав и благочинный («Енисейские губ. ведомости», 1893, № 44). Однако не известно, до какого времени просуществовала эта школа и были ли эвенки среди ее учеников.

Торгово-промышленное освоение нижнего и среднего течения Нижней Тунгуски началось во второй половине прошлого века. В 1863 г. вышеназванный М. К. Сидоров, а затем и «Российское общество по разработке графита в Сибири» приступили к добыче этого минерала выше и ниже Большого порога на Нижней Тунгуске (Ковязин и Кузаков, с. 141—142). В 1894 г. в верховьях реки был переправлен с Лены паровой катер с баржой, принадлежавший компании «Моргин—Пляскин—Миндалевич». Катер с торговыми целями проследовал вниз по течению Нижней Тунгуски и закончил свое путешествие в Енисейске. Одним из результатов этой экспедиции было обнаружение месторождений каменного угля и новых залежей графита⁹ (ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 703, л. 1)¹⁰. Около 1910 г. на «Туруханскую Катангу» проникают предпринимчивые ангарские купцы, основывавшие там фактории (КККМ, № $\frac{572.4 (09)}{500}$,

л. 81). Одной из таких факторий была лавка Панова и Савватеева, существовавшая на месте будущего поселка Тура (ГАЭАО, дело без инвентарного номера)¹¹.

Перепись 1897 г. учла в нижнем и среднем течении Нижней Тунгуски (Туруханский край) «не свыше 150 человек» эвенков, из которых 20 человек находились на р. Кочечумо («Хочучума»), 16—на р. Тембенчи («Тембечи»), 20—на р. Темера («Тимэр») и т. д. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 164). В верхнем течении реки (Киренский округ Иркутской губ.) было учтено 675 тунгусов, из которых 293 человека принадлежали к Кондогирской управе и 382—к Курейской (Там же, с. 108—109). Очевиден серьезный недоучет эвенков, особенно в нижнем и среднем течении реки, что видно по результатам Приполярной переписи 1926—1927 гг. (см. ниже).

Советское строительство началось на территории региона в начале 1920-х годов. В декабре 1921 г. состоялся съезд Советов Туруханского края, на котором был избран краевой исполнительный комитет¹² в составе 9 человек, среди них были один эвенк и один долганин (ГАКК, ф. 49, оп. 1, д. 511, л. 35 об.). Сразу же развернул свою деятельность «Енсоюз», приступивший к организации торговых факторий на Нижней Тунгуске. Одной из первых была открыта (в 1921 г.) фактория Северная¹³ в устье одноименной реки на правом берегу Нижней Тунгуски. Членами образованного при этой фактории кооператива стали нижнечумские, чапагирские, турьжские и илимпийские эвенки (ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 4, л. 13 об.—14 об., 44). С фактории Северной товары на оленях доставлялись в район Агатских озер, где жила большая группа илимпийских эвенков (Там же, д. 9, л. 11).

В 1923 г. выше Северной были открыты фактории Большой Порог, Виви и Тура. Кроме того, существовала фактория на р. Бургахли, служившая перевалочной базой между факториями Север-

Группировка	Численность			Центр тяготения ¹⁶
	семей	человек	оленьей	
Мундуйско-Суухархинская	13	59	92	Сел. Туруханск и Игарка на Енисее
Фатьянихо-Бахтинская	14	81	543	Сел. Бахта на Енисее
Кочумдекская	36	164	357	Факт. Кочумдек на Нижней Тунгуске
Вивинская	28	156	420	Факт. Виви там же
Учамская	19	129	1 429	Факт. Учами там же
Кочечумо-Тембенчинская	36	220	3 352	Факт. Тура там же
Агатская	58	300	4 002	Факт. Агата на оз. Някшинда ¹⁶
Чириндинская	79	418	1 701	Факт. Чиринда на оз. Чиринда
Экондская	43	233	1 557	Факт. Эконда на оз. Эконда
Амовская	27	126	306	Факт. Амо на Нижней Тунгуске
Усть-Илимпейская	21	94	271	Факт. Илимпия там же
Верхнеилимпийская	19	117	425	Факт. Тунор на р. Илимпия
Наканювская	23	114	138	Факт. Наканна на Нижней Тунгуске
Ербогоченская	38	199	202	Пос. Ербогочен там же
Еромо-Титейская	36	168	519	Факт. Титея на р. Титея
Преображенская	59	237	136	Сел. Преображенское на Нижней Тунгуске
Токминская	86	397	1 636 ¹⁷	Факт. Токма на р. Токма
Всего	635	3212	17 086	

ная и Большой Порог. Названные фактории в разное время принадлежали разным торговым организациям — «Сибдальгосторгу», «Сибпушнине», «Хлебопродукту» и др. Фактория Тура была основана Ербогоченским обществом потребителей (Там же, л. 68, 69). В 1923—1924 гг. началась кампания по избранию родовых советов. Этой работой занимался уполномоченный Туруханского краевого, а затем уездного исполкома Е. С. Савельев, назначенный инспектором «Илимпейской тундры». Савельев посетил эвенков пяти прежних административных управ, а также «якутов-тунгусов» на оз. Есей. Среди эвенков-оленоводоов он обнаружил группы обезоленевших семей, обитавших на берегах озер Мурукта и Эконда. Чтобы как-то прокормиться, эти эвенки зимой ежедневно долбили лед в озерах и опускали в воду сети-пушальни (ЕФ ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 8, л. 61—61 об.). Из числа экондских эвенков, по сообщению Савельева, в 1919—1923 гг. (в весеннее время) умерло от голода 5 «чумов» (семей) — 26 человек (Там же, л. 64). Поэтому одним из первых и наиболее важных мероприятий советской власти по отношению к эвенкам региона был срочный подвоз товаров-продуктов (Туголуков, 1960, с. 150). В 1926 г. на фактории Тура началось строительство Туринской культурной базы Комитета Севера при ВЦИК РСФСР, включавшей целый комплекс жилищно-бытовых, хозяйственных, культурных и медицинских учреждений. Открытие культбазы состоялось 1 октября 1927 г. («Советская Эвенкия», 1954, 2 июня). В 1930 г. Туринская культбаза стала

центром образованного у эвенков Подкаменной и Нижней Тунгусок Эвенкийского национального округа и одновременно центром Илимпейского р-на данного округа. К этому району была присоединена и местность, включающая оз. Есей.

Приводим таблицу, характеризующую состав, расположение и численность территориальных группировок у эвенков региона Нижней Тунгуски по результатам Приполярной переписи 1926—1927 гг. ¹⁴ (см. с. 104).

2

Летние и нижнечумские эвенки

В «Списках Мангазейской архивы» за 1614—1627 гг. встречаются упоминания о следующих тунгусских родах нижнего течения Нижней Тунгуски: Горагир («Гарагули», «Горагили», «Гаралдин»), Иологир («Елигин», «Елигирев», «Лиргило»), Макзегир («Макзегирь»), Малгачагир («Молчаги», «Мугалской», «Мопги»), Сентей («Сентя», «Сепку»), Тектя («Тентя») и Хангаев («Гонгаев», «Крогой», «Конай»). Ясак с этих родов взимали преимущественно в Туруханском и Летнем зимовьях, но иногда также в Хантайском и в зимовьях, расположенных на Нижней Тунгуске выше Летнего — Турыжском и Илимпейском. Местные эвенки платили в год по одному, пяти или девяти соборей и одному оленю. Численность отдельных платежных групп не была постоянной и колебалась от 1 до 17 ясачных плательщиков. Суммарно местные эвенки насчитывали в 1614 г. 43 ясачных плательщика (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 14 об. — 25; *Долгих*, 1960, с. 152—154), т. е. около 170 человек всего населения.

Ясачная перепись 1682 г. указала в субрегионе уже только четыре тунгусских рода: 1). «Род Гарагили» — 15 чумов, 27 ясачных плательщиков, 41 человек мужского пола; 2). «Род Елигири» — 11, 17, 28; 3). «Род Чичангуры» — 4, 8, 12; 4). «Род Сентей» — 13, 18, 27 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 131 об. — 142 об.). Общая численность плательщиков ясака составляла 70 человек, что соответствует примерно 280 человекам всего населения. Новым здесь для нас является род Чичангур.

В первой половине XVIII в. самым нижним зимовьем на Нижней Тунгуске считалось «Летнее Гарагилское зимовье», находившееся возле устья р. Сагачанка, которая впадает в Нижнюю Тунгуску выше устья р. Таймура. Там в 1735 г. указывалось всего три рода эвенков: Сентей — 16 ясачных плательщиков, Иологир («Елегари») 23 и Горагир («Гарагили») — 14 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 132, 164 об.).

В материалах ясачной ревизии 1765 г. местные эвенки представлены уже в виде ясачных волостей — Летней и Нижнечумской. В первой упоминаются роды князцов Логанцы и Судурцы, а также Укдокир и Денмагир общей численностью 146 человек мужского пола; во второй — род князца Лептыро, состоявший из 52 человек

мужского пола (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 46—48, 82 об., 159; ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 183 об.).

Летнюю вол. образовывали самые нижние по Нижней Тунгуске эвенки, приписанные к Летнему зимовью. Часть этих эвенков («некрещенные тунгусы, князец Судурца и прочие») жила на р. Курейка, к северу от Нижней Тунгуски. Нижнечумская вол. находилась выше Летней — возле устья р. Учами, левого притока Нижней Тунгуски. В ее состав были включены выходцы из Верхнечумской и Чапагирской волостей, существовавших на Подкаменной Тунгуске (см. главу 3). Этим и объясняется увеличение местного эвенкийского населения.

Пришельцы с юга, по-видимому, и позднее продолжали прибывать в рассматриваемый нами субрегион, потому что, по данным ясачной ревизии 1795 г., его тунгусское население возросло до 320 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, 157 об., 187—204 об.). При этом особенно возросла численность Летней вол., в которой указывалось пять безымянных платежных групп; из них три находились в районе р. Курейка. Судя по данным ясачной ревизии 1782 г., среди тунгусов Нижнечумской вол. были «перешедшие из Чапагирского зимовья (надо: волости.— В. Т.) тунгусы Панкагирского роду» (Там же, д. 2, л. 173—174). Однако позднее (в 1795 г.) панкагиры в субрегионе не упоминались.

В начале 1820-х годов енисейский губернатор А. П. Степанов преобразовал Летнюю вол. в четыре инородческих управы — 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю Летние, а Нижнечумскую вол. — в Нижнечумскую управу. Вскоре 1-я Летняя управа была присоединена к Нижнечумской. В 1824 г. в последней (ее чаще называли «родом») числилось 42 человека мужского пола, во 2-й Летней управе — 86 человек мужского пола, в 3-й Летней — 59 и в 4-й Летней — 57 (*Долгих*, 1946, л. 716, 728) ¹⁸. Имеется известие о существовании в 1824 г. 5-й Летней управы, в которой числилось 86 человек мужского пола с 300 оленями (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52). Однако позднее о такой управе не было никаких сообщений.

В середине XIX в. большинство «летних» эвенков кочевало далеко к северу от Нижней Тунгуски, на территории региона Северо-Запада (см. главу 5). На Нижней Тунгуске они больше не упоминались. Часть нижнечумских эвенков перешла на левобережье Енисея. В 1858—1859 гг. тунгусы Нижнечумской управы, сохранявшейся в нижнем течении Нижней Тунгуски, насчитывали 69 человек обоего пола и довольствовались хлебом из Баихинского запасного магазина (*Кривошапкин*, 1865, т. 2, с. 31), который тоже находился на левобережье Енисея.

В материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг., обработанных Б. О. Долгих, представители бывшего Нижнечумского рода показаны как члены кровных родов Ирголь, Купогир (Копогир) и Эмидак. Их распределение по местным территориальным группировкам и численность имело следующий вид (см. таблицу) ¹⁹.

Из названных группировок Бахтинско-Учамская и Черноостровская относились к региону Подкаменной Тунгуски.

Группировка	Численность			Фамилия
	семей	человек	сленей	
род Ирголь				
Кочумдекская	3	25	53	Лепчикан
род Купогир				
Кочумдекская	2	7	30	Полигус
Бахтинско-Учамская	6	38	642	Полигус, Павлик
Черноостровская	1	4	—	Полигус
род Эмидак				
Кочумдекская	1	4	—	Эмидаковский
Фатьянихо-Бахтинская	8	56	470	Нюмуни, Эмидаковский
Чиридинская	2	6	4	Эмидак
Экондская	5	31	42	Эмидак
Всего	28	171	1241	

Часть эвенков бывшего Нижнечумского рода в 1926—1927 гг. не указала своей родовой принадлежности и была отнесена Б. О. Долгих к категории «неизвестного рода». Таких эвенков оказалось 17 семей (60 человек) со 109 оленями. Пять семей из указанного числа находились на левом берегу Енисея — в Больше-Хетской и Верхнетуруханской группировках; остальные входили в Кочумдекскую группировку на Нижней Тунгуске (Долгих, 1946, л. 424, 425, 488, 529, 530).

* * *

Полный список родов и групп, подлежащих рассмотрению в данном разделе, включает следующие этнонимы: Горагир, Денмагир, Иологир, Купогир, Макзегир, Сентей, Тектя, Укдокир, Хангаев, Чичангур, Эмидак.

Начинаем наш обзор с рода Горагир. Этот род при первом знакомстве русских с эвенками Нижней Тунгуски кочевал, по-видимому, довольно далеко от ее устья. В 1626 г. ясак от 10 «горагулей» был принят в Турыжском зимовье (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 17—28). В 30-х годах XVIII в. на левом берегу реки существовало «Летнее Гарагилское» зимовье²⁰, расположенное выше устья р. Таймура. Тамошние «гарагили» насчитывали 14 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, 481, № 5, л. 110 об., 132, 164 об.).

В материалах ясачной ревизии 1765 г. горагиры не упоминались. Можно предполагать, что они ушли из рассматриваемого субрегиона, причем сделали это двумя группами: одна отправилась на юг, на левобережье Подкаменной Тунгуски в ее нижнем течении, а другая — на север, в район озер Чиринда и Есей. Потомков горагиров, ушедших на юг, можно видеть в членах рода Гургагир, выявленных Приполярной переписью в составе Питско-Вельминской группировки на территории Северо-Енисейского р-на Красноярского края. Эти гургагиры насчитывали в 1926—1927 гг. 5 семей (16 человек)

с 49 оленями. В свою очередь северных горагиров можно усматривать в гургугирах Чиридинской группировки того же периода — 5 семей (34 человека) с 56 оленями (Долгих, 1946, л. 482, 571).

Восточным аналогом рода Горагир, по-видимому, является род Горгор, существовавший в XVII в. у тауйских тунгусов — предков теперешних эвенков (Долгих, 1960, с. 523, 527). Позднее такой род на Охотском побережье не упоминался, ввиду чего можно предполагать его миграцию на юг, к Амуру; это было весьма характерно для охотских тунгусов того времени. Не исключено, что потомков этих горгоров около середины прошлого века повстречал в бассейне Бурен А. Ф. Миддендорф, назвав их «гураграми» (1878, с. 727).

Исходя из сказанного можно думать, что произношение эвенками и эвенками своих родовых этнонимов за последние 200—300 лет изменилось, и это заставляет предполагать общее изменение тунгусских языков в их различных диалектах и говорах. Смысловой основой этнонима Горагир можно считать эвенкийское *горогит*, *горог* — «дальний», а смысловой основой этнонима Гургугир (Гургагир) будет, очевидно, эвенкийское *гургу* — «бородатый», «усатый» (ТМС, т. 1, с. 161, 173). Как видим, морфологическое видоизменение этнонима приводит к его семантическому переосмыслению.

Род Денмагир в 1765 г. состоял всего из одного человека мужского пола (ШГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 82) и позднее на Нижней Тунгуске не упоминался.

Приполярная перепись обнаружила в роде Хорболь (Чукско-Таймурская территориальная группировка) одну семью с фамилией Тымнягин (Долгих, 1946, л. 516); у курейских эвенков тогда же упоминался род Тонмогир (см. шестой раздел), а у эвенков Мурской группировки на левобережье Ангара — род Тумняяр, или Тумнягир (см. главу 2). Все эти названия, как легко видеть, весьма созвучны с этнонимом Денмагир. Отметим также, что ныне род Денма существует у части эвенков, живущих в юго-восточной Якутии и в северных районах Амурской обл. (ПМ, 1960, № 1, л. 75; Николаев, с. 19). Они являются потомками так называемых Кангаласских тунгусов, чьи предки в XVII—XVIII вв. переселились туда из бассейна Вилюя. Таким образом, имеется основание считать род Денмагир в прошлом вилюйским. Этноним Денмагир мы склонны этимологизировать из эвенкийского выражения *дэнгмэт эмэрен* — «он прилетел» или термина *дэммэ* — «летающий», «порхающий» (ЭРС, с. 136, 599).

Род Иологир под различными вариантами данного названия встречался в XVII в. на значительном протяжении Нижней Тунгуски, но повсюду довольно мелкими группами (ААН, ф. 21, л. 16—31 об.). Основная масса иологиров явно тяготела к низовьям этой реки. Их «коренной землей» илимпийские эвенки еще недавно считали горный район, примыкающий к верховьям рек Курейка, Тембенчи и Виви (Долгих, 1960, с. 157). Во время ясачной переписи 1682 г. род Иологир («Елигири») числился при Летнем зимовье. Список иологиров открывал тунгус Олень, о котором было сказа-

но, что он платит ясак 65 лет и ныне от ясака отставлен (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 136). Общая численность иологиров там составляла около 70 человек.

Как уже отмечалось, в начале XVIII в. «елегари» платили ясак в «Летнем Гарагилском» зимовье. В начале XIX в. они вошли в состав 2-й Летней управы и, подобно другим местным эвенкам, кочевали далеко к северу от Нижней Тунгуски. Приполярная перепись 1926—1927 гг. обнаружила на территории рассматриваемого региона всего 8 семей иологиров (30 человек) с 123 оленями. Они входили в состав Агатской территориальной группировки (Долгих, 1946, л. 480).

Название рода Иологир восходит, по нашему мнению, к древнему этнониму Иологэ, известному в степях Монголии с начала VII в. Племя Иологэ обитало тогда на берегах р. Солин (Селенга) и занималось разведением большерогих баранов и другого скота. В VIII в. оно входило в состав уйгуров (хойху) (Бичурин, с. 302, 308). История племени Иологэ является весьма сложной и долгой, и нам нет необходимости ее здесь подробно излагать. Укажем лишь, что в тюркских источниках оно именуется Джалаир и довольно широко представлено в этнонимии Средней Азии. Согласно точке зрения современного исследователя джалаирав Ю. А. Зуева, джалаиры — тюрки, оказавшиеся в монгольской среде, но ко времени Чингисхана еще не утратившие своего «тюркского этнического облика» (Зуев, с. 182—185). На востоке потомками древних иологэ, вероятно, являются представители рода Иороку, упоминаемого в маньчжурском источнике 1744 г. Об этом роде сообщалось, что он «постоянно жил на реке Амур» (Лебедева, 1957, с. 97).

Происхождение иологэ—джалаирав в Сибирь можно связывать с событиями XIII в., когда джалаирский хан Чжебке бежал от Чингисхана «в страну Баргузинскую» (Туголуков, 1980а, с. 162). Оттуда предки иологиров, вместе с другими преследуемыми монголами, племенами, мигрировали еще дальше на север. Вероятно, районом первоначального сосредоточения иологиров в северной Сибири является пространство, заключенное между нижним течением Лены и низовьями Вилюя. Об этом свидетельствует сгусток местных гидронимов: р. Юлягир — левый приток р. Тюнь в ее верхнем течении, рр. Юлягир и Юлягиркан — правые притоки Малой Конамки в системе Анабары. Населенный пункт Юлягирь упоминался в 1936 г. в Жиганском наслеге ЯАССР (ПМ, 1970, № 2, л. 125 об.). Факт былого пребывания иологиров в указанном районе засвидетельствован К. М. Рычковым, слышавшим соответствующие предания «летних» эвенков (1917, с. 9).

Приход якутов на нижнюю Лену и Вилюй вынудил иологиров отойти к западу, вследствие чего они к приходу русских кочевали на правобережье Нижней Тунгуски, а также к северу от нее. Относительно этимологии этнонима Иологир можно высказывать только догадки. Эвенкийское *йолко* — «сухощавый», маньчжурское *йоло* — «орел» (ТМС, т. 1, с. 347), а также «лань, самка оленя, сука, свинья» (Захаров, с. 202).

Род Ирголь в 1926—1927 гг. состоял всего из трех семей. О его происхождении нам ничего не известно. Скорее всего это остаток патронимической группы, отпочковавшейся от какого-то старого рода. Этноним Ирголь Б. О. Долгих переводил как «умные» или «мозговитые», выводя его от эвенкийского *иргэ* — «мозг», «ум» (ЭРС, с. 177; Долгих, 1946, л. 343). Но эвенкийское *иргэ* означает также «хвост» (токминский говор)²¹.

Род Купогир, как и род Денмагир, прежде жил, как мы думаем, на Виллое. В низовьях последнего вероятные предки купогиров указывались в первой половине XVII в. как «род Купы» (Долгих, 1960, с. 457). Они были в достаточной степени обьякучены. Вероятно, по выходе в низовья Нижней Тунгуски купогиры были причислены к административному Нижнечумскому роду. В 1926—1927 гг. они жили между Нижней и Подкаменной Тунгуской и насчитывали 9 семей (49 человек). Одному из купогиров принадлежит честь основания современного пос. Полигус на Подкаменной Тунгуске. Это произошло, по-видимому, около 1910 г., когда податной инспектор И. И. Покровский встретил в низовьях Подкаменной Тунгуски «Федора Федоровича Полигузова (Нижнечумского рода Туруханского края)» и Михаила Ивановича Полигузова (КККМ. № $\frac{572.4 (09)}{509}$, л. 49). Поселок основал Ф. Ф. Полигус, построивший в том месте лабаз (ПМ, 1962, № 1, л. 93, 96).

Объяснением этнонима Купогир служит термин *купэ* на говоре северобайкальских эвенков, означающий козью доху мехом внутрь (ПМ, 1961, № 2, л. 155). Примерно так же расшифровывали нам данный этноним эвенки, живущие в пос. Потапово на Енисее. В их интерпретации купогиры — это люди, носящие одежду из оленьей шкуры мехом внутрь (ПМ, 1959, № 1, л. 73 об.).

Род Макзегир был, по-видимому, представлен в XVIII в. двумя локальными группами: макзегирь низовьев Нижней Тунгуски в 1620 г. состояли из 4 ясачных плательщиков (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 22), а «мандегиры», жившие на той же реке выше устья Титеи, в 1626 г. состояли из одного плательщика ясака (Там же, л. 28). Более поздние сведения об этом роде отсутствуют.

Если исходить из приоритета транскрипции Мандегир, то в этом малочисленном роде можно усматривать группу или семью выходцев из региона Верхнего Приамурья, где в XVII в. существовал эвенкийский род Мансгир (Манагир). Если же опираться на транскрипцию Макзегир, то на сопоставление с ней напрашивается название Макчагаровой вол. якутов, существовавшей на нижнем Алдане: в середине XVII в. в ней числилось 3 ясачных плательщика (Долгих, 1960, с. 496). Нельзя исключать того, что эта волость — остаток поглощенных якутами эвенков, представителей рода, правильным названием которого было в действительности не Мандегир, и не Макзегир, а Мокчагир: от эвенкийского *мокча-ка* — «название рыбы (из сиговых)» (ТМС, т. 1, с. 544).

Род Сентей, по-видимому, идентичен роду Товар (Тобар), который в 1629 г. платил ясак в Закаменном зимовье на левом бе-

регу Енисея (возле устья р. Дубчес). Список рода Товар из 4 ясачных плательщиков открывает имя Сентяй (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 47 об.).

В слове «Товар» можно усматривать малоудачную транскрипцию эвенкийского *тэгэл* или *тэвэл*, означающего «другой, хотя и родственный народ» (ЭРС, с. 416, 418) или род. Таким термином эвенки, в частности, обозначают таймырских долганов. Интересно, что память о каких-то долганах до сих пор жива у эвенков левого берега Енисея. Кетский эвенк А. А. Делицын нам говорил, что возле устья Подкаменной Тунгуски живут «остяки», которые не расчесывают своих длинных волос, за что эвенки Кети их называют «долганами» (ПМ, 1972, № 2, л. 20 об.). Поэтому нельзя исключать того, что род Сентей, он же Товар, фактически представлял собой группу выходцев из Долганского рода, о котором мы говорим в главе 5.

По переписи 1682 г. род Сентей состоял из 13 чумов, 13 ясачных плательщиков и 27 человек мужского пола (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 140—142), а в 1735 г. — из 16 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 131 об.). Позднее он, однако, в источниках не упоминается. Вполне возможно, что, уклоняясь от ясака, эта гипотетическая группа долганов ушла на Подкаменную Тунгуску, а оттуда — в Приангарье и Прибайкалье (см. главу 1 и 2).

О роде или патронимии Тектя у нас мало известий. Б. О. Долгих отмечает, что в Хангаевом роде «был человек по имени Токта (или Топта), от имени которого произошло, вероятно, и название рода Тектя (Тептя)» (1960, с. 155). Мы, со своей стороны, можем указать на имена Такта и Тохтыкан, существующие в списках рода Колобов у Курейских тунгусов за 1682 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 51, 56 об.). Не свидетельствуют ли эти имена о связи части эвенков Нижней Тунгуски с вакарями Северного Забайкалья и через них — с меркитами Баргузина? Глава меркитов Токта-беги в конце XII в. бежал от монголов в «Баргуджин» (на р. Баргузин); там меркиты, вступив в контакты с местными эвенками, образовали род Вакарай. Позднее некоторая часть вакараев мигрировала в северные районы Сибири, и в частности на левобережье нижнего Енисея, где следом их пребывания является патроним Вокарай, принадлежащий реке в системе р. Большая Хета, которая слева впадает в нижний Енисей (АИЭАН, К-2, оп. 1, д. 274, л. 3).

Род Укдокир в 1765 г. насчитывал всего 4 человека мужского пола; в их числе были два брата (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 82). Позднее укдокиры на Нижней Тунгуске не упоминались. Возможно, что они перекочевали в восточную часть региона Северо-Запада. Там, в районе Норильских озер, в 1926—1927 гг. были обнаружены эвенки, носившие созвучное родовое название Угдакогир (см. главу 5).

Род Укдокир имеет своего двойника на Дальнем Востоке в виде рода Угдигир, существовавшего в XVII в. у «пеших» тунгусов

в районе Тауя (Долгих, 1960, с. 524), т. е. там же, где находились горгоры (оленоводы) — двойники наших горагиров. В связи с этим нельзя исключать того, что в основе этнонима Укдокир-Угидигир лежит эвенкийское *угза* — «тощий» «(о кете)» (ТМС, т. 2, с. 245). Этноним Угдакогир больше напрашивается на объяснение от эвенкийского *угдакса* — «кора» (Там же, с. 244), но возможно, что в данном случае мы имеем морфологическую эволюцию Укдокир → Угдакогир, подобную эволюции Горагир → Гургугир.

Хангаев род вероятнее всего представлял собой патронимью, название которой было образовано от имени шамана Ханга. В 1634 г. все 11 ясачных плательщиков этой группы, включая Хангу, приписанные к Хантайскому зимовью, были объявлены, умершими (Долгих, 1960, с. 152).

Этноним Хангаев интересен тем, что ему сопутствует целый ряд географических и этнографических параллелей. Укажем на некоторые. Хангай — высокий хребет в верховьях рек Онон и Селенга в регионе Южного Забайкалья и прилегающей части Монголии. В монгольском языке слово *хангай* означает гористую и лесистую местность (МРС, с. 510). В преданиях вилюйских якутов сообщается об их войнах «с каким-то народом Хаан-Хангыный» (Ксенофонов, 1937, с. 363). Якуты северо-восточной Якутии называли хангаями ассимилированных юагирами тунгусов Бетильского рода (Иохельсон, с. 209, примеч.). Как отмечал И. А. Худяков, хангай в представлениях верхоянских якутов — это дикий тунгус (Худяков, с. 27). Сами тунгусы термином *хангай* называли чукчей, обитавших к востоку от Лены (Окладников, 1949а, с. 98). Верхнеколымские юагиры термином *хангиче* обозначали искусного охотника (Иохельсон, с. 78).

Все сказанное наводит на мысль, что слово хангай принадлежит к алтайской языковой общности и первоначально обозначало горных охотников, вроде тунгусов. В переносном смысле оно, по-видимому, имело два значения: «дикий» и «дичь» — как объекты охоты.

Род Чичангур упоминался у эвенков только в 1682 г. Мы склонны видеть в этом названии видоизмененный этноним чангит, которым эвенки обыкновенно обозначали тунгусо-аборигенные группы с синкретической культурой. Это предположение тем более основательно, что киндигиры и чильчагиры Северного Байкала употребляли близкий термин «чангур» по отношению к враждебным им момогирам (Воскобойников, 1965, с. 46).

Род Эмидак под названием «Имимидаклского» рода был впервые указан в материалах ясачной ревизии 1765 г. в составе Илимпейской вол. Тогда в нем числился 21 человек мужского пола. В период ясачной ревизии 1795 г. «Имянидакильский» род той же волости насчитывал 11 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1. д. 6, л. 214 об.).

Приведенная нами выше таблица показывает, что в 1926—1927 гг. эмидаки были довольно широко распространены на территории региона и в совокупности составляли 16 семей (97 чело-

век) с 516 оленями. Эвенки — жители пос. Тутончаны на Нижней Тунгуске — нам рассказывали, что эмидакили туда пришли из района пос. Полигус на Подкаменной Тунгуске, но что вообще они — выходцы из северо-восточной части Эвенкийского округа (ПМ, 1962, № 2, л. 146 об., 151 об.).

Имеются известия о приходе предков рода Эмидак из Якутии и даже о том, что их предком был якут (*Долгих*, 1960, с. 474; *Василевич*, 1951, с. 156). Наш информатор — эвенк В. Л. Эмидак из пос. Эконда — сообщил, что, согласно слышанному им когда-то преданию, «старая фамилия» эмидакилей была Чорду, а люди рода Чорду были «якутами»²². В 1926 г., когда в Эконду приходил статистик Приполярной переписи якут Оксенов, он спросил В. Л. Эмидака: «Почему эвенком называешься?» (ПМ, 1977, л. 61 об.).

Более подробно изложение якутской версии происхождения данного рода мы производим в главе 5 при рассмотрении этносоциальной структуры северных якутов-оленьеводов.

3

Чапагирские и панкагирские эвенки

В настоящем разделе мы будем рассматривать эвенков, которые в XIX — начале XX в. находились на Нижней Тунгуске выше «летних» и нижнечумских эвенков.

Чапагиры, как таковые, упоминались в XVII в. и на Ангаре, и на Подкаменной Тунгуске, и в более верхнем течении Нижней Тунгуски (при Кондогирском зимовье). Панкагиры стали упоминаться при Нижнечумском зимовье со второй половины XVIII в. К тому времени часть чапагиров с более верхнего течения реки, по-видимому, переместилась вниз по ее течению, вследствие чего в 1824 г. и была образована Чапагирская инородческая управа в составе чапагиров и панкагиров.

Местоположение резиденции Чапагирской управы нам доподлинно не известно, но, основываясь на ряде косвенных данных, можно предполагать, что она находилась возле устья р. Виви — правого притока Нижней Тунгуски. Слева в последнюю в том же месте впадает р. Таймура.

Чапагирской управой управлял староста-чапагир Дельчеуль. Судя по его служебной переписке с туруханскими властями, панкагиры в составе этой управы имели своим главой старшину Олькоуля, подчиненного Дельчеулю (*Долгих*, 1946, л. 707). Панкагиры были недовольны «притеснениями» со стороны чапагиров и, несмотря на предписание Олькоулю «орды не оставлять и на чужую землю не скрываться» (Там же), они в числе 21 человека мужского пола в 1832 г. уходили на территорию Богучанского отделения (Там же, л. 354), т. е. скорее всего на Подкаменную Тунгуску. В 1833 г. они вернулись обратно, но в значительно большем

числе. На это указывают письма Дельчеуля и старосты Илимпейской управы Алькоуля²³ туруханскому отдельному заседателю. Они сообщали, что в 1833 г. тунгусы Богучанского отделения (панкагиры) появились на Нижней Тунгуске «в числе, превосходящем сто человек» (мужского пола?), выбивают соболей, распугивают и бьют диких оленей, грабят лабазы, портят и жгут пасты²⁴, выжигают леса (а «на выжженном месте зверь не доржится») и «угрожают смертию» тем, кто просит их убраться восвояси (Там же, л. 710—712).

Судя по всему, администрация заставила панкагиров и чапагиров уйти с территории Илимпейских тунгусов в более нижние по течению Нижней Тунгуски места. По архивным данным, в 1860-х годах чапагиры и панкагиры составляли «одну орду Таймурскую под управлением одного князца». При этом в Чапагирской управе при оз. Горелое²⁵ указывалось 128 человек обоего пола, а в Панкагирской (при р. Северная) — 121 человек (ААН, ф. 30, оп. 2, д. 72, л. 138). Судя по этому документу, панкагиры были выделены в самостоятельную инородческую управу, однако больше шансов за то, что они продолжали сохранять лишь известную самостоятельность в рамках общего административного объединения с чапагирами, за которыми оставалось главенство.

В дальнейшем происходит новое смещение панкагиров и чапагиров вниз по течению Нижней Тунгуски. Вследствие этого часть панкагиров на рубеже 60—70-х годов XIX в. оказалась даже на левобережье Енисея. В рапорте «вахтера» Тазовского хлебозапасного магазина²⁶, относящемся к указанному периоду, встречаем следующую запись: «Приняты мною от старшины Панкагирского рода Чапагирской управы за 5 душ государева ясаку денгами 17 руб. 85 коп.» (ГАКК, ф. 472, оп. 1, д. 30)²⁷. Часть чапагиров и панкагиров стала мигрировать также к северу от Нижней Тунгуски. В 1877 г. туруханский казак, единственный обитатель Ермаковского зимовья на Енисее²⁸, сообщал священнику М. М. Суслову, что неподалеку кочуют «тунгусы Панкагирской управы» (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 16, л. 153), т. е. скорее всего члены рода Панкагир, принадлежавшие к Чапагирской управе.

Все же, несмотря на указанные миграции, большинство чапагиров и панкагиров оставалось на Нижней Тунгуске. Там в 1926 г. были образованы родовые советы Чапагирский-Мирошко («при устье Туры») и Панкагирский (на р. Виви) (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 124, л. 62).

По материалам Приполярной переписи род Чапагир в составе всех его локальных групп и кровнородственных подразделений насчитывал 96 семей (521 человек) с 4413 оленями. Представление о расселении и численности чапагиров в это время дает нижеследующая таблица²⁹ (см. с. 115).

Панкагиры тогда же были обнаружены в семи территориальных группировках, две из которых — Кочумдекская и Вивинская — находились на Нижней Тунгуске, две — Бахтинско-Учамская и Фатянихо-Бахтинская — в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгу-

Территориальная группировка	Численность			Этнонимич. кочевые подразделения
	семей	человек	оленей	
В бассейне Нижней Тунгуски:				
Кочумдекская	8	45	82	Лютот (Кичель)
Кочсучо-Тембенчинская	25	161	3288	Мирошко
Амовская	11	54	104	То же
Усть-Илимийская	4	19	94	Кичель
В междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок:				
Фатьянихо-Бахтинская	4	17	47	Лютот
Бахтинско-Учамская	1	11	15	Лютот (Кичель)
Чунско-Таймурская	4	27	97	Кичель
В бассейне Подкаменной Тунгуски:				
Полнгусовская	3	16	40	Мирошко
Таймбинская	8	30	45	Кичель
К северу от Нижней Тунгуски:				
Лантакайская	11	56	305	Лютот ³⁰
Игарская	2	13	—	То же
Мундуйско-Сухарихинская	3	13	34	То же
На левобережье Енисея:				
Большехетская	6	32	149	Лютот
Верхнегуруханская	5	24	100	То же
	1	3	13	Мирошко
Всего	96	521	4413	

сок. одни — Байкитская — на Подкаменной Тунгуске и две — Тазовско-Худосейская и Верхнетуруханская — на левобережье Енисея. Всего панкагиров оказалось 35 семей (206 человек) с 608 оленями. На левобережье Енисея кочевало 13 панкагирских семей (Долгих, 1946, л. 488, 490, 499, 503, 529, 548, 559).

* * *

Обратимся к рассмотрению отдельных кровных родов, входивших в состав Чапагирских и панкагирских эвенков. Начнем с главного рода Чапагир.

В первой трети XVII в. чапагиры образовывали две крупные территориальные группировки — на Ангаре и Нижней Тунгуске. Ангарские чапагиры, как мы помним, жили на р. Чадобец и на Аплинском пороге. Они совокупно составляли 103 ясачных плательщика, т. е. более 400 человек всего населения. Нижнетунгусские чапагиры в 1627 г. упоминались на р. Илимпия в числе 80 ясачных плательщиков (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 31 об.) и тем самым на-

считывали около 320 человек всего населения. В итоге можно считать, что всех чапагиров в это время было 720 человек.

В тунгусских языках мы находим два слова, могущие служить смысловой основой этнонима Чапагир: *чапа* и *чапэ*. Первое означает «молоки», «икра», второе — «гнездо (беличье)» (ТМС, т. 2, с. 384—385). Семантическая окраска указанных терминов хорошо увязывается с признаком множественности и одновременно единства.

В системе левобережной части бассейна Подкаменной Тунгуски имеется р. Чапа — левый приток р. Вельмо. Трудно сказать, что в данном случае является первичным — гидроним или этноним. Несомненно, однако, что областью первоначального формирования чапагиров было междуречье Подкаменной Тунгуски и Ангары в их среднем и нижнем течении.

Происхождение чапагиров мы связываем с ассимиляцией эвенками дотунгусского населения, которое обитало в междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски. В этом смысле чапагиры весьма близки к варгаганцам, о которых мы говорили в предыдущей главе. В данном аспекте весьма существенным представляется то, что к востоку от Лены о чапагирах практически нет никаких упоминаний.

Мы уже говорили о том, что эвенки родов Куркагир и Чемдаль в недавнем прошлом существовали в недрах Чапагирского рода. Но если в чемдалях можно видеть лишь территориально и номинально локализованную группу чадобских чапагиров, то куркагиры нам представляются, так сказать, основоположниками самих чапагиров: смешение первоначального тунгусского рода Куркагир с дотунгусскими аборигенами Приангарья и привело, по нашему мнению, к формированию рода или, может быть, племени Чапагир.

В конце XVIII в. на пространстве между Ангарой и Подкаменной Тунгуской упоминалось шесть платежных групп чапагиров, сведения о которых нами сгруппированы в предлагаемой ниже таблице³¹.

Платежная группа	Численность (чел. м. п.)	
	1782 г.	1795 г.
Чадобская вол.	116	142
«Осслибый род» той же волости на р. Иркинеева	78	58
«Каменский род» той же волости на р. Каменка	46	23
Чапагиры той же волости, жившие в д. Ярки (Яркино) на Чадобце	59	77
Чапагиры Верхнечумского зимовья (Чапагирская вол.)	136	252
Чапагиры Тетерского зимовья	108	131
Итого:	543	683

Из таблицы следует что суммарная численность чапагиров обо-его пола достигала в конце XVIII в. 1,4 тыс. человек. Почти двой-

ной прирост населения по сравнению с первой третью XVII в. заставляет предполагать, что к чапагирам были административно присоединены какие-то посторонние группы плательщиков ясака. Среди таких групп были, как мы думаем, роды Панкагир и Шевокигир.

Имеющиеся архивные данные указывают на отсутствие экзогамии в отдельных группах чапагиров (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 45 об.). Данное обстоятельство также указывает на административный, а не кровнородственный характер тогдашних чапагиров.

Русские XVIII — XIX вв. выделяли чапагиров из числа других тунгусов по ряду характерных для них культурных признаков. Прапорщик геодезии Козловский писал в своем путевом журнале (1781 г.), что по р. Карабула и возле устья р. Иркинеева «кочует дикий народ роду Чапогирь», платящий ясак в д. Яркина. У чапагиров, по его словам, имелись олени, но верхом ездили «одне бабы». Чапагиры татуировали лица: лоб и щеки и вышивали «узорами». «Вышивали» они и «около болнова места» (АВГО, разр. 57, оп. 1, д. 1, л. 7—23 об.), т. е. занимались иглоукалыванием.

Сержант Степан Попов (1794 г.) видел чапагиров, проплывая по р. Илимпия. Он называет их так: «зверовидные и дикообразные и шитые рожи тонгусы». Завидев русского, чапагиры открыли стрельбу из ружья, но после того, как сопутствовавшие Попову «кюндягиры» (кондогиры) что-то им прокричали, огонь прекратился. Русских они якобы «от роду» не знали и передавали ясак «в окно на копьях» (Стрелов, с. 292, 295).

Во время голода чапагиры убивали «для пищи» не только чужеродцев, но и своих жен и детей. Не брезговали они и телами «из могил». Своих князцов и старшин чапагиры, по словам Попова, слушались, если хотели, но в случае какой-либо провинности с их стороны «искореняли и убивали» (Там же, с. 294—295). Вероятно, речь идет о должностных лицах административных объединений.

В итоговых сводках численности ясачного населения Сибири по данным ревизий второй половины XVIII в. чапагиры выделялись в виде самостоятельной этнической группы наряду с «тунгусами» (Кабузан, *Троицкий*, 1962, с. 155—156). Аналогичным образом «чапогиры» и «тунгусы» противопоставляются друг другу в документах Сибирского Комитета, занимавшегося разработкой реформы управления сибирскими «инородцами» в первой четверти XIX в. (ЦИА, ф. 1264, оп. 1, д. 266, л. 160—164).

Теперь перейдем к рассмотрению выявленных Приполярной переписью 1926—1927 гг. этнонимических подразделений чапагиров. Обратимся прежде всего к роду Мирошколь (ед. число — Мирошко). Этот род образовался в составе чапагиров весьма поздно, на что указывает сам этноним, образованный от русского имени Мирошка (Мирон), и скорее всего представляет развившуюся в род патронимию. К. Е. Чапагир — житель пос. Нидым на Нижней Тунгуске — нам говорил, что Мирошка был его прапрапрадедом (ПМ, 1977, л. 76); он жил за пять поколений до него. Из приве-

денной нами таблицы расселения чапагиров в 1926—1927 гг. видно, что род Мирошко тогда насчитывал 40 семей (234 человека).

Сложнее обстоит дело с подразделением Люток. Е. С. Савельев, который в 1923—1924 гг. объехал стойбища чапагиров Нижней Тунгуски, пишет, что лютокили «откололись от Чапагирского рода Мирошко уже больше 10 лет назад» (ЕФ ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 9, л. 62 об.—63), т. е., видимо, в начале XX в. Между тем, согласно данным Приполярной переписи, некоторые группы лютокилей в 1926—1927 гг. именовались кичелями. На вопрос о причине этого наши информаторы отвечали, что в прошлом род Люток имел название Кичель (ПМ, 1957, № 1, л. 73). Это ставит под сомнения правильность сообщения Савельева.

Приведем еще одно сообщение наших информаторов. Предки лютокилей раньше жили в районе современного пос. Тура и считались чапагирами. Когда один из последних пересек Енисей, он стал называть себя Люток, поскольку переход через какой-либо важный рубеж эвенки обозначают термином *лютунен* (ПМ, 1962, № 1, л. 172 об.; *Туголуков*, 1974, с. 77).

Сказанное позволяет прийти к заключению, что самоназвание Люток усвоили члены рода Кичель, жившие в низовьях Нижней Тунгуски; рода же Люток как такового не существовало. Термины *люток* или *лютунен* отсутствуют в эвенкийско-русских словарях. Вероятно, им соответствует термин *лутунчэ*, зафиксированный в ербогоченском говоре северного наречия (верхняя часть Нижней Тунгуски) и имеющий значение «пролететь мимо» (ТМС, т. 1, с. 513). Учитывая изолированное положение данного термина в эвенкийской лексике, мы думаем, что он образован эвенками от русского «летать». Сообразно с этим *люток* — трансформированное русское «летун». Так русские могли называть тех чапагиров (и не только чапагиров), которые не жили на одном месте, отпочковывая от Нижней Тунгуски за Енисей либо на север.

В роде Кичель, как уже говорилось, мы усматриваем часть древнего рода Кичигир (см. главу 1). Тот факт, что кичели считаются подразделением чапагиров, может указывать на то, что кичигиры (как и куркагиры) были в числе тех эвенков, которые, взаимодействуя с дотунгусскими аборигенами, участвовали в формировании рода или племени Чапагир.

Свою родословную кичели, согласно Н. В. Сушилину, вели от тунгуса Ингу, который умер еще до появления русских. Сын Ингу, Бонгыуль, был обнаружен русскими на Ангаре, а его потомки кочевали у Туруханска (КККМ, № ^{572.4 (09)}₅₀₈, л. 9). Что ка-

сается связей кичелей с санягирами и панкагирами, о чем писали и Н. В. Сушин (Там же, л. 2—8), и Г. М. Василевич (ЦГАОР, ф. 3977, д. 350, л. 70 об.), то таковые, как мы думаем, имели чисто административный характер: до революции кичели, вероятно, учитывались (как и санягиры) совместно с панкагирами.

Род Панкагир впервые появляется в материалах ясачной ревизии 1765 г. как один из родов Чапагирской вол. (см. главу 3).

Список панкагиров предваряет заголовок: «Той же Чапогирской волости состоящих особым улусом Панкагирского роду чапогирских тунгусов» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 55). Дальнейшая судьба этого рода была нами описана выше, поэтому здесь мы на ней останавливаться еще раз не будем. Происхождение рода и этнонима Панкагир эвенкийский фольклор связывает с относительно недавними временами: «Панкагиры были горными жителями. Дед их назывался Пангка» (ИФЭ, с. 381). Насколько нам известно, это единственное упоминание о панкагирах в опубликованных Г. М. Василевич записях фольклора эвенков Подкаменной Тунгуски.

Развитие данной версии приводит нас на р. Оленек, где в 1653 г. упоминался тунгус Панко, который вместе с тунгусами Ельдигой и Онковулом жаловался на злоупотребления тазовских (мангазейских) служилых людей и тунгусов-«ванядыров» (ванядов) — обитателей района оз. Есей (см. главу 5). У Панко, как явствует из челобитной упомянутых тунгусов, служилые люди повесили старшего брата, а его семью и имущество забрали к себе (КПМГЯ, с. 55).

В середине XVII в. у оленекских эвенков были известны преимущественно роды Синигир, Долган и Эдян. В частности, выше названный тунгус Онковул был долганом. Поскольку два последних рода имели восточное (эвенское) происхождение и об их связях с панкагирами у нас нет никаких данных, можно ожидать, что тунгус Панко принадлежал к роду Синигир. Естественно также думать, что судьба брата побудила Панко переселиться в другую местность, не подконтрольную администрации Мангазейского (Турханского) у. Такой местностью было междуречье Подкаменной Тунгуски и Ангары, расположенное на стыке Мангазейского и Енисейского уездов. Но перед тем как попасть туда, Панко и его спутники, по-видимому, присоединились к момогирам, которые в это время как раз осуществляли свою миграцию с правобережья на левобережье Лены. Мы так думаем потому, что в списке рода Панкагир за 1765 г. встречается имя «Топоки, он же Пюшауль» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 57). Оно повторяет имя известного сонинга Топоко из рода Момоль (см главу 3).

В составе момогиров-момолей Панко и его спутники (братья, сыновья) вначале, наверное, составляли отдельную локальную группу, которая позднее превратилась в патрионию и, наконец, в самостоятельный кровный род, который около 1765 г. был присоединен к Чапагирской вол. на Подкаменной Тунгуске. К чапагирам как к таковым ни панкагиры, ни момоли не имели прямого отношения по своим генетическим связям, и именно указанным обстоятельством можно объяснить упорное нежелание панкагиров находиться под административным покровительством чапагиров.

Изложенная нами версия происхождения рода Панкагир находит некоторую поддержку и в предполагаемом происхождении рода Санягир, к которому мы теперь переходим. Санягиры до революции не упоминались. В материалах Приполярной переписи

они указаны в трех территориальных группировках: Полнугусовской — 5 семей (26 человек) с 83 оленями, Чунско-Таймурской — 19 семей (93 человека) с 267 оленями и Ванаварской — 1 семья (11 человек) с 13 оленями. Все санягиры, следовательно, насчитывали 25 семей (130 человек) и имели 368 оленей (Долгих, 1946, л. 501, 515, 518, 660). Основная масса санягиров сосредоточивалась в междуречье обеих Тунгусок, рядом с панкагирами.

В нашу бытность в пос. Стрелка (Тунгусско-Чунский р-н Эвенкии) тамошние эвенки нам говорили, что род Санягир имеет два названия: эвенкийское — Санягир и русское — Панкагир (ПМ, 1975, № 1, л. 70 об.). Слово «русское» скорее всего указывает на бывшее административное присоединение санягиров к панкагирам³². Об этом свидетельствуют и некоторые источники периода 1920-х годов (ГАИО, ф. 528, оп. 1, л. 4, л. 31 об.).

В фольклоре эвенков Подкаменной Тунгуски санягиры («шо-нягири») рисуются как чужеродный элемент: они воевали и с скуркагирами, и с чемдалями. Воевали они также с «лимпэйскими» (илимпийскими. — В. Т.) тунгусами Нижней Тунгуски, причем эти войны отличались «особым упорством». Только с помощью кичелей санягирам удалось сломить сопротивление этих тунгусов и проложить себе путь с р. Илимпия («Лимпэ») на р. Тэтэрэ, откуда они потеснили чемдалей (КККМ, № $\frac{4}{508}$ (09), л. 2, 3)³³. Таким образом,

имеются все основания видеть в санягирах тоже выходцев из региона Северо-Запада. Сам этноним Санягир, по-видимому, не более чем фонетический вариант этнонима Синигир, известного там в XVII в. Вероятно, эти синигиры-санягиры упоминались в 1733 г. среди плательщиков ясака в Жиганском зимовье на нижней Лене под названием «Есанягирского» рода тунгусов (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, л. 481, ч. 7, л. 223).

Если наши предположения справедливы, то получается, что санягиры и панкагиры — родня, причем вторые по существу происходят из первых. Вопрос, почему санягиры в междуречье Подкаменной и Нижней Тунгусок заняли подчиненное положение (в административном смысле) по отношению к панкагирам, не имеет существенного значения. Это может объясняться тем, что местные санягиры численно уступали панкагирам.

Современные эвенки этимологизируют этноним Санягир от эвенкийского *саня*, *хана* — «душа» и аттестуют Санягир как «гнилой род», имея в виду нематериальное значение слова душа (ПМ, 1977, л. 74 об.). Однако, если правильным названием рода считать Синигир, то объяснение этнонима должно быть иным. Эвенкийское *сини* — «беднеть», (ТМС, т. 2, с. 89), становится бедным.

Учитывая тесные связи синягиров Северо-Запада с эдьянами и их совместную борьбу с баягирами, нюрумняями и другими эвенками Нижней Тунгуски и Есея, мы склонны предполагать, что синигиры, подобно эдьянам, были выходцами с правого берега нижней Лены и этнически принадлежали к эвенкам.

Кроме санягиров, с панкагирами были в прошлом администра-

тивно связаны роды Кемукагир и Мукто. Оба эти рода были выявлены у эвенков только в 1920-х годах. Одно из первых сообщений о роде Кемукагир мы встречаем в протоколе общего собрания эвенков Чапагирского рода «Илимпейской тундры», состоявшегося 5 марта 1924 г. при устье р. Виви. В преамбуле сказано, что председатель собрания — И. М. Чапогир; присутствуют «северный инспектор Илимпейской тундры Е. Савельев и Панкагирский князь Николай Кемукагир» (ЕФ ГАКК, ф. Р-246, оп. 1, д. 2, л. 12). Приполярная перепись 1926—1927 гг. обнаружила кемукагиров в трех территориальных группировках: Вивинской — 11 семей (71 человек) с 214 оленями; Мундуйско-Сурахининской — 2 семьи (10 человек) с 10 оленями и Халтайской — 4 семьи (21 человек) с 61 оленем (Долгих, 1946, л. 428, 490, 527). Всего, стало быть, у кемукагиров было 17 семей (102 человека) и 285 оленей.

Относительно возможности родственной связи кемукагиров с панкагирами нам приходилось слышать немало противоречивых суждений. Одни информаторы-эвенки утверждали, что род Панкагир представляет собой дочернее ответвление от рода Кемукагир, другие выражали мнение, что панкагиры и кемукагиры существовали как самостоятельные кровные роды, обменивавшиеся друг с другом женщинами, но затем кемукагиры были административно присоединены к панкагирам (Туголуков, 1974, с. 75; ПМ, 1962, № 2, л. 131 об.). Мы более склоняемся ко второй версии.

Этноним Кемукагир можно производить от тюркского Кем, обозначающего Енисей в его верхнем течении (до слияния с Ангарой). В эвенкийской огласовке слово Кем, вероятно, звучало как Кему, а сам этноним Кемукагир первоначально произносился как Кему-гир. Частица -ка-, добавленная к этнониму Кемугир, скорее всего означает, что кемукагиры представляли собой северную часть более южных кемугиров. Эти последние с XVII в. были известны как род Кему на левом берегу Енисея (см. главу 6).

Род Мукто в 1926—1927 гг. насчитывал 12 семей (64 человека) при 127 оленях. Из указанного числа 9 семей (44 человека) со 106 оленями находились в составе Вивинской территориальной группировки, а остальные — в составе Учамской группировки, т. е. несколько выше по течению Нижней Тунгуски. Все муктоли носили фамилию Мукто (Долгих, 1946, л. 490—491, 496—497) под которой они известны и сейчас.

О своем происхождении муктоли рассказывают следующую историю. Один из членов рода Кочениль на Подкаменной Тунгуске, женатый, по обычаю левирата, на вдове старшего брата, однажды побил ее «сырым прутом» (муктэ), вследствие чего женщина обиделась и ушла от него, забрав детей. Она сказала: «Пусть мои дети отныне называются Мукто» (ПМ, 1962, № 2, л. 131 об.). По другой, хотя и близкой, версии, название Мукто приняла часть коченилей, которая раньше кочевала по р. Чуня, а потом перешла на р. Таймура — левый приток Нижней Тунгуски (ИФЭ, с. 382). В любом случае группа Мукто (Муктоль) скорее всего представляет собой патриинию, а не самостоятельный кровный род.

Турыжские и илимпийские эвенки

В данном разделе рассматриваются эвенки, которые в XVII в. платили ясак преимущественно в Турыжское и Илимпийское зимовья, а позднее были известны как турыжские и илимпийские тунгусы. Речь в основном будет идти о баягирах и нюрумнялях; последние в источниках XVII в. именовались «нюрымцами», «нюрильцами», «уюрильцами», «юрильцами» и т. д. Обе эти группы в первые полтора — два десятилетия после прихода русских числились плательщиками ясака при Титейском (Усть-Титейском) зимовье. В 1639 г. «Род Баягирыцы», плативший ясак «на усть Титеи-реки», насчитывал 111 ясачных плательщиков, а «Род Уюрыльцы» — 123 ясачных плательщика, в том числе 9 беглых (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 681—699). Позднее обе группы сместились вниз по течению Нижней Тунгуски к Илимпийскому и Турыжскому зимовьям, причем в первом стали преимущественно учитываться нюрумняли, а во втором — баягиры.

С 1646—1648 гг. (если не раньше) начинается резкое сокращение численности плательщиков ясака, приписанных к Турыжскому, Илимпийскому и Титейскому зимовьям, поскольку значительная часть баягиров и нюрумнялей передвинулась на север от Нижней Тунгуски, к оз. Есей в регионе Северо-Запада. Там, начиная с 1636 г., отмечается скачкообразное увеличение ясачного населения (*Долгих*, 1960, с. 150).

Кроме баягиров и нюрумнялей в первой половине XVII в. на территории рассматриваемого субрегиона sporadически упоминались также тунгусы-ваняды («ванядыры», «вонодыры»). Однако основным районом их расселения являлась местность, прилегающая к оз. Есей (см. главу 5). По ясачной переписи 1682 г. при Илимпийском зимовье значились следующие группы эвенков: 1). «Род Шалдагири» — 7 чумов, 22 ясачных плательщика, 47 человек мужского пола; 2). «Род Суханов» — 6, 28, 58; 3). «Род Ковуки» — 7, 25, 49 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 114—128). Суммарно — 75 ясачных плательщиков, или около 300 человек всего населения. При Турыжском зимовье тогда же числились также три группы: 1). «Род Баягирской» — 24, 28, 63; 2). «Род Коныров» — 27, 28, 54; 3). «Род Догочагирской» — 42, 59, 92 (Там же, л. 88—109 об.). Суммарно — 115 ясачных плательщиков, или около 460 человек всего населения. Таким образом, общая численность эвенкийского населения субрегиона достигала на указанную дату 760 человек.

Как видим, нюрумняли вообще перестали упоминаться на Нижней Тунгуске. Отмечалось, что они «живут на Есее-озере, а ясак платят в Усть-Титейское зимовье». Однако эти нюрумняли насчитывали всего 7 чумов, 14 ясачных плательщиков и 26 человек мужского пола (Там же, л. 206 об., 207), т. е. не более 50—60 чело-

век всего населения. Поэтому можно думать, что нюрумняли распались на несколько самостоятельных этнонимических групп (см. ниже).

В период ясачной ревизии 1765 г. в рассматриваемом субрегионе существовали ясачные волости — Илимпейская и Турыжская. В первой упоминались роды «Аегирский» (Оёгир) — 36 человек мужского пола, Верегирский — 111, Шалдагирский — 25, «Имидаклский» (Эмидак) — 21, Елдагирский — 79 и «Шевокигирский» (Ховокигир) — 21; во второй — «Солкагорский» (Чёлкогир) — 41, «Белдагирский» — 19 и «Шоволнагирский» — 18 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 42, 66 об., 99). Суммарно, стало быть, обе волости включали 371 человека мужского пола, или примерно 740 человек всего населения. В дальнейшем происходили отливы и приливы населения названных волостей ввиду того, что часть его постоянно находилась «в бегах». Но в целом общая численность этих волостей к ревизии 1795 г. понизилась до 680—690 человек обоего пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 152, 221 об.).

В 1820-х годах Илимпейская и Турыжская волости были преобразованы в соответствующие инородческие управы («роды»). Турыжская управа нередко именовалась также Усть-Турыжской или Баягирской (ГАКК, ф. 819, оп. I, д. 381), из чего следует, что по крайней мере часть эвенков данной управы являлась выходцами из прежнего Баягирского рода.

Изменение численности обеих управ в течение XIX в. иллюстрируется нижеследующей таблицей³⁵.

Управа	1824 г.		1897 г.	
	чел. м. п.	чел. об. п.	хозяйств	чел. об. п.
Илимпейская	208	Около 415	113	677
Турыжская	39	Около 80	15	57
Итого:	247	Около 495	128	734

Численность илимпейских эвенков была, по переписи 1897 г., явно занижена. Более полными нужно считать результаты частной переписи А. И. Мицкого (1888 г.)³⁶. Согласно этой переписи, илимпейские эвенки насчитывали 146 семей, 720 человек. Их родовой состав был следующим: 1). Гургугир («Гуррыгыр»); 2). Елдагир («Ельдагыр»); 3). Иологир («Алигир»); 4). Комбагир («Камбагырь»); 5). Оёгир («Оёгырь»); 6). Удыгир («Удыгырь»); 7). Хирия («Хириягырь»); 8). Хукочар; 9) Хутокогир («Хутукагыр»); 10). Эмидак («Эмидакыль») (Дневник поисковой экспедиции, с. 11—14, 131—154)³⁷.

Как уже говорилось, в начале 1926 г. в составе Туруханского р-на была образована Илимпейская вол., которая объединяла семь родовых советов. Если из их числа исключить не имеющие отношения к илимпейским эвенкам Турыжский, Чумский, Панка-

гирский и два Капагирских рода (Лютот и Мирошко), то окажется, что илимпийские эвенки в это время составляли три родовых совета — Илимпийский, Хантайско-Агатский и Экондский (ЕФ ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 8, л. 12 об.).

Б. О. Долгих полагал, что илимпийские эвенки образовывали племя Нюрумняль (также «Буляши» и «Илимпийские тунгусы»), причем в XVII в. они, по его мнению, состояли из 4—5 родов, а в XIX в. и начале XX в. — из 10 родов. При этом он основывался на формальном родовом составе Илимпийской управы (Долгих, 1970, с. 335, 349)³⁸. Однако приводимый нами материал показывает, что далеко не все этнонимические группы эвенков, входившие в эту управу, были связаны кровным родством, позволяющим говорить о ее генетическом единстве.

Турыжские эвенки, по Б. О. Долгих, тоже образовывали отдельное племя, которое он называл «Баягир (Турыжские тунгусы)». В это «племя» он включал роды: Токодо — 9 семей, 36 человек, 180 оленей; Ялтакагир — 12, 60, 92, Хавакагир — 5, 23, 44; Катарэ — 2, 9, 8. Все эти группы были впервые выявлены Приполярной переписью 1926—1927 гг. Их представители пользовались в качестве фамилии этнонимом Баягир. Исключение составляла одна семья рода Ялтакагир в составе Хантайской территориальной группировки в регионе Северо-Запада: она имела фамилию Турыжский или Турский (Долгих, 1946, л. 429, 657). Позднее Долгих, по-видимому, пересмотрел свою точку зрения и стал включать в «племя» Баягир некоторые роды нижнего течения Нижней Тунгуски, выявленные там в XVII в. (Долгих, 1970, с. 349—350), для чего, как кажется, нет никаких оснований.

* * *

Рассмотрим этносоциальную структуру илимпийских и турыжских эвенков, исключив из обзора роды и группы Гургугир (Горагир), Ваняд, Догочагир, Иологир, Нюрумняль и Эмидак. Роды Гургугир, Иолигир и Эмидак нами были уже рассмотрены во втором разделе настоящей главы, рассмотрение ваяндов и нюрумнялей отнесено в заключительный раздел, а роды Догочагир — в главу 5. Список родов и групп, подлежащих рассмотрению в данном разделе, включает следующие этнонимы в алфавитном порядке и в принятой нами транскрипции: Баягир, Белдагир, Вервегир, Елдагир, Катарэ, Ковуки, Комбагир, Коныров, Оёгир, Суханов, Токодо, Удыгир, Хирогир, Ховокигир, Хукочар, Хутокогир, Челкогир, Шалдагир, Шоволнагир, Ялтакагир.

Итак, переходим к роду Баягир. Это — один из древнейших и крупнейших тунгусских родов. К приходу русских баягиры были известны не только у эвенков, но и у эвенов. Среди баягиров были как оленеводы, так и скотоводы, жившие в лесостепях Южного Забайкалья. Поскольку большинство баягиров в XVII в. и позже находилось в восточной половине этнического ареала тунгусов, в данной работе мы остановимся только на группах западных баягиров.

Как уже было сказано выше, род Баягир, плативший ясак на Нижней Тунгуске, был до середины 40-х годов XVII в. весьма многочисленным — он насчитывал около 440 человек всего населения. Но затем баягиры начали мигрировать в северном направлении и во второй половине XVIII в. на территории региона больше не упоминались. Последний раз о них сообщается в одном из документов 1735 г. как о тунгусах Туружского зимовья, насчитывавших 16 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 132 об.), т. е. около 65 человек населения. Дальнейшая судьба баягиров Нижней Тунгуски прослеживается нами в главе 5. В настоящем разделе мы попытаемся выяснить, какие потомки баягиров сохранялись среди эвенков Туружской управы в XIX — начале XX в.

Род Белдагир ясачной ревизии 1765 г. представлял собой, по видимому, ненадолго зашедшую в регион Нижней Тунгуски группу забайкальского рода Бултэгир. Следом продвижения бултэгиров на северо-запад, возможно, являются имена двух братьев — Жорончи Балдагина и Ковеллона Болдагина в роде Колобов у курейских эвенков в начале XVIII в. (Окладников, 1968, с. 102). В 1782 г. отмечалось, что многие белдагиры находятся «в бегах», в том числе и в Есейскую вол. (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 187—188). Вероятно, тогда же некоторые белдагиры перешли на Подкаменную Тунгуску, где в 1920-х годах были выявлены две эвенкийские семьи из рода «Бульдагир» (см. главу 3).

Род Вервегир привлекает внимание своей большой численностью. Тем более удивительно, что после ясачной ревизии 1795 г. никаких сведений о вервегирах не имеется. Фонетически этноним Вервегир близок к этнониму Мурмугир, который мы называли у эвенков Прибайкалья (см. главу 1). Предложенный нами для объяснения этнонима Мурмугир термин *мэриме* — «пестрый» более подходит как раз для объяснения этнонима Вервегир, поскольку звуки *б* (*в*) и *м* в эвенкийском языке часто смешиваются.

Похоже на то, что исчезновение мурмугиров из Прибайкалья было связано с их переселением на Нижнюю Тунгуску, где они превратились в вервегиров. Но куда девались тамошние вервегиры, мы не можем сказать.

В списке рода Вервегир наше внимание привлекает имя Варка, (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 86—90) явно нетунгусского происхождения. Оно напрашивается на сравнение с селькупскими терминами *варгэн* — «большой», *варк* — «запор» (для ловли рыбы) (Плотников, с. 63, 193), *ворк* — «медведь» (Степанов, ч. I, с. 34).

Возможное наличие селькупов в составе мурмугиров ~ вервегиров заставляет нас вспомнить о существовании «Пегой орды» в конце XVI в. на Оби в районе Нарыма; населением этой «орды» были селькупы. Поэтому нельзя исключать того, что этноним Мурмугир ~ Вервегир обозначал именно пегих, или пестрых, людей. Вместе с тем трудно сказать, в чем заключалась их пестрота — в одежде или неоднородном физическом облике (в наличии темноволосых и светловолосых людей). Так или иначе, сказанное

позволяет высказать предположение об уходе вервегиров с Нижней Тунгуски за Енисей в область расселения селькупов.

Род Елдагир, как уже отмечалось, в 1765 г. и позднее принадлежал к группе илимпийских эвенков. А. И. Мицкий указал в нем 27 семей, 116 человек (Дневник поисковой партии, с. 143—146). По Приполярной переписи 1926—1927 гг. в этом роде оказалось 37 семей (200 человек) с 964 оленями. Елдагиры были обнаружены в Агатской, Чириндинской и Экондской территориальных группировках на севере Эвенкии и в Аякли-Аянской группировке на юге Таймыра. Кроме того, пять семей елдагиров (24 человека с 65 оленями) кочевало в Якутии (Долгих, 1946, л. 447, 480, 482, 658), вероятно, в верховьях Вилюя.

На Нижнюю Тунгуску род Елдагир пришел по-видимому, в XVII в. из бассейна Вилюя. Мы судим об этом по сообщению якутов, поселившихся в 1670-х годах на оз. Куськенде в верховьях Чары (регион Северного Забайкалья в восточной половине этнического ареала тунгусов). Среди этих якутов был «Илдыгир шаман, Лапчаков холоп» — явный тунгус из рода Елдагир. Якуты пришли на это озеро из-под Олекминского острога, а туда они, в свою очередь, вышли с Вилюя. На это указывает наличие среди них якута «Тумацкого роду» Ирикте Тигилякова «с родниками» (СМЭЯ, с. 13—14). Поэтому неслучайно, что И. Г. Георги указывал род «Иолтогет» в списке родов тунгусов Нерчинского округа за 1766 г. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2).

О происхождении елдагиров нам ничего не известно, но не исключено, что они являлись ответвлением рода Баягир. В списке баягиров Нижней Тунгуски за 1682 г. имеется имя Елдега (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 91), от которого мог быть образован этноним Елдагир. С. А. Надеев пытался этимологизировать данный этноним от эвенкийского *елдарин*, служившего обозначением людей «мордастых, с рыжекрасным лицом» (письмо к автору).

Род Катарэ, как уже отмечалось, был обнаружен Приполярной переписью среди эвенков бывшей Турыжской управы. Похоже, что тот же род под названием Чатыра упоминает К. М. Рычков в связи с историей «летних» тунгусов нижнего Енисея. Рычков пишет, что «человек из рода Чатыра» был у них первым князем, назначенным русскими (Рычков, 1917, с. 8).

Баягиры среди «летних» тунгусов не упоминались. Но так или иначе, фамилия Баягир, которой пользовались катарэли (см. выше), является достаточно веским свидетельством их генетической связи с баягирами. Скорее всего, группа Катарэ составляла патриномию в роде Баягир, а не самостоятельный род.

Переходим к роду Ковуки Илимпийского зимовья (1682 г.). В его списке за указанный год первым назван тунгус Ковука, плативший ясак в течение 50 лет. В семье («чуме») Ковуки было 10 человек мужского пола, из которых семеро платили ясак. Это была самая крупная семья в роде Ковуки (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 123 об. — 128).

Созвучное имя Ховоко нам встречается в фольклоре эвенков

Подкаменной Тунгуски. Ховоко был старшим в семье, состоявшей из восьми братьев, и принадлежал к роду Момочар. Сначала он жил на Подкаменной Тунгуске, где учился воинскому искусству у соннига Пачаки из рода Момоль, а позднее переселился на Нижнюю Тунгуску (видимо, ради охоты на диких оленей). Там он воевал с нюрумиями, которые его в конце-концов и убили (ИФЭ, с. 284—291).

Мы считаем, что Ховоко и Ковуки — одно и то же лицо и что род Ковуки составлял патронимию в роде Момочар. К 1765 г. эта патронимия превратилась в самостоятельный род Ховокигир («Шевокигирский»). Как мы знаем, большинство ховокигиров («шевокигиров») тогда обитало на Подкаменной Тунгуске, где входило в состав Чапагирской вол., но две их группы находились на Нижней Тунгуске (см. главу 3). По видимому, в дальнейшем все ховокигиры сосредоточились в районе Илимпейского зимовья. Там во время ревизии 1795 г. у них насчитывалось 111 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 225 об.—226), т. е. около 220 человек всего населения. Учитывая сильную убыль эвенков Турыжской вол., можно думать, что часть этих ховокигиров была позднее приписана к Турыжской управе, чем и определяется их наличие среди потомков турыжских эвенков в 1920-х годах (см. выше). Другая часть ховокигиров была, по-видимому, присоединена к Чапагирской управе.

В 1926—1927 гг. ховокигиры были обнаружены в двух территориальных группировках эвенков региона: в Амовской (выше пос. Тура) — 4 семьи (17 человек) с 29 оленями; в Чириндинской — 5, 23, 44. Фамилией первым служило родовое название (Ховокигир), вторым — административное (Баягир) (Долгих, 1946, л. 483—484, 495).

Все сказанное не дает возможности генетически связывать ховокигиров с баягирами.

Род Комбагир, как и ряд других родов илимпийских эвенков, до конца XIX в. нигде не упоминался. А. И. Мицкий впервые указал в таком роде 17 семей, 82 человека (Дневник поисковой экспедиции, с. 147—149). Перепись 1897 г. обнаружила комбагиров (34 человека) на притоках Вилюя Мархе и Чоне в Сунтарском улусе Якутской обл. Они были названы тунгусами «Комбайского рода Илимпийского ведомства» (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 80; вып. 2, с. 126). Приполярная перепись 1926—1927 гг. указала у комбагиров 27 семей (122 человека) при 167 оленях. Большинство их кочевало с эвенками Экондской территориальной группировки (10 семей). Четыре семьи находились в составе Вилюйско-Вавинской группировки. Шесть семей было обнаружено в Наканновской группировке на севере современного Катангского р-на Иркутской обл. Остальные комбагиры находились в Амовской, Кочучумо-Тембенчинской и Кочумдекской группировках (Долгих, 1946, л. 485, 488, 493, 495, 592, 597, 658).

Г. М. Василевич считала, что комбагиры, как и удыгиры (см. о них ниже) были «чужими» для эвенков Нижней Тунгуски (Ва-

силевич, 1951, с. 156). Наши информаторы — экондские эвенки — считают комбагиров выходцами с Вилюя. «Где рыба, там и комбагиры», — говорят они (ПМ, 1977, л. 58). Б. О. Долгих, по-видимому, считал комбагиров ответвлением забайкальского рода Киндигир (1960, с. 480—481), однако не привел в пользу такого мнения каких-либо веских соображений. Мы, со своей стороны, склонны связывать происхождение комбагиров с шилиягирами и момогирами верхнего течения Нижней Тунгуски, а этноним Комбагир — с именем Комбой. Около 1641 г. тунгус, носивший такое имя, был захвачен на Витиме, возле устья р. Муя, атаманом Максимом Перфильевым и посажен в аманаты. Перфильев относил его к «Шелегинской волости» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 57; ДАИ, т. II, с. 258—259), т. е. к шилиягирам. Но фактически Комбой, по-видимому, был членом рода Момогир в составе гипотетического племени Шилигир, поскольку на правом берегу Лены в XVII в. упоминались именно момогиры, а не шилиягиры (см. шестой раздел главы). Мы полагаем, что вышеназванный аманат Комбой стал основателем особой патронимии в составе момогиров, которая впоследствии выделилась в самостоятельный род Комбагир.

«Род Коныров» был впервые и единственный раз упомянут на Нижней Тунгуске в 1682 г. Его возглавлял князец Маунел. Имени Коныр в списке членов этого рода нет, однако в перечне тунгусов Туружского зимовья, освобожденных от ясака, нам встречается имя Коныры. О носителе данного имени сказано: «за старостью и увечьем от ясаку отставлен» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 110). Таким образом, имеется основание видеть в названии Коныров производное от личного имени, принадлежавшего прежнему главе этого рода.

Имя Коныр (или Коныры) мало походит на обычные имена тунгусов XVII в. Поэтому нельзя исключать того, что оно в действительности представляло собой родовой этноним, как то было с именем Ковуки (см. выше). Существование такого этнонима можно подтвердить ссылкой на следующие факты: тунгусы-скотоводы «Конурского» рода в 1692 г. упоминались в регионе Южного Забайкалья (ЦГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 42, л. 14); тунгусы-оленьеводы «Конарского» рода были выявлены переписью 1897 г. в Олекминском округе Якутской обл. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 128); в 1920-х годах в Булунском округе ЯАССР упоминался «Конаринский»³⁹ род северных якутов-оленьеводов («Автономная Якутия», 1929, 20 нояб.), очевидно представлявший собой поглощенных якутами эвенков. Наконец, тогда же на Подкаменной Тунгуске в составе рода Момоль существовала патронимия Конарёнок (Долгих, 1946, л. 516), название которой повторяет этноним Конар (Конур).

Учитывая чрезвычайно широкий разброс групп, носящих названия, созвучные названию «Коныров», мы склонны видеть в них членов Конарского, или Конурского, рода, представлявшего собой отпочкование от баягиров. Похоже на то, что баягиры «Рода Коныров» Нижней Тунгуски в прошлом входили в состав нюрумня-

лей и выделились в самостоятельную платежную группу лишь после распада последних (см. выше). Поскольку дальнейшая судьба коньров Нижней Тунгуски нам неизвестна, есть основание думать, что после переписи 1682 г. они перешли на Подкаменную Тунгуску, где влились в состав момолей, среди которых баягиры занимали не последнее место (см. главу 3). Наиболее подходящим объяснением этнонима Конар представляется его производство от эвенкийского *коннорин* — «черный» (ТМС, т. 1, с. 413).

Род Оёгир («Аёгирский»), как мы помним, впервые появляется в ясачной документации 1760-х годов. До этого о нем не было никаких упоминаний. В 1888 г. оёгиры насчитывали 10 семей (52 человека) (Дневник поисковой партии, с. 149—151)⁴⁰. По Приполярной переписи 1926—1927 гг. у них было 13 семей (68 человек) со 104 оленями. Из указанного числа 12 семей входили в Чириндинскую группировку, а одна семья — в Мундуйско-Сухарихинскую на правобережье Енисея (Долгих, 1946, л. 482, 527).

Этноним Оёгир образован, по-видимому, от эвенкийского *оё* или *ойо*, означающего верхнюю часть чего-либо (ТМС, т. 2, с. 8).

В списке «Аёгирского» рода за 1765 г. имеется имя Лаврушка (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1643, л. 85—86 об.). Одноименный хребет известен в верховьях Вилюя. В связи с этим Б. О. Долгих полагал, что в прошлом оёгиры кочевали именно в этом районе (Долгих, 1960, с. 159). О приходе оёгиров на правобережье Нижней Тунгуски с Вилюя свидетельствует и рассказ эвенка Михаила Оёгира, записанный Г. М. Василевич (ИФЭ, с. 381). Учитывая внезапное появление оёгиров в Илимпейской вол. в 1765 г. и отсутствие упоминаний о них в прошлом, мы полагаем, что они представляют собой один из молодых родов, прежде входивших в состав нюрумнялей.

«Род Суханов» переписи 1682 г. выделяется тем, что одну его часть составлял «чум» тунгуса Сухана (26 человек мужского пола), а другую часть — «чумы» тунгусов Деринцы, Ивашкана, Модоры. Урыллы и Давгинцы с общей численностью 32 человека мужского пола (ЦГАДА, ф. 214, кн. 732, л. 118—123). В имени Сухан мы усматриваем неудачную транскрипцию этнонима Хукочар, который мог звучать и как Сукочар. Данное предположение хорошо увязывается с тем, что нам известно о происхождении хукочаров (см. ниже).

Род Токодо, обнаруженный в 1926—1927 в Чириндинской группировке⁴¹, нам трудно сопоставлять с каким-либо ранее известным родом эвенков. Этимология этнонима затруднена отсутствием подходящих терминов в тунгусских языках. Судя по окончанию *-до* (*-da*), Токодо — самодийское имя или прозвище, а сам этот «род» — какая-то смешанная баягирско-самодийская группа.

Род Удыгир впервые выявляется у илимпийских эвенков лишь в конце XIX в. Несмотря на это «князем» Илимпейской управы был во времена А. И. Мицкого представитель удыгиров — Удыгир Николай Федорович, имевший два эвенкийских прозвища: Боекон и Псле (Дневник поисковой экспедиции, с. 137—140). В 1920-х го-

дах «князем», а затем председателем «Илимпейского рода» был Удыгир Дмитрий Васильевич (ЕФ ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 4, л. 1—6). В 1888 г. удыгиры состояли из 23 семей (116 человек) (Дневник поисковой партии, с. 137—140)⁴². По численности они уступали только хукочарам. К 1926—1927 гг. Удыгир стал самым многочисленным родом илимпейских эвенков — 48 семей (267 человек), с 2015 оленями (Долгих, 1946, л. 480, 482, 485, 493, 495, 527, 592, 658). Видимо, А. И. Мицкий учел удыгиров не во всех районах их расселения.

По данным Приполярной переписи удыгиры проживали в семи территориальных группировках — Агатской, Чириндинской, Кочечумо-Тембенчинской, Амовской, Мундуйско-Сухарихинской и Виллюйско-Вавинской (Там же). Последняя находилась за пределами региона, на правом притоке верхнего Виллюя — Ваве.

Отсутствие удыгиров в источниках XVII—XVIII вв., относящихся к Нижней Тунгуске, побуждает нас видеть в них весьма поздних выходцев с востока, где роду Удыгир имеется ряд аналогий. Род «Ударский» был в XVII в. зафиксирован у эвенков р. Тугур (Охотское побережье); позднее тот же род упоминался на Амгуни. Там же русские в XVII в. называли и «Удагирский» род (ДАИ, т. X, с. 342, 346). Восточные удагиры положили начало негидальскому роду Удан и улъскому роду Уды. Возможно, что и самоназвание удэгейцев *удэ* обязано группе удагиров — выходцев с севера.

Эвенкийское *уда* имеет ряд значений, в том числе «задержка», «запоздалый», «медлительный» (ТМС, т. 2, с. 248). Похоже, что к основе *уды* ~ *уда* восходит древнее якутское обозначение шаманки — *удаган*⁴³. Согласно П. А. Ойунскому, «женщины-удаганки» имелись «у всех трех племенных объединений» якутов в период сложения якутского героического эпоса олонхо (*Ойунский*, с. 103—104). Вероятно, это были тунгуски по происхождению.

От той же основы, возможно, образовано много гидронимов, распространенных в Сибири. Укажем основные: Уда — название верхнего течения р. Тасеева (левый приток Ангара); Уда — правый приток Ангара в ее верхнем течении; Уда — правый приток Селенги; Уд — река, впадающая в Охотское море к северу от р. Тугур.

Мы полагаем, что до XII—XIII вв. основной территорией удыгиров ∞ удагиров была средняя Лена. С приходом якутов они отошли на восток, к Охотскому побережью, а в XVII—XVIII вв. начали мигрировать оттуда на юго-восток и северо-запад, в результате чего часть их в конце-концов оказалась в регионе Нижней Тунгуски. Г. М. Василевич писал, что роды Комбагир и Удыгир раньше кочевали между Хатангой и Оленеком; для эвенков Нижней Тунгуски они были «чужие» (*Василевич*, 1951, с. 156).

Род Хирогир тоже не был известен у эвенков вплоть до конца XIX в. В 1897 г. 13 тунгусов «Хорогирского» рода было зарегистрировано в Олекминском округе Якутской обл. (*Патканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 127—128). В 1926—1927 гг. у хирогиров Нижней Тунгуски оказалось 24 семьи (123 человека) с 455 оленями. Хиро-

гиры входили в Агатскую, Чириндинскую, Экондскую, Кочемо-Тембенчинскую и Мундуйско-Сухарихинскую территориальные группировки. Около половины всех хирогиров кочевало в районе Агатских озёр (Долгих, 1946, л. 480, 482, 485, 493, 527, 658).

Согласно преданию, записанному В. Н. Васильевым, в роде «Хирагир» был тунгус Яха, что в переводе на русский будто бы означает «глаз». Этот Яха был женат на тунгуске из рода «Кундагир», т. е. Кондогир. «Кундагиры» перебили «хирагиров», однако Яха, благодаря тестю, спасся и оставил после себя потомство. «Так образовался род Хирагир...» (СМЭТФ, с. 250—251).

Имя Яха напоминает эвенкийское обозначение якутов — *йоко*. Таким образом, речь в предании, по-видимому, идет о якуте, который, как можно думать, имел имя или прозвище Хира (Хирэ). Следовательно, потомство этого якута должно было составлять патронимию в роде Кондогир, которая со временем могла превратиться в самостоятельный эвенкийский род. Эвенкийское *хира* — «удалой», *хире* — «лось, дикий олень» (ЭРС, с. 481).

Род Хукочар был одним из самых многочисленных в бывшей Илимпейской управе. По данным Приполярной переписи, он насчитывал в 1926—1927 гг. 37 семей (178 человек) с 3573 оленями. По территориальным группировкам хукочары распределялись следующим образом: Хантайская — 5 семей (32 человека), 101 олень; Агатская — 29, 137, 3449; Кочумдекская — 3, 9, 23 (Долгих, 1946, л. 428, 480, 488, 659). Агатские хукочары являлись самыми богатыми оленеводами региона: они имели в среднем по 120 голов на хозяйство.

До переписи А. И. Мицкого род Хукочар нигде не упоминался, но, как мы уже говорили, его предтечей, по-видимому, является «Суханов род» ясачной переписи 1682 г. Этноним Хукочар довольно естественно объясняется из эвенк. *хукэ* — «топор» (ЭРС, с. 492) + *чар* (уменьшительный суффикс). Буквальный перевод этнонима: «Топорики». Любопытно, что наряду с формой Хукочар существовала также форма Хукогир (Хукагир), оформленная суффиксом *-гир*.

Этноним Хукогир был зафиксирован в материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг. применительно к трем семьям эвенков из Кочумдекской территориальной группировки на Нижней Тунгуске (Долгих, 1946, л. 483). Вариант «Хукагир» мы обнаружили в «Каталоге» музея Томского университета. Там сообщается, что хранящийся в музее ровдужный мешочек для дробы был приобретен у «эвенка, бедняка Луки Хукочара (Хукагира)» («Каталог», с. 298). Судя по характеру записи, она сделана либо в конце 1920-х, либо в начале 1930-х годов. Нам форма «Хукогир» («Хукагир») ни ранее, ни позднее не встречалась. Не приходилось слышать о ней и от самих эвенков.

Предки хукочаров — вероятные пришельцы из более северо-восточных районов. На карте КИПС р. Гукочар — один из самых верхних правых притоков Оленека. Кроме того, есть р. Хукочар — левый приток р. Аргасала, которая является крупным левым при-

током Оленека (ПМ, 1970, № 2, л. 124 об.)⁴⁴. По сообщению Е. Д. Хукочара (пос. Тутончаны), местом первоначального сосредоточения хукочаров было оз. Чиринда к востоку от Агатских озер (ПМ, 1977, л. 85). В недавнем прошлом хукочары хорошо говорили по-якутски (ПМ, 1959, № 1, л. 39).

Согласно еще одному сообщению Е. Д. Хукочара, в прошлом существовали эвенки — нюрумняли и люнгогиры, а хукочаров не было. Ясачная администрация их объединила и тем самым положила начало роду Хукочар (ПМ, 1977, л. 85). Нам трудно себе представить, как это могло произойти. Дело, по-видимому, обстояло не совсем так. Названный Е. Д. Хукочаром этноним Люнгогир, ранее нигде не упоминавшийся, представляет собой, как можно думать, правильное название того эвенкийского рода, который в ясачных источниках XVIII—XIX вв. именуется «Логотским». Предки «Логотского» рода жили на Вилюе, но затем мигрировали в юго-восточную Якутию и Верхнее Приамурье, где составляли часть административного 3-го Беллетского рода (Майнов, с. 174). Этноним Люнгогир можно этимологизировать от эвенкийского *лунгу* (лунгу) — «шумный» (ТМС, т. 1, т. 511).

Учитывая явно восточное происхождение хукочаров, можно думать, что они представляют собой ту часть рода Люнгогир, которая во главе с «Суханом» ушла с Вилюя в регион Нижней Тунгуски и там была административно присоединена к эвенкам Илимпейского зимовья, большинство которых составляли потомки нюрумнялей. Связи хукочаров с последними отражает, в частности, имя одного из тунгусов «Суханова рода» — Урылча (см. выше). Отсутствие упоминаний о хукочарах до переписи А. И. Мицкого можно объяснить их переселением с Нижней Тунгуски в труднодоступный район Агатских озер. Мы не усматриваем родственной связи между хукочарами и «топорками» более южных районов Средней Сибири.

Род Хутокогир в 1888 г. насчитывал 10 семей, 42 человека (Дневник поисковой партии, с. 135—136). В 1926—1927 гг. в нем было 17 семей (90 человек) при 164 оленях. Хутокогиры были распылены по пяти территориальным группировкам — Агатской, Чириндинской, Аякли-Аянской, Хантайской и Игарской (Долгих, 1946, л. 428, 447, 480, 482, 524, 658). Хантайские эвенки производят этноним Хутокогир от эвенкийского *хутэ* — «дитя». Подобно хукочарам, хутокогиры еще недавно хорошо говорили по-якутски (ПМ, 1959, № 1, л. 69, 85). В прошлом такой род в источниках не упоминался. По аналогии с хукочарами можно предполагать, что хутокогиры — относительно недавнее отпочкование от какого-то старого рода, обитавшего в бассейне Вилюя.

Название рода Чёлкогир мы реконструируем из транскрипции «Солкагорский» материалов ясачной ревизии 1765 г. Как мы знаем, большинство челкогиров до середины XVII в. обитало на юго-западном побережье Байкала, а позднее — в Забайкалье. Это были чёлкогиры-скотоводы. Однако к приходу русских на Охотском побережье существовала и группа челкогиров-оленоводо- (см. гла-

ву 1). Вполне возможно, что оттуда последние и мигрировали на Нижнюю Тунгуску. Поскольку после 1765 г. чёлкогиры на Нижней Тунгуске не упоминались, можно высказать предположение, что они переместились в регион Подкаменной Тунгуски. В фольклоре тамошних эвенков-ганальчей сообщается, что некий Чолко приходил к нюрумнялям (на Нижнюю Тунгуску) свататься, но, испугавшись их, «убежал к Куркогирам» (ИФЭ, с. 300). Имя Чолко, без сомнения, отражает этноним Чёлкогир. На Подкаменной Тунгуске чёлкогиры были обнаружены Приполярной переписью под названием рода Челколь (см. главу 3).

Род Шалдагир упоминается в ясачных источниках между 1682 и 1795 г. В 1682 г. главой первого «чума» в этом роде был тунгус Атьмавул, плативший ясак 30 лет. Его семья состояла из 11 мужчин (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 114—118), что означает ее общую численность порядка 20—25 человек. В 1795 г. шалдагиры насчитывали 31 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 213 об. — 219 об.), т. е. около 62 человек всего населения. Позднее род Шалдагир у эвенков не упоминался.

Происхождение рода Шалдагир мы склонны связывать с той частью рода Кондогир, которая до 1682 г. числилась в составе нюрумнялей. На такую возможность косвенным образом указывает следующее обстоятельство: у авамских «самоедов» рода Солда (Солдуйев), основателями которого были, по-видимому, ассимилированные энцами шалдагиры (на это указывает фонетическое сходство этнонимов Солда и Шалдагир), в начале XIX в. существовала фамилия Каплин, отсутствующая у других энецких групп, но характерная для части эвенков Кондогирской управы (см. ниже). О том, что кондогиров XVII в. можно до известной степени идентифицировать с нюрумнялями, мы говорим в заключительном разделе настоящей главы.

Возможности этимологии этнонима Шалдагир из тунгусских языков весьма ограничены: эвенкийское *сэлди* (*шэлди*) — «место, удобное для кочевков»; солонское *сэлди* — «панцирь» (ТМС, т. 2, с. 58, 140). Не исключено, что этноним был образован от соответствующего тунгусского имени. В 1682 г. имя Шалдага носил четырехлетний сын эвенка Оручи из рода Горынцын (см. следующий раздел), платившего ясак в Кондогирском зимовье (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 34).

Род Шоволнагирский, упоминавшийся на Нижней Тунгуске в 1760-х годах, был, вероятно, тем временным гостем. Дальнейшая судьба его нам неизвестна. Этноним Шоволнагир напоминает одну из транскрипций этнонима Муеллагир у охотских тунгусов XVII в., который иногда писался как «Оволнагирский» (Долгих, 1960, с. 517). Однако более веских оснований для совмещения шоволнагиров с муеллагирами у нас нет.

Род Ялтакагир был выявлен у эвенков региона Нижней Тунгуски только в 1920-х годах. Мы склонны видеть в этом роде территориально обособившуюся часть ёлдагиров, поскольку оба этнонима — Ялтакагир и Ёлдагир — фактически различаются только про-

межуточной частицей -ка-. Если брать за основу этноним Ёлдагир, то интересующий нас род должен именоваться не Ялтакагир, а Ёлдакагир.

5

Кондогирские эвенки

В данном разделе мы рассматриваем тех эвенков верхнего течения Нижней Тунгуски, которые группировались вокруг Кондогирского зимовья в северной части современного Кагангского р-на Иркутской обл.

Ясачная перепись 1682 г. указала при этом зимовье тунгусов четырех родов: Кондогир, Чапагир, Горынцын и Чемдаль («Целбуяна»). У кондогиров было 16 чумов, 55 ясачных плательщиков и 92 человека мужского пола, у чапагиров — 7, 18, 37, у членов рода Горынцын — 8, 16 и 32 и у чемдалей — 3, 8 и 10 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 21—37 об.). Всего, следовательно, численность эвенков Кондогирского зимовья достигала 97 ясачных плательщиков, т. е. около 390 человек всего населения. В 1735 г. в Кондогирское зимовье, расположенное в устье р. Еромо, платили ясак «кондогири» — 49 ясачных плательщиков и «пучюгири» — 16 (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 5481, № 5, л. 133 об.), т. е. члены рода Путугир.

Во второй половине XVIII в. на территории субрегиона существовала Кондогирская вол., включавшая две группы плательщиков ясака. Одну (вероятно, это были члены рода Кондогир) в 1765 г. возглавлял князец Кутани; в ней числилось 82 мужчины. Другую (члены рода Путугир) возглавляли князец Ини Анчаулев, старшины Дуябиа Имиров и Буктаней Могов; в ней значилось 87 мужчин (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 62—68, 119, 151). Сообщалось, что путугиры («пучюгири») были перечислены в Кондогирскую вол. «особым улусом» из Подгородного зимовья, находившегося, видимо, на Лене под г. Киренск. Оттуда же в Кондогирскую вол. была перечислена и группа якутов — 14 мужчин (Там же).

После 1822 г. Кондогирская вол. была преобразована в Кондогирскую инородческую управу, которая во второй половине того же века была частично объединена с Курейской управой. Резиденция объединенной управы находилась в д. Юрьева на Нижней Тунгуске (Маак, 1886, с. 39). Позднее ее перенесли в сел. Чечуйское на Лене. Кондогирские и курейские эвенки, вероятно, имели общую канцелярию, но старосты у них были разные. Старостой Кондогирской управы в 1885—1886 гг. был Григорий Фомич Сычегир (ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 47, л. 14 об.). По переписи 1897 г. численность Кондогирской управы составляли 293 человека (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, с. 108), а по Приполярной переписи — 629 человек (Долгих, 1946, л. 678). Объяснением столь значительного прироста служит тот факт, что Б. О. Долгих включил в число

«кондогирских тунгусов» все эвенкийское население северной части Катангского р-на Иркутской обл., которое в 1926—1927 гг. включало много пришельцев из соседних районов. Данным обстоятельством можно объяснить наличие у местных эвенков двух различных говоров — наканновского и ербогоченского (ТМС, т. 1, с. XXIV).

Нам уже приходилось говорить, что среди кондогирских эвенков проживало много якутов. Поэтому не удивительно, что почти все кондогирские эвенки в той или иной степени знали якутский язык и проявляли тенденцию к заимствованию якутского «уклона» в хозяйстве (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 107). В 1927 г. у эвенков Кондогирского туземного совета, кроме оленей и охотничьих собак, было учтено 113 лошадей и 225 коров (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 203, л. 34). Эвенки, имевшие домашний скот, переходили к полuosедлой или даже оседлой жизни со всеми его атрибутами. В 1932 г. ниже сел. Ербогочен на Нижней Тунгуске жил в собственном срубном доме эвенк, державший как оленей, так и коров. С оленями кочевали по тайге младшие члены его семьи (ЦГАОР, ф. 3977, д. 372, л. 8 об.). Отдельные кондогирские эвенки занимались земледелием (Василевич, 1962, с. 101) в форме огородничества.

Все же, несмотря на указанные обстоятельства, большинство кондогирских эвенков продолжало выходить на охотничий промысел с оленями, а не с лошадьми. Многие по-прежнему охотились сидя верхом на олене. Только весной, при глубоком снеге и насте, местные охотники передвигались на лыжах, таща за собой нарты с поклажей. Их семьи с оленями в это время находились в стойбище (ГИМ, 1963, № 1, л. 14 об.).

* * *

Переходя к обзору этносоциальной структуры кондогирских эвенков, отметим прежде всего, что род Чемдаль нами был рассмотрен в главе 3, поэтому здесь мы не будем к нему возвращаться. Обратимся к рассмотрению рода Кондогир. В XVII в. его название писалось по-разному: «Кондогири», «Кундогири», «Кунругири» и т. д. В первой половине XVII в. кондогиры, судя по всему, образовывали две локальные группы: одна тяготела к Илимпейскому зимовью, другая — к более верхнему Усть-Непскому. При первом в 1626—1627 гг. насчитывалось 70—71 ясачный плателыщик (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 31 об.), во втором в 1639 г. — 54 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 660—663). В итоге всего насчитывалось в то время около 500 кондогиров обоего пола.

Уже говорилось, что начиная с 60-х годов XVIII в. кондогиры как таковые в источниках больше не упоминаются. Вводится в обращение выражение «кондогирские тунгусы» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 111). Это позволяет говорить, во-первых, о распаде прежнего рода Кондогир на составные части, а, во-вторых, об административном характере понятия «кондогирские тунгусы»;

к последним относились любые платежные группы, входившие в Кондогирскую вол. Одним из отпочковавшихся от кондогиров родов был уже известный нам род Шалдагир. Не исключено, что аналогичное происхождение имел и род Хирогир у илимпийских эвенков. Кроме того, кондогиры, без сомнения, входили в состав некоторых этнонимических групп, образовавшихся в результате распада нюрумнялей.

Остатки рода Кондогир в числе 35 человек были учтены Приполярной переписью 1926—1927 гг. на Подкаменной Тунгуске под названием рода Кунногир. Две семьи (8 человек, 22 оленя) входили в состав Куюмбинской территориальной группировки и шесть семей (27 человек, 58 оленей) — в состав Таимбинской группировки [Долгих, 1946, л. 506—508]. Распространенная у кунногиров фамилия Курейский, возможно, указывает на то, что до революции они входили в Курейскую управу.

Этимология этнонима Кондогир не проста. Б. О. Долгих полагал, что Кондогир — это «искажение» от Киндигир (1960, с. 488). Однако на рассматриваемой нами территории транскрипция Киндигир в ясачной документации не прослеживается. Г. М. Василевич, возражая Долгих, указывала на то, что этноним Кондогир «нельзя этимологизировать» (1972, с. 227). Мы, несмотря на это указание Василевич, склонны этимологизировать этноним Кондогир из эвенского *кэндэ* — «олень (упряжкой)» (ТМС, т. 1, с. 448) ⁴⁵.

Является фактом давнее общение кондогиров с якутами на Вилюе и, вероятно, на Лене. Какие-то кондогиры жили на Вилюе еще в первой половине XVIII в. Их можно усматривать в тунгусах «Кондоринского» рода, упомянутых в 1731 г. вместе с тунгусами «Фугляцкого» (Угулят) и «Шологонского» (Сологон) родов (Стрелов, с. 149). Кроме того, интересующий нас этноним закреплён в таких именах якутов XVII в., как Контогор, Контугор, (МИЯ, с. 106, 205, 252).

Восточным двойником рода Кондогир, по-видимому, является род Кондакагир у охотских эвенков. Этноним Кондакагир можно рассматривать как Кондогир, усложненный добавленной к нему промежуточной частицей *-ка* ⁴⁶. Похоже на то, что первоначальное значение этнонима Кондогир было связано со значением «дикий олень», позднее утерянным. Согласно Г. В. Ксенофонтову, илимпийские эвенки еще в 1920-х годах употребляли якутский термин «*кээнгэтер*» — «самка дикого оленя с теленком» (1937, с. 563). Не перешел ли этот термин к якутам от тунгусов?

К этнониму Кондогир близок гидроним Кантегир, существующий на Саяно-Алтайском нагорье, где он служит обозначением озера и реки ⁴⁷. Там, «к западу от озера Кантегира», согласно В. Н. Скалону, еще в начале 1930-х годов водилось много диких оленей (ПМ, 1970, № 2, л. 122) ⁴⁸, т. е. существовали условия для их промысла.

Род Горынцын в 1682 г. возглавлял тунгус Горностал (Горноста́й), плативший ясак 30 лет; он стоит первым в списке (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 33). Позднее такой род не упоминался.

Названием Горынцын эта группа была, по-видимому, обязана тунгусу по имени Горынец, упоминавшемуся в ясачных документах Кондогирского зимовья за 1654 г. (Б. О. Долгих считал ее частью рода Чапагир) (1960, с. 164—165). Мы со своей стороны, полагая, что это была патронимия в составе рода Кондогир либо отделившегося от последнего рода Шалдагир. В списке «рода Горынцын» за 1682 г. имя Шалдага принадлежит мальчику четырех лет — сыну тунгуса Аручи (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 34).

Переходя теперь к родам более поздней Кондогирской управы, отметим, что сведения о них у нас имеются только от середины прошлого века. Р. Маак применительно к 1853 г. называл в ее составе роды Акари, Каплин, Монголи, Осокер (Ошикир) и Чечогир (Сычегир) (Маак, 1886, с. 40). Б. О. Долгих, основываясь на материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг., включал в число кондогирских эвенков семь родов, сведения о которых нами сведены в нижеследующей таблице (1946, л. 676).

Род	Численность		
	семей	чел. век	селей
Путугир (Пангаракай)	60	306	560 ⁴⁹
Монголь	20	99	296
Галель	11	70	207
Сичогир	10	60	111
Хачакагир	7	36	88
Ошикагир	8	55	73
Акаригир	1	3	2
Всего	117	629	1337

Названия родов переданы в транскрипции Б. О. Долгих. Мы пишем не Сичогир, а Сычегир. Роды Ошикагир и Акаригир у Долгих соответствуют родам «Осокер» (Ошикир) и «Акари» у Маака. Рост Пангаракай мы не совмещаем с родом Путугир, поэтому фактически общее число родов в составе кондогирских эвенков на вышеуказанную дату должно быть 8, а не 7.

По данным Б. О. Долгих, из 117 семей кондогирских эвенков 76 семей носили фамилию Каплин. Эта фамилия встречалась у 42 семей путугиров (вместе с пангаракаями), у всех монголей, у 8 семей галелей, у 5 семей хачакагиров и единственной семьи акаригиров (Долгих, 1946, л. 594—676). Отсюда следует, что лишь у эвенков родов Сычегир и Ошикагир (Ошикир) не имелось фамилии Каплин. Фамилиями им служили родовые этнонимы.

В нижеследующем обзоре мы сначала остановимся на родах с фамилией Каплин, а затем перейдем к родам Сычегир и Ошикагир. Род Путугир, как уже говорилось, появился на территории субрегиона в первой трети XVIII в. В этом роде нужно видеть оленых почегоров Северного Забайкалья, известных там в XVII в., но не известных позднее. Транскрипции «Почегор» (XVII в.) и «Пу-

чюгири» (XVIII в.) русских источников вполне совместимы. В итоге получаем следующую цепочку: Почегор→Пучугир→Путугир. Этимология названия рассматриваемого нами рода зависит от исходного номинала: «Пучугир» можно объяснить от эвенкийского *пуча* — «лук (оружие)», а «Путугир» — от эвенкийского *путэ* — «утка-тяглок». Имеется также эвенкийский глагол *путэ* — «просеивать», «лечить», «лекарство» (ТМС, т. 2, с. 36, 45). Истинная смысловая основа этнонима нам неизвестна.

Отсутствие сведений о путугирах в источниках XIX — начала XX в. объясняется, по-видимому, тем, что большинство их в этот период именовалось родом Каплин. Старейшая жительница пос. Наканна (Катангский р-н) А. П. Комбагир нам говорила: «Раньше путугиров не было — были только Каплины» (ПМ, 1966, № 2, л. 129). Этноним Путугир в 1920—1930-х годах сохраняло за собой в качестве фамилии всего несколько семей, живших в верховьях Чоны (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 372, л. 19). Лишь в предвоенные годы появившаяся в Катангском р-не эвенкийская интеллигенция из числа путугиров приняла свой родовой этноним в качестве фамилии вместо фамилии Каплин.

Каких-либо сведений о генетической связи путугиров с пангаракаями, равно как и с панкагирами, у нас нет. Более того, вышеупомянутая эвенкийка А. П. Комбагир нам говорила: «Пангаракай — это не Путугир» (Там же, л. 129). Приполярной переписью 1926—1927 гг. в составе путугиров была выявлена группа лиц, носившая фамилию Увачан — 6 семей, 43 оленя (Долгих, 1946, л. 598). В отличие от других подобных групп путугиров (Казанские, Монаховы, Дондины), данная фамилия представляет собой эвенкийский этноним. Г. М. Василевич слышала рассказы эвенков о том, что на Вилюе некогда жил безоленный эвенк по фамилии Каплин, который всю свою поклажу и детей переносил на себе. Его прозвали Увачан, от глагола *ува* — «переносить на себе» (1972, с. 232, 233).

Геолог А. Л. Чекановский встретил семью тунгуса «Увачана» в 1874 г. на стойбище Анкан, расположенном в 150 верстах ниже сел. Ербогочен на Нижней Тунгуске. Этот Увачан владел стадом оленей, насчитывавшим более тысячи голов (Оленекская экспедиция, с. 26). Возможно, что это был дед нашего информатора С. И. Увачана (пос. Наканна), который первым переселился на эту реку из местности Тайгачён, расположенной где-то между верховьями Чоны и г. Бодайбо, т. е. скорее всего на Лене, возле устья Витима. Мать С. И. Увачана была якуткой (ПМ, 1962, № 2, л. 128). На Нижней Тунгуске увачаны были, видимо, причислены к Кондогирской управе. Никаких данных об их генетической принадлежности к путугирам у нас нет.

По нашему мнению, этноним Увачан — вариант названия эвенкийского рода Увалагир, существовавшего на Вилюе (см. главу 5). Сообразно с этим в этнонимической группе Увачан следует усматривать выходцев из указанного вилюйского рода.

По словам забайкальского эвенка А. А. Комарицына, много лет проработавшего в Катангском р-не, увачаны, имеющие «примесь

якутской крови», сочетали в своем хозяйстве скотоводство и оленеводство (ПМ, 1966, № 2, л. 143).

После рода Путугир естественно обратиться к роду Пангаракай. Он впервые упоминается в середине прошлого века А. Ф. Миддендорфом в транскрипции «Павгарака». Согласно более ранним сведениям, этот род составлял часть рода Каплин (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 131—132). Приполярная перепись не обнаружила членов рода Пангаракай. Однако по материалам Катангской экспедиции Сибкрайзу (1928 г.), пангаракаи в то время обитали в верхнем течении Чоны (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, л. 372, л. 19). В 1930-х годов умерла последняя представительница пангаракаев, жившая в пос. Юкта на Нижней Тунгуске (ПМ, 1966, № 2, л. 129).

В 1979 г. мы разговаривали с эвенком В. А. Каплиным из рода Пангаракай, ныне работающим в Якутии, но родившимся в бывшем пос. Бугоркан (неподалеку от современного пос. Хамакар на Нижней Тунгуске). Он сообщил, что его прапрадед по имени Пангаракай принадлежал к роду Кундогир (Кондогир). Генеалогия предков информатора имеет следующий вид: Пангаракай→Кондратий Савва→Александр→Владимир (наш информатор). Дед Савва уже носил фамилию Каплин; он умер в 1920-х годах (ПМ, 1979, л. 45 об.) Таким образом, Пангаракай—это, по-видимому, развившаяся в самостоятельный род патронимия. Трудно сказать, принадлежал ли основатель этой патронимии к роду Кондогир или был тунгусом Кондогирской управы.

Род Монголь упоминается в верхнем течении Нижней Тунгуски в самые первые годы ее посещения русскими. Имеется сообщение, что в 1624 г. в Пендинском зимовье, расположенном возле устья р. Гулями (левый приток Нижней Тунгуски), заплатили ясак новые тунгусские люди—пришельцы «с Оленьей реки»: род «Ачань»—9 ясачных плательщиков и род «Мунгули»—29 ясачных плательщиков (Окладников, 1949б, с. 101). «Оленьей» рекой русские называли Оленек (см. последний раздел). Это означает, что «мунгули» были выходцами из региона Северо-Запада. Название рода говорит о его вероятной связи с монголами. Как мы знаем, на верхней Ангаре в XVII в. существовала тунгусская волость Мунгули (см. главу 1), поэтому можно думать, что часть этих тунгусов попала на Нижнюю Тунгуску кружным путем—через Оленек.

Современные эвенки, относящие себя к роду Монголь⁵⁰, признают свое монгольское происхождение и даже склонны считать, что этноним «монгол» последние заимствовали у них, у эвенкомонголей (ПМ, 1977, л. 74 об.). Фольклор называет предком рода Монголь «легендарного тунгусского разбойника» Нурговуля (Воскобойников, 1965, с. 39), который жил на реках Илимпия и Титя. У него было две жены и восемь сыновей. Всех сыновей Нурговуля убили чангиты, а сам Нурговуль якобы погиб в борьбе со «злыми духами», которые его преследовали (ИФЭ, с. 309—310). В начале 1930-х годов часть монголей кочевала в районе фактории Тунор на р. Илимпия (в 220 км выше ее устья), а часть—в районе р. Средняя Кочёма (ПМ, 1966, № 2, л. 134—136 об.).

Галель (также Голе и Голье): первым упоминанием о такой этнонимической группе можно считать сообщение Р. Маака, который указал, что «Голье» — подразделение рода Каплин (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 132). В 1870-х годах проводником А. Л. Чекановского был, как он пишет, «Петрован Голе Каплин» (Оленекская экспедиция, с. 12).

В недавнем прошлом галели сосредоточивались в северной части Катангского р-на, 6 их семей входили в Верхнеилимпийскую территориальную группировку (42 человека, 160 оленей), 4 семьи — в Еромо-Титейскую (19 человек, 40 оленей) и 1 семья — в Тямбинскую группировку на Подкаменной Тунгуске (9 человек, 7 оленей). Эти тямбинские галели носили фамилию Шилигир (Долгих, 1946, л. 509, 510, 596, 604). В материалах Катангской экспедиции 1935—1936 гг. галели именуются представителями фамилии Галин. Четыре семьи эвенков Галиных входили в колхоз «Новая работа» Кондогирского тузовета (ПМ, 1966, № 2, л. 136 об.). Согласно Г. М. Василевич, фамилия Галин еще недавно существовала и у части русских населения Катангского р-на (Василевич, 1962, с. 98).

Для объяснения этнонима Галель («Галин») средствами эвенкийского языка подходит термин *голи*, имеющий два значения: «латушь» и «язычок (в игле для вязания сетей)» (ТМС, т. I, с. 159). Однако более подходящим представляется предложенное С. А. Наденным слово *галигда* — «человек, бывший под медведем» (пострадавший от медведя)⁵¹. О происхождении рода или патриимии Галель нам ничего не известно. Учитывая наличие у одной семьи галелей фамилии Шилигир, можно предполагать, что они представляли собой ответвление от старого рода Шилигир (Момогир). Далее в списке родов, члены которых носили фамилию Каплин, у нас идет род Хачакагир. Однако нам удобнее его рассмотреть совместно с родом Сычегир; поэтому перейдем сейчас к роду Акаригир. Этот род в XVII в. отличался сугубой малочисленностью. В середине XIX в. он насчитывал всего два или три человека (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 72, 94, 131—132). В 1926—1927 гг. единственная семья акаригиров входила в Еромо-Титейскую территориальную группировку (Долгих, 1960, л. 604). В материалах Катангской экспедиции 1935—1936 гг. упоминается В. А. Акаригир — член ППО «Красный Север» в Хомакашевском нацсовете (ПМ, 1966, № 2, л. 138)⁵².

Эвенкийское *акари* имеет два значения: «глупый» и «плавник у рыб» (ЭРС, с. 21). Об акаригирах известно, что они кочевали по притокам р. Чайка (ИФЭ, с. 381) — правого притока р. Большая Ерома, на левобережье Нижней Тунгуски. Не исключено, что они представляли собой остаток какого-то древнего рода, который к приходу русских был уже малочисленным и поэтому не попал в поле зрения ясачной администрации.

Составной частью рода Каплин А. Ф. Миддендорф считал также группу эвенков, носившую название Мумъялыр. По его данным, эта группа вымерла еще в конце XVIII в. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 132). Названный этноним можно рассматривать как про-

изводное от гидронима Мымъяул. Реку с таким названием мы не нашли на картах, однако ее упоминает Б. О. Долгих, отмечая, что на ее берегах в XVII в. жили енисейские арины (1960, с. 228). Похоже, что это один из притоков Енисея около Красноярска.

В связи со сказанным можно думать, что мумъялыры представляли собой контактную тунгусо-аринскую группу, мигрировавшую с Енисея или Ангары в верховья Нижней Тунгуски.

Суммируя сведения, приведенные о родах, для которых была характерна фамилия Каплин, мы видим, что они не составляли какого-либо генетического единства. Поэтому следует думать, что фамилия Каплин попала к части катангских эвенков в результате крещения. Фамилия Каплин встречалась у русских землепроходцев еще в XVII в. В 1665 г. туринский воевода Василий Трегубов сообщал в Москву о посылке туда стрелецкого десятника Ивана Каплина с мягкой рухлядью (ЦГАДА, ф. 214, ст. 568, л. 365), т. е. с пушнной.

Теперь обратимся к родам Сычёгир и Хачакагир.

Род Сычёгир стал известен русским в 20-х годах XVII в. В росписи земель по Лене «сычуги» показаны между «шылягами» (шылягирами) и «кумкагами» (кумкагирами) как оленная земля (ЦГАДА, ф. 214, ст. 12, л. 497). На основании этого известия тогдашним районом расселения сычёгиров являлось верхнее течение Лены. В отписке енисейского воеводы Семена Шаховского указывалось, что «по Лене-реке и по сторонним рекам, которые впали в Лену-реку, живут тунгусские, и наленские (налягиры), и сычегурские (сычёгиры), и брацкие (бурятские) многие люди..., а внизу на Лене-реке живут шыляги и мучуги» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 97-98). Из текста видно, что территориально сычёгиры были ближе к прибайкальским налягирам и бурятам, чем к ленским шылягирам и мучугирам.

В территорию населения сычёгиров входили, по-видимому и, верховья Илима. В «памяти», данной служилому человеку Максиму Трубочанинову об исследовании Лены (1619 г.), говорится, что, по сообщению служилых людей, бывавших на Тунгуске (Ангаре), в нее «впала река Лимля, а живут-де по ней люди Сучикиреи» (РИБ, с. 374). Здесь «Лимля» — это Илим, а «сучикиреи» — сычёгиры. В первой половине XVII в. сычёгиры выселились из Прибайкалья. Часть их, как можно думать, ушла на север — к Вилюю. На Вилюе они обьякутились и в якутском фольклоре именуются Чачинским наслегом якутов (ИПРЯ, ч. 1, с. 259—260). Другая часть сычёгиров отправилась на юго-восток, на Амур и еще дальше — в район Большого Хинганского хребта. Там их потомки были в начале XX в. зафиксированы С. М. Широкогоровым под названием рода Чачагир (*Shirokogoroff*, 1929, р. 139, 157). Мы полагаем, что к кондогирским эвенкам были причислены те сычёгиры, которые на рубеже XVIII—XIX вв. ушли с Вилюя на Нижнюю Тунгуску. В составе Кондогирской управы сычёгиры впервые упоминаются в середине XIX в. в качестве «участка» «Чечогир», считавшегося наиболее многочисленным (Панканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 131).

Приполярная перепись учла сычëгиров только в Еромо-Титейской и Ербогоченской территориальной группировках. Они носили фамилию Сочигир (*Долгих*, 1946, л. 600, 603). В середине 1930-х годов девять человек с фамилией Сычëгир числились членами ППО «Красный Север» в Хомакашевском нацсовете. Позднее они были переведены в пос. Ерёма. Кроме того, несколько семей с фамилией Сычëгир находились в пределах так называемой Вакунайской⁵³ группы эвенков на верхней Чоне и к востоку от нее, а также на нижней Тунгуске возле устья р. Илимпия (ПМ, 1966, № 2, л. 136—137; ЦГАОР, ф. 3977, д. 372, л. 19).

Переходим к роду Хачакагир. Он был выявлен Приполярной переписью в Верхнеилимпийской и Ербогоченской группировках, причем во втором случае хачакагиры носили фамилию не Каплин, а Попов. Оленей у Поповых не было (*Долгих*, 1946, л. 596, 600). «В период паспортизации» (видимо, вторая половина 1930-х годов) хачакагиры — Каплины и Поповы — получили фамилию Сычëгир, что они считали и до сих пор считают неправильным (ПМ, 1979, л. 59). Почему это произошло? Видимо, потому, что сычëгиры и хачакагиры в прошлом составляли один род Сычëгир, но позднее отселившаяся часть сычëгиров стала именоваться родом Сычëкагир или, в современном произношении, Хачакагир. Данный этноним, как легко заметить, отличается от этнонима Сычëгир промежуточной частицей *-ка-*. Как только территориальное размежевание между членами обоих родов прекратилось (на территории Катангского р-на), представители рода Сычëгир, по-видимому, решили, что хачакагиров следует вновь именовать сычëгирами.

Отделение хачакагиров от сычëгиров произошло, как кажется, еще в XVII в. в процессе миграции последних к Амуру. В 1652 г. служилые люди из отряда Ерофея Хабарова сообщали, что у него сидят в аманатах «Акчигарского роду тунгусы» (ДАИ, т. III, с. 347). Здесь «Акчигар» — это, без сомнения, Хачакагир. На правом берегу Амура те же эвенки были обнаружены С. М. Широкогорым в качестве рода «Ачикагир» среди обитателей верхнего течения р. Нонни (*Shirokogoroff*, 1929, p. 131, 161).

Смысловой основой этнонимов Сычëгир и Хачакагир являются эвенкийское *сичэ* или *хичэ* — «хриплый» (ЭРС, с. 359, 482), а также *сичу* — «название утки (моклок, шилохвость)» (ТМС, т. 2, 101). Члены рода Ошикагир (чаще употребляется название Ошикир), согласно фольклору, в прошлом обитали на р. Ерома («Ерёма») и нередко воевали с ганальчами (ИФЭ, с. 307—308). На Нижнюю Тунгуску они пришли, по-видимому, с нижнего Вилюя, где в 30-х годах XVII в. упоминался Осекуйский род «пеших якутов». Пеших якутов Вилюя мы считаем (за немногими исключениями) обьякученными эвенками, потерявшими оленей (см. главу 5). Что касается вилюйских осекуев, то есть основания видеть в них ответвление от большого рода Мучугир, который в XVII в. обитал в более верхней части Нижней Тунгуски (см. следующий раздел).

Приполярная перепись обнаружила ошикагиров-ошикиров в Ербогоченской и Верхнекатангской группировках (*Долгих*, 1946,

л. 520—521, 600). Ербогоченские ошикиры активно смешивались с русскими. В результате смешанных браков в начале 1930-х годов на Нижней Тунгуске, по сообщению Г. М. Василевич, существовала даже «д. Ошикиров», состоявшая из «эвенков, женившихся на русских» и занимавшихся сельским хозяйством (Василевич, 1969, с. 159). Правильным произношением рассматриваемого нами рода должно быть Ускагир или Ушкагир (см. следующий раздел). В основе данного этнонима мы усматриваем эвенкийское *уске* — «заряд», «снаряд», «пуля» (ТМС, т. 2, с. 292).

6

Курейские эвенки

Курейскими мы называем эвенков, которые в XVII в. были приписаны к Курейскому и Непскому (Усть-Непскому) ясачным зимовьям, а позднее входили в Курейскую вол. и Курейскую инородческую управу. Территориально они занимали южную часть современного Катангского р-на Иркутской обл. Основными плательщиками ясака в названных зимовьях в первой половине XVII в. были шлягиры (около 118 ясачных плательщиков в 1629 г.), момогиры или «маугиры» (90 ясачных плательщиков в 1626 г.) и мучугиры (67 ясачных плательщиков в 1625 г.) (ААН, ф. 21, оп., д. 24, л. 16 об., 31 об.; Долгих, 1960, с. 167). Начиная с 1630 г. шлягиры как таковые исчезают из ясачной документации, а маугиры, напротив, резко увеличиваются в численности. В 1639 г. они насчитывали 153 ясачных плательщика, в 1645 г. — 170. У мучугиров в 1645 г. указывалось 74 ясачных плательщика (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 563—678; Долгих, 1960, с. 167). Суммарно те и другие составляли на данный год 244 ясачных плательщика, что означает численность населения порядка 970 человек.

В 1630—1633 гг. в Непском зимовье платили ясак шамагиры, но затем они оттуда ушли (Миллер, 1941, т. 2, с. 404). Судя по взятому с них в 1630 г. ясаку — 227 соболей и другой пушнины (Долгих, 1960, с. 168), это была группа порядка 75—80 взрослых мужчин-охотников⁵⁴.

Ясачная перепись 1682 г. не указана в рассматриваемом нами субрегионе ни шлягиров, но момогиров, ни мумугиров. Местные эвенки были представлены относительно мелкими группами плательщиков ясака, именовавшимися «родами», названия которых были лишены традиционного оформляющего суффикса *-гир*. При Курейском зимовье значились: 1). «Род Боярской» — 29 чумов, 45 ясачных плательщиков, 74 мужчины; 2). «Род Колобов» — соответственно, 29, 48, 96; 3). «Род Майканов» — 13, 18, 46; 4). «Род Коненки» — 10, 26, 43; 5). «Род теж Коненки» — 15, 42, 83; 6). «Род Саладкин» — 13, 27, 54. При Усть-Непском зимовье: «Род Товужирцы и Тугошары» — 10, 16, 26 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 40 об. — 79). Суммарно, стало быть, учтено было 222 ясачных плательщика, т. е. около 890 человек всего населения. Получается, что за период с 1645 по 1682 гг. курейские эвенки не только

заметно сократились в численности, но и полностью изменилась их этносоциальная номенклатура.

Уменьшение численности эвенкийского населения субрегиона можно объяснить эпидемией оспы 1649—1657 гг., от которой погибло много мучугиров; часть курейских эвенков бежала от оспы в соседний Илимский у. (Долгих, 1960, с. 189). Большинство момогиров, вероятно, перешло на среднее и нижнее Приангарье (см. главу 2). Метаморфозу с родовыми названиями мы, как и в случаях с турыжскими, илимпийскими и кондогирскими эвенками, объясняем распадом старых больших родов на более мелкие подразделения. Этому весьма способствовало то, что каждое такое подразделение обычно платило ясак «под» своего аманата. (Соответствующий пример с момогирами приведен ниже). Естественно, что старый большой род перестал интересоваться сборщиков ясака, и его название исчезло из ясачной документации. Реальные группы плательщиков ясака независимо от социального статуса (молодой род, патронимия, большая патриархальная семья), как и всегда в таких случаях, именовались в ясачной документации родами.

В начале XVIII в. среди курейских эвенков произошла кровавая междоусобица, в результате которой многие из них ушли «с юртами, и с оленями, и со всем кочевым заводом» на верхнюю Лену, а также, вероятно, и в другие районы. Среди ушедших был князец Такия Чернеев³³, управлявший четырьмя родами — «Бояршин» «Колобовшин», «Коненков», «Шалаткин» общей численностью 70 взрослых мужчин и 20 подростков. Свой уход в Прибайкалье эти эвенки объясняли тесными связями с верхнеленскими тунгусами: «Меж себя у них свойство, дают они друг за друга дочерей своих и сестер замуж и встречались раньше в деревне у Коршуна» (Шерстобоев, т. 1, с. 558) — видимо, русского. В 1704 г. эти беглецы, «по челобитью своему, приносили ясак в Киренской и Хандинской волостях». У них названы следующие платёжные группы (роды): «Хамерин» — 22 ясачных плательщика, «Колобовшин» — 12, «Коненкин» — 4, «Бояршин» — 10, «Шалаткин» — 7 (Там же, с. 557). Род Хамерин, как видим, является новым.

В 1706 г. Сибирский приказ (видимо, по жалобе туруханской администрации) распорядился вернуть курейских эвенков на прежнее местожительство, сославшись на то, что они живут на Лене «у пашенных крестьян в работе и пропиваются на пиве и на табаке и ясаку не промышляют». Однако еще в 1721 г. илимская администрация получила ясак с 8 тунгусов Курейского зимовья, которые продолжали кочевать на территории Киренско-Хандинской вол. (Там же). В 1735—1738 гг. плательщиками ясака в Курейском зимовье считались роды: 1). «Коненкин» — 12 ясачных плательщика; 2) «Шалаткин» — 17; 3). «Бояршин» — 14; 4). «Коломенки» («Колобенин») — 17; 5). «Амеровшина» — 8; суммарно — 72 ясачных плательщика (ЦГАДА, ф. 199, д. 481, № 5, л. 135 об.: д. 509, № 10, л. 26), т. е. приблизительно 280 человек всего населения.

В материалах ясачной ревизии 1765 г. в составе Курейской вол. упоминаются роды: 1). «Бояршин» — 32 мужчины; 2). «Конен-

ков» — 65; 3). «Колобовшин» — 25; 4). «Салаткин» — 34; 5). «Немировшин» — 39 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 69—75 об.). Общая численность курейских эвенков, по этим данным, составляла 195 мужчин, т. е. около 390 человек всего населения. Резкое сокращение численности курейских эвенков в XVIII в. по сравнению с данными 1682 г. позволяет думать, что большинство их продолжало оставаться за пределами субрегиона.

После 1822 г. Курейская вол. была реорганизована в Курейскую инородческую управу, численность которой в 1885—1886 гг. достигала 553 человека обоего пола. Старостой управы являлся эвенк Платон Коненкин (ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 47, л. 14 об.). В 1897 г. курейские тунгусы насчитывали всего 382 чел. при 98 хозяйствах (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 1, с. 109). Эти демографические приливы и отливы свидетельствуют о большой подвижности местного эвенкийского населения, которое было связано тесными узами с Прибайкальем.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. выявила на территории бывшей Курейской управы 150 семей, 651 эвенка с 1626 оленями. Приводим таблицу, иллюстрирующую этнонимический состав этих эвенков в рамках существовавших у них территориальных группировок — Преображенской и Токминской⁵⁸.

Род (группа)	Численность		
	семей	человек	оленей
<i>Преображенская группировка</i>			
Лонтогир	24	94	51
Момоль	8	39	59
Тонгомир	7	28	15
Ургатыль	6	20	4
Мучугир	2	4	—
Вакувагир	1	6	13
Путугир	1	5	—
Неизвестный ⁵⁷	13	54	—
<i>Токминская группировка</i>			
Мучугир	24	115	390
Чимдягир (Чимэир)	9	36	99
Конгнокогир	8	38	80
Хайкогир	8	42	237
Талигир	8	32	114
Хангнадагир	7	29	152
Чуракаир	7	30	152
Моулиль	5	17	88
Тугочаль	5	25	76
Воягир	4	22	114
Мугдокогир	2	6	32
Коршиль (Корчи)	1	9	—
<i>Итого:</i>	150	651	1676

Резкий рост численности курейских эвенков в 1920-х годах объясняется миграцией на Нижнюю Тунгуску большой группы прибайкальских эвенков, вошедших главным образом в Токминскую территориальную группировку. Г. М. Василевич, посетившая верховья Нижней Тунгуски в 1925 г., писала, что массовое переселение туда прибайкальских и даже приангарских эвенков началось «лет 20 назад». В 1925 г. на Непе, по ее словам, собрались эвенки с Илима, Куты, Киренги и Каты. Часть эвенков пришла на Непу во время гражданской войны, часть — позднее. Причинами этих миграций были увеличение крестьянской запашки и числа пришлых охотников, уменьшение запасов промысловых зверей в Прибайкалье (1926, с. 151; ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 81, л. 129—130)⁵⁸. Указанная ситуация позволяет понять, почему в южной части Катангского р-на к моменту проведения Приполярной переписи находилось множество мелких этнонимических групп эвенков, говоривших на двух говорах родного языка — непском и токминском (ТМС, т. 1, с. XXIV).

В отличие от кондогирских эвенков, на которых определенное влияние оказали якуты, курейские эвенки испытывали на себе сильное влияние со стороны русских крестьян. Наиболее верхние по Нижней Тунгуске эвенки к 1920-м годам заимствовали от них «оседлый» образ жизни и ведение хозяйства» (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 372, л. 2 об.), основанное на сочетании скотоводства⁵⁹ и земледелия.

Переход к оседлости обычно начинался у них с постройки в тайге промысловых избушек (зимовий). Строителями таких избушек чаще всего были русские плотники. Более зажиточные эвенки обзаводились срубными домами и банями (Василевич, 1930, с. 32). В домах эвенки проводили наиболее холодное время года — вторую половину декабря и январь. Безоленные, не имевшие собственных домов или зимовий, нередко зимовали на квартирах у русских (Салаткин И., с. 40; Черончин, с. 26).

Оленеводство бывших курейских эвенков в 1920-х годах переживало упадок. Как сообщал секретарь ВерхнеКатангского туземного совета Антон Салаткин, до 1915 г. у них имелось «достаточное количество оленей», но затем олени почти полностью вымерли от эпизоотий (Салаткин А., с. 48—50). На рубеже 1920—1930-х годов олени в количестве 2—5 голов сохранились лишь «у некоторых туземцев» (Салаткин И., с. 32), поэтому многие эвенки стремились обзавестись лошадьми, которых они содержали на вольном выпасе. Для верховой езды на лошадях, за отсутствием конских седел, пользовались оленьими (Василевич, 1930, с. 34—36; ААН, ф. 250, оп. 5, д. 16, л. 16).

Наиболее оседлыми из бывших курейских эвенков были жители Токминского туземного совета⁶⁰, которые, как уже говорилось, являлись в большинстве случаев выходцами из Прибайкалья. Г. М. Василевич писала, что непские эвенки обзаводились избами, в которых семьи охотников проводили зимнее время (1926, с. 154). Врач Козельский, обследовавший в 1928 г. часть токминских эвенков, живших на выселках Кривая и Санара⁶¹, отмечал, что они ведут преимущественно оседлую жизнь, «занимаясь хлебопашест-

вом... и как побочным явлением — охотой и рыболовством». Автор указывал, что тенденция к оседанию стала проявляться у них лишь за последнее десятилетие. Согласно его наблюдениям, эвенки стремились улучшить свое хозяйство, для чего заводили хороших молочных коров, а также лошадей и овец и даже некоторые сельскохозяйственные машины. «Осевшие туземцы живут в несравненно лучших условиях, чем кочующие, и по чистоте и опрятности не уступят части русского населения», — констатировал он (ГАНЮ ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 101).

Хлебопашеством, разумеется занимались лишь немногие токминцы: большинство их ограничивались возделыванием приусадебных огородов с картофелем. Материальное благополучие токминских эвенков было весьма шатким и зависело от множества факторов. Весной они существовали охотой на водоплавающую дичь, летом рыбачили, зимой добывали пушнину. Подспорьем для отдельных хозяйств служило изготовление берестяных лодок, которые сбывались русским (Салаткин И., с. 40; Черончин, с. 26). На пушной промысел токминцы нередко отправлялись без семьи, с ручной нартой⁶², которую охотник тащил за собой, иногда припрягая себе в помощь собаку (Василевич, 1930, с. 32). Аналогичная ситуация существовала, как мы помним, и у эвенков Прибайкалья.

«Ездовых оленей осталось так мало, что на них даже во время перекочевки ездят только старики и больные, остальные же, включая детей с 7-летнего возраста, идут пешком», — писала о токминских эвенках Г. М. Василевич (1930, с. 34).

Мужчины у токминских эвенков умели говорить по-русски. В эвенкийский язык токминцев проникло много русских слов. Среди них была заметна тяга к овладению русской грамотой, появились самоучки, умевшие читать и писать. Своей одеждой токминцы мало отличались от местных крестьян (Там же, с. 37).

Многое восприняв от русских, эвенки Катангского р-на в свою очередь тоже оказали на них определенное культурное влияние. Русские охотники пользовались эвенкийским чумом, покрывая его корьем. Правда, дымовое отверстие чума они обычно заделывали, поскольку употребляли для обогрева железную печку с трубой, выведенной в наклонную стенку. Кроме того, почти все русские охотники были экипированы для промысла эвенкийской меховой одеждой, эвенкийскими лыжами, подклееными камусом, и долбленными лодками эвенкийского производства (ПМ, 1966, № 2, л. 133 об., 141 об.). Часть русских жителей Катангского р-на держала также оленей, хотя и в незначительном количестве, выпасая их «на тундрах» поблизости от селений⁶³. Русский колхоз, существовавший в 1930-х годах в Ербогочене, имел стадо оленей из 70 голов (там же). Известно также, что еще до революции 1917 г. русские старожилы верхнего течения Нижней Тунгуски «свободно владели эвенкийским языком». Такие «двуязычные» русские нередко обзаводились женами из числа эвенкиек (Василевич, 1962, с. 98, 118).

Обзор этносоциальной структуры курейских эвенков мы проведем двумя этапами (как и обзор кондогирских эвенков): сначала рассмотрим роды и этнонимические группы, выявленные в XVII—XVIII вв., а затем перейдем к тем, которые стали известны в советское время. Роды и группы первого этапа мы рассмотрим в следующем порядке: 1). Шилягир; 2). Момогир; 3). Мучугир; 4). Боярский (Бояршин); 5). Колобов (Колобовшин); 6). Майканов; 7). Коненки (Коненкин, Коненков); 8). Салаткин (Шалаткин); 9). Товужир (Тугошар); 10). Хамерин; 11). Лонтогир.

Итак, род Шилягир. Этот род стал известен еще до того, как русские перешли через Енисей. Видно, со слов русских англичанин Роберт Финч писал о шилягирах как об особом народе наряду с «тунгусами» (Алексеев, ч. I, с. 232). В древности шилягиры осваивали, по-видимому, очень широкую территорию: часть их, как можно думать, входила в татаро-монгольское войско Чингисхана и его наследников. Может быть, именно предки шилягиров дали название о. Селигер в верховьях Волги⁶⁴, Река Селигдар — левый приток Алдана в Алданском р-не ЯАССР. В источниках XVIII—XIX вв., относящихся к Северо-Востоку Сибири, часто упоминаются некие «шелаги» как прежние обитатели района, расположенного к востоку от нижней Колымы (Врангель, с. 310). Вероятно, это тоже были шилягиры.

Сгусток гидронимов, напоминающих нам о шилягирах, встречается в верхнем течении р. Оленек. Реку Силигир — его левый приток — образуют три истока с названиями: Огне-Силигир, Орто-Силигир и Гук-Силигир (см. Карту КИПС). Указанное обстоятельство дает повод думать, что именно данный район являлся центром относительно недавнего сосредоточения шилягиров.

Для объяснения этнонима Шилягир из тунгусских языков наиболее подходящим представляется эвенкийское *сили* — «аист». (ЭРС, с. 352). К приходу русских шилягиры, по-видимому, образовывали особое тунгусское племя. Дело в том, что роды Шилягир и Момогир в значительной степени совмещаются. Мы полагаем, что шилягиры представляли собой группу шилягиров, которая первоначально обитала на правом берегу Лены и именовалась так по названию р. Мама — крупного левого притока Витима. На это указывают следующие факты: 1). Шилягиры как таковые после 1630 г. практически не упоминаются в источниках, тогда как момогиры не только упоминаются, но и демонстрируют увеличение численности; 2). Вместе на одной территории, этнонимы Шилягир и Момогир в источниках не встречаются; 3). В 1641 г. атаман Максим Перфильев обнаружил тунгусов «Шелегинской волости», т. е. шилягиров, на Витиме, возле устья его левого притока р. Муя (выше Мама) (ДАИ, т. II, с. 258; ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 57 об.). Этими шилягирами могли быть только момогиры, которые упоминались среди плательщиков ясака в северной части Северного Забайкалья вплоть до конца XVII в. (Долгих, 1960, с. 486); 4). В ясачной

книге 1626 г. имеется запись о ясаке, взятом «с роду Маугирева с шиягирей» (Там же, с. 167).

Племя Шиягир могло состоять из родов Шиягир (Момогир), Мучугир и Шамагир. О возможной принадлежности мучугиров к племени шиягиров свидетельствуют ясачные документы. В ясачной книге 1626 г. тунгус Долгуша (Долгиша) назван «шиягом», а в ясачной книге 1631 г. он показан мучугиром (Там же). Кроме того, мы знаем, что в 1620-х годах «шияги» и «мучуги» неоднократно совместно выступали против отдельных групп эвенков Прибайкалья и русских служилых людей (Окладников, 1936, с. 257). Шамагиров мы включаем в это племя на том основании, что северобайкальские эвенки (регион Северного Забайкалья), враждебные момогирам и мучугирам, воевали и с шамагирами, причем эти битвы происходили на нижнем Витиме, включая Маму. Северобайкальские эвенки называли своих северных врагов коллективным прозвищем *чангур* (т. е. чангит) (Воскобойников, 1960, с. 230—231). Другим коллективным прозвищем, которым обозначали момогиров и их союзников баунтовские эвенки Северного Забайкалья, было *мамыр* (СМЭТФ, с. 269) — оно отражает этноним Момогир.

Имеются и другие доказательства общности шамагиров с шиягирами (момогирами) и мучугирами. В начале 1640-х годов шамагиры вместе с мучугирами («минпугирцами») кочевали в низовьях Илима по притоку последнего Тубе (ДАИ, т. II, с. 245). Тогда же, в первой половине XVII в., шиягиры и мучугиры выражали шамагирам свое недовольство по поводу согласия последних платить ясак. Такое недовольство могло быть высказано только при наличии тесной родственной связи. В противном случае шиягиры и мучугиры просто напали бы на шамагиров. И последнее. В списке северобайкальских шамагиров от 1926 г. мы встретили фамилию Вовуль (ЦГА БАССР, ф. 247, оп. 1, д. 26, л. 113), в которой явно просматривается этноним Момоль — фонетический вариант этнонима Момогир (см. главу 3).

Момогиры как часть шиягиров, насколько можно судить, представляли собой тунгусо-аборигенную группу наподобие нюрмнялей. На это отчасти намекают и обе возможные этимологии этнонима Момогир: 1) от эвенского *моми* — «лодка» или «*момирън* — «езда на лодке» (ТМС, т. 1, с. 540); 2) от эвенского *мамаган* — «хищник», «разбойник» (Там же, с. 128). Первая этимология может указывать на малооленность момогиров и их обыкновение, в связи с этим, передвигаться на лодках⁶⁵; вторая является типичным тунгусским обозначением аборигенов или тунгусо-аборигенных групп (ср. *чангит*).

Если справедлива этимология от эвенского *мамаган*, то название интересующего нас рода следует писать как Мамагир. Эвенская основа этнонима Момогир заставляет думать, что момогиры сформировались в районе, близком к области этнического формирования эвенков. Таким районом мог быть, в частности, бассейн нижнего течения Вилюя. У эвенков существует род Меме или Мямя (Мемельский, Мямяльский) — возможно, родственный эвенкийскому

роду Момо (Момоль, Момогир). К приходу русских территория, на которой встречались момогиры, простиралась от верховий Нижней Тунгуски до Лены и вниз по Лене до устья Витима, если не дальше. Название крупного левого притока Витима — Мама — по-видимому, обязано своим происхождением этнониму Момогир⁶⁶. Аналогичным образом название р. Мома — крупного правого притока Индигирки в ее верховьях — можно связывать с этнонимом Меме.

Наше предположение об известной взаимозаменяемости этнонимов Шилягир и Момогир подкрепляется тем обстоятельством, что в атласе С. У. Ремезова на вышеуказанном отрезке течения Лены («на усть Чаи и выше Киренги до Витима») показаны «ясашные тунгуса Шалагири») (*Серебренников*, с. 180), т. е. шилягиры. Но фактически речь должна идти о момогирах. Верховья Чаи довольно близко подходят к Верхней Ангаре, впадающей в северный Байкал. В долине этой реки имеется озеро с фольклорным эвенкийским названием «Мойогирил тэгэтчэрэ» — «мойогиры сидят» (*Шубич*, с. 52). Здесь «**мойогиры**» — это момогиры.

Киндигиры и чильчагиры, которые, как позволяют думать эвенкийские предания, в конце XVI в. поселились, придя с севера, на Верхней Ангаре и северо-восточном побережье Байкала, недружелюбно относились к момогирам. О взаимных столкновениях тех и других свидетельствуют как фольклорные, так и ясачные источники (*Shirokogoroff*, 1929, p. 58; *Долгих*, 1960, с. 306—307). Столь же враждебными были отношения момогиров в XVII в. и со своими более северными соседями — нюрмаганами Вилюя и родственниками последних — нанаягирами. В 1647—1648 гг. происходили частые стычки между момогирами, с одной стороны, и нюрмаганами и нанаягами — с другой. Инициаторами этих стычек были, как правило, момогиры: именно они приходили громить своих противников и на Вилюй, и на Лену (в районе устьев Нюн и Патомы). Агрессия момогиров в конце-концов вызвала ответный поход со стороны вилюйских нюрмаганов, калтагиров и сологонов на Нижнюю Тунгуску, в результате которого у «маугириров» было убито «человек со сто и больше» (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 48, л. 74—77).

Похоже, что под давлением верхнеангарских киндигириров и чильчагириров, а также ленско-олекминских нанаягириров момогиры в конце-концов ушли с Лены и ее правых притоков в верховья Нижней Тунгуски. Это произошло в середине XVII в. В 1653 г. «маугириры», жившие «на Лене, на усть Патом», напали на служилых людей, везших из Якутского острога «государеву казну», а затем «перешли жить на Нижнюю Тунгуску» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 427, л. 537). Однако еще в самом конце XVII в. несколько «маугириров» продолжало платить ясак в Чаринском и Патомском зимовьях на Лене (*Долгих*, 1960, с. 306—307, 486).

В 1639 г. русские называли момогириров Нижней Тунгуски четыре локальные группы: 1). «Род Маугири» — 39 ясачных плательщиков (первый по списку — Унчикан); 2). «Род Маугири ж» — 31

(первый — Ежеул Соболев); 3. «Род Маугири ж» — 58 (первый — Бабкага); 4). «Род Маугири ж» — 25 ясачных плательщиков (первый — Ликивца) (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 563—678). В 1645 г. момогиры составляли пять локальных групп, численность которых варьировала от 11 до 58—59 ясачных плательщиков. Совокупная численность момогиров в это время достигала 170 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 167), т. е. около 680 человек всего населения. Что собой представляли эти локальные группы — молодые роды, патронимии или просто территориально обособившиеся части момогиров, — мы не знаем. Но по крайней мере две такие группы были позднее указаны в материалах ясачной переписи 1682 г. как роды Боярский и Коненки (см. ниже). Род Момомир как таковой в этих материалах отсутствует.

В ясачных сводках XVIII—XIX вв. момогиры также отсутствуют, однако в неофициальной документации они иногда упоминаются. Так, например, в конце XVIII в. о них упоминал сержант С. Попов (см. первый раздел). Приполярная перепись 1926—1927 гг. выявила в Токминской территориальной группировке несколько представителей рода «Моулиль» (см. выше) в которых следует видеть потомков наших момогиров XVII в.⁶⁷ Данное обстоятельство служит подтверждением, что начиная с 1682 г. момогиры Нижней Тунгуски учитывались под какими-то другими названиями.

Род Мучугир в первой половине XVII в., видимо, состоял из оленеводов и скотоводов. Оленеводы кочевали в верховьях Нижней Тунгуски (выше устья Титеи), а скотоводы жили поблизости от Лены. Похоже на то, что именно этих мучугириров имел в виду енисейский воевода Семен Шаховской, когда писал: «Мучюги скотные люди, а живут по край Лены-реки» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 97—98). В 1688 г. момогиры, побившие северо-байкальских, чильчагириров, объясняли свои действия так: чильчагиры, дескать, приходили на Лену «и у наших-де у ленских мужиков пристрелили воровски конные табуны» (Долгих, 1960, с. 172). Под «своими ленскими мужиками» момогиры, как можно думать, подразумевали мучугириров.

В первой половине XVII в. мучугиры часто упоминались в источниках совместно с шилигирами как сила, враждебная и ясачной администрации, и коренному населению Прибайкалья (за исключением шамагириров). В конце 1620-х годов вышеназванный С. Шаховской писал: «Внизу по Лене-реке [живут] шилиги и мучуги: они русскому царю непослушны и «всем земляцам тунгуским, и наленским, и сычегурским (т. е. налягирам и сычёгирам.— В. Т.) они сильные и их-де, приходя, громят по вся годы» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 92, л. 97—98).

Исчезновение мучугириров из ясачных источников второй половины XVII в. заставляет предполагать, что этот род, подобно шилигирам ∞ момогирам, распался на более мелкие структурные части. О них мы мало что знаем. Токминские эвенки называли нам одно из таких подразделений — Ускаемниль (ПМ, 1966, № 2, л. 143 об.). Судя по оформлению данного слова, оно означает женщину из ро-

да Ускагир, или Ушкагир. В свою очередь Ушкагир («Ошкагир») представляет собой не что иное, как уже знакомый нам родовой этноним Ошикир, рассмотренный в предыдущем разделе. Основываясь на истории ошикиров, можно думать, что мучугиры, как и момогиры, в прошлом тоже осваивали район низовий Вилюя. В источниках 1920-х годов отмечается, что многие мучугиры держали лошадей и коров, жили в срубных домах (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 108).

Этимология этнонима Мучугир затруднительна. Вряд ли его смысловой основой являются созвучные эвенкийские термины *мучу* — «вернуться» и «замахнуться». *мучэри* — «олень» (шестилетний) (ТМС, т. 1, с. 561—562).

Теперь перейдем к рассмотрению родов субрегиона, зафиксированный ясачной переписью 1682 г. Род Боярский материалов этой переписи, вероятно, ведет начало от «Боярина Илживцы», который в 1629—1653 гг. возглавлял группу шиягири-момогири (см. выше). В 1682 г. Боярский род насчитывал 150—180 человек населения и возглавлялся тунгусом Юногой (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 40 об.). Имя «Боярин Илживца», вероятно, означает «баягир Илживца». Отсюда следует, что род Боярский скорее всего возник как патронимия в составе шиягири-момогири, образованная появившимся в их среде баягиром. Может быть, этот баягир Илживца был приглашен шиягирами и момогирами на роль сонинга или шамана, а может быть, просто присоединился к ним на правах зятя.

С начала XVIII в. род Боярский именовался Бояршин или Баяршин, но после ясачной ревизии 1765 г. сведения о таком роде не встречаются. Возможно, это объясняется ассимиляцией части членов указанного рода русскими крестьянами. В 1920-х годах у катангских эвенков существовала фамилия Бояршин. Часть Бояршиных относилась к роду «Моулиль» (Момогир), а часть — к роду Ургатыль (Долгих, 1946, л. 343, 607, 610). В середине 1930-х годов большинство эвенков — носителей фамилии Бояршин — проживало в Тэтэрском участке Катангского р-на. Всего же семей с такой фамилией было около 12; из этого числа 4 семьи были явно обруселыми: они оседло жили в сел. Верхнее Калинино (ПМ, 1966, № 2, л. 132, 138—139).

Род Колобов (Колобовшин, Колобенин, Коломенки), насчитывавший в 1682 г. около 190 человек населения, к 1765 г. сократился почти в четыре раза (см. выше). Дальнейшие известия о нем отсутствуют, в связи с чем можно предполагать обрусение большинства его членов. В 1920-х годах в Катангском р-не 11 семей эвенков носили фамилию Колобовшин, однако относили себя к родам Тонмогир (Денмагир) и Чимдягир (Чемдаль). Тонмогиры были все Колобовшинными, а у чимдягир эту фамилию имели лишь две семьи (Долгих, 1946, л. 606—609). В материалах Катангской экспедиции 1935—1936 гг. имеются сведения только о трех эвенкийских семьях с фамилией Колобовшин (ПМ, 1966, л. 137 об.— 138 об.).

Просматривая список рода Колобов за 1682 г., мы находим в нем имена Чимзя и Тонмо. Обладателю второго имени было в то

время всего 11 лет, и он платил ясак за своего дядю Цовалеса, которому зверь «изломал ногу» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 49, 54 об.). Несомненно, это были не просто личные имена, а этнонимы. Отсюда следует, что тогдашний род Колобов был сформирован ясачной администрацией из групп различного происхождения, хотя в его основе, может быть, и находилась группа одного из местных старых родов. У одного из членов рода Колобов в 1682 г. имелся холоп-якут (Там же, л. 51), который был, вероятно, захвачен в плен во время столкновений шилагиров-момогиров с вилюйскими эвенками.

Основой этнонима Колобов мы склонны считать эвенкийское *колобо* — «хлеб» (ТМС, т. 1, с. 407), образованное от соответствующего русского слова.

Род Коненки также впервые упоминается в 1653 г. В 1682 г. он был представлен двумя локальными группами общей численностью в 69 ясачных плательщиков, т. е. 280 человек всего населения. Бросается в глаза значительное количество русских имен и прозвищ в списках обеих групп: Сергей, Гуляней, Бажен, Любимко, Первуй (Там же, л. 63 об. — 74). Видимо, обрусением коненков и объясняется дальнейшее резкое снижение их численности, а затем и исчезновение этого рода.

В материалах Приполярной переписи фамилия Коненкин принадлежит восьми эвенкийским семьям, находившимся в Преображенской территориальной группировке. Все эти семьи относили себя к роду Момоль. Кроме того, отдельные семьи Коненкиных (тоже момоли) оказались в Еромо-Титейской (на территории Кондогирских эвенков) и Мамско-Чуйской (на правом берегу Лены и левобережье Витима) группировках. В целом же вся группа эвенков Коненкиных насчитывала в 1920-х годах 13 семей, 57 человек (Долгих, 1946, л. 604—614).

В материалах Катангской землеустроительной экспедиции 1935—1936 гг. также встречаются сведения о 13 семьях Коненкиных. Из указанного числа 7 семей входило в ППО им. Смидовича, находившееся на Нижней Тунгуске выше устья р. Еромо (Ерёма). Похоже, что то были Коненкины, считавшиеся уже русскими. Кроме того, русские с фамилией Коненкин жили в сел. Преображенское на юге района. Четыре семьи эвенков Коненкиных входили в группу единоличников, кочевавших в верховьях Непы (ПМ, 1966, № 2, л. 137 об. — 139).

Учитывая принадлежность эвенков Коненкиных к роду Момоль, легко заключить, что в род Коненки в 1682 г. входили главным образом момогиры. У тунгуса Авранцы из большей группы рода Коненки был указан холоп-«киндигирец» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 72), вероятно, захваченный в плен момогирами на Лене или Витиме.

Относительно происхождения этнонима Коненки можно высказать два предположения: либо он — отражение русского имени, прозвища или фамилии, либо в основе данного этнонима лежит эвенкийское *конин* — «овца» (ТМС, т. 1, с. 409). И в том и в другом

Род	Семей в роде	Семей с фамилией Салаткин	Семей с другими фамилиями
Лонтогир	26	23	3
Тугочаль	9	9	—
Хангнадагир	7	7	—
Хайикогир	8	7	—
Вакувагир	1	1	—
Итого	51	42	9

случае имеются основания говорить о русском участии в формировании данной этнонимической группы.

Мойканов (Майканов) род в 1653 г. назывался Мойкагир (*Долгих*, 1960, с. 171). В списке рода за 1682 г. первым указано имя Юшелбан, вторым — имя его племянника Турунца, а третьим — имя Мойкан и имена трех его сыновей. Юшелбан платил ясак в течение 40 лет, а Мойкан — 30 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 59 об.— 60). Вероятно, этот Мойкан и был основателем патронимии, именовавшейся в ясачных источниках родом. Эвенкийское *мойка* — «годовалый олень» (ТМС, т. 1, с. 543). Не исключено, что Мойкан принадлежал к роду Чемдаль. Дело в том, что аналогичное имя — Мойкан — носил в 1682 г. шестилетний сын тунгуса Укула из рода «Целбуяна», приписанного к Тетерскому зимовью на Подкаменной Тунгуске (Там же, л. 158).

Исчезновение Мойканова рода после 1682 г. можно связать с его причислением к административному роду Хамерин. Первыми в списке членов последнего от начала XVIII в. стоят имена: Кайвода Мойканов, Танкуль Мойканов и Дзелинга Мойканов (*Окладников*, 1968, с. 102).

Род Салаткин (Шалаткин) в XVIII в. тоже сильно сократился в численности, а после 1765 г. вообще перестал упоминаться в ясачной документации. В материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг. имеются сведения о 42 семьях эвенков Катангского р-на, носивших фамилию Салаткин. Салаткины относили себя к различным родам, но преимущественно к роду Лонтогир (см. таблицу⁶⁰).

Большинство Салаткиных концентрировалось в Преображенской и Токминской территориальных группировках. В середине 1930-х годов Салаткины составляли основную массу эвенкийского населения ППО «Новая жизнь» на р. Непа (ПМ, 1966, № 2, л. 138 об. — 139).

Обращает на себя внимание большое количество русских имен и прозвищ в этом роде (1682 г.): Богдашка, Брюхан, Глухой, Гриша, Микаул (Михаил). Имя одного из эвенков было Лучекан (Там же, л. 74 об.— 79); оно образовано от эвенкийского *луча* — «русский».

Название «Салаткин» было, без сомнения, образовано ясачными сборщиками от имени Саладка, которое стоит первым в списке

рода. К тому времени Саладка был уже стар: он платил ясак в течение 45 лет (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 74 об.). Его имя мало походит на тунгусские имена. Возможно, оно принадлежит тому аборигенному населению, которое ассимилировали шилигирсы-момогиры. В материалах Катангской экспедиции 1935—1936 гг. отмечается, что «Салаткинский род» в прошлом занимал территорию не только по Нижней Тунгуске, но и по Лене, до устья Витима, а также «и большую часть р. Вилюя». «Начавшееся освоение края якутами отеснило эвенков от Вилюя на запад» (ПМ, 1966, № 2, л. 132 об.).

Отметим, что в советское время из Салаткиных вышло большое число представителей эвенкийской национальной интеллигенции, работавшей главным образом в Эвенкийском автономном округе.

Переходя к рассмотрению рода «Товужирцы и Тугошары» переписи 1682 г., сразу же поясним, что его двойное наименование основывалось на двух разных транскрипциях или даже произношениях самими эвенками этнонима Тугочер. Это было название весьма древнего рода тунгусов, дислоцированного в XVII в. и позже преимущественно в восточной половине тунгусского ареала. Наиболее раннее упоминание данного рода на Нижней Тунгуске относится к 1645 г., когда он был назван «родом Товужирцы» (Долгих, 1960, с. 167). Вероятно, это была та группа тугочеров — переселенцев с востока, которую под названием «тушаконцев» (7 ясачных плательщиков) в середине 1630-х годов объясачил сибирский атаман Иван Галкин на Нюе — левом притоке Лены между устьями Витима и Олекмы (МИЯ, с. 19). Имя одного из «тушаконцев» Укил — напоминает имя Окиул в списке рода «Товужирцы и Тугошары» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 83). Группа «тугошаров», вероятно, прибыла на Нижнюю Тунгуску позднее.

После 1682 года интересующий нас род был приписан к сборной группе плательщиков ясака, именовавшейся родом Хамерин. На это указывают следующие факты: в списке рода «Товужирцы и Тугошары» 1682 г. первым указан тунгус Китервий, а в списке рода Хамерин, составленном двадцатью годами позднее, указаны тунгусы Хоругол, Куныга и Манырча Китервины (Окладников, 1968, с. 102, примеч.).

Потомки курейских тугошаров были выявлены в 1926—1927 гг. среди Салаткиных, относивших себя к роду «Тугочаль». Таковых оказалось 5 семей (см. выше). Кроме того, 4 семьи Салаткиных (18 человек, без оленей), относивших себя к роду «Туочаль», были обнаружены на правобережье Лены в составе Мамско-Чуйской группировки (Долгих, 1946, л. 610—614). В других источниках того времени род Тугочаль именуется «Тувашол» и «Тувожир». О «тувашалах» Токминского тузсовета сообщается, в частности, что они в 1928—1929 гг. жили в местности Поймыга, где насчитывали 10 чел., имели дома, держали лошадей и коров (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 108 об.)⁶⁹. Современные токминские эвенки не помнят о таком роде.

Род Хамерин был, как помнит читатель, впервые упомянут у той части курейских эвенков, которая в начале XVIII в. бежала в Илимский у. В 1735 г. тот же род, как мы думаем, именовался «Амеровшин». В его списке указано имя Чюронца (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 509, № 10, л. 26). Вероятно, это был тот самый эвенк, который в начале XVIII в. под именем Чоронца значился среди подростков рода Хамерин (Окладников, 1968, с. 102, примеч.). В материалах ясачной ревизии 1765 г. интересующая нас группа эвенков именовалась родом «Немировшин» (см. выше). Позднее она не упоминалась.

Названия «Хамерин», «Амеровшин» и «Немировшин» кажутся восходящими к одному и тому же имени, которое, видимо, произносилось эвенками не всегда одинаково. Таким именем могло быть, например, Омиро. Это имя в материалах ясачной ревизии 1765 г. принадлежит старшине той группы кондогирских эвенков, которую возглавлял князец Кутани, или Кутаний (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 149). Б. О. Долгих придерживался той же последовательности транскрипций: Хамерин→Амеровшин→Немировшин, но удлинял эту цепочку спереди следующим образом: Мучугир→Мойканов→Хамерин (1960, с. 170). Вероятно, он исходил из того факта, что фамилия Черончин, образованная от имени Черонца или Чоронца (Чуронца), принадлежала в 1926—1927 гг. большинству мучугиров Катангского р-на (Долгих, 1946, л. 607, 611). С этим трудно не согласиться. Некоторое сомнение вызывает только род Майканов (Мойканов) как звено той же цепочки между родами Мучугир и Хамерин. Но нужно иметь в виду, что род Хамерин представлял собой чисто административное образование, в которое, кроме мучугиров, входили и тугочеры («тугочали»).

Род Лонтогир до 1920-х годов не упоминался на Нижней Тунгуске. А. Ф. Анисимов считал его составной частью «племени» Чемдаль (Анисимов, с. 117), а Г. М. Василевич связывала его происхождение «с районом низовий Витима и родом Чилчегир» (Василевич, 1972а, с. 225), т. е. Чильчагир. Рассмотрим некоторые данные, имеющие отношение к этнониму Лонтогир. В середине XVII в. один из вилюйских эвенков из рода Мургат (Нюрмаган) носил имя Лимчигиря (МИЯ, с. 148), весьма созвучное интересующему нас этнониму. Тогда же на Амуре, возле устья Уссури, существовал Лунтигирский улус дючеров, а в действительности, по-видимому, мигрировавших туда с севера тунгусов. Интересно, что рядом с названным улусом находился улус Корчиев (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, л. 520, л. 3, об. — 4), название которого сопоставимо с эвенкийским обозначением баргузинских баргутов — *корчин*. Тот же этноним в форме *корчун* прилагался в XVII в. русскими к прибайкальским баргутам — выходцам с Баргузина (см. главу 1). С теми и другими эвенки довольно активно контактировали.

Приведенные сведения позволяют рассматривать лонтогиров как один из весьма древних тунгусских родов, который к приходу русских существовал в виде нескольких малочисленных локальных групп, разбросанных на большой территории. Нижнетунгусские лон-

тогиры были, судя по всему, причислены ясачной администрацией к роду Саладкин, что и определяло весьма значительную численность последнего в 1682 г.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. обнаружила лонтогиров в четырех территориальных группировках: Комовской (в междуречье Ангара и Подкаменной Тунгуски), Усть-Илимпейской и Преображенской (на Нижней Тунгуске), Верхнетунгурской (на верхней Лене). Всего оказалось 28 семей (102 человека) при 51 олене. Большинство лонтогиров находилось в Преображенской группировке: 21 семья (81 человек) с 45 оленями. Все они носили фамилию Салаткин (*Долгих*, 1946, л. 511, 594, 606, 622).

Малое количество оленей у лонтогиров служит, как нам кажется, косвенным свидетельством их прихода на Нижнюю Тунгуску с юга — с Байкала и верхней Лены, где условия для оленеводства певажные. Этноним Лонтогир можно объяснить из эвенкийского *лэнтэкэ*, *лэнтэкэн* — «высота», «гора»; (ТМС, т. 1, с. 517, эвенкийское *лонтэ* — «орел» (РЭС, с. 354) — вероятно, горный

* * *

Теперь обратимся к обозрению более поздних этнонимических групп курейского субрегиона, выявленных главным образом в 1920-х годах. Сразу же отметим, что целый ряд приведенных в нашей таблице родов (см. выше) мы уже рассматривали в других главах и разделах настоящей работы. Мы имеем в виду роды Момоль, Чимдягир (Чемдаль), Тонмогир (Денмагир), Коршиль (Корчи), Путугир и Хайкогир (Хайкогир). Исключив названные роды и добавив некоторые другие группы, упоминавшиеся в советских источниках, мы получаем следующий список этнонимических групп, подлежащих рассмотрению в этой части раздела: Борунди, Бунаир, Вакувагир, Воягир, Конгнокогир (Канкаир), Кумчул (Кунчуллар), Мугдокоир, Серенр (Чурнер), Симакаир (Хеникаир), Талигир (Талиель), Ургатыль (Руготи), Хангнадагир, Чамкаир, Чуракаир.

Начнем с Борунди. В материалах, относящихся к Катангскому р-ну периода 1928—1929 гг., в которых мы обнаружили список местных эвенкийских родов, и среди них Борунди, отмечается, что эвенки Верхнекатангского тузсовета лет 15 тому назад охотились по речкам Болваненка, Инейка, Бурунда и др. (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106—108). Вероятно, Борунди есть производное от гидронима Бурунда. Ясно, что эвенки-борунди не составляли отдельного рода. В тех же материалах прямо сказано, что «туземцы не кочуют родами» (Там же, л. 106 об.). Перевод слов «Борунди» или «Бурунда» с эвенкийского на русский затруднителен. Токминские эвенки слышат в этих названиях «что-то якутское» (ПМ, 1966, № 2, л. 150).

Род Бунаир называла в составе токминских эвенков Г. М. Василевич (1930, с. 30). В материалах Приполярной переписи такой род отсутствует. Во время нашей полевой работы в Катангском

р-не мы также не смогли получить от эвенков информации об этом роде.

В ответ на наш запрос относительно возможности существования подобного эвенкийского этнонима сахалинский эвенк С. А. Наденн предложил его реконструкцию в форме Бурнагир (письмо к автору). Род с таким названием упоминался в XVII в. у тунгусов Виллюя. Тамошних бурнагиров (упомянутых единственный раз) мы сопоставляем с «мургатами», или нюрмаганами (см. главу 5). Вот, вероятно, нюрмаганов и следует видеть в бунаирах Г. М. Василевич.

Род Вакувагир в числе 6 человек (1 семья) был зарегистрирован в Преображенской территориальной группировке. Фамилия этой семьи была Салаткин (*Долгих*, 1946, л. 607). Вероятно, тот же этноним был записан в 1920-х годах у эвенков Верхнекатангского и Токминского тузовостов в форме Лаквагир (ГАИО, ф. 1463, оп. 1, д. 23, л. 106). Ранее данный этноним не был известен. Г. М. Василевич связывала название Вакувагир с группой гидронимов: Вакунайка — правый приток Чоны, Окунайка — правый приток Киренги, а также Вакунайка (или Окунайка) в системе Таймуры — левого притока Нижней Тунгуски. По его мнению, Вакувагир было названием эвенков, составлявших остаток древнего рода, некогда обитавшего в районе верхней Лены (*Василевич*, 1972, с. 224). Мы склонны сопоставлять Вакувагир с этнонимом эвенков Северного Забайкалья Вакарай (XVII в.). На эту возможность указывает, как нам кажется, наличие фамилии Вакорин у токминских эвенков в 1920-х и 1930-х годах (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 439, л. 8; ПМ, 1966, № 2, л. 139 об. — 140 об.). Наши информаторы неуверенно относили представителей этой фамилии то к роду Хайкор, то к роду Чимасель⁷⁹. О вероятной миграции части вакараев из Северного Забайкалья мы уже говорили во втором разделе настоящей главы. В этой связи гидроним Вакунайка (эвенкийское *Вакунай*) можно рассматривать как отражение этнонима Вакарай.

Род Воягир (Ваягир, Ваяир, Вояно, Буяир) в виде отдельных его представителей встречался в 1920-х годах как в Катангском, так и в Усть-Кутском районах Иркутской обл. Г. М. Василевич в 1925 г. обнаружила 3 семьи «вояиров» на р. Непе, но раньше они проживали на р. Кута (ААН, ф. 250, оп. 5, д. 16, л. 3). Этноним Воягир — не что иное, как фонетический вариант широко известного у тунгусов этнонима Баягир.

Род Конгнокогир тоже упоминается только с 1920-х годов. Его представители были выявлены Приполярной переписью в двух группировках: Токминской — 8 семей, 38 человек, 158 оленей и Мурской (Шиткинский р-н Иркутской обл.) — 1 семья, 4 человека, без оленей. Все конгнокогиры носили фамилию Шароглазов (*Долгих*, 1946, л. 589, 610—611).

В 80-х годах прошлого века фамилия Шароглазов (или Сероглазов) часто упоминается в делах Нижнеилимской инородческой управы, причем преимущественно у «бродячих инородцев» (ГЛИО,

ф. 461, оп. 1, д. 11, л. 16 об.). Районом кочевания Шароглазовых была, вероятно, территория между верхними течениями Илмы и Лены. По сообщению Г. М. Василевич, непские конгнокогиры (Токминская группировка) в середине XIX в. кочевали по рекам Кута и Киренга. Позднее два брата-конгнокогира переселились с Киренги в верховья Тетери (Тэтэрэ) и в другие места (ААН, ф. 135, оп. 2, д. 75, л. 15) на Подкаменной Тунгуске. По нашим данным, в пос. Пури на Куте (в 20 км от русской д. Максимова) Шароглазовы жили еще в середине 1960-х годов (ПМ, 1966, № 2, л. 149 об.). Вероятно, тот же род под названием Канкаир упоминается в 1928—1929 гг. в списках Верхнекатангского и Токминского тузоветов (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106).

По нашему мнению, конгнокогиры — отпрыски чапагиров. На это указывает вышеназванная фамилия Шароглазов, образованная от имени или прозвища Шароглаз. Такое имя принадлежало в начале XVIII в. илимскому или верхнеленскому эвенку Шароглазу Болтуринову, который был переводчиком при допросе властями курейских эвенков, мигрировавших в Илимский у. (*Шерстобоев*, т. 1, с. 562). Фамилия Болтуринов образована от имени чапагирского князя Болтурина (Балтурина), жившего на Ангаре в XVII в. (см. главу 2). О том же свидетельствует и фамилия Барнаулев, которая в 1930-х годах принадлежала двум эвенкам Токминской группировки. Наши информаторы относили Барнаулевых к роду Чимаель (Чемдаль) (ПМ, 1966, № 2, л. 139 об.—140), который, как мы знаем, составляет часть чапагиров (см. главу 3). В качестве возможной смысловой основы этнонима Конгнокогир можно указать на эвенкийское *конноко* — «окрашивать в черный цвет» (ТМС, т. 1, с. 413).

Род Кумчул упоминался в 1928—1929 гг. у эвенков южной части Катангского р-на. О его членах сообщалось, что их 16 чел., они имеют дома, держат лошадей и коров, ведут полуседлую жизнь (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106—108 об.). Г. М. Василевич зафиксировала тот же род в транскрипции Кунчуллитр (1930, с. 30).

Из эвенкийского языка этноним Кумчул (или Кунчуллитр) не объясняется. Мы полагаем, что он (в обоих его вариантах) представляет собой искажение прибайкальского этнонима Камчагир (см. главу 1).

В роде Мугдокир можно, по-видимому, усматривать часть чильчагиров Северного Байкала, у которых нами была зафиксирована территориально-экзогамная группа Мугдэсаган. Чильчагиры-мугдэсаны были хорошо обеспечены оленями (ПМ, 1961, № 1, л. 92) и в своих кочевках доходили до рек Чуя и Мама, где соприкасались с западными эвенками (из Мамско-Чуйской группировки). В составе последней Приполярная перепись 1926—1927 гг. указала четыре семьи чильчагиров — 21 человек с 40 оленями (*Долгих*, 1946, л. 613). Брачные связи этих чильчагиров, надо думать, и привели некоторых из них в верховья Нижней Тунгуски. Г. М. Василевич записала данный род под названием Бугдокир. В 1925 г.

как она пишет, на р. Непе проживали три семьи букдокоиров (ААН, ф. 250, оп. 5, д. 16, л. 3).

Род Серсир (он же, вероятно, и Чурнер) указан в списке родов Верхнекатангского и Токминского тузсоветов за 1928—1929 гг. (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106). Современные эвенки не помнят такого рода; в его названии им слышится что-то якутское (ПМ, 1966, № 2, л. 150). Поэтому мы склонны считать этнонимы Серсир и Чурнер не совсем удачными транскрипциями гипотетического этнонима Чурагир или Чурогир, о котором мы говорим ниже при рассмотрении рода Чуракаир.

Род Симакair, вероятно, то же самое, что и род Хеникаир вышеуказанного списка. Токминские эвенки также не помнят таких этнонимов. Между тем транскрипция Хеникаир близка к названию Хенкегорского рода у прибайкальских эвенков, упоминавшегося в 1735 г. (см. главу 1). Возможно поэтому, что симакair ~ хеникаир являются выходцами из Прибайкалья.

Род Талигир (также Талиер, Талиел) жил в 1920-х годах на Непе. Там он был зафиксирован Г. М. Василевич (ААН, ф. 250, оп. 5, д. 16, л. 3). Б. О. Долгих относил его к усольским эвенкам верхней Лены (1946, л. 611). Однако наш информатор из пос. Токма Н. П. Черончин указал, что прежним местожительством талиев была р. Чула — правый приток Подкаменной Тунгуски в ее верховьях (ПМ, 1966, № 2, л. 150).

В главе 1 нам приходилось отмечать, что родовой этноним XVII в. Лалигир иногда произносился эвенками и писался русскими как Ладагир. В XIX в. он писался также как Далыгир (*Шимкевич*, с. 12; *Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 112). Нетрудно заметить, что к транскрипции Далыгир близко название интересующего нас рода Талигар. В связи с этим естественно полагать в талигарах потомков прибайкальских ладагиров ~ лалигиров. Несколько эвенков, относивших себя к родам Далигир и Талигир, выявил среди современных баунтовских и тунгиро-олекминских эвенков в Северном Забайкалье А. С. Шубин (*Шубин*, с. 57, 75).

Род Ургатыль материалов Приполярной переписи идентичен роду Руготи списка 1928—1929 гг. Члены этого рода, судя по всему, представляли собой потомков вилюйских «мургатов», или «урготов», т. е. нурмаганов (см. главу 5). Чонские нурмаганы («ургатыли») фактически представляли собой обьякученных эвенков. В материалах экспедиции Сибкрайзу на Нижнюю Тунгуску (1928 г.) они по этой причине именовались чонскими якутами. Свой род они называли Бронат (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 372, л. 3). Отнесение себя частью курейских Бояршиных к ургатылям можно объяснять их взаимными браками.

Род Хангнадагир именовался в 1920-х годах также Хонгадаир и Хангадагир. Его представители были обитателями Верхнекатангского и Токминского тузсоветов; жили они и на выселке Рассоха в местности Поймыга (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106; ф. 2375, оп. 1, д. 38, л. 10). Г. М. Василевич писала о «хангадаирах», что в 1925 г. они в числе 14 семей жили на Непе (ААН, ф. 250,

оп. 5, д. 16, л. 3), а их фамилия была Давыдкины (Василевич, 1972, с. 224). Однако, по нашим данным, эта фамилия принадлежала мугдокирам (ПМ, 1966, № 2, л. 139 об.). Приполярная перепись, как мы знаем, указала всего семь семей хангнадагиров; их фамилия была Салаткин (Долгих, 1946, л. 609—611). О происхождении рода Хангнадагир нам ничего не известно. Вероятно, его члены — выходцы из Прибайкалья. Этноним можно объяснить от эвенкийского *ханнга* — «кисть руки», «ступня» (ЭРС, с. 469).

Род Чамкаир был указан в списке эвенкийских родов Верхнекатангского и Токминского тузоветов (1928—1929 гг.). Никаких подробностей об этом роде не приведено (ГАИО, ф. 1468, оп. 1, д. 23, л. 106). Мы полагаем, что речь идет о потомках прибайкальского рода Камчагир. Поэтому нельзя исключать того, что сведения, приведенные в указанном источнике о кумчулах (кунчуллинах), должны относиться и к чамкаирам. Искажение этнонима Камчагир в обоих случаях указывает на далеко зашедший процесс ассимиляции этих двух эвенков русскими, а, возможно, и бурятами.

Род Чуракаир в 1920-х годах указывался у части эвенков, живших на стойбище (или выселке) Рассоха, неподалеку от Киренска. Как уже отмечалось, тамошние эвенки жили оседло и занимались крестьянским хозяйством (Там же, л. 108 об.). Б. О. Долгих отмечал, что в прошлом чуракаиры принадлежали к Киренско-Хандинской вол. Прибайкалья (1946, л. 611). Однако в известных нам источниках чуракаиры не упоминаются, если только их не считать потомками рода «Чибакир», который в числе других около середины XVIII в. платил ясак в Верхоленинский острог (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 511, ч. 1, № 7, л. 8) ⁷¹. В роде «Чибакир» можно усматривать ветвь момогиров, родоначальником которой являлся эвенк Чюбака. В 1663 г. эвенки «Маугирского» рода Чюбака и Гордига, двигавшиеся с сородичами верхом на оленях с Нижней Тунгуски на Лену, были задержаны «на Чечуйском волоке» приказным человеком Семеном Епишевым, поскольку у них не оказалось расписки об уплате ясака в Курейском зимовье (КПМГЯ, с. 105). С другой стороны, нельзя исключать того, что этноним Чуракаир — производное от гидронима Чура или Чуро. Рска Чурѣ — один из верхних правых притоков р. Верхняя Ангара в Северном Забайкалье; там кочевали представители местных родов Киндигир и Чильчагир. Поэтому наша вторая версия происхождения рода Чуракаир сводится к предположению, что в нем можно усматривать гипотетический род Чурофир, представлявший собой ветвь либо киндигиров, либо чильчагиров. Промежуточная частица *-ка-*, вставленная в этноним Чуракир, может указывать на то, что чуракаиры представляли собой отселившуюся часть чурофир.

Межэтнические связи эвенков Нижней Тунгуски и особенности их традиционной культуры

Энецкий фольклор рисует первоначальные контакты самодийцев с эвенками Нижней Тунгуски как враждебные. Схватки предков энцев — туруханских и хантайских «самоедов» — с тунгусами отражены в целом ряде энецких преданий (МСИПЭ. с. 96—114, 117—124, 151—169). Однако к приходу русских отношения местных эвенков с «самоедами» были вполне мирными и добрососедскими. В результате на Енисее — в районе устья Нижней Тунгуски и к северу от него — образовалась контактная группа населения, которую К. М. Рычков, слышавший местный эвенкийский фольклор, именовал «самоедским племенем» Улыдга (Рычков, 1917, с. 10). Название этого «племени» — тунгусское: оно образовано от эвенкийского *улды-ми, хулды-ми* — «шить», «прошить кожу ниткой • сажей» (ЭРС, с. 438, 493). Таким образом, *улдыга* означает «шитолитых» — татуированных людей. Судя по всему, они говорили на самодийском языке.

Рычков писал, что «туруханские тунгусы» различают в своей истории периоды: 1) «байетыл» (антропофагии)⁷²; 2) «чацытыл» (анархии и разбоя)⁷³; 3) эпоху появления русских. Это означает, что первые два периода имели место до XVII в.

В период «антропофагии» свои передвижения по земле эти тунгусы совершали пешком. Зимой они передвигались на лыжах, детей и поклажу несли на себе. Пищу в большинстве случаев употребляли в сыром виде. Основным материалом для орудий служил камень. В период «анархии» у тунгусов появились большие стада оленей, поэтому тунгусы начали сооружать более вместительные чумы, причем два основных шеста-*ирука* (из каркаса) они, подобно эвенкам, не бросали во время перекочевки, а увозили с собой (Там же, с. 7). Остается не совсем ясным, от кого эти тунгусы получили оленей. Скорее всего, они захватили их силой у появившихся на правобережье нижнего Енисея в первой половине XVII в. долганов и эдянов.

Рычков писал, что «туруханские тунгусы» выделяются уплощенной верхней частью «объемистой головы», «слабым сложением, малым ростом, также малыми руками и ногами... и гораздо большей смуглотой» по сравнению с северо-восточными тунгусами Таймыра (т. е., очевидно, долганами). Последние характеризуются «средним ростом, крепким телосложением, имеют довольно прямой, короткий нос, узкие, но прорезанные почти прямо глаза, большой рот, широкие скулы... цвет их лица и кожи светлее» (Там же, с. 137)⁷⁴. Таким образом, Рычков описал открытый позднее Г. Ф. Дебецом катангский антропологический тип эвенков, характерный для региона Нижней Тунгуски и северной части Обь-Ени-

сейского региона. Основные особенности этого типа — значительная степень пигментации и «низкое» лицо.

М. Г. Левин предположительно связывал данный тип с дотунгусским населением Средней Сибири, где эвенки были «сравнительно поздними пришельцами» (Левин, 1958, с. 198). В этом дотунгусском населении мы склонны усматривать селькупов, на антропологический тип которых, без сомнения, сильное влияние оказали кеты и другие кетоязычные племена. Подкреплением такого предположения может служить характеристика туруханских селькупов, принадлежащая Г. Н. Прокофьеву: «черноглазый, черноволосый, с очень смуглой кожей» и слабо выраженной монголоидностью. Тот же тип, по Прокофьеву, «очень характерен для енисейцев-кетов» (Прокофьев, 1928, с. 99).

В русских источниках XVII—XVIII вв. о «племени» Ульдыга нет никаких сообщений. Скорее всего, данный этноним служил у местных эвенков общим обозначением смешанного тунгусо-самодийского или самодийско-тунгусского населения. Одной из групп такого населения был зафиксированный ясачной переписью 1682 г. «Род Чичангуры» у «летних» тунгусов (см. второй раздел).

К числу вероятных групп самодийско-тунгусского происхождения можно отнести энецкий род Бай, основателей которого Б. О. Долгих считал тунгусами-баягирами (Долгих, 1970, с. 212—218). «Род Моторин», выявленный у хантайских «самоедов» ясачной ревизией 1765 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 35), вероятно, обязан своим происхождением и названием тунгусу по имени Мотора. Такое имя было весьма распространено у эвенков и эвенов в XVII—XVIII вв. Явно тунгусские имена Елуга и Берауль встречаются в списке «Рода Оловин» у тех же «самоедов» в материалах ясачной ревизии 1782 г. (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 109). О вероятном участии эвенков рода Шалдагир в образовании рода Солдуев, или Солтов, у «самоедов» Авамской вол. мы говорили выше при рассмотрении этнонимического состава туружских и илимпийских тунгусов.

В материалах Сибирского Комитета (1820-е годы) «тунгусы» и «самоеды» упоминаются как обитатели Нижнечумской, Карасинской и Хантайской волостей. На их этническое смешение указывают следующие ремарки в делах Комитета: «Тунгусы. Они же под именем самоедей», «Тунгусы. Они же и самоеди» (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 266, л. 173 об.). Согласно С. К. Патканову, «самоеды» встречались среди тунгусов Нижней Тунгуски, Курейки и Хантайки еще в конце прошлого века (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 163—164).

Довольно многочисленное тунгусо-самодийское население существовало в XVII в. и в более верхнем течении Нижней Тунгуски. Мы имеем в виду так называемых буляшей, нюрумнялей и ваяндов русских источников того времени. О буляшах как об особом народе к востоку от енисейских тунгусов писал еще английский торговый агент Ричард Финч. В своих заметках, относящихся к 1611—1616 гг., он сообщал: «Далее (за тунгусами на Енисее и Ниж-

ней Тунгуске. — В. Т.) живет народ, называемый булаши, а за булашами живет народ по имени силахи. Эти народы рассказывают про Большой Енисей и про Малый Енисей» (Алексеев, ч. 1, с. 232). Под силахами в данном случае разумеются шилягирь.

Из сочинения Финча видно, что русские (от которых он, без сомнения, черпал свою информацию) различали буляшей и тунгусов. Это подтверждается следующим документальным фактом. В 1621 г. в Мангазею из Буканского зимовья⁷⁵ служилые люди привезли шестерых буляшей и «полоняную девку родом тидириску»⁷⁶. Она пробыла в плену у буляшей года два «и изучилась у них буляшскому языку». В Мангазее интересовались, «хто умеет [разговаривать] тунгусским и буляшским языком, и девка тидириска... учела говорити самядцким языком, а с аманатчики з буляши, которые оставлены в Мангазеи, — буляшским языком» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 6, л. 456). Несмотря на номинальное различие буляшей и тунгусов в этом документе их языки рассматриваются как весьма близкие, если не одинаковые. Привезенные в Мангазею аманаты-буляши «в роспросе сказывали, что они люди кочевные, а живут на реке на Олене, а та река впала... в большую реку». Численность буляшей на этой реке определялась в 200 взрослых мужчин, т. е. около 800 человек всего населения. Ниже та же река в цитируемом источнике именуется Лин, а о ее населении говорится, что буляши с ними торгуют: продают соболей в обмен на железо. Насколько можно понять, речь идет о якутах: язык у жителей реки Лин с языком буляшей «не сходитца»; кроме того, «избы у них, как у русских людей, и лошади есть», да и одежда — «русская», т. е. видимо, тканая (Там же, л. 188 об.). В документе явно допущена путаница с реками: в реке Оленьей следует видеть Оленек, а в реке Лин, где живут якуты, — Лену. Якуты и сейчас называют Оленек Олён или Элян (ПМ, 1966, № 2, л. 128; 1971, № 1, л. 95 об.)⁷⁷.

Источники 20-х годов XVII в. отмечают совместные выступления тунгусов и буляшей против служилых людей, причем территория, на которой отмечены эти выступления, доходила чуть ли не до Ангары (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 12, л. 484). Вместе с тем отмечались и случаи нападения буляшей на тунгусов. В 1634 г. недобор ясака в Летнем зимовье объяснялся тем, что буляши побили тунгусов рода Сентей. Около 1636 г. буляши убили еще четверых тунгусов этого рода, а около 1638 г. — двух тунгусов рода «Дозан» (Догочагир) в районе Титейского зимовья (Долгих, 1960, с. 153, 157). После 1638 г. буляши не упоминаются в ясачных источниках, но значительно чаще начинают упоминаться ваянды.

Этноним буляши представляет собой русскую транскрипцию эвенкийского термина *булэсэл* *булэшэл* — «враги», от *булэн* — «враг». В свою очередь основой термина «булэн» является эвенкийское *булэ* — «болото», «топь», «трясина» (ТМС, т. 1, с. 109). Вероятно, первоначальное, буквальное значение слова *булэн* — «житель болот» или «житель тундр». Значение «враг» является переносным и более поздним. Исходя из сказанного, можно думать,

что врагами тунгусы называли недружественных им аборигенов-рыболовов Северной Сибири. Хотя к приходу русских тунгусы успели ассимилировать большую часть этих аборигенов, традиция именовать их врагами, по-видимому, еще сохранялась. Она была перенесена и на некоторые группы смешанного тунгусо-аборигенного населения, которые по характеру языка или культуры заметно отличались от тунгусов. Таким образом, по своему содержанию термин *булэн* совпадает с более южным термином *чангит*.

Термин *булэн* бытовал в XVII—XVIII вв. на весьма широкой территории расселения тунгусов. В приведенном у Я. Линденау словарики говора удских тунгусов Охотского побережья понятие «враг» передано словом *булашти*, т. е. фактически тем же русским словом «буляши». В словарики языка охотских ламутов (эвенов) то же понятие им передано эвенским словом *буллин* (АЯФ. ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 86, 187)⁷⁸. Тем же термином современные охотские эвенки и эвены обозначают юкагиров: первые для этой цели употребляют слово *булэн*, вторые — *булун* или *булюн* (ПМ, 1969, № 1, л. 37, об., 41 об.).

Эвенская форма *булун* (*булюн*) закреплена в топонимике почти всей северной Якутии с выходом в северную часть Охотского побережья. В самом деле: р. Булун — левый приток Анабары (ААН, раз. IV, оп. 10, д. 78)⁷⁹, пос. Булун — на западном берегу Лены, выше устья Алдана (Материалы Комиссии по изучению Якутской автономной социалистической республики); р. Булун — впадает в Охотское море к юго-востоку от мыса Островного (ГАМО, ф. В-85, д. 14), и т. д.

Об этносоциальной структуре буляшей можно составить некоторое представление путем анализа отдельных записей о приеме с них ясака. В ясачной ведомости 1626 г. под общим заголовком «буляши» указаны две группы тунгусов: «юрильцы» — 80 ясачных плательщиков и «елижан» — 6 ясачных плательщиков. Ниже подведен итог: «Всего с буляшей...» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 28 об.). «Юрильцы» — это нюрумнялы, «елижан» — иологиры. Таким образом, этноним буляши служил обозначением неоднородной по составу группы, включавшей по крайней мере иологиры и нюрумнялей. Иологиры нам довольно хорошо известны; обратимся к рассмотрению нюрумнялей.

Название Нюрумняль не похоже на традиционные обозначения эвенкийских родов. Объяснение его средствами тунгусской лексики затруднительно. Поэтому более перспективно искать ему соответствие в сфере топонимики. На правобережье нижнего Енисея наше внимание привлекают названия Норильских озер и порога Нерома в дельте р. Верхняя Таймура (впадает в оз. Таймыр). На Вилюе созвучные гидронимы — р. Нюрунга — его правый приток, а также оз. Нюрба⁸⁰. Но больше всего подобные гидронимы встречаются к западу от Енисея: р. Нарым — правый приток Оби; р. Нарыльки — правый приток Таза; оз. Норе-то — к северу от нижнего течения Кети; р. Нюрга — левый приток Чаи, которая являет-

ся левым притоком Томи. р. Нюриль-теби-кыкке — впадает в оз. Панкырль-то на правобережье Кети; р. Нюролька — правый приток Васюгана, вытекающая из оз. Нюрильское (Нюрылсы), и т. д.

Все вышеперечисленные топонимы — самодийские. «Название Нарым, которое первоначально чаще выговаривалось Нерым, означало на языке сургутских остяков (селькупов. — В. Т.) болотную местность, и потому сургутские остяки называют нарымских остяков (тоже селькупов. — В. Т.) Норым или Норынг-ях», — писал Г. Ф. Миллер (т. I, с. 302). Согласно Г. И. Пелих, аналогичное название — *нерум-ни* — по отношению к селькупам нижнего Васюгана и прилегающей части Оби употребляли ханты (Пелих, 1962, с. 179). Как видим, налицо почти полное совпадение этнонимов *нерум-ни* и Нюрумняль (ед. число — *нюрумня*). Поэтому нельзя исключать того, что нюрумняли Нижней Тунгуски — это ассимилированные эвенками селькупы.

В челобитной служилых людей Ивана Куракина и Ивана Булыгина (около 1624 г.) сообщается, что «против песицкого устья на море есть остров, от устья верстах в петинатцети..., а люди на нем живут ростом невелики, называют их няромзою... и те-де людшка, для своей худобы, от русских людей бегают» (РИБ, с. 1059—1060). Здесь «Песида» — это р. Пясины, а «няромза» — это, судя по всему, самодийские предки нюрумнялей Нижней Тунгуски.

Этническое смешение тунгусов с самодийцами, приведшее к формированию контактной группы нюрумнялей, относится к периоду до XVII в.: в первоначальную территорию расселения последних входил и бассейн Вилюя. Еще во времена Я. Линденау (40-е годы XVIII в.) среди якутов бытовало предание, согласно которому во время своего заселения Вилюя они встретили там тунгусов, принадлежавших к родам «Джурумджал» (Нюрумняль) и «Мамагир» (Момогир). Якуты поладили с ними, купив у них землю в районе Тоибского озера в обмен на «женщину со всей праздничной одеждой и 20 кобылиц» (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 99)⁸¹.

Предания, записанные Г. В. Ксенофоновым в 1923—1924 гг. от эвенков «Илимпейской тундры», рисуют нюрумнялей как агрессивную и довольно многочисленную группу (они жили в 150 чумах). «Витязи» нюрумнялей Джупкуур и Чаатыр⁸² силой подчинили себе сородичей, воспретили им убивать людей и научили делать запасы пищи. Оба «витязя» приняли российское подданство и побудили сородичей платить ясак московскому царю (Ксенофонов, 1937, с. 534—535).

В тесной связи с нюрумнялями в источниках упоминаются баягиры и кондогиры. Одна из записей в ясачной книге за 1625 г. гласит, что 24 «баягирица» уплатили ясак на Нижней Тунгуске. «Да они ж платили за боягирицов роду Юрильцова, за 27 человек, по 3 соболю» (Долгих, 1960, с. 160). Что касается кондогиров, то из приведенных нами в предыдущих разделах настоящей главы сведений видно, что ареалы нюрумнялей и кондогиров до некоторой степени совпадали. Есть известие даже о фактическом совпадении — в прошлом — нюрумнялей и кондогиров. Эвенк Павел Баяки из пос.

Полигус на Подкаменной Тунгуске говорил Г. М. Василевич: «Кунгногиры (кондогиры.— В. Т.) раньше были нюрумняями» (ИФЭ, с. 381).

Выше нами было показано, что во второй половине 1640-х годов численность нижнетунгусских нюрумнялей резко понизилась. Большинство их перешло в район оз. Есей, однако там их численность была несравненно меньшей, чем на Нижней Тунгуске⁸³. Таким образом, судьба нюрумнялей похожа на судьбу буляшей. Но, вместе с тем, если о буляшах во второй половине XVII в. нет никаких упоминаний, то нюрумняли продолжали упоминаться и на Северо-Западе (см. главу 5), и в регионе Нижней Тунгуски до конца XVIII в. Об этом, в частности, свидетельствует предписание, которое в 1794 г. получил сержант Степан Попов, следовавший с топографическим заданием от р. Оленек до границ Туруханского края, т. е., видимо, до устья р. Илимпии в регионе Нижней Тунгуски. Ему предлагалось интересоваться «Туруханского ведомства народами, именующимися журумжалъцами, которые и самоедами почитаются». Ниже в том же документе встречаем слова: «самоедов, именующихся журумжалъскими тунгусами» (Стрелов, с. 273).

Теперь обратимся к ваяндам. Название этой группы, по-видимому, имеет тунгусское происхождение. Сахалинский эвенк С. А. Надеин сопоставлял этноним Ваянд с эвенкийским *ванядял* — «пришедшие убивать» (письмо к автору). Отбросив от приведенного термина окончание -ял (признак множественности), мы как раз и получаем этноним Ваянд. На близость ваяндов к нюрумнялям указывает следующий документальный факт: в 1625 г. «юрильцы» (нюрумняли) заплатили ясак за 16 «вонодырцев» (ААН. ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 25). Подобно буляшам и нюрумнялям, ваянды находились в тесной связи с баягирами. Уже первый список есейских ваяндов, датированный 1634 г. и состоявший всего из шести имен, оканчивался словами: «баягирец Ялкига» (Долгих, 1952б, с. 25). В списке шести «родов» ваяндов Есея за 1682 г. один из них носит название «Юегин». В этом названии естественно усматривать этноним Иологири.

Согласно ясачной переписи 1682 г. есейские ваянды насчитывали 45 чумов, 122 ясачных плательщика, 199 мужчин (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 178—199). Резкое возрастание численности ваяндов могло произойти как за счет их концентрации в районе Есейского зимовья, так и за счет включения в их состав нюрумнялей — выходцев с Нижней Тунгуски. Вместе с отдельно учитывавшимися «Родом Уюрильцы» (14 ясачных плательщиков), а также родами Ковуки (25 ясачных плательщиков), Суханов (28 ясачных плательщиков) и Шалдагир (22 ясачных плательщика), отделившимися, как мы думаем, от нюрумнялей, общая численность ваяндов-нюрумнялей достигала на ту же дату 211 ясачных плательщиков, т. е. приблизительно 840 человек всего населения. Эта цифра близка к численности буляшей за более ранний период XVII в.

Сказанное позволяет достаточно уверенно определять ваядов и нюрумнялей как единую этнографическую группировку смешанного тунгусо-самодийского происхождения. Она представляла собой конгломерат отдельных родов, патронимий и больших семей, разбросанных на довольно значительном пространстве регионов Нижней Тунгуски и Северо-Запада. Те структурные части ваядов~нюрумнялей, которые территориально тяготели к Нижней Тунгуске, скорее всего называли себя по местности, где первоначально обитали их предки; это были собственно нюрумняли. Те же, которые кочевали к северу от указанной реки, по-видимому, имели название или самоназвание Ваяд. Общим объединяющим названием всей этой группировки со стороны соседних групп эвенков было Булэн или, во множественном числе, Булэсэл~Булэшэл, записанное русскими как «буляши». Исчезновение этнонима буляши из ясачной документации в 1630-х годах можно объяснять как распадом буляшей, так и стремлением русских к дифференцированному обозначению отдельных групп плательщиков ясака. Аналогичная судьба постигла позднее также этнонимы Ваяд и Нюрумняль⁸⁴.

Остановимся на этнографической характеристике буляшей (ваядов~нюрумнялей). В 1627 г. мангазейские воеводы Ефим Мышецкий и Андрей Волохов сообщали в Москву о жителях Нижней Тунгуски следующее: «И живут-де вверх Тунгуски-реки многие люди: сыроядцы буляши, и тунгусы, и шелягирцы, и чапагиры, и синегирцы... и называют-де землю и реки своими» (ААН, д. 21, оп. 4, д. 21, л. 102). Здесь наше внимание привлекает определение «сыроядцы»: оно говорит о том, что буляши, подобно самодийцам, употребляли в пищу сырое мясо. Эвенки такого обыкновения не имели. Указывая на эту особенность самодийцев, они обычно используют ее в качестве признака, отличающего их от последних (например, от ненцев).

Еще одна колоритная черта буляшей — татуировка лица. В предании, записанном Г. В. Ксенофонтовым, говорится: «В те времена⁸⁵ будто бы были племена, которые имели на лице прошитое швами изображение оленьего рода. Эти племена почитались врагами. А племена, имевшие на лицах простые швы, считались мирными и дружескими. Народы со швами на лице, говорят, и теперь живут где-то на западе» (1937, с. 517).

Среди зарисовок, сделанных во время путешествия Д. Г. Мессершмидта по Нижней Тунгуске, имеется портрет татуированного тунгуса со среднего течения реки (ниже современного пос. Тура). Судя по портрету, татуировка покрывала все лицо, кроме носа. Лицо обрамляли семь отдельных фрагментов рисунка: один на лбу, два на висках, два на щеках и два на подбородке. В первых пяти фрагментах содержатся по две параллельные линии, а в двух последних (на подбородке) — по одной, с ответвляющимися от них поперечными черточками. Такой рисунок действительно напоминает ряд швов (*Messerschmidt*, Авв. 13).

Как мы помним, русские в начале XVII в. писали о «тунгусском» и «буляшском» языках. Это может указывать на существование у буляшей особого говора, отличавшего их от других тунгусов. В описании верхнего течения р. Вилюй, датированном 1794 г., отмечается, что язык тамошних тунгусов «отличается от обыкновенного произношением слога в себя и не так пространно, однако скоро» (Майнов, с. 10). Может быть, такая особенность, напоминающая эвенский язык, была характерной и для говора рассматриваемой нами группы.

Выделяло буляшей и несоблюдение ими некоторых обязательных для тунгусов обычаев. Речь идет об обмене женщинами, детьми и подарками при заключении мира после войны. Оленекские тунгусы, выходцы с востока Ельдига, Онковул и Панко писали в 1653 г.: «И к нам послали вынадырский тунгус[ы]: придите к нам мирица, что мы в прошлых годах дирались...» При церемонии примирения восточные тунгусы давали своим бывшим противникам «женок, и олени, и куяки, и стрелы, и детей своих», однако те им «против того ничего не дали». «И у нас... так ведеца, что мы сколько даем, и оне против того столько же дают», — заключают свою жалобу Ельдига, Онковул и Панко (КПМГЯ, с. 55). Таким образом, буляши (в данном случае это были ваянды) либо забыли о существовании такого обычая, либо сознательно его игнорировали.

Распад буляшей на более мелкие этнонимические группы происходил главным образом во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Эти группы в виде отдельных молодых родов и патрионимий вошли в состав Илимпейской, Турыжской, Кондогирской ясачных волостей Нижней Тунгуски и Есейской вол. Северо-Запада.

Как мы знаем, баягиры, иологиры и кондогиры не только входили в состав буляшей, но и представляли собой вполне самостоятельные кровнородственные группы (роды). Данное обстоятельство, наряду с отсутствием у буляшей четкой этносоциальной структуры и какого-либо организационного единства, не позволяет нам видеть в них особое племя. Это была этнически смешанная контактная этнографическая группа с тунгусским языком и своеобразной культурой, сочетавшей охоту на диких оленей с рыболовством (в том числе зимним).

К культуре буляшей во многом близка культура чапагиров и других тунгусоязычных групп метисного происхождения. Одни больше внимания уделяли охоте, другие — рыболовству. Отдельные группы имели откровенно каннибальский характер⁸⁶.

* * *

Результаты проведенного в настоящей главе исследования можно суммировать в следующих общих положениях. Придя в регион Нижней Тунгуски, эвенки нашли там аборигенное население (самодийцев), с которыми вступили в контакты. В результате на тер-

ритории региона и к северу от него к XVII в. образовалось несколько этнически смешанных тунгусоязычных групп типа буляшей. Культура таких групп была синкретической — совмещающей тунгусские и аборигенные черты. Некоторые контактные группы, находившиеся возле устья Нижней Тунгуски и к северу от него, были самодийскоязычными.

К XVII в. эвенки Нижней Тунгуски дислоцировались преимущественно в ее верхнем и среднем течении. Начиная с 30-х годов XVII в. часть этих эвенков стала перемещаться на север. Данная миграция привела к тому, что первоначальные обитатели региона — баягиры, нюрумняли, кондогиры, момогиры (шилягиры) — к концу века практически перестали упоминаться на его территории. Их место заняли ранее неизвестные там роды и патронимии эвенков. Часть таких новых родов и патронимий образовалась в результате распада прежних крупных этнонимических групп. Так, от баягиров, по нашему мнению, отпочковались роды Елдагир и Ялтакагир, патронимии Катарэ и Токодо, от нюрумнялей — роды Конар, Оёгир, Хукочар («Суханов»). Шалдагир, а также, может быть, Хирогир и Хутокогир; от момогиров — роды Боярский, Галель и Коненки.

Анализ этносоциальной структуры эвенков региона не дает, как нам кажется, оснований считать племенами образованные русской администрацией объединения эвенкийских родов и патронимий в рамках ясачных волостей и инородческих управ. Основным принципом формирования таких объединений служила взаимная территориальная близость отдельных платежных групп. Поэтому, наряду с группами плательщиков ясака, связанными родством, в волости и управы могли входить и входили посторонние группы эвенков. В этом отношении весьма показательна история Кондогирской управы. Род Кондогир, давший в XVII в. название ясачному зимовью, не входил в XVIII в. в Кондогирскую ясачную волость, а в XIX — начале XX в. — в Кондогирскую инородческую управу. Потомки кондогиров были обнаружены во время Приполярной переписи 1926—1927 гг. в регионе Подкаменной Тунгуски под названием Кунногир или Кунгногир.

Сказанное, разумеется, не снимает вопроса о существовании племен у эвенков в XVII—XVIII вв., а также и на более раннем этапе их истории.

Этнонимическая пестрота, которую мы обнаруживаем у эвенков бывших Курейской и Кондогирских управ в 1920-х годах, порождена теми же причинами, какие были нами указаны в предыдущей главе применительно к эвенкам Подкаменной Тунгуски.

¹ Река Летняя впадает в Нижнюю Тунгуску слева, несколько выше устья ее правого притока — р. Северная. До устья Нижней Тунгуски отсюда считается примерно 90 км. В прошлом Летняя называлась также Нижней Летней, в отличие от Верхней Летней (теперешняя р. Учам).

² Прежде считалось, что в Нижнюю Тунгуску впадает (справа) не Кочечумо, а Турыга (Тура, Туру). В действительности последняя — левый приток Кочечумо.

- ³ Б. О. Долгих помещал Кондогирское зимовье между устьями левых притоков Нижней Тунгуски — Илимпии и Титеи (1960 г., с. 123). Это в общем не противоречит истине, но нужно иметь в виду, что данное зимовье (как и ряд других) не имело постоянного места. Так, в 1735 г. кроме действующего Кондогирского зимовья, расположенного выше устья р. Титея, упоминались три «пустых» Кондогирских зимовья: одно около устьев двух рек «Качишма» (т. е., вероятно, между устьями Нижней и Средней Кочёмы), а два других — ниже первого, ближе к устью р. Илимпия (ЦГАДА, ф. 199, д. 481, № 5, л. 133 об., 166 об.).
- ⁴ В 1735 г. Курейского зимовья уже не было, но указывались три места его существования в прошлом (до сожжения его тунгусами). Последнее по времени Курейское зимовье упоминалось применительно к первой четверти XVIII в. возле «Курейской куры», расположенной в «двух переменах» гребцов выше устья Титеи (Там же, л. 167 об.—169).
- ⁵ В 20-х и 30-х годах XVII в. упоминались, в частности, зимовья «Небуканское (Епканское тоже)», Мезенское, Нижнепендинское, Верхнепендинское (Миллер, 1961, т. 3, л. 99—101, 123).
- ⁶ Конкретные расчеты численности эвенков по субрегионам нами приведены в соответствующих разделах настоящей главы.
- ⁷ О чапагирах мы говорим в третьем, о кондогирах — в пятом, о омогирах и чильчагирах — в шестом разделах главы.
- ⁸ Строительство Троицкого монастыря в устье Нижней Тунгуски было начато в 1657 г. (Миллер, 1961, т. 3, л. 183).
- ⁹ Речь, по-видимому, идет о местности на левом берегу Нижней Тунгуски возле современного пос. Ногинск.
- ¹⁰ Глотов К. Н. Описание р. Нижней Тунгуски (1912 г.). Рукопись.
- ¹¹ Наумов Н. П. Отчет экспедиции по обследованию ягельных пространств окрестностей Култбазы (1930 г.). Рукопись.
- ¹² Туруханский «крайисполком» имел компетенцию уездного исполнительного комитета.
- ¹³ Другое название этой фактории — Северный камень (ЕФ ГАКК, ф. Р-183, оп. 1, д. 9, л. 49).
- ¹⁴ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 480, 482, 483, 485, 487, 490, 493, 497, 527, 548, 594, 597, 600, 603, 606, 609, 610).
- ¹⁵ Большинство указанных в таблице факторий было основано в 1930-х годах.
- ¹⁶ Оз. Някинinda находится в системе Агатских озер.
- ¹⁷ Учитывая то, что нам известно об оленеводстве у токминских эвенков, приведенная цифра явно преувеличена.
- ¹⁸ Приведенные цифровые данные заимствованы нами из документа, датированного 1835 г., но в действительности они относятся к 1824 г.
- ¹⁹ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 437, 438, 482, 485, 487, 500, 548, 549).
- ²⁰ Видимо, Летнее зимовье XVII в.
- ²¹ «Хвостом» могло быть украшение на одежде.
- ²² В действительности род Чорду имеет более сложное происхождение (см. главу 5).
- ²³ Совпадение имен Олькоуль (род Панкагир) и Алькоуль (Илимбийская управа) создает ощущение путаницы, хотя, вообще говоря, теоретически подобное совпадение вполне возможно.
- ²⁴ Имеются в виду ловушки давящего типа.
- ²⁵ Горелое озеро, вероятно, находилось около устья р. Виви, которую в прошлом называли Горелой рекой (карта КИПС).
- ²⁶ Этот магазин именовался «Магазин на Тазу у часовни» или «Часовенский магазин».
- ²⁷ Листы дела не нумерованы.
- ²⁸ Ермаковское зимовье находилось на левом берегу Енисея, ниже устья р. Курейка.
- ²⁹ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 424, 426, 489, 493, 499, 501, 509, 515, 524, 527, 529, 548, 594). Лантакайская и Игаркская группировки относятся к региону Северо-Запада, Бахтинско-Учамская и

- Чунско-Таймурская — к региону Подкаменной Тунгуски. Большехетская и Верхнетуруханская — к Обь-Енисейскому региону.
- ³⁰ По нашим данным, часть лантакайских эвенков не принадлежала к роду Чапагир Люгок (см. главу 5).
 - ³¹ Таблица составлена по материалам ясачных ревизий 1782 и 1795 гг. (ГАКК, ф. 910, оп. 1, л. 4, л. 12 об., 20 об., 24, 30, 52 об., 170 об., 175 об., 185 об.).
 - ³² К административному роду Панкагир были причислены не все местные санягирь. Небольшая группа последних (род «Ханягир») состояла до революции в Кондогорской управе (ПМ 1955, № 2, л. 130 об.).
 - ³³ Сушилин Н. В. «Род Панкагирь. Колода Шонягирь» [б. д.]. Рукопись.
 - ³⁴ Хантайская территориальная группировка находилась в регионе Северо-Запада.
 - ³⁵ Таблица составлена по следующим источникам: 1824 г. — АВГО, разр. 55, оп. 1, л. 74, л. 52; 1907 г. — *Панкагов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 156—157.
 - ³⁶ Александр Ильич Мишкий был ссыльнопоселенцем на Енисее. В 1885 г. он женился на девушке эвенкиек из рода Хукочар и прямкнул к ее городничам, стал вместе с ними вести кочевую жизнь.
 - ³⁷ Аналогичный список опубликован в работе «Посемейный список тунгусов Туруханского края Илимийской тунгусской управы, составленный и проверенный Туруханским Отдельным управлением», с. 131—154.
 - ³⁸ В более ранней работе Б. О. Долгих исключал из «племени Нюрумняль» роды Иологир и Эмидак как «пришлые» (Долгих, 1960, с. 162).
 - ³⁹ Имеется в виду район пос. Жиганск, где находится озеро и река Конар (ПМ, 1971, № 1, л. 165).
 - ⁴⁰ По «Посемейному списку» 1909 г. род Оёгирь насчитывал 10 семей (42 человека) (с. 149—151).
 - ⁴¹ В Чириндической группировке находилось всего 7 семей (27 человек) членов группы Токодо (Долгих, 1946, л. 483). Где находились еще 2 семьи (9 человек) той же группы, нам по этой работе установить не удалось.
 - ⁴² По «Посемейному списку» — 23 семьи (106 человек) (с. 136—140).
 - ⁴³ Шаманов мужчины якуты называют ойун. Слово *удаган* в значении «шаманка» имеется также в ряде говоров эвенкийского языка (ТМС, т. 2, с. 248).
 - ⁴⁴ Отчет экономиста Оленекой землеустановительной экспедиции МСХ ЯАССР В. М. Мясникова (1937—1938 гг.). Рукопись. — Архив МСХ ЯАССР.
 - ⁴⁵ Эвенкийское *кэндэ* означает также «олень (упряжной чукотской или корякской породы)» (ТМС, т. 1, с. 448).
 - ⁴⁶ О значении частицы *-ка* (также *-кэ, -ко*) мы говорили в главе 3 применительно к этнониму Лопоколь.
 - ⁴⁷ Река Канегир — правый приток Енисея в его верховьях.
 - ⁴⁸ *Скалон В. Н.* Распространение дикого оленя в Северной Азии [б. д.]. Рукопись. — Архив МСХ ЯАССР.
 - ⁴⁹ Общее число членов рода Путугир достигало в то время 63 семьи (309 человек) с 560 оленями: 3 семьи безоленных путугиров входили в Мамско-Чуйскую группировку эвенков, расположенную к востоку от Лены, на территории Бодайбинского и отчасти Киренского районов Иркутской обл. (Долгих, 1946, л. 613).
 - ⁵⁰ Сейчас эвенки чаще произносят этноним Монголь как Монго (в форме единственного числа).
 - ⁵¹ В ТМС — *галагди* (т. 1, с. 138).
 - ⁵² Хомакашево — поселок на р. Большая Ерома, левом притоке Нижней Тунгуски.
 - ⁵³ Название этой группы образовано от гидронима Вакунайка, принадлежащего правому притоку р. Чона.
 - ⁵⁴ Судьба этих шамагиров нам неизвестна. Не исключено, что по крайней мере часть их присоединилась к роду Момогир. В 1639 г. в одну из локальных групп момогиров («маугиров») входил тунгус Акинга, о котором сказано, что он «з государевым ясаком к ясачному зимовью не бывал» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 671 об.). Это имя совпадает с именем Окинга, принадлежавшим в 1640 г. главе одной из локальных групп рода Шамагир из Илме (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 145, л. 201 об.).
 - ⁵⁵ Вероятно, сын тунгуса Чернея из рода Колобов материалов ясачной переписи 1682 г.

- ⁵⁶ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 606—610). Нами внесены небольшие уточнения в написание отдельных этнонимов.
- ⁵⁷ Эвенки, не указавшие своей родовой принадлежности.
- ⁵⁸ *Василевич Г. М.* Проект, явившийся в результате поездки к тунгусам Иркутской губ. (Непский р-н); *Она же.* Отчет о поездке к тунгусам Иркутской губ. (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 81).
- ⁵⁹ В данном случае правильнее, конечно, говорить не о скотоводстве, а о животноводстве. Скотоводство было занятием эвенков, заимствовавших образ жизни степных скотоводов.
- ⁶⁰ Токминский «тузсовет» обслуживал эвенкийское население, обитавшее на пространстве от р. Тэтэрэ в системе Подкаменной Тунгуски до рек Кута, Большая и Малая Тира в системе верхней Лены (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 439, л. 9, 67). Своим названием «тузсовет» обязан р. Токма — правому притоку Непы в верховьях последней.
- ⁶¹ Этих выселков мы не смогли обнаружить на картах.
- ⁶² Наряду с ручной нартой Г. М. Василевич называла также примитивную нарту *келчи*, бытовавшую у непских и токминских эвенков до конца 1920-х годов. Эта нарта представляла собой широкую длинную доску с загнутым сверху передним концом. Поклажа прикреплялась к ней с помощью ремешков (*Василевич*, 1949б, с. 97). Заметим, что аналогичное приспособление бытовало в начале XX в. у русских охотников Ангары, которые называли его «шумиха» (КККМ, № $\frac{572,4(09)}{500}$, л. 102). Изобретение такой нарты принадлежит, по-видимому, дотунгусскому населению Сибири. В тунгусской лексике термин *келчи* стоит изолированно.
- ⁶³ Это относится и к русскому населению, контактировавшему с кондогирскими эвенками.
- ⁶⁴ Русские летописи, описывая поход Батия из Торжка в Новгород в 1238 г., отмечают, что завоеватели шли «селигерским путем» (*Черепнин*, с. 189).
- ⁶⁵ Момогиры передвигались и верхом на оленях. Например, в 1653 г. они таким способом проследовали с Нижней Тунгуски на Лену в районе Чечуйского волака (КПМГЯ, с. 105).
- ⁶⁶ Характерно, что Г. М. Василевич предпочитала писать название этой реки Мома, а не Мама (*Василевич*, 1958, с. 333).
- ⁶⁷ Транскрипция 1920-х годов «Моулиль» напоминает транскрипцию XVII в. «Маулгири» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 28).
- ⁶⁸ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 607—611).
- ⁶⁹ Стойбище этих эвенков называлось Рассоха. Оно находилось на территории Нижнекарелинского сельсовета, в самой верхней части Нижней Тунгуски (ИМ, 1966, № 2, л. 132).
- ⁷⁰ Чимаель (или Чимеир, Чимэир), равно как и Чимдагир, — искаженное написание или произношение родового этнонима Чемдаль.
- ⁷¹ *Линденау Я.* Путешествие из Якутска до д. Качега, на Байкал и в Иркутск (1745 г.). Рукопись (на нем. языке).
- ⁷² От эвенкийского *бзеты* — «людоед» (ЭРС, с. 74).
- ⁷³ Вероятно, опечатка: надо *чангитыл*: от эвенкийского *чангит* — «разбойник». Другие значения того же термина: «бродяга», «людоед», «черт», «враг» (ТМС, т. 1, с. 384).
- ⁷⁴ Уплощение головы производилось «туруханскими тунгусами» преднамеренно у детей. Тем самым эти эвенки сознательно корректировали свой физический облик. В какой степени это сказывалось на высоте их лица, должны определить антропологи. Общую характеристику «туруханских тунгусов» Рычков дополнял следующими наблюдениями: они отличаются «слабыми умственными способностями, плохой памятью и отсутствием изобретательности, а по характеру тунгусы эти нервны, легкомысленны, отличаются быстрой сменой настроений и большим развитием подражательных способностей». Одна из их специфических болезней «миам» означает «сильную потребность в живой крови и сыроедении для усиленного питания и терапевтического действия на организм» (1917, с. 25—26).
- ⁷⁵ Буканское зимовье находилось, по-видимому, возле сопки Букан, расположенной к северу от оз. Эконда в северо-восточной части современного Эвенкийского округа.

⁷⁶ Тидирисы, по нашему мнению, представляли собой группу тундровых юкагиров, живших в районе р. Хантайка и оз. Пясино. Их численность в первой половине XVII в. не превышала 130—140 человек всего населения (ШГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 11). Позднее тидирисы не упоминались. Б. О. Долгих полагал, что они вошли в состав нганасанов.

⁷⁷ По Р. Мааку — Елэн. Тунгусское название Оленека — Нгуолена (Маак, ч. I, 1883, с. XLVIII, XLIX).

⁷⁸ Имеются в виду рукописные работы Я. Линденау (в русском переводе) «Описание тунгусов Удского острога (1744—1745 гг.)» и «Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов (1742 г.)».

⁷⁹ Карта Хатангской экспедиции И. П. Толмачева.

⁸⁰ В 1824 г. это озеро было спущено якутами в Вилюй (Маак, ч. II, 1886, с. 31—32).

⁸¹ Линденау Я. Описание якутов (1741—1745 гг.). Перевод с немецкого. Рукопись.

Озеро «Тонбское», о котором говорится в предании, — вероятно, оз. Тобуя, расположенное в верховьях р. Синяя (Синя, Чина), левого притока Лены выше Якутска. В XVII в. и позднее у этого озера жили вилюйские баягиры (см. главу 5).

⁸² Имена «внязей» приведены Г. В. Ксенофонтовым в якутской огласовке. Тунгусы их должны были произносить как Дюпкур и Чатыр. Второе имя напоминает имя Чемтире из долганского эпоса, принадлежавшее «шитолицему» тунгусу (см. главу 5).

⁸³ В таблице на с. 161 Б. О. Долгих (1960) показывает нюрумнялей при Титейском зимовье вплоть до 1687 г. (не более 13 ясачных плательщиков), а при Илимпейском зимовье — до 1704 г. включительно (57—93 ясачных плательщика). К сожалению, он не привел источников, которыми пользовался. Мы полагаем, что указанная им численность илимпейских нюрумнялей после 1681 г. представляет собой сумму, полученную от сложения числа плательщиков ясака в родах Шалдагир, Суханов и Ковуки. Это подтверждается следующим расчетом. По переписи 1682 г., численность названных родов составляла 154 человека мужского пола, что при пересчете на число ясачных плательщиков составляет 77 (154 : 2). Вероятно, эту операцию и проделал Долгих: в его таблице на дату 1682 г. приведена цифра 78 ясачных плательщиков (77 ясачных плательщиков + 1 аманат). Сказанное позволяет предположить, что Долгих рассматривал роды Шалдагир, Суханов и Ковуки как преемников нюрумнялей. По нашему мнению, род Ковуки таковым не являлся.

⁸⁴ Этноним Ваянд (в якутской огласовке Маят) сохранялся как неофициальное название некоторых семей объякученных эвенков Северо-Запада вплоть до 1920-х годов (см. главу 5). Этноним Нюрумняль в XVIII—XIX вв. тоже не имел официального обращения. В настоящее время термин *нюрумня* служит у эвенков северной части Катангского р-на Иркутской обл. шутивым обозначением своих соплеменников — жителей Илимпейского р-на Эвенкийского округа. Что значит Нюрумняль (или Нюрумня), ни те, ни другие не знают (ПМ, 1977, л. 58, 61 об.).

⁸⁵ Речь идет о периоде интенсивных войн между есейскими и оленекскими тунгусами (см. главу 5). Есейских тунгусов в этих войнах обычно представляли баягиры и ваянды, оленекских — синигиры и эдяны.

⁸⁶ Рассказы о тунгусоязычных канинибалах мы записали от эвенков на левобережье Енисея. В этих рассказах канинибалы именуются *аваты* и *бэеты*, т. е. «эвенкоеды» и «людоеды». Аваты характеризуются как люди, у которых на пальцах ног и рук росли когти, «как у собаки». Аваты жили «где-то на Енисее, где моря край». Они были во всем похожи на эвенков: имели такой же язык, олени, чумы. Поэтому эвенки часто ошибались, принимая их за своих. Канинибалы убивали себе на еду не только чужих (эвенков), но и своих — например, стариков, если не было другой пищи. Это случалось в те времена, когда, эвенки еще употребляли соли (ПМ, 1972, № 2, л. 10—11).

Канинибалы бэеты были безоленины. Несмотря на это, они вели кочевой образ жизни и одевались в одежды из оленьих шкур. Зверя и рыбу они не умели добывать: охотились на людей. Оружием служил «откас» (пальма). Если добыть им никого не удавалось, «ели детей и друг друга». Бэетылей было мало, и эвенки их в конце концов уничтожили (ПМ, 1974, л. 49 об.—50).

Глава пятая

ТУНГУСЫ (ЭВЕНКИ И ЭВЕНЫ)

СЕВЕРО-ЗАПАДА

1

Тунгусы Северо-Запада в XVII — начале XX в.

В этой главе мы рассматриваем этническую историю эвенков, а отчасти и эвенов, которые в XVII — начале XX в. заселяли область тайги, лесотундры и тундры между низовьями Лены на востоке и низовьями Енисея — на западе. Южной границей этой обширной области мы считаем правобережную часть бассейна Вилюя на всем его протяжении и далее, к западу, — горы, которые тянутся от его верховий до Енисея. С этих гор (именуемых эвенками Камнем) текут реки Курейка и Пясины, а также конгломераты Хантайи — Котуй и Хета.

До прихода в эту область тунгусов ее обитателями были самодийцы — предки нынешних энцев и нганасанов. В 1636 г. они упоминались даже в низовьях Лены (РИБ, с. 968—969)¹, однако позднее их расселение ограничивалось западной частью региона — пространством между Енисеем и Анабарой.

Ненцев в регионе к приходу русских не было, но в последней четверти XVII в. они стали там появляться. Как сообщал мангазейский воевода Иван Савелов, в 1679 г. ненцы («Ератская само-ядь») напали на Хантайское зимовье, а затем начали «грабить и побивать Мангазейского уезду ясашных людей — Хантайскую и Тавгицкую самоядь» (ДАИ, т. VIII, с. 161). Позднее ненцы окончательно утвердились на правом берегу нижнего Енисея.

Из предыдущей главы нам известно, что тунгусы в лице буляшей (ванядов, нюрумнялей) еще до прихода русских проникали в северную часть региона, вплоть до р. Оленек. Там они добывали диких оленей. Промысел этих животных производился ими в начале лета и осенью на переправах через крупные реки (в основном Анабару и Оленек). К зиме тунгусы обыкновенно возвращались в более южные районы — на оз. Есей, Вилюй и Нижнюю Тунгуску.

Обложение тунгусов Северо-Запада ясаком произошло в 1620-х и 1630-х годах. Одно из первых местных зимовий — Пясинское («Пясидское») — было основано около 1625 г. на левом притоке Лудынты Аваме. Б. О. Долгих писал, что это зимовье находилось на Хете (1960, с. 122), но туда оно было, по-видимому, перенесено позднее. В 1666 г. оно снова было на Аваме. В 1735 г. Авамское зи-

мовье упоминалось на Енисее, в 100 верстах ниже Хантайского зимовья (ЦГАДА, ф. 199, д. 481, № 5, л. 110 об.). Остальные зимовья на территории региона были основаны в 1630-х годах. К их числу относятся: Есейское (чаще «Ванядское»), три Вилюйских (Верхнее, Среднее и Нижнее), Оленекское («Оленское»), Жиганское и Столбовское (Долгих, 1960, с. 122, 442—443; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 178).

Верхнее Вилюйское зимовье находилось, по нашему мнению, на правом берегу Вилюя, возле устья р. Кюндя (выше современного пос. Сунтар), а Среднее Вилюйское зимовье — на том же берегу, против устья левого притока Вилюя — р. Мункарима (около современного пос. Средневилюйск) (см. второй раздел настоящей главы). Нижнее Вилюйское зимовье (также Усть-Вилюйское) находилось возле устья Вилюя, на левом берегу Лены. Судя по топографии вилюйских зимовий, все они относились к нижнему и среднему течению реки. Вероятно, в верховьях Вилюя тунгусское население было тогда очень редким.

В каком месте на р. Оленек находилось Оленекское зимовье, в точности неизвестно. Енисейский десятник Елисей Буза в 1635 г. шел «от устья Оленека вверх по реке, пока не повстречал тунгусов от которых он взял 5 сороков соболей ясака». Поставленное им зимовье располагалось «в устье реки Пири́дды», в которой Г. Ф. Миллер предполагал левый приток Оленека — Пур (Миллер, 1961, л. 132). Но судя по всему, оно находилось значительно выше, в устье другого левого притока Оленека — Биректы.

Жиганское зимовье находилось примерно там же, где расположен современный пос. Жиганск, а Столбовское — ниже, около устья р. Муна, левого притока Лены. Название этого зимовья (его также называли «У Столбов») обязано скалам, высящимся вдоль Лены ниже устья Муны, где имеется остров Каменный.

Авамское, Пясинское и Хантайское зимовья входили в Мангазейский (Туруханский) уезд, все остальные — в Якутский.

Около середины XVII в. тунгусское население региона стало быстро расти, что было связано с приходом туда части эвенков с Нижней Тунгуски и части эвенов с восточной стороны нижней Лены. Еще в 1634 г. на юго-западе региона, в районе оз. Есей числилось всего 6 ясачных плательщиков тунгусов. Но уже спустя два года их численность там скачком возросла до 104 ясачных плательщиков. Новый резкий скачок произошел в 1645 г., когда в Есейском зимовье стало учитываться 159 ясачных плательщиков. Как раз в это время численность баягиров и нюрумнялей на Нижней Тунгуске сильно уменьшилась. Миграционным пиком можно считать 1653 г., когда число плательщиков ясака при Есейском зимовье достигло 170 человек (Долгих, 1960, с. 150), т. е. около 680 человек всего населения. Этот новый подъем численности можно объяснить бегством тунгусов к Есею из более восточных районов региона от эпидемии оспы.

Эпидемия затронула в основном нижнюю Лену, Оленек и Вилюй. Насколько можно судить, она продолжалась с 1650 до 1653 г.

Пометки «умер воспою» часто встречаются в документах, относящихся к Жиганскому и Столбовскому зимовьям указанного периода (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 307, л. 262).

С целью более удобного изложения материалов об эвенках и эвенгах региона мы разделили его на два больших субрегиона. Один включает вилюйских и нижнеленских тунгусов, а другой — есейских, таймырских, анабарских и оленекских.

Суммарная численность тунгусов Северо-Запада в середине XVII в. составляла, по нашим подсчетам, около 4 тыс. человек. Из этого числа 2,7 тыс. чел. приходилось на вилюйско-ленский субрегион и 1,3 тыс. чел. — на есейско-оленецкий. Учитывая сообщения о безоленных охотниках и рыболовах как среди вилюйских тунгусов, так и среди тунгусов — охотников на диких оленей в западной части региона, условно примем, что численность безоленных тунгусов достигала 10% общего числа. Тем самым тунгусы-оленоводы региона составляли в середине XVII в. 3,6 тыс. чел. и безоленные тунгусы — 0,4 тыс. чел.

Подсчет численности тунгусов на какую-либо определенную дату оказался весьма затруднительным из-за отсутствия необходимых статистических данных. Приведенные нами цифры получены путем суммирования сведений, относящихся к отдельным группам тунгусов за разные годы или промежутки лет. Как правило, мы брали в расчет те годы и промежутки лет, когда численность тунгусов той или иной группы была наибольшей.

Эпидемии оспы, прокатившиеся по территории региона в 1950—1653 и 1688—1692 гг. (МИЯ, с. 974, 1062—1064; *Гурвич*, 1966, с. 46) сильно сократили численность местных тунгусов, в результате чего она к концу XVII в. была много меньше вышеуказанной.

В истории региона XVII в. выделяются длительные войны, которые баягиры и ваянды Есея и Нижней Тунгуски вели с синирирами и эдянами Анабары и Оленека. Эти войны шли с перерывами между 1639 и 1667 гг. (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, д. 236, л. 93—94; *Долгих*, 1952б, с. 25—29; *Гурвич*, 1966, с. 41—43). Около середины XVII в. кровопролитные сражения происходили также у калтагиров, нюрмаганов и сологонов Вилюя с момогирами Нижней Тунгуски (см. главу 4). Причины указанных войн нам в точности не известны. Можно только предполагать, что в большинстве случаев эти войны велись из-за обладания местами промысла диких оленей во время их переправ через крупные реки (Хатанга, Анабара, Оленек) в процессе сезонных миграций из лесотундры к берегу Ледовитого океана (в начале лета) и обратно (перед началом зимы).

Из других заметных событий на территории региона в XVII в. укажем на восстание есейских тунгусов против произвола ясачных сборщиков, произошедшее в 1682—1683 гг. В 1683 г. в Якутском остроге объявились «ясачные тунгусы Ванадырского роду Чигалейко да Болдрыгачко, да Токоичка, да Муанского роду Китаничко». Они жаловались на есейского приказчика Тимофея Петухова, который повесил «их лутчего мужика Муанского роду Мудирю за то,

будто тот родник их Мудиря хотел изменить». В отместку ваянды («ванадыры») и малгачагиры (члены «Муанского» рода) убили 11 служилых людей и увели из Есейского зимовья 8 аманатов. Всего в восстании, по их словам, участвовало более 150 мужчин с подростками (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 91, л. 59 об., 62, ДАИ, т. X, с. 344—346; т. XI, с. 66—67). После восстания большинство есейских тунгусов откочевало от зимовья — главным образом на восток и на север.

Еще одно приметное событие в истории региона — значительная по своим масштабам миграция вилюйских эвенков в южную Якутию и северные районы Верхнего Приамурья, происходившая с конца XVII по конец XVIII в. В числе мигрантов были представители родов Баягир, Калтагир, Нюрмаган, Сологон и др. Общая численность мигрировавших с Вилюя эвенков достигала в 80-х годах XVIII в. 416 мужчин (*Кабузан, Троицкий*, 1966, с. 33), т. е. приблизительно 900 человек всего населения².

Переселение на территорию региона значительной массы якутов в течение XVII—XIX вв. было причиной ассимиляции ими местного тунгусского населения. Эвенки, сохранявшие родной язык и традиционную культуру, встречались в XIX — начале XX в. преимущественно в западной части региона на территории, которая в общих чертах совпадает с границами нынешнего Таймырского автономного округа (см. последний раздел настоящей главы). Поэтому наше дальнейшее изложение этнической истории тунгусов Северо-Запада будет ограничиваться главным образом указанной территорией.

Данная территория в течение долгого времени почти не привлекала к себе внимания со стороны туруханской и якутской администрации. Лишь в первой четверти XIX в. после обнародования Устава «Об управлении инородцев» власти начали проявлять интерес к жизни местного ясачного населения. Было открыто несколько хлебозапасных магазинов. Во второй половине века упоминались четыре таких магазина: Дудинский, Авамский, Савинский и Хатангский (*Мордвинов*, 1860, с. 27; *Кривошапкин*, 1865, т. 2, с. 31). Первый, как можно думать, находился на Енисее, при устье р. Дудинка, второй — на Пясине, при устье р. Авам, третий — на Пясино же, в 250 верстах ниже Авамского, и четвертый — на р. Хатанга.

Хлебозапасные магазины оказали существенную поддержку аборигенам в тяжелые для промыслов годы. Когда таких магазинов еще не было, имели место случаи массовой гибели населения от голода. Н. А. Костров сообщал, что в 1805 г. «за Енисейскую тундру по реке Хете умерло безо всякой помощи 31 человек Жиганского рода, вышедших сюда со звероловством из Иркутской губернии» (*Костров*, 1857, с. 106), т. е. из бывшего Якутского у., а точнее говоря — с нижней Лены.

В XVIII—XIX вв. жители, как и прежде, продолжали подвергаться опустошительным эпидемиям оспы и других заразных болезней. Одна из последних больших эпидемий оспы пронеслась по

территории региона около середины прошлого века, унеся с собой много жизней (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 357, л. 76) ³.

Миссионерская деятельность в регионе осуществлялась священнослужителями Якутской и Енисейской епархий. Якутские миссионеры насзжали на оз. Есей приблизительно с 1786 г., покрывая расстояние более чем в 2600 верст (ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 5017, л. 3 об.). На Таймыре крещением туземцев занимались священнослужители Богоявленской церкви Хатангского поста (ныне пос. Хатанга), сведения о которой у нас имеются с 1793 г. Среди прихожан этой церкви в конце XVIII в. числились мещане, крестьяне, якуты и пять семей «тунгусов» — Уксусниковых, Парфеновых, Сидельниковых, Сотниковых (ГАКК, ф. 529, оп. 1, д. 187, л. 71—72) ⁴.

Ближайшие к нижнему Енисею эвенки и другие жители региона входили в сферу деятельности Хантайской Введенской церкви; ее материалы нам известны с 1841 г. Паству этой церкви составляли русские старожилы, «самоеды» (энцы), «юраки» (ненцы) и тунгусы 4-й Летней управы (ГАКК, ф. 819, оп. 1, д. 200; ГАЭАО, ф. 30. оп. 1, д. 78, л. 2 об. — 3).

В 1868—1869 гг. туруханский священник Иоанн Кожевников выехал с тремя нартами походного церковного снаряжения на озеро «Жоссей, или Ессей». Он «просветил Святым крещением 105 младенцев, 56 взрослых» тунгусов и, вероятно, тамошних якутов (ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 1014, л. 4 об.). Кожевников бывал на Есее и в 1870—1871 гг. Свои поучения он произносил «на тунгусском наречии». Однако в 1873 г. туруханская миссия была упразднена, а отпускавшиеся на ее содержание средства были распределены между вновь образованными церковными приходами — Туруханским и Тазовским (там же, л. 7). Позднее были образованы еще три прихода: Дудинский, Хатангский и Есейский. Последний считался в 1894 г. еще «ценообразованным» (ГАКК, ф. 667, оп. 2. д. 68, л. 12 об.).

При Есейской церкви с первых лет ее существования (1892 г.) функционировала начальная школа, в которой учились четыре мальчика. Однако исполнявший обязанности учителя катехизатор «учеников нешадно бил, и они разбежались» (ЦГАОР. ф. 3977, оп. 2, л. 1054, л. 30—31).

Помимо тунгусов и самодийцев, значительную часть населения Северо-Запада, начиная с XVII в., составляли якуты и русские старожилы, оказавшие большое влияние на местные этнические процессы. Русских промышленников было много на Оленеке уже в 1636 г. (Миллер, 1961, л. 132). Некоторые из них находились там постоянно, другие приходили только на время промысла. В 1667 г. «в Жиганы» (на нижнюю Лену) были отпущены для прокормления рыбой якутские посадские люди. Оттуда они перебрались на Оленек и Анабару, где можно было существовать промыслом дикого оленя. Туда же направлялись «гуляющие люди», преследуемые якутской администрацией (КПМГЯ, с. 120—121; Гурвич, 1966, с. 157—158).

Несколько позднее русские появились в западной части региона. В 1735 г. на Енисее, ниже «города Мангазея» (Туруханск), упоми-

налось несколько пунктов обитания русских крестьян и служилых людей. Таковыми были «зимовья» Ермаково, Игарское, Лузино и Дудинское. На Хатанге, в 12 верстах ниже устья Хеты, находилось сел. Хатангский погост, где стояли церковь, «поповский двор» и «три якутские зимника». Ниже по Хатанге упоминались якутские и русские зимники и летники (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 114 об.—128). В начале 1740-х годов Харитон Лаптев сообщал о якутских и русских зимовьях на Хете. По его словам, русские жили также в устье Пясины (Записки лейтенанта Х. П. Лаптева..., с. 26, 40).

На Вилюе русские жили в Вилюйске, в урочище Нюрба и некоторых других местах. В основном это были чиновники, мещане, казаки, крестьяне и ссыльные. К середине прошлого века вследствие взаимных браков с якутами они «большею частью обьякутились, усвоили якутские нравы и забыли свой родной язык» (Маак, 1887, с. 1). Аналогичным образом обьякутились русские обитатели Анабары и Хатанги. Русские старожилы Хатанги обыкновенно именовались «затундринскими крестьянами». В 1920-х годах они насчитывали около 500 человек и жили преимущественно на станках Авам, Летовье, Урядник и Хатанга (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 13, л. 13 об.).

Частичное проникновение якутов в регион Северо-Запада, вероятно, имело место еще до XVII в. Однако вплоть до середины того же столетия якутов там было относительно мало. Например, на Вилюе, по сообщению сына боярского Воина Шахова (1641 г.), они сосредоточивались главным образом в нижнем и отчасти в среднем течении реки (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 77 об.; ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 307, ч. 2, л. 194 об.—214). Начиная с середины XVII в. отмечается сильный рост якутского населения буквально во всех районах Северо-Запада. Уже в 1672 г. оленекские тунгусы жаловались, что «ясачных людей умножилось — жиганских тунгусов и городцких якутов, схожих из разных волостей, и с рек Вилюя и с Олдану» (Степанов, 1939, с. 61). С Вилюя якуты в конце XVII в. вышли в район оз. Есей. Оттуда, а также с Хатанги они проникли на ее конфлюэнты — Котуй и Хету. На Хете в 1699 г. находилось 12 ясачных якутов (Долгих, 1960, с. 180). Продвижение якутов с верхнего Вилюя в юго-западном направлении привело их на Чону, где имелось «много удобных мест для пастбищ» (Маак, 1887, с. 1), а с верховьев Чоны им было легко перебраться на Нижнюю Тунгуску.

В XVIII—XIX вв. основные торговые функции на Северо-Западе выполняли якуты. Благодаря хорошему знанию местности, умению обходиться как с лошадьми, так и с оленями, они обладали способностью проникать в самые труднодоступные местности, поставляя эвенкам в обмен на пушнину потребные им товары. Р. К. Маак, посетивший в середине прошлого века Вилюйский округ, писал, что в прежние времена якутские торговцы приезжали за пушшиной даже на оз. Сюрюнда (Чиринда), расположенное к югу от оз. Есей. Приезжая осенью на лошадях, они продавали их эвенкам, а сами

зимой возвращались на эвенкийских оленях (Маак, 1886, с. 17). На оленях вилюйские якуты зимой доставляли товары алдано-охотским и кангаласским тунгусам далеко на юго-восток. Завершив с ними торговые операции, якуты продавали тунгусам оленей и с лошадьми возвращались на Вилюй.

Длительные и тесные контакты якутов с тунгусами способствовали формированию на Северо-Западе этнически смешанного населения. Там, где было возможно хозяйство якутского типа, эвенки становились полуседлыми скотоводами и даже земледельцами, а там, где такое было невозможно, охотниками-оленеводами становились якуты. Но в том и другом случае языком смешанного населения, как правило, становился якутский язык.

Перепись 1897 г. обнаружила в регионе Северо-Запада 6055 «тунгусов», в том числе: в Вилюйском округе Якутской обл.— 4062, в Жиганском улусе Верхоянского округа⁵ той же области— 394, в Туруханском крае Енисейского округа Енисейской губ.— 1599 человек⁶ (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 71—75, 77—83, 161—168). Цифра 6055 человек указывает на полугорное увеличение численности тунгусского населения в регионе по сравнению с XVII в. Однако большинство местных «тунгусов» только номинально являлось таковыми. Фактически же тут на основе бывших тунгусов, благодаря их смешению с якутами, а частично и с русскими старожилами, сложились две новые общности: этнографическая группа северных якутов-оленеводов (в составе якутского народа) и новый долганский народ Севера. Сложение обеих названных групп нами освещено в заключительном разделе настоящей главы. Необъяснимое тунгусское население в начале XX в. сосредоточивалось в самых западных районах региона — к западу от Анабары. Но и там на родном языке в 1926—1927 гг. говорило всего 144 семьи (667 человек местных эвенков⁷)— около 27% всех местных «тунгусов».

Тунгусы (эвенки), говорившие на родном языке, входили в 18 различных территориальных группировок, из которых лишь две — Лантакайская и Хантайская⁸ — были полностью эвенкийскими по составу. Все остальные включали также долганов, энцев, нганасанов, якутов и русских старожилов.

После установления советской власти на указанной территории было образовано три «туземных района», включавших 25 «туземных» и «родовых» советов. Районы были административно подчинены Туруханскому райисполкому. Начали функционировать «красные чумы», школы, медпункты. Почти все местное коренное население продолжало вести кочевой образ жизни: весной оно со своими оленями уходило на север в лесотундру и тундру, а осенью возвращалось обратно, в более южные местности (ГАТАО, ф. 10, оп. 1, д. 24, л. 25, 29). Бедноте была оказана широкая помощь как оленями (их закупали у крупных оленеводов и в кредит передавали малооленным хозяйствам), так и организацией торговых факторий. Одна из факторий в 1925 г. существовала в Игарке, другая — на оз. Есей (ЦГАОР, ф. 3977, д. 910, л. 161; д. 1054, л. 41). На Хете в 1927 г. была открыта фактория Камень (Долгих, 1946, л. 446).

10 декабря 1930 г. был образован Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный округ в составе Красноярского края. В начале 1930-х годов на территории Северо-Запада началось строительство двух культбаз Комитета Севера — Хатангской и Оленекской, ставших впоследствии центрами одноименных районов. Тем самым была перевернута новая страница в истории эвенков и других коренных обитателей региона.

2

Вилуйские и нижнеленские тунгусы

Одно из первых сообщений о коренном населении Вилуя — «Чертеж и роспись» Лены и ее притоков, составленные около 1630 г. мангазейским воеводой А. Ф. Палицыным. Последний руководствовался сообщениями служилых людей Антона Добрынского и Мартына Васильева, которые возглавляли отряд служилых людей, направленный в 1628 или 1629 г. с Нижней Тунгуски на Чону и Вилуй (Миллер, 1961, л. 1148, 1149. Примеч. С. В. Бахрушина). Палицын писал, что на Чоне и Вилуе «живут люди многие: Синягири, Нанагири... А по обе стороны великие реки Лены и до устья полуночного окияна — Якуты, Тунгусы, Маяды, Нанагири, Кояты, Каригили и иные многие кочевные и сидячие люди. Да в то же де великую реку Лену ниже Вилуйского устья впади с обе стороны многие великие реки, а по тем рекам живут Осеи, Тунгусы, Шамагири, Баяхты и иные многие люди». Выше устья Алдана Палицын называл на Лене следующие этнонимические группы: «Тунгусы, Налякигири, Камчюгири, Сучигири и Кюгири, Кимжегири, Нанагири, Шамагири, Синегери, Долганы, Холопья орда и иные многие люди, а не владеет ими никто».

Ниже, снова возвращаясь к Вилую, Палицын сообщал, что на нем «живут многие люди Нанагири, человек с семьсот и болши, а конных людей у них нет, а кочуют на усть реки Варки (Мархи.— В. Т.), а яsak с себя государю не платят, потому что люди большие; а по Лене-реке на усть Вилуя живут Долганы и Якуты...» (РИБ, с. 963—964, 968).

Текст явно недоброкачественный и, как видно, представляет собой монтаж ряда «чертежей и росписей» Лены. «Налякигири» — это налягиры, «камчюгири» — камчагиры, «сучигири» — сычѣгиры, «и Кюгири» — икогиры, «Кимжегири» — кумкагиры, о которых мы говорили в главах 1 и 4. О синигирах и маядах мы тоже уже частично упоминали в главах 3 и 4, но более подробно будем говорить в следующем разделе настоящей главы. Что касается нанагиров, то о них нам также еще придется говорить ниже в этом разделе, но вообще они — обитатели региона Северного Забайкалья (к востоку от Лены) и в данной работе нами подробно не рассматриваются⁹.

Еще одно сообщение о тунгусах Вилуя принадлежит Я. И. Линденау в его «Описании якутов». Линденау писал, что, придя на Ви-

люй, русские застали там тунгусские роды «Сологон», «Бирянаткал», «Джактакар», «Кондра» и «Вугляк». Линденау называл в этом субрегионе еще тунгусские роды «Джурумджал» и «Мамагир», но применительно к приходу на Вилюю якутов (АЯФ. ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 99).

«Бирянаткал» Линденау соответствует роду Нюрмаган («Брангат» или «Мургат») ясачных источников, «Кондра» — роду Кондогир, «Вугляк» — роду Увалагир («Фугляд» ясачных источников), «Джурмуджал» — этнографической группе Нюрумняль и «Мамагир» — роду Момогир. О кондогирах и нюрумнялях мы говорили в главе 4, а о момогирах — в главах 3 и 4.

Более полные и точные сведения о вилюйских тунгусах содержится в ясачной документации XVII в. Известно, что в 1634 г. служилые люди Посник Иванов и Аникей Микитин ходили «в новую землю вверх по Вилюе-реке на стороннюю реку Туню (Тюнг. — В. Т.) к новым тунгусским людям» и взяли аманатов от родов Увалагир («Увлакирский»), Сологон («Шологонский»), Калтагир («Келтегирский») (МИЯ. с. 19). В 1639 г. мангазейские служилые люди Сидор Степанов, Ерофей Петров и др. привезли с Вилюя в Мангазею ясак с родов Сологон, Баягир («Пуягирский») и Эбгисэл («Обгинцов») (Там же, с. 46).

В ясачной книге «с Вилюя-реки с конных и с пеших якутов и с тунгусов тобольского сына боярского Воина Шахова» (1640 г.) мы встречаем сведения о тунгусских родах Долган, Кукугир («Кункигирский»). Нюрмаган («Мургацкий»), Баягир («Пуягинский»). Увалагир («Фумляцкий») и Калтагир («Калтакулский»). Кроме того, Шаховым были перечислены роды «пеших якутов»: «Осекуйский», «Кокуйский», «Кирикиский», «Онтулы» и просто «Род пеших якуты» (Там же, с. 142—152). Большинство этих родов представляли собой обьякученных тунгусов (см. ниже). Кроме указанных. Б. О. Долгих выявил на Вилюе еще одну группу тунгусов, которая в источниках именовалась «Бырлеты» (1960, с. 471). Правильным названием этой группы является Буллёт или Бульдот. Именно так называют себя ее потомки, живущие ныне в северных районах Амурской обл. (ПМ, 1960, № 1, л. 74 об., 79).

На нижней Лене основными тунгусскими плательщиками ясака были в первой половине XVIII в. представители родов Эдиган («Жиганский»), Долган, Калтагир и Кукугир (МИЯ. с. 14, 124—126).

Расселение и численность вилюйско-нижнеленских тунгусских родов за период с 1634 по 1659 гг. (без «пеших якутов») представлены нами в нижеследующей таблице¹⁰.

Применяя коэффициент 4, находим, что в 1634—1659 гг. в вилюйско-ленском субрегионе проживало около 2,7 тыс. тунгусов. Большинство их было оленеводами, но известная часть (например, среди нюрмаганов и увалагиров), по-видимому, не имела оленей, занимаясь пешей охотой и рыболовством. Таких тунгусов в рассматриваемом субрегионе было, по нашему мнению, около 300 человек.

Род	Численность (ж. пл.)	Год учета	Месты приписки (зимовье, острог)
Баягир	31	1651	Верхнее Вилюйское зим.
Буллёт	50	То же	То же
Долган	49	1640	Нижнее Вилюйское и Жиганское зим.
Қалтагир	104	1651	Среднее Вилюйское и Нижнее Вилюй- ское зим.
Кукугир	35	1640-1659	Нижнее Вилюйское зим.
Нюрмаган	61	1651	Верхнее Вилюйское зим.
Сологон	108	То же	То же
Увалагир	87	То же	То же
Шамагир	48	1639	Якутский острог
Эбгисэл	32	1651	Верхнее Вилюйское зим.
Эдиган	75	1634-1635	Жиганское зим.
Итого:	680 ясачных плательщиков		

* * *

Переходим к рассмотрению отдельных родов вышеприведенной таблицы. Род Баягир был представлен на Вилюе двумя локальными группами: одну из них составлял «Род Пуягирской» во главе с Гоюльцей (видимо, около 18 ясачных плательщиков) и другую — «Род Пуягинской» (13 ясачных плательщиков) (МИЯ, с. 151). Суммарная численность вилюйских баягиров представляется нам, однако, сильно заниженной. Даже после ухода части баягиров на юго-восток (в составе предков кангаласских тунгусов) на Вилюе оставалось еще довольно много баягиров. В 1895 г. местный «Буягирский» род состоял из 54 семей, из которых 38 семей образовывали локальную группу, именовавшуюся Тобуйским, или Тобийским, родом (Майнов, с. 46). — вероятно, по названию оз. Тобуя, расположенного к югу от Вилюя в верховьях р. Синяя (Чина).

Согласно преданию, записанному И. И. Майновым от кангаласских тунгусов, в состав вилюйских баягиров входила группа тунгусов Няммянского рода, о котором нам из других источников ничего не известно. Предание повествует, что вышедшие с Вилюя эвенки Няммянского рода во главе с богатырем Хатысмой присоединились к «буягирам», которых возглавлял богатырь Эрпини, и они стали совместно бороться против Тыгына — военачальника якутов. «В память своего двойственного происхождения кангаласские буягиры делятся ныне на два колена: колено потомков Эрпини, признаваемое старшим, и колено Хатысма, как бы менее благородное, благодаря чему старшина Буягирского рода всегда избирается из колена Эрпини, — писал Майнов (1898, с. 174). Б. О. Долгих отмечал, что в списке «пуюгиров», плативших в 1720-м году ясак при Покровском монастыре¹¹, значится тунгус Эрпени Сетегини. В 1721 г.

тот же Эрпени платил ясак уже в Олекминском остроге в числе верхневилейских «пуягиров» (Долгих, 1960, с. 475—476).

Эвенкийское *нимнэн* — «шалаш» (из жердей, сверху засыпанных землей)» (ТМС, т. 1, с. 594—595). Данный термин позволяет видеть в нэммянах безоленную группу баягиров, живших в шалашах типа голомо.

Род Буллёт («Бырлеты») упоминался на Вилюе только в XVII в. В первой половине XVIII в. они были известны там под названием «Белдецкого» рода (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, ч. 7, л. 222). В южной Якутии и на севере Верхнего Приамурья они официально учитывались в XVIII—XIX вв. как тунгусы «Белдетского», или «Беллетского», рода. Происхождение буллётов мы связываем с родом Бултэгир — обитателем региона Северного Забайкалья. Трансформацию бултэгир → буллёт мы рассматриваем как результат влияния на вилейских бултэгиров местных аборигенов (см. ниже).

Справедливость совмещения бырлётов ∞ буллётов с бултэгирами подтверждается фактом существования созвучного имени Белдегир в ясачной книге атамана Ивана Галкина за 1637—1638 гг.; оно принадлежало якуту Модутской вол. (МИЯ, с. 31). Наличие подобного имени у якутов скорее всего служит указанием на поглощение ими еще до XVII в. части вилейских эвенков, среди которых были и бултэгиры. Аналогичным образом бултэгирами мы считаем и эвенков рода Белдагир, показанного в материалах ясачной ревизии 1765 г. на Нижней Тунгуске (см. главу 4).

С. М. Широкогоров тоже усматривал связь этнонима Булдути (Буллёт) эвенков северной Маньчжурии (выходцев из Сибири) с этнонимом Бултогир (Shirokogoroff, 1929, p. 129, примеч.), т. е. Бултэгир. Объяснением этнонима Бултэгир (а стало быть, и Буллёт) служит, по нашему мнению, эвенкийское *бултэ* — «зрачок» (сообщение С. А. Наденна), *бултэке* — «пучеглазый» (ТМС, т. 1, с. 109).

Долганский род был обнаружен русскими в двух районах на Лене — возле устья Вилюя и выше устья ее более нижнего левого притока — Муны. Характер этнонима указывает на то, что этот род был эвенким по происхождению: в эвенкийском произношении он должен был бы именоваться Дулиган¹². Однако расселение вилейско-ленских долганов в непосредственном соседстве с эвенками обусловило их двойственный в этническом плане характер: по своему названию они оставались эвенками, а по языку были ближе к эвенкам.

В первой половине XVII в. долганы стали покидать рассматриваемую нами область. Одни из них отправились далеко на юго-восток, к Зее и Амуру¹³, другие — на Алдан, Маю и Охотское побережье, третьи — на Оленек и Анабару. Еще в 1660-х годах в Оленекском зимовье заплатило ясак всего четверо представителей Долганского рода, а в 1677 г. их стало там уже 32 (Гурвич, 1966, с. 44). Позднее оленекские долганы продвинулись еще дальше на запад и в конечном счете обосновались на Таймырском полуострове. Там на

их основе к 1920-м годам сложился новый народ Севера — долганы, о котором мы уже упоминали.

Немногочисленные долганы, оставшиеся на нижней Лене, к началу XX в. полностью обьякутились, хотя и сохраняли свой родовой этноним в форме Дулган или по-якутски Дулгаан (*Ксенофонов*, 1937, с. 226; *Гурвич*, 1966, с. 173).

Происхождение долганов нельзя рассматривать, отвлекаясь от происхождения двух других групп вилюйско-ленских тунгусов — сологонов и эдиганов. Все три этнонима — Долган, Сологон и Эдиган — имеют территориальный характер: первый (его более ранняя эвенкийская форма — Дулиган) означает «средние» (по течению реки), второй — «верхние» и третий — «нижние». Вероятно, это были три весьма многочисленные группировки древних эвенков, которые до появления якутов осваивали среднее течение Лены приблизительно между устьями Олекмы и Вилюя. Каждая из этих трех группировок к приходу якутов, по-видимому, включала уже как эвенкийские, так и эвенские (ламутские) этнические элементы, что было связано с поглощением эвенками части тамошних юкагиров, или, точнее, их предков. Появление якутов в XIII—XIV вв. привело к деформации указанного тунгусского массива, в результате чего значительная часть сологонов оказалась на среднем Вилюе, а большинство эдиганов — в низовьях Лены (ниже устья Вилюя).

Большинство долганов оставалось на своем месте, но они подверглись сильному влиянию со стороны якутов. Еще до своей миграции с нижней Лены на запад группа вилюйских долганов перешла жить в междуречье нижней Лены и Яны, где упоминалась под названием «юкагиры» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 67 об.). Тамашние юкагиры-ядинцы в источниках практически неотделимы от этих долганов. Похоже на то, что они мигрировали с ними и на территорию Северо-Запада. Данное обстоятельство служит одним из доказательств того, что населением, поглощенным ленскими дулиганами, сологонами и эдиганами, было то, которое сейчас принято считать уральскими предками юкагиров.

Как показано выше, численность вилюйско-ленских долганов в 1640 г. не превышала 200 человек обоего пола. Однако фактически она была значительно большей, так как часть долганов учитывалась ясачными сборщиками в составе самостоятельных родов с названиями, образованными от имен возглавлявших их лиц. Среди таких родов был Нимчанский. Его название было, по всей видимости, образовано от имени Нимчан или Немченя, которое в 1639—1640 гг. принадлежало тунгусу из той группы долганов, которая во главе с князем Капчуней платила ясак «у Столбов» (МИЯ, 124—126).

Род Калтагир («Келтегир», «Калтакул», «Кельтят» и т. п.) был в XVII в. известен как у эвенков-оленьеводов, так и у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Вилюйские калтагиры платили ясак в Среднем Вилюйском зимовье, но кочевали, по-видимому, и в сторону нижней Лены, в районе «Столбов». Там в 1655—1660 гг. платило ясак от 21 до 40 «калтакулей», ведших обменный торг с

юкагирами (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 1567, л. 204; Долгих, 1960, с. 467).

Учитывая распространение среди юкагиров имен Келтега, Килтега, Колтога, можно думать, что калтагиры были в числе тех тунгусов, которые первыми продвинулись из Забайкалья и Приамурья в более северные районы Сибири, где вступили в контакт с юкагирами. Миграция части вилюйских тунгусов на юго-восток в XVII—XVIII вв. увлекла не всех калтагиров. Их остатки упоминались на Вилюе до самого конца исследуемого нами периода. Так, в 1830 г. среди прихожан вилюйской Николаевской церкви значились представители «Кельтьятского» рода во главе со старостой Филиппом Кондаковым — 180 человек (ЦГА ЯАССР, ф. 225-И, д. 28, л. 31—33). В 1926—1927 гг. в Вилюйском округе ЯАССР существовал «Кельтетский» наслег — 26 семей (91 человек). Жители наслега считались оленеводами, но у них имелись и коровы (Там же, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 28—29).

В основе этнонима Калтагир мы усматриваем эвенкийское *калта* — «расколоться, разбиться (на две части)», *калтака* — «половина» (ТМС, т. 1, с. 367). Какой древний род, «расколовшись», положил начало роду Калтагир, нам неизвестно.

Род Кукугир вилюйско-ленских тунгусов XVII в. кочевал преимущественно на нижней Лене между устьем Вилюя и «Столбами». Имеется известие о том, что тунгусы «Кумкогирского», «Калтакулского» и «Нимчанского» родов в 1652 г. побили ясачных сборщиков, шедших «из Жиган в Якутской» острог (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 307, ч. 2, л. 250 об.). После этого события «кумкогиры», или «кункигиры», перестали упоминаться на территории субрегиона; вероятно, они мигрировали на правобережье Лены.

Мы уже говорили, что Кукугир — эвенкийский род. Русские транскрипции этого названия («Кункигири», «Кункогирцы», «Кумкогир») отражают, по-видимому, его якутское произношение — Кункугур. Большинство кукугиров в XVII в. кочевало в отрогах Верхоянского хребта, где активно контактировало с юкагирами. Основы этнонима Кукугир, возможно, имеет отношение к эвенкийскому *куку* — «синий», «зеленый» или *кукэки* — «сойка» (ТМС, т. 1, с. 425—431).

Род Нюрмаган занимал весьма длинную полосу вилюйского побережья от устья р. Мункарима в среднем течении Вилюя до устья р. Кюндя в его верхнем течении. В устье этой последней реки, именуя ее «Кундыркой», Воин Шахов около 1636 г. поставил ясачное зимовье (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 52, л. 241). Центром кочевий нюрмаганов можно считать устье р. Марха («Варка»).

Ясачные документы первой половины XVII в. нередко совмещают нюрмаганов («мургатов») с нанагирами — обитателями Верхнего Приамурья. Так, в одном из первых известий о «мургатах» сообщается, что нанагирские князцы Конкочан и Илняктанан заплатили ясак на Вилюе за своего «брата» Лонконога, его сына и племянника, сидевших аманатами в Нижнем Вилюйском зимовье. Эти аманаты и их сородичи — «мургаты» — названы «улус-

ными людьми» нанагирских князцов и отнесенны к «Нанагирской волости» (Там же, л. 215—216). В 1648 г. допрошенные в Якутском остроге панагиры Укда, Ланагур и Синеуль называли тунгусов «Мургацкого» рода своими «родниками» (ЦГАДА, ф. 1177, ст. 48, л. 74—77).

По нашему мнению, «мургаты» представляли собой нанагиров, смешавшихся с дотунгусскими аборигенами Вилюя — туматами (см. четвертый раздел настоящей главы). Этноним Нюрмаган («Мургат») образован от гидронима Нюрба, служившего обозначением озера, которое до 1824 г. существовало на левом берегу реки выше устья Мархи (Маак, 1886, с. LXXXII). По-видимому, еще одной русской передачей этнонима Нюрмаган являлась транскрипция «Буриагир»¹⁴. Приведший ее Н. Н. Степанов считал, что «Буриагирский» род входил в «Нанагирскую волость» (Степанов, 1939, с. 69).

После ухода некоторых вилюйских тунгусов на юго-восток оставшаяся на Вилюе часть нюрмаганов стала именоваться по-якутски родом Брангат. Переходной формой от «Мургат» к «Брангат» можно считать транскрипцию «Бурагат» и «Марагат». «Бурагатинский род» упоминался в 1732—1733 гг. (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, ч. 4, л. 222). «Марагатский наслег» Вилюйского округа упомянут в одной из метрических книг в начале XX в. (ПМ, 1971, № 2, л. 155 об.)¹⁵.

В течение XVII—XIX вв. вилюйские нюрмаганы сильно обьякутились. В результате смешения с якутами их численность возросла. По переписи 1897 г., в Вилюйском округе был учтен 471 тунгус рода Брангат (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 124). Часть вилюйских брангатов — видимо, в конце XIX в. — переселилась в верховья Чоны, где стала именоваться «ургатылями» (см. главу 4).

В 1926—1927 гг. вилюйские брангаты составляли Садыно-Баранатский наслег Сунтарского улуса, а в 1929—1930 гг. — Брагатско-Садынский наслег Хочинского улуса. В этих наслегах, соответственно, указывалось 66 хозяйств (341 человек) и 67 хозяйств (325 человек). В 1926—1927 гг. у брангатов Хочинского улуса имелось 466 оленей, 355 голов крупного рогатого скота и 51 лошадь (ЦГА ЯАССР, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 18 об.; ф. 50, д. 1459, л. 30).

Род Сологон был в XVII в. плательщиком ясака в Верхнем Вилюйском зимовье. Центром кочевий сологонов являлось левобережье Вилюя между его притоками Мархой и Тюканом (МИЯ, с. 19, 46; Долгих, 1960, с. 472). Этноним Сологон (Шологон) образован от эвенкийского *сологон* ~ *шологон* — «житель верховьев реки» (ТМС, т. 2, с. 108). Как видим, фактическое расселение сологонов на Вилюе не отвечает указанному значению. Выше их жили нюрмаганы, хотя и они фактически находились не на верхнем, а на среднем течении этой реки. Данное обстоятельство подкрепляет высказанное нами выше суждение относительно былой дислокации сологонов на средней Лене, где они занимали местность, расположенную выше территории расселения долганов (дулиганов).

Кроме вилюйских сологонов, численность которых, как мы знаем, составляла в середине XVII в. 108 взрослых охотников, существовала большая группа «шелогонов» на нижней Зее, среди дауров. В. Д. Поярков называл у них в 1640-х годах 300 взрослых мужчин (ДАИ, т. III, с. 58). В районе Охотского острога тогда же существовала группа эвенов-«шелганов», которая в 1678 г. насчитывала 82 ясачных плательщика (Долгих, 1960, с. 522)¹⁶. Экстраполируя приведенные данные на группировку среднеленских сологонов, получаем ее ориентировочную численность порядка 2 тыс. человек. Эта цифра в несколько раз превышает численность наиболее крупных эвенкийских и эвенских кровных родов таежной Сибири в XVII в.

Сологоны, оставшиеся в XVIII—XIX-вв. на Вилюе, в сильной степени обьякутились. Перепись 1897 г. учла у них 444 человека (Патканов, 1906, ч. I, вып. 1, с. 18). Часть этих сологонов осела и завела хозяйство якутского типа; лишь немногие продолжали заниматься оленеводством. В 1926—1927 гг. упоминались две группы этих сологонов в Нюрбинском улусе: в одной было 12 хозяйств (62 человека), в другой — 51 (218 человек). Первая состояла исключительно из оленеводов, вторая — из оленеводов и скотоводов (ЦГА ЯАССР, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 18).

Род Увалагир обитал в XVII в. на среднем Вилюе. Данный этноним реконструирован Б. О. Долгих из транскрипции «Увлакир». Другими транскрипциями того же этнонима были «Фугляд», «Дуглят», «Увлят», «Фуфлят», «Вугляк». В XIX — начале XX в. тот же этноним писался как «Угулят» — видимо, это якутское произношение. В основе этнонима Увалагир Б. О. Долгих полагал эвенкийское *увала* ~ *угала* в значении «нести поклажу на себе». В членах этого рода он видел «сравнительно поздно отунгушенных аборигенов, не знавших в прошлом оленеводства» (Долгих, 1960, с. 473—474). Однако у увалагиров XVII в. олени имелись (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 317 об.).

О тесной связи увалагиров с дотунгусскими аборигенами красноречиво свидетельствует татуировка, которая покрывала их лица. В 1729 г. по указу Петра I в Петербург были вывезены три семьи «шитых рож» «из Фугляцкого рода» (Стелов, с. 61). Возможно, что смешавшиеся с аборигенами эвенки, образовавшие род Увалагир, были по происхождению нанайцами. О миграции части увалагиров на юго-восток у нас нет данных. По-видимому, все они оставались на Вилюе и лишь позднее некоторые из них под названием Увачан появились на Нижней Тунгуске (см. главу 4).

В 1824 г. угуляты Вилюйского округа Якутской обл. состояли из 269 мужчин и имели 133 оленя. Среди них упоминались не только «бродячие», но и «кочевые» (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 4), т. е. перешедшие к скотоводству и связанной с ним полуоседлой жизни. По переписи 1897 г. в Угулятском роде числилось 534 человека (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 166). Рост численности (по сравнению с XVII в.) можно объяснять смешением увалагиров с якутами. В 1920-х годах обьякутившиеся увалагиры — угуляты

образовывали Угулятский наслег Удугейского улуса Вилуйского округа — 134 хозяйства (542 человека) (ЛАН, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 18). Тогда же существовал и 2-й Угулятский наслег, в котором источники указывают от 125 до 159 жителей. Он входил не то в Нюрбинский, не то в Мостахский улус (ЦГА ЯАССР, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 18 об.; ф. 50, д. 1459, л. 29 об.).

Род Шамагир (Самагир) в местной ясачной документации практически не упоминается, однако пребывание шамагиров на Лене, к северу от Якутска, в первой половине XVII в. не вызывает сомнений. В источнике, которым пользовался А. Ф. Палицын, сообщается, что в 1628—1629 гг. шамагирский аманат сидел в Туруханском зимовье — вероятно, он был взят на Лене. Отпущенные тогда же с Нижней Тунгуски на Чону и Вилую служилые люди нашли, по их словам, на Лене, выше «Холопьеи орды»¹⁷, «Шамагирскую кочевую землицу», от которой было взято два аманата (Миллер, 1961, л. 1148, примеч. С. В. Бахрушина). Вероятно, в том же районе в 1639 г. служилые люди Дунарко Степанов и его товарищи взяли ясак «с тунгоского Шамагирского мужика с Васи-ва да с тунгоского ж князца Мужунка и съ его улусных людей 3 сорока 24 соболя» (КПМГЯ, с. 92). Полагая, что каждый охотник платил 3 соболя, определяем численность местных шамагиров в 48 ясачных плательщиков.

Имеющиеся данные указывают на последующее выселение шамагиров с нижней Лены на левобережье нижнего Амура. Представляется не случайным тот факт, что в составе нанайцев рода Самар¹⁸ на р. Горин (левый приток Амура) в конце XIX в. существовал «Джиганский род» (Шимкевич, с. 17). Вместе с тем очевидно, что часть нижнеленских шамагиров осталась на месте, а часть мигрировала на запад, к оз. Есей (см. следующий раздел).

Взаимодействие ленских шамагиров с якутами отразилось в распространении среди последних имен, напоминающих этноним Шамагир: Самагай, Саманкуй, Самарай, Самур, Самура (МИЯ, с. 29, 358, 363, 460—463, 658). Данный перечень свидетельствует о поглощении якутами нижнеленских шамагиров. На это указывают и более поздние сообщения о Хамагаттинском роде, или наслеге, якутов. Так, например, Л. Г. Левенталь упоминает о тяжбе, которую затеяли в первой трети XIX в. жители Батагайского наслега Дюпсунского улуса и Хамагаттинского наслега Намского улуса (Левенталь, с. 420). Согласно У. Г. Эргису, Хамагаттинский наслег находился на левом берегу Лены, в 70—80 км ниже Якутска (ИПРЯ, ч. 1, с. 291, примеч.).

Род Эбгисэл («Обгилцов», «Обгинцов», «Обдинцы») вначале платил ясак вместе с «шологонами» и «пуягирами» в Мангазео (Туруханск), но затем был приписан к Верхнему Вилуйскому зимовью. Судя по всему, члены этого рода мигрировали в общем потоке вилуйских эвенков на юго-восток, потому что на Вилую о роде Эбгисэл, начиная со второй половины XVIII в., нет упоминаний. В 1720 г. двое плательщиков ясака из «Эбгисельского» рода числились при Покровском монастыре на Лене (Долгих, 1960, с. 472—474).

Название интересующего нас рода, по-видимому, образовано от эвенкийского *эбгисэл*, где *эбги* или *эвги* — «склон (нижняя часть)» («ТМС, т. 2, с. 433»). В переводе это означает: «люди, живущие внизу, под горой». Характер этнонима указывает на то, что так скорее всего именовалась оседлая либо полuosедлая группа тунгусов — может быть, из рода Баягир или из рода Сологон, рядом с которыми эбгисэлы упоминались в XVII в.

Среди кангаласских тунгусов южной Якутии и севера Верхнего Приамурья эбгисэлы официально не упоминались, образуя, по-видимому, подразделение в составе одного из административных родов этой группы. В XIX в. часть эбгисэлов вместе с некоторыми другими кангаласцами переместилась на правобережье Амура, где С. М. Широкогоров выявил их в начале XX в. под названием рода «Обдихал» (Shirokogoroff, 1929, p. 129—130).

Род Эдиган в XVII в. и позднее был чаще известен под названием «Жиганского» рода, что отражает якутское произношение данного этнонима — «Эджиган». В 1633 г. служилые люди Алексей Архипов и его товарищи взяли на нижней Лене ясак с 72 человек (взрослых мужчин) — с Ыжиганов», во главе которых стоял Чедый Онкочанов (МИЯ, с. 14). Это означает, что общая численность нижнеленских эдиганов достигала тогда 280—290 человек всего населения. Вероятно, почти сразу же после обложения ясаком большинство эдиганов стало мигрировать на Алдан и вверх по его течению, в Приамурье. В 1644 г. на нижней Зее якутский письменный голова Василий Поярков обнаружил группу тунгусов «Ежегунского» рода (30 взрослых мужчин), жившую среди дауров (ДАИ, т. III, с. 53).

После оспенной эпидемии 1650—1653 гг. на Нижней Лене насчитывалось не более 10 ясачных плательщиков эдиганов (Долгих, 1960, с. 451). Позднее эта малочисленная группа, без сомнения, обьякутилась. Обьякученными эдиганами можно считать, в частности, «Бажегажинскую» волость «ясашных якутов Жиганского и Усть-Вилуйского зимовьев» периода ревизий 1762 и 1782 гг., в которой указывалось, соответственно, 68 и 82 мужчины (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 34).

То же название в транскрипции Биххигадыя А. Ф. Миддендорф в середине прошлого века упоминал у долганов Таймыра как эквивалент прежнего названия «Дзиганской орды», переселившейся туда «из окрестностей Жиганска на Лене» (Миддендорф, с. 689—690). Потомки остававшихся на Лене эдиганов были известны в 1916 г. под названием Жиганского рода в 3-м Хатынгском наслеге обьякученных тунгусов Жиганского улуса (Гурвич, 1966, с. 173).

Вместе с эдиганами на Таймыр с нижней Лены мигрировали и эдяны, представлявшие собой ламутизированную часть среднеленской группировки Эдиган. Суммарная численность всех эдянских групп («родов») до эпидемии оспы 1650—1653 гг. составляла, по грубым подсчетам, не менее 300 ясачных плательщиков, т. е. около 1200 человек всего населения. Две трети указанного числа прихо-

дились на долю восточных эдянов (среднеалданских, верхнемайских, охотских) и одна треть — на долю эдянов Северо-Запада. К западу от Лены эдяны упоминаются уже с 20-х годов XVII в. От 1623 или 1624 г. имеется известие о том, что в Пендинском зимовье на Нижней Тунгуске русские взяли ясак с 9 мужчин рода «Ачань» — выходцев с Оленека (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 23). «Ачан» — одна из распространенных транскрипций этнонима Эдян в XVII в.¹⁹

До эпидемии оспы 1650—1653 гг. на Оленеке находилось около 110 ясачных плательщиков эдянов (Долгих, 1960, с. 447). Однако во время эпидемии большинство их, по-видимому, откочевало обратно за Лену. Лишь небольшая часть эдянов вышла в конце XVII в. на Таймыр, где вместе с долганами и эдиганами заложила основу будущего долганского народа. О численности и расселении таймырских эдиганов и эдянов мы говорим в следующем разделе.

Нужно иметь в виду, что в начале XVIII в. небольшая группа эдянов под названием Эжанского рода перешла с Алдана на нижнюю Лену и тем самым как бы восстановила там свое пребывание. Род «Эжанской» при Жиганском зимовье упоминается в ясачных документах 1732 г. (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 223) и более поздних. Эти эдяны к началу XX в. обьякутились.

Чтобы закончить вопрос об эдиганах и эдянах, приведем два фольклорных свидетельства об их приходе на нижнюю Лену из более южных районов, расположенных выше на той же реке. Одно предание рисует прибытие сверху по Лене старика «Эджигээн» с восемью сыновьями. Остановившись на месте будущего Якутска, старик отправил далее вниз по реке троих сыновей. Они вошли в устье Алдана и поставили там знак в виде стрелки — указателя своего дальнейшего пути. После этого они поплыли вверх по Алдану и добрались до устья Май. Между тем, ветер повернул стрелку указателя на север, вследствие чего старик «Эджигээн» с остальными пятью сыновьями проплыл мимо устья Алдана в низовья Лены. Там эти люди обосновались и положили начало «Эджиганскому» роду. В свою очередь трое алданских сыновей старика стали основателями Купского, 1-го и 2-го Эжанских родов (Николаев, с. 181—182).

Другое предание повествует о старике «Эджэне», жившем где-то выше Якутска, по Лене. Он тоже послал двух сыновей «на поиски новых земель», но после традиционной истории со стрелкой-указателем они остались на Алдане, а старик с тремя другими сыновьями обосновался в низовьях Лены, став родоначальником «Эджиганского» рода (Там же, с. 180).

Оба предания выводят предков эдиганов и эдянов с более верхнего течения Лены, причем в первом случае речь идет об эдиганах, а во втором — об эдянах. Оба предания записаны С. И. Николаевым на Алдане от тамошних якутов и обьякученных тунгусов.

Теперь остановимся на родах так называемых пеших якутов, плативших ясак в Нижнее Вилюйское зимовье. В главе 4 мы говорили, что эти «якуты» были, за немногими исключениями, безоленными тунгусами, подвергшимися ассимиляции со стороны якутов. Приводимые нами ниже сведения подтверждают данное положение.

Первым в ряду таких групп в ясачной книге Воина Шахова указан «Род Осекуйской пешие якуты» — 20 ясачных плательщиков. Имена осекуев — Арчикан (оно принадлежало главе рода), Табукан и Чемчегор (МИЯ, с. 145—146) — безусловно, тунгусские. Больше того, имя Чемчегор, по-видимому, отражает тунгусский родовой этноним Чемчагир, известный в XVII в. у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ст. 973, ч. 2, л. 90, 224). «Вилюйские осекуи подвергались притеснениям со стороны местных тунгусов. В 1645 г. осекуи жаловались, что «кайтакулские» тунгусы (калтагиры) отняли у них имущество и корм, а жен, детей и «холопей» — «поимали себе в холопи». В 1656 г. произошел еще один такой случай (Токарев, 1949, с. 96). Эти притеснения, по-видимому, заставили осекуев покинуть Вилюй и переселиться на Нижнюю Тунгуску, где они, как мы знаем, стали известны под названием рода Ошикир, или Ошикагир (см. главу 4).

«Род Кокуйской пешие якуты» насчитывал при Воине Шахове 15 ясачных плательщиков. В списке имен кокуев наше внимание привлекает имя Инбак (МИЯ, с. 147), вероятно, адекватное имени Индак. Улусный «лучший человек» Индак упоминался енисейским воеводой Афанасием Пашковым в 1650-х годах у тунгусов «Кокогирского» рода (СДИБ, с. 203), платившего ясак в Нерчинский острог. Транскрипция Кокогир могла относиться как к эвенскому этнониму Кукугир, так и к эвенкийскому этнониму Нанагир²⁰. Но поскольку эвены-кукугиры кочевали по Олекме, верховья которой близко подходят к верховьям Нерчи, то есть основание считать, что в данном случае «кокогиры» — это нанагиры и что тунгус Инбак из Кокуйского рода — это тунгус Индак из Нанагирского рода. Нельзя не обратить внимания и на то, что транскрипции Кокуй и Кокогир достаточно близки. В итоге оказывается допустимым совмещение кокуев с нанагирами. Добавим, что Кокуйский род упоминался при Нижнем Вилюйском (Усть-Вилюйском) зимовье еще в 1732 г. (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, ч. 7, л. 221). Позднее же кокуи, наверное, окончательно слились с нижневилюйскими якутами.

«Род Кирикиской пешие якуты» состоял, если судить по уплаченному им ясаку, из 5 ясачных плательщиков. Во главе этой группы стоял некий Елбуга (МИЯ, с. 152) — по имени явный тунгус. Транскрипция «Кирикиской», вероятно, отражает эвенкийские термины *кирикэ*, *кирихи*, имеющие значения «грязный, гадкий», хотя соответствующий термин *кир* имеется и в якутском языке (ТМС, т. 1, с. 398).

«Род пешие якуты Онтулы» насчитывал 6 ясачных плательщиков. Первым в списке этого рода указан человек по имени Момоль (МИЯ, с. 152). Оно напоминает нам о роде Момоль, существующем у эвенков Подкаменной Тунгуски (см. главу 3). Название «Онтулы» можно рассматривать как производное от тунгусского имени Онтоул.

В заключение этнонимического обзора определим наше отношение к группам, называемым в вилюйско-ленском субрегионе А. Ф. Палицыным. «Баяхты» — это, скорее всего, искаженное название рода Баягир, тем более что о последнем Палицын вообще не упоминает. «Каригили» — тоже искаженное название явно тунгусского происхождения. Не исключено, что речь шла о роде Карагир, название которого было сформировано от эвенкийского *кара* — «черный», «глухарь» (ТМС, т. 1, с. 379). Отражением данного гипотетического этнонима может являться название рода Каргир, выявленного С. М. Широкогоровым у тунгусов Маньчжурии в качестве одного из «старых» родов бираров (Shirokogoroff, 1929, p. 132).

«Кояты» — группа, которую нам не с чем сопоставить на территории этнического ареала тунгусов. Возможно, что этноним Коят имеет отношение к эвенкийскому *кой*, *койит* — «хитрить, обманывать» (ТМС, т. 1, с. 403). Названия с подобной смысловой окраской эвенки и эвены нередко давали группам аборигенного происхождения.

«Осси» — без сомнения, то же, что Оссукийский род пеших якутов, о котором шла речь выше.

В «Холопье́й орде» мы склонны предполагать группу обьякученных тунгусов-рыболовов, живших на Лене выше устья Вилюя. Такими рыболовами могли быть безоленные долганы и шамагиры, находившиеся в вассальной зависимости от якутских князцов.

3

Тунгусы Есея, Таймыра, Анабары и Оленека

Как мы отмечали в предыдущей главе, численность плательщиков ясака в Есейском зимовье во второй половине 1630-х годов резко возросла. Это произошло главным образом за счет переселения в район оз. Есей части эвенков с Нижней Тунгуски — ваяндов, нюнюрмняйс, догочагиров, малгачагиров. Основную массу этих переселенцев составляли ваянды, которые, начиная с 40-х годов XVII в., стали составлять абсолютное большинство есейских эвенков.

На Анабаре в 1645 г. упоминались тунгусские аманаты «Шань-янского роду Галанейко да Широта Рымакин, а роду у них 40 человек, да Каратунского роду Игиля, а роду у него 25 человек» (КПМГЯ, с. 19).

На Оленеке в 1640 г. был взят ясак «с тунгусского князца с Ом-нюгина отца с Папырыка и з детей его и с родников 67 соболей,

7 соболей без хвостов да 2 шубенки соболями тунгусских» (МИЯ, с. 126). Судя по количеству взятой пушнины, речь идет о группе, численностью не менее 25 ясачных плательщиков, что составляет приблизительно 100 человек всего населения. Позднее, в 1645 г., в Оленекском зимовье числились следующие роды тунгусов, обозначавшиеся по именам лиц, которые их возглавляли: Андризин, Буруканов, Гасиев, Лосяков, Немнин, Пайкин (КПМГЯ, с. 19; Долгих, 1960, с. 449—450; Гурвич, 1966, с. 42). Немнин род означал группу (видимо, семью), платившую ясак под аманата Немню — брата вышеуказанного Омнюги (Умнюги) Папырыканова. Род Буруканов, возможно, представлял собой ответвление выше названного Каратунского рода. Б. О. Долгих оба эти рода отождествлял (1960, с. 449). Общая численность плательщиков ясака в Оленекском зимовье была определена Б. О. Долгих применительно к 1651 г. в 156 человек (Там же, с. 447), что составляет около 640 человек обоего пола.

В Есейском зимовье, по данным ясачной ревизии 1682 г., учитывались следующие группы плательщиков ясака: 1). «Род Телегин» — 10 чумов, 22 ясачных плательщика, 30 мужчин; 2). «Род Кунедин» — 6, 22, 37; 3). «Род Юлегин» — 7, 18, 38; 4). «Род Кунедков» — 5, 16, 27; 5). «Род Мунуков» — 10, 26, 41; 6). «Род Кузнецов» — 7, 18, 26; 7). «Род Мугалской» — 7, 16, 26; 8). «Анабарские тунгусы, которые платят ясак на Есеи озере», — 3, 6, 8; 9). «Род Уюрилцы» — 6, 14, 26 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 178—207). Приведенные сведения указывают на то, что в 1682 г. в данном районе насчитывалось 158 ясачных плательщиков, что означает около 630 человек всего тунгусского населения.

Всего, таким образом, эвенки рассматриваемого нами субрегиона составляли в промежутке 1645—1682 гг. 339 ясачных плательщика, или около 1360 человек всего населения. Учитывая, что часть анабарско-оленекских эвенков погибла от оспы в 1650—1653 гг., уменьшим полученную цифру до 1,3 тыс. человек. Все местные эвенки были оленеводами.

В 1683 г. на Оленек бежали тунгусы, участвовавшие в разгроме Есейского зимовья. В их числе упоминались представители родов «Вашавинского», «Вонядырского», «Долганского», «Килягирского», «Муанского», «Усмагирского», «Уюринского», «Ченагирского» и «Шевитцкого» (Долгих, 1960, с. 151; Гурвич, 1966, с. 45). Новыми здесь для нас являются роды «Килягирский», «Вашавинский» и «Шевитцкий», поскольку «Муанский» род — это Малгачагир, «Усмагирский» — Шамагир, «Уюринский» — Нюрумняль и «Ченагирский» — Синигир (Чинагир).

«Вашавинский» и «Шевитцкий» роды следует, по-видимому, принимать за один, поскольку каждый из них указан в двух разных списках есейских тунгусов на Оленеке третьим по счету после «Килягирского» и «Вонядырского» родов: «Вашавинский» — в списке 1684 г. и «Шевитцкий» — в списке 1685 г. Названия «Вашавинский» и «Шевитцкий» мы считаем неудачной транскрипцией родового этнонима Ховокигир (также Шевокигир), о котором мы гово-

рили в главе 4. Что же касается «Килягирского» рода, то в нем мы склонны видеть часть рода Килэ («Киларского»), существовавшего в XVII в. у охотских эвенов. Вероятно, группа киларов²¹ пришла на территорию Северо-Запада вместе с эвенами родов Долган и Эдян. Но после 1683 г. большинство их, как можно думать, вернулось обратно.

После восстания 1682—1683 гг. район Есейского зимовья опустел. В 1735 г. при этом зимовье числилось всего 5 плательщиков ясака тунгусов. Ясачное население, состоявшее при том же зимовье, но обитавшее севернее — на реках Хета и Хатанга, состояло из 11 неокладных якутов и 10 неокладных тунгусов (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 139 об.—140 об.). В дальнейшем, однако, в район оз. Есей переместилась часть анабарских и оленекских тунгусов. В 1765 г. там платили ясак род князца Келюнца (34 человека мужского пола) и род князца Холостоя (62 человека мужского пола), образовавшие Есейскую вол. Список рода князца Холостоя, начиная с № 48, включает представителей «Черповского рода» — 15 человек мужского пола, ранее не упоминавшегося (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 4 об., 6, 11—13 об.).

В период ясачной ревизии 1782 г. Есейская вол. включала уже пять платежных групп: 1). Якуты на Хатанге — 357 человек обоего пола; 2). Крещенные тунгусы Вадеева рода на Боганиде²²—103; 3). Некрещенные тунгусы Долганского рода — 225; 4). Некрещенные тунгусы Харитонов рода — 58; 5). Некрещенные тунгусы, вышедшие из Турыжской вол., — 19 человек обоего пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 47 об.—58 об.). Из тех же материалов следует, что тунгусы Долганского рода — это члены бывшего рода князца Холостоя²³. В Долганский род, как прежде в род Холостоя, входили тунгусы «Черповского» рода (23 человека мужского пола), а также дополнительно — тунгусы «Догорского роду», т. е. догочагиры (24 человека мужского пола). Таким образом, во второй половине XVIII в. все ясачное население, обитавшее между Есеем и Хатангой, было объединено в рамках Есейской вол. Новым здесь для нас является только Харитонов род тунгусов.

В 1820-х годах енисейский губернатор А. П. Степанов разделил Есейскую вол. на несколько административных родов (управ): 1). Долгано-есейский (между Есеем и Хетой); 2). Долгано-тунгусский (на правом берегу нижнего Енисея, возле сел. Дудинка); 3). Жиганский тунгусский (там же); 4). Боганидско-тунгусский (на Хете, возле устья р. Боганида); 5) Нижнезатундринский якутский (на Хатанге); 5). Вадеевский самоедский (возле Нижнезатундринского запасного магазина) (Долгих, 1946, л. 716—717; АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52). Данный перечень показывает, что всего было сформировано четыре тунгусских административных рода, один якутский и один «самоедский» (нганасанский), причем в последний, как видно, были включены тунгусы Вадеева рода. Приводим сводку этих тунгусских родов с указанием их численности на три даты: 1824, 1860 и 1897 гг.²⁴

Административный род (управ.)	Численность (чел.)		
	1824 г.	1860 г.	1897 г.
Долгано-есейский	336	382	522
Долгано-тунгусский	182	191	425
Жиганский тунгусский	146	144	87
Боганидско-тунгусский	116	108	208
<i>Итого:</i>	780	825	1242

Как видим, к концу XIX в. численность этих административных родов возросла в полтора раза — главным образом, за счет смешения их членов с окружающим населением (якуты, русские старожилы, самодийцы).

Абсолютное большинство тунгусов всех четырех родов нашей таблицы являлось потомками эвенкийских и эвенских выходцев из низовьев Вилюя и Лены — долганов, эдиганов, эдянов. Они сейчас и составляют этническое ядро нового долганского народа, основные этапы формирования которого нами рассмотрены в заключительном разделе настоящей главы. Однако, кроме этих тунгусов, в западной части Северо-Запада в XVII — начале XX в. кочевали и эвенкийские выходцы с юга, из региона Нижней Тунгуски. Большинство этих выходцев составляли представители четырех Летних управ и Чапаги́рокой управы. В 1860 г. «летние» тунгусы, числившиеся в Дудинском участке Туруханского отделения, насчитывали 331 человека, а чапагирские тунгусы — 272 человека (*Кривошапкин*, т. 2, с. 355).

Местные чапагиры концентрировались главным образом в районе «Лантакайского камня» — гор, с которых текут реки Дудинка и Фокина — правые притоки нижнего Енисея (ПМ, 1959, № 1, л. 20 об.). Расселение «летних» эвенков было значительно более широким. Члены 2-й Летней управы во второй половине XIX в. «бродили» между оз. Есей и р. Авам, получая хлеб из Авамского запасного магазина (*Мордвинов*, 1860, с. 27). В метрических записях Туруханской Преображенской церкви за 1885 г. упоминается «2-я Летняя долгано-тунгусская управа» (ГАЭАО, ф. 30. оп. 1. д. 78, л. 240 об.), что может быть истолковано как смешение членов 2-й Летней управы с Долгано-есейским родом. В 1893 г. почти все представители этой управы числились прихожанами Хатангского прихода и лишь незначительное их число — прихожанами Дудинского прихода (ГАКК, ф. 667, оп. 2. л. 68. л. 9—10 об.). По переписи 1897 г., 2-я Летняя управа насчитывала 213 человек (*Патканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 157).

Члены 3-й Летней управы в начале второй половины XIX в. кочевали по р. Дудинка и у Норильских озер, с припиской к Дудинскому запасному магазину (*Мордвинов*, 1860, с. 27; *Кривошапкин*, т. 2, с. 31). В конце века районами их обитания считались также реки Хета и Дудыпта (*Патканов*, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 157). Большинство этих эвенков являлось прихожанами Хатангского

прихода, а меньшинство — Дудинского. Церковные данные за 1893 г. определяют их общую численность в 264 человека (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 68, л. 10 об.). тогда как по переписи 1897 г. она составляла всего 88 человек (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 157). Это означает, что перепись весьма полно охватила указанных эвенков.

Члены 4-й Летней управы в начале второй половины XIX в. кочевали в районе р. Летняя Курейка²⁵ по соседству с карасинскими «остаяками» — кетами и селькупам. В это время у них учтывалось 126 человек. Половина указанного числа находилась на левом берегу Енисея (Мордвинов, с. 27). Священник М. Суслов в своем отчете за 1884 г. называл у них «Курейскую управу» с численностью 77 человек (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 27, л. 52). В исповедальных записях Есейской церкви за 1909—1913 гг. 4-я Летняя управа названа также (в скобках) «Карасинской» (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 33, л. 25). И то, и другое было неофициальным названием. По переписи 1897 г., в 4-й Летней управе было учтено 80 человек (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 157).

В восточной части субрегиона большинство тунгусов было на рубеже XIX—XX вв. обьекученным. Приполярная перепись 1926—1927 гг. называет на Анабаре (Анабарский р-н Якутской АССР) якутов, русских, долганов, а на Оленеке (Оленекский р-н) — тунгусов, без уточнения их родовой принадлежности (ЦГА ЯАССР, ф. 50, оп. 1, д. 1459, л. 28—28 об.). О судьбе и этносоциальной структуре долган и этих «тунгусов» мы говорим в заключительном разделе настоящей главы.

* * *

Приполярная перепись выявила между нижним Енисеем и Анабарой 23 тунгусских рода: Баягир, Долган, Донгот, Елдагир («Иолдагир»), Иологир («Иолигир»), Каранто, Кемукагир, Кильмагир, Мелгачагир, Маят (Ваняд), Иижнечумский («Неизвестный»), Тамбегир, Угдакогир, Тыптагир («Топтыгир»), Хукочар, Хутокогир, Чапагир-Лютот, Чарпок, Чемпогир («Чембагир»), Эдиган, Эдян, Якчар и Ялтакагир. Значительная часть названных групп нами были рассмотрена в главе 4. и те из них, по которым у нас нет дополнительного материала применительно к рассматриваемому субрегиону, мы исключаем из предстоящего обзора. Поэтому в списке подлежащих анализу родов и других этнонимических групп мы оставляем только следующие: Баягир, Ваняд (Маят), Догочагир, Долган, Донгот, Иологир, Каранто («Каратунский»), Кильмагир, Нюрумняль, Синигир (Чинагир), Тамбегир, Тыптагир, Харитонов, Хомпо²⁶, Чемпогир, Чарпок («Черповский»), «Шаньянский», Эдиган, Эдян и Якчар.

Начнем наш обзор с рода Баягир. Мы знаем, что в первой половине XVII в. баягиры жили на Нижней Тунгуске и имели там довольно значительную численность. Однако уже около середины века они начали мигрировать оттуда на север и в материалах ясачной переписи 1682 г., относящихся к эвенкам Нижней Тунгуски и Есея, их нет. Отсутствуют баягиры и в материалах ясачных реви-

Группировка	Численность		
	семей	человек	оленей
Дудыптская	7	37	398
Боганидская	10	45	661
Аякли-Аянская	2	9	110
Боярско-Хетская	10	59	216
Хетско-Нововская	1	5	29
Всего:	30	155	1414

зий второй половины XVIII в., относящихся к регионам Нижней Тунгуски и Северо-Запада. Однако на карте Енисейской губ. 1822 г. они показаны как обитатели р. Хета в составе Есейской вол. (Долгих, 1963, с. 119). Отсюда легко прийти к заключению, что большинство баягиров стали обитателями бассейна Хатанги.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. выявила баягиров в пяти территориальных группировках западной части рассматриваемого нами субрегиона (см. таблицу)²⁷.

Почти две трети местных баягиров (18 семей, 87 человек) говорили в это время на якутском языке.

Вадеев род как таковой появился в период между ясачными ревизиями 1765 и 1782 гг. Б. О. Долгих, по его словам, видел документ 1771 г., в котором (вероятно, впервые) говорится о получении ясака — двух соболей — «с некрещеных тунгусов вадеева роду» (1952 б. с. 23). В материалах ревизии 1782 г. этот род назван следующим образом: «Есейской волости некрещеные тунгусы Вадеева роду, состоящие в платеже ясака на реке Боганиде». В 1782 г. в этом роде числилось 58 человек мужского пола, а в 1795 г. — 74 (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 48, д. 6, л. 32 об.). Список тунгусов Вадеева рода за 1795 г. содержит, помимо тунгусских, и нганасанские имена: имеются сведения о брачных связях этих тунгусов с «самоедами» Авамской вол. и тунгусами Харитоновой рода (Там же, д. 6, л. 29—32 об.). В начале XIX в. Вадеев род считался уже «самоедским». Согласно Б. О. Долгих, в одном из документов 1818 или 1819 г. упоминался «самоед вадеевского роду» (Долгих, 1952б, с. 20—21). Сравнение численности Вадеева рода за 1795 и 1824 гг. показывает, что в «самоедский» Вадеевский род вошла только часть тунгусов Вадеева рода. Большинство же их, вероятно, присоединилось к тем нганасанам, которых Б. О. Долгих именовал «авамскими» (см. ниже). Название Вадеева рода, судя по его характеру, представляет собой производное от имени Вадей или Водей. Имя Водея, как мы уже знаем, в 1682 г. принадлежало 18-летнему сыну тунгуса Лучекана из рода Саладкин на Нижней Тунгуске (см. главу 4). Но аналогичное имя могло, конечно, принадлежать и другим тунгусским группам.

Ваняды (в якутской огласовке — маяты) в первой половине XVII в. упоминались русскими на весьма значительной территории

между Нижней Тунгуской и Хетой. Так, в 1625 г. «вонодыри» (3 ясачных плательщика) были показаны на Нижней Тунгуске рядом с «боягиршами» и «маулгирами» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 22), т. е. момогирами. В 1627 г. члены «Унядцкого» (1 ясачный плательщик) и «Маябдинского» (4 ясачных плательщика) родов платили ясак, по-видимому, на Хете вместе с тавгами²⁸ и якутами (Долгих, 19526, с. 52—53). В 1639 г. двое ваяндов — отец и сын — числились плательщиками ясака в Усть-Титейском зимовье, однако в ясачной книге отмечалось, что они «взяты в оманаты в Пяси́де, на Есее озере, да и вперед им с себя государев ясак платить в Пяси́де ж, потому что прежние [их] жиры на Есее бывали» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 699 об.).

Малочисленность ваяндских «родов» до 1682 г. и их многочисленность в этот период наилучшим образом доказывают тот факт, что они составляли одно целое с нюрумнялями Нижней Тунгуски. Вероятно, более северные группы этой этнографической общности чаще именовались ваяндами («ванадырами»), а южные (Нижняя Тунгуска) — нюрумнялями.

Приводим сводку отдельных «родов» ваяндов Есея за 1644 и 1682 гг.²⁹

1644 г.	1682 г.	Численность (яс. пл.)	1644 г.	1682 г.	Численность (яс. пл.)
Телегин	Телегин	22	Сенин	Мунуков	26
Кунедин	Кунедин	22	Кузнецов	Кузнецов	18
Тырин	Юлегин	18		Уюрилцы	14
Даргинин	Кунедиков	16	Итого:		136

Сводка показывает, что названиями большинства ваяндских «родов» послужили личные имена их глав. Исключения составляют названия «Юлегин» и «Уюрилцы», соответствующие этнонимам Иологир и Нюрумняль. Именные названия 1644 и 1682 гг. совпадают лишь наполовину, что вполне естественно, поскольку в течение 38—40 лет некоторые из глав ваяндских «родов» успели смениться. В именных «родах» ваяндов (нюрумнялей) мы склонны усматривать либо патронимии, либо большие патриархальные семьи, либо, наконец, группы типа «составных семей» юкагиров, включавшие не только кровных родственников, но и свойственников.

Дальнейшие известия о ваяндах Северо-Запада весьма скудны и отрывочны. В 1721 г. на Оленеке заплатил ясак 51 человек (взрослых мужчин) «Маядыльского» рода (Долгих, 19526, с. 32). В 1732—1733 гг. тот же род тунгусов числился при Жиганском зимовье на Лене (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 223). В 1795 г. пятеро «маядыльских» женщин состояли замужем за нижнеленскими тунгусами «Кюпского»³⁰ рода (Гурвич, 1966, с. 89).

О ваяндах (маятах) из якутского фольклора известно, что они

много времени посвящали охоте на диких оленей — обыкновенно во время их переправ через крупные реки. В одном предании о маятах Оленека говорится: «Эти люди мастерски охотились на диких оленей» (ИПРЯ, ч. 2, с. 76—77). Эвенкийский и якутский фольклор довольно однозначно рисуют гибель маятов от голода и других причин. Согласно преданию, записанному И. И. Суворовым в Эвенкии, маятам доставляло удовольствие снимать шкуру с живых оленей, а также выкалывать им глаза и допускать другие жестокости. В результате звери и птицы перестали попадаться маятам, и последние почти все погибли от голода. Оставшиеся в живых пришли на оз. Есей, нашли там вмерзшую в лед рыбу и подрались из-за нее. В конечном счете уцелел лишь один из маятов (Эвенкийские сказки, с. 20).

Вероятно, часть ваяндов (маятов), живя среди якутов, обьякутилась. Потомки этих обьякученных ваяндов были обнаружены в 1926—1927 гг. на Таймыре в составе Дудыптской территориальной группировки; их оказалось всего 8 семей (37 человек) с 398 оленями. Фамилией им служил этноним Бети, или Бету. Себя они считали якутами (Долгих, 1946, л. 440—441).

Еще более скудны сведения, в которых упоминаются нюрумняли Северо-Запада, что в общем понятно, исходя из нашего понимания существа этой группы, составлявшей одно целое с ваяндами. В первой трети XVIII в. оленекские тунгусы жаловались на ежегодные появления на их землях «жярумжалцев» и баягиров «Мангазейского присуда» (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 7, л. 241), вероятно, с целью добычи диких оленей. Это одно из последних упоминаний о местных нюрумнялях как таковых.

Весьма любопытно, что сведения о таинственных и враждебных «нюрамнах» проникли в фольклор охотских эвенков. Он изображает «нюрамнов» как силу, заставившую западных эвенков отойти к Охотскому побережью (Новикова, с. 83). Магаданский эвен И. П. Кудрин нам говорил, что в нижнеколымской тундре живут эвены, говорящие на юкагирском языке, которых соседи называют «нюрумнял» или «хуруличар» (ПМ, 1969, № 1, л. 24)³¹. Он, конечно, имел в виду тунгусов Бетильского рода, которые в первой трети XVIII в. мигрировали с нижней Лены на Алазею (Иохельсон, с. 209, примеч.) и подверглись там ассимиляции со стороны юкагиров. Вот, видимо, к этой группе бетильцев и примкнули те нюрумняли, которые в начале 1680-х годов бежали от Есейского зимовья на восток.

Род Догочагир в XVII в. был обитателем региона Нижней Тунгуски (см. главу 4). Однако после переписи 1682 г. догочагиры там больше не упоминались, а во время ясачных ревизий 1782 и 1795 гг. они под названием «Догорского» рода значились в Есейской вол. на реках Хета и Хатанга. В 1795 г. в «Догорском» роде было указано 34 человека мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 2, д. 6, л. 42 об.). Первым в списке рода стоит «князец Сатаرامо, он и Челкича». Первое из этих имен — «самоедское», второе — тунгусское. В 1765 г. тунгус Сытарам, 36 лет, был указан последним в списке

рода князя Холостоя (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, л. 11—13). Некоторые тунгусы «Догорского» рода имели жен, взятых из «самоедской» Хантайской вол. (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 40—42 об.). Все это вместе взятое свидетельствует о частичном смещении догочагиров с самодийцами. В материалах ясачных ревизий 1782 и 1795 гг. списки «Догорского» рода подверстаны к спискам Долганского рода. Поэтому можно думать, что после разукрупнения Есейской вол. на административные роды догочагиры оказались в составе Долгано-тунгусского рода.

В XIX — начале XX в. таймырские догочагиры были известны как «донготы». К. М. Рычков называл их, по-видимому, родом «Дохомол», который, по его словам, кочевал в «Камне»³², у Медвежьего яра (?) и у Норильских озер (Рычков, 1915, с. 269). По переписи 1926—1927 гг. члены рода Донгот насчитывали 48 семей (271 человек) и имели 2072 оленя. Донготы были обнаружены в Дудинско-Гольчихинской, Норильской, Дудытско-Пясинской и Хатангской территориальных группировках (Долгих, 1946, л. 411—413, 435—436, 462—463). Донготы подразделялись на четыре экзогамных рода: 1). Мокойбуттар (в основном семьи с фамилией Левицкий); 2). Харыбалар (Лаптуковы и Сотниковы); 3). Оруктахтар (в основном Яроцкие); 4). Тонкойдор (Сахатины). Общая численность указанных групп составляла 181 человек (Долгих, 1963, с. 112), т. е. примерно две трети всех донготов. Якутские названия этих групп свидетельствуют о тесных брачных связях донготов с догочагирами с якутами.

Этнонимы Догочагир и Донгот взаимосвязаны общей основой *донгото* — «мороз», «мерзлый», «холодный» (ТМС, т. 1, с. 216). Исходя из этого, мы полагаем, что правильным названием данного должно быть Донгочагир или Донготогир. Догочагиры были, по-видимому, выходцами с Вилюя. На это указывают два имени в списке догочагиров за 1682 г.: Тумата и Паягирец (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 99 об., 103). Первое напоминает нам о дотунгусском населении Вилюя — туматах (см. заключительный раздел этой главы), второе — об эвенках рода Баягир. Связью догочагиров с Вилюем можно объяснять и их миграцию вместе с другими вилюйскими эвенками в южные районы Якутии и в северные районы Верхнего Приамурья. Там потомки догочагиров известны под названием рода Донгоир (Николаев, с. 19).

Долганский род в Есейско-Оленекском субрегионе составляли тунгусские выходцы с нижнего Вилюя и Лены. Первые из них, возможно, пришли на Таймыр и Нижнюю Тунгуску еще до появления там русских. Так, упоминавшийся на этой реке у шилигиров в 1629—1621 гг. тунгус Долгоша (или Долгуша) (см. главу 4) был, по всей вероятности, долганом по происхождению. На это указывает и тот факт, что таймырские долганы сами себя называли «долгаш» (Миддендорф, с. 688, 698). Вместе с тем основная масса долганов переселилась в западную часть рассматриваемого нами субрегиона лишь в 40-х годах XVII в. или даже позднее. Около 1645 г. долганы были обнаружены русскими на Оленеке, где они

составляли ряд локальных групп, названия которых были приведены нами в начале раздела. Речь, в частности, может идти о «родах» Андризине, Гасиеве и Немнине (Умнюгине), которые в цитированном нами источнике 1645 г. названы «янскими». О том, что эти янские выходцы были долганями, мы судим по следующему признаку: в начале 1640-х годов на Яне упоминалась довольно значительная группа «юкагиров» во главе с князем Дыгинчей (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 174, л. 67—68). Имя Дыгинча как раз в это время принадлежало известному князю Долганского рода (см. второй раздел).

Наши соображения находят поддержку и в фольклоре северных якутов-оленьеводов. В записях, сделанных в 1890 г. В. Л. Серошевским в Намском улусе, говорится, что в старину в одно и то же время жили два тунгусских богатыря — Бюлюй-Эрюнча и Джянгы-Даринча. Здесь Бюлюй — это Виллюй, а Джянгы — Яна (в якутском произношении). Эрюнча, желая померяться силой с Даринчей, пришел в его землю на лыжах, нашел полные мехов лабазы, забрал лучших соболей и лисиц и вернулся домой. Даринча отправился на Виллюй, чтобы ему отомстить, но догадливый Эрюнча пригласил его в гости, оставил ночевать и ночью ударил его, спящего, копьем. Раненый Даринча пытался бежать, но был убит (*Сорошевский*, с. 226—227). Есть все основания считать, что фольклорный Даринча — это Дыгинча, глава нижнеянских «юкагиро:» — долганов.

В предании сообщается, что после Даринчи остался его сын Энкебиль бёгё, т. е. «мощный». Он отправился разыскивать отца. Придя на Виллюй, он убил младшего из сыновей Эрюнчи — Чыкыуса («кузнец») и многих других людей Эрюнчи, а остальных увел в верхоянские горы (Там же, с. 229). В записях хосунского эпоса, сделанных в 1923—1924 гг. Г. В. Ксенофоновым, Юнгкэбиля (сын Даринчи) живет и действует уже на Оленеке. Это, по-видимому, отражает переселение нижнеянских долганов на запад от Лены.

Фольклор не определяет национальной принадлежности Юнгкэбиля — он просто витязь, хосун. Традиционные противники Юнгкэбиля — Чэмпэрэ и Юрэн (*Ксенофонов*, 1937, с. 490—501). В последнем нетрудно узнать виллюйского Эрюнчу, хотя и живущего на Оленеке. В одном из преданий брат Юнгкэбиля Эджээн снимает с раненого Юрэна воинский передник (*далыс*), лук, колчан и палму, а затем и убивает его. Жена Юрэна переходит жить к Эджээну (Там же).

«Энкебиль» или «Юнгкэбиль» — якутское произношение тунгусского имени Онковул. Онковул — вполне конкретная историческая личность: он жил в середине XVII в. на Оленеке и, как видно, был главой местных долганов²³. В свою очередь, Эджэн — это, очевидно, хосун (сонинг) рода Эдян. В якутском предании «Омук Юрэн» рассказывается, что в устье Оленека жил «эвенк по имени Юрэн. Он в те времена перебил много омуков» (ИПРЯ, ч. I, с. 107). Основываясь на предыдущих соображениях, легко видеть, что «омуки» (чужеплеменники) — это все те же долганы и эдяны. Ха-

рактарно, что «омуком» Юрэн являлся и для якутов. Кто же он был? Мы полагаем, что он представлял враждебную долганам и эдянам коалицию есейских эвенков.

Между серединой XVII и второй половиной XVIII в. у нас нет никаких сведений о долганах Северо-Запада. Впервые после долгого перерыва они появляются под названием Долганского рода в материалах ясачной ревизии 1782 г., хотя есть основания считать, что род князца Холостоя из материалов ревизии 1765 г. также в значительной степени состоял из долганов. В 1782 г. главой Долганского рода был тунгус Сухой — сын умершего Холостоя (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 51). Численность этого рода — без «Догорского» и «Черповского» родов — составляла 14 семей (66 человек мужского пола) (Там же, л. 51—55 об.), т. е. около 120 человек всего населения. В первой четверти XIX в., как мы знаем, долганы были разделены на два административных рода — Долгано-Есейский и Долгано-Тунгусский. В обоих родах в 1897 г. числилось 947 человек (см. выше). По материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг. численность и расселение представителей названных долганских родов выглядели следующим образом³⁴:

Группировка	Численность		
	семей	человек	оленьей
Дудыпско-Пясинская	9	38	167
Боганидская	16	66	643
Боярско-Хетская	3	14	48
Хетско-Нововская	11	57	1 339
Хатангская	20	139	4 260
Блудновско-Балахнинская	34	189	4 182
Попигайская	46	239	2 753
Анабарская	8	49	747
Всего:	147	791	14 139

Сравнение цифр 947 человек (1897 г.) и 791 человек (1926—1927 гг.) показывает, что около 150 человек в составе бывших Долганских административных родов, видимо, указали у себя другие родовые названия.

Все долганы переписи 1926—1927 гг. говорили по-якутски. Из таблицы видно, что абсолютное большинство долганов сосредоточивалось в восточной части своего ареала — между Хатангой и Анабарой. Род Иологир в 1926—1927 гг. был также представлен в очень большом числе территориальных группировок (см. таблицу на с. 205)³⁵.

Иологиры, кочевавшие по Дудыпте, Боганиде и Хсте в районе ее притока — Новой, а также у Норильских озер, говорили на якутском языке. Таких объякученных иологиров было 25 семей (123 человека) при 1088 оленях (Долгих, 1946, л. 419, 426, 428, 435, 444,

Группировка	Численность		
	семей	человек	олень
Норильская	5	25	106
Лангайская	2	13	63
Хантайская	9	34	219
Дудыптско-Пясинская	5	25	197
Боганидская	7	36	169
Аякли-Аянская	6	22	339
Боярско-Хетская	4	17	89
Хетско-Нововская	8	37	616
Всего:	46	209	1798

447, 451, 458). Объясучивание иологиров интенсивно шло уже в середине прошлого века. А. Ф. Миддендорф сообщал, что «ялегры», кочевавшие от р. Авам к востоку до р. Хатанга и к югу до оз. Есей. «порядочно» говорили по-якутски и имели «постоянные юрты, устроенные на якутский лад». Их «десятским» (помощником старшины) являлся избранный ими долганин Укусусников, который «устроился на Аваме» (Миддендорф, с. 700—703).

Единственный богатый оленевод среди «ялегров» Око кочевал с группой сородичей к северу от Авама вместе с «самосдами». В результате эти иологиры приобрели «внешность самоедов». Мать Око была «самоедкой». Сам Око знал по-самоедски всего несколько слов, но зато его дети говорили только по-самоедски (Там же, с. 692). Имя Око было весьма популярно в конце XVIII в. у тунгусов Харитонов рода, к которому мы теперь переходим.

В западной части региона этот род впервые упоминается в материалах ясачной ревизии 1782 г., в которых его список снабжен таким заголовком: «Во оной же Есейской волости после бывшей комиссии³⁶ вышедших из Якуцка и принятых в платаж ясака в Мангазейском ведомстве за тундрой Харитонova роду» (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 57). Судя по всему, это был тот самый «Хоританский» род Жиганского комиссарства, о котором в Якутске было известно, что его члены «Билича Маганечин с товарищи, всего 16 человек с женами и дегьми, бежали прошлого 1769 г. в Туруханскую волость» (Гурвич, 1966, с. 90). В списках Харитонova рода Есейской вол. Билича Маганечин отсутствует, а численность этого рода показана, применительно к ясачной ревизии 1765 г., в 15 человек мужского пола (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 58). Скорее всего, Харитонов род составлял патронимию в составе Долганского рода.

Название рода было образовано от имени его главы — «Харитонко». После смерти Харитона в 1776 г. главой рода стал тунгус Кергауль, а после него — его сын Око. Кроме этого Око (ему в 1782 г. было 6 лет), в списке рода упоминаются мальчики: Око — 5 лет и Ококон — 3 лет.

Учитывая вышеприведенное сообщение А. Ф. Миддендорфа о «ялегре» Око, можно допустить, что после смерти Харитона кочевавшие «за тундрой» иологиры и члены Харитонова рода были объединены ясачной администрацией в одну платежную группу во главе с Кергаулем, в результате чего этот сборный род, под названием Харитонов, в 1782 г. насчитывал 34 человека мужского пола, а в 1795 г. — 52 (Там же, л. 57, 58; д. 6, л. 46 об.). Может быть, между 1782 и 1795 гг. к нему были присоединены еще какие-то мелкие тунгусские группы. Не исключено также, что иологиры составляли большинство в этом объединенном роде, вследствие чего Миддендорф и называл его главую Око «ялегром».

В делах 1-го Сибирского комитета Харитонов род назван «Хартапоринским», а его члены характеризовались как «самоеды» и «тунгусы» (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 266, л. 187—188). В 1824 г. Харитонов род был, как можно предположить, причислен к вновь образованному Долгано-Есейскому административному роду. В документах личного архива Око, относящихся к первой половине XIX в., последний фигурирует как «Есейской волости Долганского роду некрещеный тунгус». Умер Око около 1854 г. (Долгих, 1952б, с. 20).

А. Ф. Миддендорф писал, что Харитонов род, состоявший в его время из 23 человек мужского пола, составлял часть «Тильбянтабульской орды», староста которой Епифан Тюприно жил на р. Дудыпта (Миддендорф, с. 700). Это название, неизвестное нам из официальной документации, скорее всего образовано от тунгусского имени бывшего старосты объединенного рода, включавшего иологиры и харитоновцев. Основой такого предполагаемого имени могло являться эвенское *тилбам* — «раздавливаться», «сплющиваться» (ТМС, т. 2, с. 180).

Ко времени Приполярной переписи Харитонов род («орда») был полностью ассимилирован самодейцами и входил в состав нганасанов в виде особого рода Око, который насчитывал 8 семей (45 человек) с 2528 оленями. Б. О. Долгих именовал его членов «долганамисамоедами». Члены рода носили фамилию Яроцкий. Сами себя они относили к Долганскому роду (Долгих, 1946, л. 433; 1952б, с. 14).

Род Каранто стал известен лишь со времени Приполярной переписи; до революции он составлял часть административного Боганидско-тунгусского рода. В 1926—1927 гг. род Каранто насчитывал 36 семей (172 человека) с 2286 оленями. Распределение его членов по территориальным группировкам см. в таблице на с. 207³⁷.

Происхождение рода Каранто, без сомнения, связано с Западными районами современного расселения эвенов. У эвенов, живущих в бассейне Яны, существует этнонимическая группа Кара, или Карамнго (Новикова, с. 109). Сходство этнонимов Каранто и Карамнго достаточно очевидно. На Яне же, как мы знаем, в 40-х годах XVII в. находились те представители Долганского рода, которые тогда же мигрировали на Оленек. Поэтому в Карамнго, как

Группировка	Численность		
	семей	человек	олений
Норильская	2	11	26
Дудыпско-Пясинская	4	16	719
Дудыпская	8	38	134
Боганидская	3	17	79
Боярско-Хетская	3	10	73
Хетско-Нововская	16	80	1255
Всего:	36	172	2286

и в Каранто, предпочтительнее видеть долганов или, точнее, ту их группу, которая вела свое происхождение от выходца или выходцев из Каранутского рода прибайкальских тунгусов. Транскрипция «Каратунский» (1645 г.) служит достаточно убедительным подтверждением такой версии. В 1926—1927 гг. из шести локальных групп рода Каранто пять пользовались в быту исключительно якутским языком. Лишь в Норильской группировке члены рода Каранто предпочитали говорить по-тунгусски, хотя и знали якутский язык (Долгих, 1946, л. 419).

Род Кильмагир в 1926—1927 гг. состоял из 12 семей (23 человека) с 70 оленями. Все кильмагиры носили фамилию Яроцкий и входили в две территориальные группировки — Хантайскую и Большехетскую (Долгих, 1946, л. 424, 425, 428). Большехетская группировка находилась на левом берегу Енисея (см. главу 6). Часть кильмагиров тогда же, совместно с кетами, осваивала бассейн р. Курейка к югу от Хантайского озера. В середине 1930-х годов там существовало ППО «Новая жизнь», в котором три из шести эвенкийских хозяйств составляли кильмагиры (ПМ, 1963, № 2, л. 41)⁴⁸.

Современные хантайские эвенки считают кильмагиров коренными обитателями района Хантайского озера. Они сообщают, что последним «князем» всех местных тунгусов был богатый оленевод Тенеуль из рода Кильмагир (ПМ, 1959, № 1, л. 59, 66). В недавнем прошлом кильмагиры принадлежали к 4-й Летней управе (Долгих, 1946, л. 429). В метрической книге тазовской Николаевской церкви за 1848 г. имеется запись: «Курейской орды князец Кильмагит (из язычников)» (Туруханский райархив, кн. № 34)⁴⁹. Это, по-видимому, одно из первых упоминаний о кильмагирах в исторических документах.

О происхождении кильмагиров мы располагаем следующими материалами. В долганском предании, записанном А. А. Поповым, род Кильмагир рисуется принадлежащим к долганскому этносу. В давние времена, говорится в предании, представители долганских родов Долган, Донгот, Каранто, Кильмагир и Эдян понесли поражение от тунгусов (эвенков.— В. Т.) и приняли решение разойтись в разные стороны (Попов, 1934, с. 120). В этом предании приведе-

на народная этимология этнонима Кильмагир от тунгусского (эвенкийского) *дилма* — «голова», что не представляется убедительным. Поэтому мы не исключаем того, что Кильмагир — искаженное название той группы эвенов, которая под названием рода Килигир упоминалась в 1683 г. среди оленекских тунгусов (см. выше).

Род Малгачагир, как мы знаем, в первые десятилетия XVII в. числился при Туруханском зимовье, но затем перешел к Есейскому зимовью (см. главу 4). В 1682 г. этот род под названием «Мугалской» насчитывал 7 чумов, 16 ясачных плательщиков, 26 человек мужского пола (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 199—202 об.). Из района оз. Есей малгачагиры затем ушли еще дальше на север. В метрической книге туруханской Преображенской церкви за 1885—1886 гг. имеется запись о потерявшемся без вести тунгусе 2-Летней управы Евфимии Прокопьеве Монгочагыре, погнавшемся за дикими оленями. Он был «отпет и записан со слов брата его Егора Ксенофонтова Монгочагырь» (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 78, л. 40 об.—41). Как мы знаем, эвенки названной управы в то время кочевали «за тундрой», т. е. в лесотундре⁴⁰. В период проведения Приполярной переписи 1926—1927 гг. малгачагиры входили в состав Дудыптско-Пясинской, Дудыптской и Аякли-Аянской территориальных группировок. Они насчитывали 16 семей, 78 человек с 297 оленями. Дудыптско-пясинские малгачагиры (5 семей, 25 человек) говорили по-якутски; родной язык у них помнили только отдельные лица (Долгих, 1946, л. 435, 437, 440—441, 448).

Этноним Малгачагир, без сомнения, образован от слова «монгол». На это указывают транскрипции «Мугал» и «Монгочагир». Эвенкийка Д. В. Салаткина в беседе с нами высказала суждение, что род Малгачагир таймырских эвенков идентичен роду Монго у эвенков Нижней Тунгуски (ПМ, 1977, л. 40). К. М. Рычков называл малгачагиров «род Малха, или Како» (1915, с. 270). О чем свидетельствует и что означает это второе название, мы не знаем.

Род Синигир упоминался около середины XVII в. и на Оленеке, и на Анабаре, и на Чоне, и на Нижней Тунгуске. Однако основными районами его кочевания в то время были бассейны Оленека и Анабары. Оттуда синигиры вместе с долганами и другими восточными тунгусами стали в конце XVII в. двигаться на Таймыр. В процессе этого переселения большинство синигиров подверглось ассимиляции со стороны якутов и самодийцев. В нганасанском фольклоре упоминается вождь двенадцати «чумов» (семей) «шаман Чина-Барангуй» — по национальности *ня* (КККМ, № 572.4 (09) 737, ч. 1 л. 54⁴¹, т. е. нганасан. Об объякучении части синигиров свидетельствует запись в метрической книге Туруханского монастыря за 1885 г.: «Виллюйского округа якут Савва Васильев Ченагырь» (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 78, л. 18 об.). «Ченагырь», или, скорее, «Чинагир», — якутская огласовка этнонима Синигир.

Приполярная перепись выявила чинагиров на севере современного Эвенкийского автономного округа: 2 семьи (8 человек) с 33 оленями — в Чириндинской территориальной группировке и 1 семью

(6 человек) с 6 оленями — в Экондской. Все они носили фамилию Потэ (*Долгих*, 1946, л. 484, 486), представляющую собой эвенкийскую огласовку якутского этнонима Бети. Кроме того, в Есейской и Кирбейской группировках Северо-Запада оказалось 13 объявленных семей синигиров, обозначенных Б. О. Долгих как «род Бети, или Чинагир». В первой было 8 семей (44 человека) с 72 оленями, а во второй — 5 семей (27 человек) с 170 оленями (Там же, л. 475, 478). Всего, стало быть, частично или полностью объявленные синигиры Северо-Запада и примыкающей к нему части региона Нижней Тунгуски насчитывали в 1920-х годах 16 семей (85 человек) с 284 оленями.

Современные эвенки помнят о существовании «чинагиров», а не синигиров. Они говорят о чинагирах, что их отличительным признаком были «поднятые вверх» волосы (стоящие дыбом?). Вероятно, этот признак находится в связи с народной этимологией этнонима Чинагир: от эвенкийского *чинэ* — «шишка на дереве» (ПМ, 1977, л. 61 об.)². Однако, учитывая правильное название интересующего нас рода, мы отдаем предпочтение толкованию этнонима Синигир как «обедневшие» или «бедные» (см. главу 4). Мы полагаем, что Синигир — один из эвенских родов, который вместе с долганами и эдянами в первой половине XVII в. перебрался с правой стороны нижней Лены на левую. Вряд ли можно согласиться с Г. М. Василевич, которая идентифицировала синигиров с шиялигами Нижней Тунгуски (*Василевич*, 1972, с. 234). Скорее, был прав Б. О. Долгих, рассматривавший синигиров как часть большого рода Эдян (*Долгих*, 1960, с. 450).

Род Тамбегир в 1926—1927 гг. был представлен в четырех территориальных группировках Северо-Запада: Дудыптской, Дудыптско-Пясинской, Боярско-Хетской и Аякли-Аянской. Всего там было учтено 27 семей (145 человек) тамбегиров с 1065 оленями. Часть дудыптско-пясинских тамбегиров (11 семей) считала своим родным языком якутский. В прошлом род Тамбегир принадлежал к 2-й Летней управе (*Долгих*, 1946, л. 435, 440, 447, 451), но как таковой в документах не упоминался. Б. О. Долгих, ссылаясь на своих информаторов, считал этот род ответвлением рода Горегир, существовавшего в XVII в. на Нижней Тунгуске (1960, с. 156). Вполне возможно, что это так и есть, причем в тамбегирах можно видеть ту часть горегиров, которая жила на р. Томба. Существуют две такие реки в регионе Северо-Запада: одна — приток Пясины, другая — правый приток Оленека (*Долгих*, 1946, л. 429; Карта КИПС). С учетом указанной версии правильным названием данного рода должно быть Томбегир, а не Тамбегир.

Вслед за родом Тамбегир удобно рассмотреть и род Чемпогир. Он также не был известен до советского периода. Приполярная перепись указала чемпогиров в районе Хантайского озера (Хантайская территориальная группировка); чемпогиры насчитывали 12 семей (51 человек) с 289 оленями (*Долгих*, 1946, л. 429). Б. О. Долгих рассматривал роды Тамбегир и Чемпогир как один и тот же (1960, с. 156). Г. М. Василевич их не смешивала и писала этноним

Чемпогир как Чамбагир (ЭРС, с. 584), имея, вероятно, в виду его производство от гидронима Чамба. Одна р. Чамба — правый приток Подкаменной Тунгуски (ниже пос. Ванавара), другая — правый приток Котуя (в его верховьях). Мы полагаем, что гидронимы Томба и Чамба адекватны, являя собой лишь фонетические варианты единого первоначального гидронима. Поэтому мы полагаем адекватными и этнонимы Тамбегир (Томбагир) и Чемпогир (Чамбагир). Но были ли роды Тамбегир и Чемпогир адекватны в генетическом отношении, мы не знаем. Заметим, что современные эвенки — жители пос. Хантайское озеро (Дудинский р-н Таймырского автономного округа) — рассматривают интересующие нас роды как различные. Этноним Чемпогир они предлагают этимологизировать от эвенкийского *чмпома* — «грубо разговаривающие». Возможную связь между чемпогирами и горагирами они отрицают (ИМ, 1959, № 1, л. 63 об., 90 об.).

Члены рода «Топтыгир» в 1920-х годах входили в Хантайскую и Дудыгско-Пясинскую группировки, составляя в общей сложности 14 семей (54 человека) с 709 оленями. Пясинские «топтыгиры» (9 семей, 34 человека, 643 оленя) считали своим родным языком якутский. Б. О. Долгих относил «топтыгиров» к бывшей 3-й Летней управе (1946, л. 428, 429, 435, 437). Долгих считал «топтыгиров» потомками «чинчангуров», которые в 1632 г. упоминались в низовьях Нижней Тунгуски (см. главу 4). Название Чинчангур он рассматривал как начальное звено в цепочке транскрипции одного и того же этнонима: Чинчангур → Типтогир → Топтыгир (Долгих, 1960, с. 156). Мы не разделяем этой гипотезы. К тому же правильное название рода — не Топтыгир, а Тыптагир; так во всяком случае называют этот род сами эвенки (ИМ, 1959, № 1, л. 63 об.)⁴³. Хантайские эвенки говорят о тыптагирах, что они — первые насельники района Хантайского озера после того, как оттуда ушли «юраки» (ненцы). Три или четыре семьи тыптагиров пришли туда откуда-то «из-за Туры» (т. е. с юго-востока) и сначала оказались на Енисее и только позднее попали на берег Хантайского озера. От долгого и трудного путешествия их унты растрепались и опустелись до щиколоток. Оттого их будто бы и стали называть *тыптагин* — «спустившиеся унты» (Там же, л. 66 об.).

В эвенкийской лексике мы находим и другие пригодные для этимологии интересующего нас этнонима термины: *тэпты-ми* — «остановиться, задержаться (в пути)», «обессилить, устать», а также *тэптыри* — «остановка (в пути)» (ЭРС, с. 423). Наряду с приведенными терминами можно указать и на созвучные данному этнониму гидронимы: р. Тыпта — левый приток Илги, являющейся левым притоком верхней Лены; р. Тапты — приток Копи, впадающей в Татарский пролив (ИМ, 1968, № 2, л. 25); станция Тептугары на транссибирской железнодорожной магистрали возле ст. Могоча (Карта КИПС). Учитывая все сказанное, в тыптагирах можно видеть пришельцев из восточной половины этнического арсала тунгусов какого-то южного или юго-восточного рода. В восточной половине этнического ареала эвенков созвучными родовыми этнони-

мами являются Тэпкогир у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья (район р. Баргузин) и Тапкал (Тапкаиль) у негидальцев низовьев Амгуни и Амура (ИМ, 1976, л. 470б., 48).

В роде Угдакогир мы усматриваем потомков упоминавшегося в 1765 г. у тунгусов Летней волости рода Укдокир (см. главу 4). Искженным вариантом этого названия является, по-видимому, записанный К. М. Рычковым этноним «Унгакир», относимый им к эвенкам, жившим в начале XX в. у Норильских озер и на р. Боганида (Рычков, 1915, с. 269). По материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг., угдакогиры входили вместе с представителями родов Донгот, Каранто и Эдиган в состав Норильской территориальной группировки, где насчитывали 7 семей (27 человек) с 160 оленями. Все они говорили по-якутски (Долгих, 1946, л. 418).

Этнонимическую группу Хомпо мы выявили во время полевой работы на Таймыре. О существовании такой группы нам сообщили хантайские эвенки, когда мы показали им список Хантайского родового совета за 1931 г. Упоминаемый в этом списке эвенк Н. Н. Хинтальчи, как оказалось, имел русскую фамилию Сапожников, а его эвенкийское «прозвище» было Хомпо (ПМ, 1959, № 1, л. 20). Согласно похозяйственным карточкам Красноярского крайзу за 1930—1931 гг., одна часть эвенков Сапожниковых входила в Лантакайский родовой совет и принадлежала к бывшей Чапагирской управе, а другая часть входила в Норильский родовой совет и считалась принадлежавшей в прошлом к «Эдиганской» управе (ГАКК, ф. 1987, оп. 1, д. 25; листы не нумерованы), т. е. к Жиганскому тунгусскому административному роду. В своей рукописной работе 1946 г. Б. О. Долгих отнес четыре семьи Сапожниковых из Лантакайской территориальной группировки (1926—1927 гг.) к роду Чапагир-Лютот (Долгих, 1946, л. 426). Таким образом, в отношении Сапожниковых существовала некоторая неясность. В 1959 г. Сапожниковы жили в пос. Потапово на правом берегу Енисея, куда переселилось большинство бывших лантакайских эвенков. Один из них, И. Т. Сапожников, нам сообщил, что его отец был эвенк, принадлежавший к «орде» Хомпо, а мать была долганка из рода Эдян. По его словам, хомполи «век» жили в районе Потапова, причем к ним принадлежали также эвенки Куропатовы, Серебренниковы и Столыпины (ПМ, 1959, № 1, л. 72 об.). Эвенк С. К. Столыпин, живший на нижнем Енисее в пос. Никольское, нам сообщил, что этноним Хомпо можно переводить как «гости, люди, пришедшие с другой земли, сверху» (Там же, л. 73, 88 об.). Но откуда конкретно — он не мог указать.

Этноним Хомпо имеет очевидную связь с якутскими гидронимами типа Хампа и Ханпа, которые встречаются с востока на запад, от верховий Индигирки до Енисея. Название Хампа или Ханпа в середине прошлого века носили многие урочища и озера в Сунтарском, Средне- и Верхневилуйском улусах Вилуйского округа (Маак, 1886, с. ХСVIII). Засвидетельствованные нами путем опроса информаторов устойчивые связи хомполей с долганами и ненцами, знание хомполями долганского и ненецкого языков, использова-

ние балка в качестве жилища — все это указывает на их давнее поселение в районе Лантакайского камня. Учитывая явно якутский характер этнонима Хомпо (в тунгусских языках нет подходящих терминов для его объяснения), мы считаем, что генетическая связь хомполей с чапагирами маловероятна. Ядро хомполей, очевидно, составили объясученные эдиганы или эдяны — выходцы из низовий Вилюя и Лены.

«Черповский» род, как уже отмечалось, был впервые назван в материалах ясачной ревизии 1765 г. и составлял тогда как бы одно целое с родом князя Холостоя. В материалах ревизии 1782 г. список «Черповского» рода идет сразу же за списком Долганского рода, а в материалах ревизии 1795 г. члены «Черповского» рода просто включены в состав Долганского рода. В 1824 г. черповцы вошли в Долгано-Есейский административный род (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 54—55 об.; д. 6, л. 33—39 об.; *Долгих*, 1963, с. 112). В период Приполярной переписи 1926—1927 гг. потомки «Черповского» рода были учтены как члены рода Чарпок в Боярско-Хетской территориальной группировке на Таймыре. У них было 4 семьи (18 человек) с 48 оленями; своим родным языком они считали якутский (*Долгих*, 1946, л. 287, 451—452).

Б. О. Долгих считал Черповский род ответвлением баягиров (1963, с. 112). Его мнение основывалось, по-видимому, на том, что в 1682 г. в списке тунгусов Боярского рода Курейского зимовья был указан тунгус по имени Чорбо (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 41 об.). Однако в обработанных Долгих материалах Приполярной переписи сказано, что эвенки рода Чарпок считают себя принадлежащими к роду Каранто (*Долгих*, 1946, л. 287), поэтому логичнее считать Черповский род ответвлением от этого последнего рода. Имея в виду южное происхождение предков рода Каранто (см. выше), интересно указать на то, что в первой половине XVIII в. на верхней Лене упоминался «Чербагуевский» (или «Чорбатовский») род (см. главу I), название которого сопоставимо с названием «Черповский». Объяснение этнонима Черпок из эвенкийского языка затруднительно. Поэтому, возможно, был прав Б. О. Долгих, предложивший в качестве прототипа якутское *чорбох* — «конец», «отросток» (1963, с. 109).

Шаньянский род насчитывал в середине XVII в. около 160 человек. В источнике, где он упоминается, названы и другие роды тунгусов, и ко всем ним прилагается определение «янские» (КПМГЯ, с. 19). Поэтому можно предполагать, что интересующий нас род, подобно другим янским родам с названиями, образованными от личных имен, представлял собой ответвление Долганского рода.

Поиски этнонимических параллелей приводят нас в район Тауйского зимовья на Охотском побережье, где в 1678 г. один раз были упомянуты некие «шаняули» (*Долгих*, 1960, с. 525). Видимо, это была безоленная группа эвенов, название которой ясачные сборщики образовали от имени ее главы — тунгуса Шаняуля. Одним из крупных родов эвенов-оленоводов в данном районе был тоже

Долганский род. Поэтому мы полагаем, что шаняули представляли собой патронимию в составе долганов, которая после обзаведения оленями перешла на жительство в бассейн Яны. Менее основательным нам представляется сопоставление Шаньянского рода с родом Синигир у оленекско-анабарских тунгусов.

Роды Эдиган и Эдян мы рассмотрим совместно, хотя в материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг. они показаны как различные.

Во второй половине XVIII в. эдиганы и эдяны рассматриваемого субрегиона входили в Есейскую вол., а в начале 1820-х годов были выделены в самостоятельный административный род, именовавшийся Жиганским тунгусским. Значительная часть членов последнего — 54 человека мужского пола — уже тогда считалась якутами (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 266, л. 173). Распределение эдиганов и эдянов на Таймыре по данным Приполярной переписи выглядит следующим образом (см. таблицу) ⁴⁴.

Название рода	Территориальная группировка	Число		
		семей	человек	оленьей
Эдиган	Норильская	24	116	507
То же	Верхнеясинская	3	15	70
Эдян	Дудинско-Гольчихинская	3	20	55
Всего:		30	151	632

Характерно, что все местные эдиганы и эдяны в 1920-х годах дислоцировались в западной части субрегиона, тогда как большинство долганов находилось в его восточной части. Все эдяны и эдиганы говорили на якутском языке.

Род Якчар (Якчан) был обнаружен Приполярной переписью в Норильской территориальной группировке; он состоял из 7 семей и 33 человек при 125 оленях. Три семьи якчаров (12 человек) говорили по-якутски, остальные — по-эвенкийски. Б. О. Долгих относил этот род к бывшей 3-й Летней управе (1946, л. 419—420). Судя по характеру этнонима, Якчар скорее представлял собой патронимию, нежели самостоятельный род. Его правильным названием было, вероятно, Йокбчар, где эвенкийское *йоко* — «якут», а *-чар* — уменьшительный суффикс. Перевод этнонима — «маленький якут», «якутёнок». От какого тунгусского рода отпочковалась данная группа, нам неизвестно.

4

Межэтнические связи тунгусов Северо-Запада с местными аборигенами

Межэтнические контакты местных тунгусов — эвенков и эвенов — с аборигенами происходили преимущественно в двух районах: на среднем и нижнем Вилюе и на Таймыре. Поскольку контакты тун-

гусов с вилюйскими аборигенами происходили в более отдаленные времена (XII – XIV вв.), мы начнем наше изложение именно с этого сюжета.

По якутским преданиям, в древности на Вилюе обитал «шитолицый» народ «дьирикинэй», одевавшийся в «ровдужные шубы и шапки, окрашенные красной охрой». Дьирикинэй имели оленей, вели кочевой образ жизни и занимались охотой. Тогда же на Вилюе как будто жили также туматы, тунгусы-сологоны, кочевавшие вместе с дьирикинэями, и тунгусы-нюрмаганы («ньуурбагаты»). Туматы и нюрмаганы воевали друг с другом (ИПРЯ, ч. 1, с. 103; История Якутии, т. 1, с. 352).

В основе этнонима дьирикинэй можно усматривать якут. *дьирики* («дьирики») — «бурундук» (*Пекарский*, т. 1, с. 716). Поскольку туматы в якутском фольклоре до некоторой степени совмещаются с дьирикинэями, можно думать, что «бурундуками» туматов называли якуты. Основанием для дачи туматам такого прозвища, вероятно, послужило наличие цветных швов на их одежде (со стороны спины). По вопросу о том, кто такие были вилюйские туматы, существуют различные точки зрения. А. П. Окладников считал их тунгусами или отунгушенными юкагирами (История Якутии, т. 1, с. 353); Б. О. Долгих видел в них якутов, поскольку этноним тумат он трактовал как «общее племенное название якутов, плативших ясак в Средневилюйском зимовье» (1960, с. 469). Мы видим в туматах группу тюркоязычных выходцев из долины р. Баргузин на восточном побережье Байкала.

Рашид-ад-дин сообщает, что племя Тумат в начале XII в. обитало «близ Баргуджин-Тукума», представляя собой вствь баргутов (*Рашид-Эддин*, с. 87), которые, в свою очередь, являлись частью более западного народа ойрат (Абулгачи, с. 157). В 1207 г. туматы и соседние с ними хори (хоринцы) покорились Чингисхану, но, как можно думать, не все. В рукописном сочинении иркутского надворного советника Ивана Эверса на основании устных свидетельств якутов сообщается, что туматы, не желавшие подчиняться монголам, «со всеми семействами перебрались к началу реки Лены» и спустились вниз по ее течению до пределов нынешней Якутии» (ЦГИА, ф. 159, оп. 1, д. 138, л. 78)⁴⁵. По той же причине там еще до появления якутов оказались также отдельные группы киргизов, сартолов и хоринцев. Сартолам в долине нижнего Вилюя и нижней Лены приписываются в якутском фольклоре брошенные жилища, расположенные у озера (История Якутии, т. 1, с. 353). Упоминается также «тунгус Сортол», ездивший на длинной нарте, запряженной оленями (Нургун Боотур Стремительный, с. 135, 427). Это указывает на существование контактов между сартолами и тунгусами. Хоринцы в якутском фольклоре обыкновенно именуются хоро или хоролорами. К приходу русских большинство их обитало на Яне; они считались янскими якутами.

Туматы, по якутским преданиям, первоначально поселились на Лене возле теперешнего Якутска, но позднее — видимо, уже после прихода якутов на Лену — они сосредоточились на нижнем и сред-

нем Вилюе. Якуты «сильно и постоянно воевали с туматским племенем» и в конечном счете заставили его покинуть Вилюй (ИПРЯ, ч. 1, с. 103). К приходу русских небольшая группа туматов (8 ясачных плательщиков) упоминалась среди «подгородных» якутов в районе Якутского острога. Кроме того, на нижней Яне существовала ясачная Туматская вол.— 12 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 468—469). Наконец, в 70-х годах XVII в. среди якутов, мигрировавших из-под Олекминского острога на оз. Куськенде («Кушканду»), расположенное в верховьях р. Чара (левый приток Олекмы), был «Тумацкого роду Ирикте Тигиляков с родниками» (СМЭЯ, с. 13—14). Фамилия Тигиляков указывает на то, что она была образована от имени Тигилях, явно имеющего отношение к якутскому фольклорному выражению *тигилях сырайдах* (см. ниже). Память о туматах сохранялась в 1920-х годах в названиях Туматских наслегов, существовавших у якутов нижней Яны и Лены. О том же свидетельствует название речки Тюмети, расположенной к западу от сел. Булун (ААН, ф. 30, оп. 2, д. 79, л. 15 об.).

Можно думать, что еще до появления якутов вилюйские туматы слились в одно целое с тамошними аборигенами. Смешанное население, вероятно, именовалось туматами, однако его язык и культура имели аборигенный характер. О том, какова была эта культура, можно судить по фольклорным записям участника Якутской экспедиции АН СССР В. В. Никифорова, работавшего на Вилюе в 1925—1926 гг. По этим записям, туматы («тумат-омук») обитали в Вилюйском и отчасти Олекминском округах бывшей Якутской обл. Они занимались охотой и рыболовством, жили в «земляных урасах» (видимо, голомо) и постоянно перекочевывали с места на место. Оружием им служили луки и стрелы с железными наконечниками, а также пальмы. Туматы носили одежду из звериных шкур, обшившую кистями из оленьих волос и вышитую разноцветным бисером ⁴⁶ (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 122, л. 68—73). «Это племя имело обычай татуировать свое лицо, почему якуты туматов обыкновенно называли «тигилях сырайдах», — пишет Никифоров ⁴⁷. И далее: туматы «имели чрезвычайно суровый вид и жестокий нрав» «Народ этот занимался людоедством», поедая мясо убитых врагов и военнопленных. Во время голода туматы «съедали трупы умерших своих единоплеменников». У них существовал своеобразный обычай гостеприимного каннибализма: «для дорогих гостей» они откармливали дочерей. Никифоров приводит легенду о девушке Джархан — дочери тумата Нюрбагана, которая, почувствовав, что ее откармливают для угощения ожидавшихся гостей, убежала к якутам на Лену (Там же). Для закланья «своих лучших девиц» туматы применяли «особые топоры и ножи не из железа» (Там же), что указывает на принадлежность этих орудий к неолитической культуре дотуматских аборигенов Вилюя.

Тунгусы тоже воевали с туматами. В одном из якутских преданий сообщается, что Мастахский улус на среднем Вилюе «раньше населяли, оказывается, тунгусы и туматы. Они враждовали и бились друг с другом» (ИПРЯ, ч. 1, с. 207). Но в конечном счете

между теми и другими, по-видимому, установились нормальные отношения, приведшие к взаимным бракам и культурным заимствованиям. Туматы переняли от тунгусов оленеводство, а тунгусы восприняли туматскую манеру пришивать к своим «фракам» хвосты из оленьей шерсти, окрашенной в красный цвет⁴².

Некоторые роды вилюйских эвенков имеют несомненное тунгусо-туматское происхождение. Это, например, можно сказать о роде Нюрмаган (Нюрбаган, Ньюурбагат). В якутском фольклоре нюрмаганы рисуются как оседлые рыболовы и охотники, живущие в «ямах». Рыбу они ловили сетями, сплетенными из коры тальника. В рассказе, записанном Г. В. Ксенофоновым, говорится, что на оз. Нюрбе ко времени поселения там якутов обитало, «питаясь рыбой, племя ньурмагаат». «Витязь» этого племени «жил на острове, имея там девять ям для жилья». Перед отправлением на охотничий промысел нюрмаганы собирались на льду озера, чтобы отметить это событие коллективной пляской (Ксенофонов, 1977, с. 192).

Что собой представляли, с этнической точки зрения, дотуматские аборигены Вилюя, прилегающего отрезка течения Лены и, вероятно, низовьев Алдана? По нашему убеждению, это были уральцы, с которыми вступили в общение древние тунгусы (эвенки) после своего сосредоточения на средней Лене (см. выше в этой главе). В результате контактов между тунгусами и уральцами (включая заодно и туматов) образовались две контактные группы — одна с тунгусским, а другая с уральским языком. На основе первой группы позднее сформировался новый тунгусоязычный этнос — эвены (ламуты), а на основе второй группы — новый уралоязычный этнос — юкагиры.

* * *

Начало взаимных контактов тунгусов с самодийцами Таймыра уходит во времена, непосредственно предшествующие появлению русских. Конкретным результатом самодийско-тунгусских контактов на Таймыре и в прилегающем к нему с востока районе было этническое формирование нового народа Севера — нганасанов. Поэтому мы рассмотрим отдельные аспекты взаимодействия местных тунгусов с самодийцами применительно к истории этой новой этнической общности.

Как самостоятельный народ нганасаны были конституированы только в советское время. До революции они считались «самоедами». Первыми советскими исследователями нганасанов были Б. О. Долгих и А. А. Попов.

Б. О. Долгих выделял у нганасанов два «племени»: «авамские нганасаны» (в районе рек Дудыпта и Хета) и «вадеевские нганасаны» (на р. Хатанга). Этнической основой нганасанов были, по его мнению, смешавшиеся с самодийцами местные «палеоазиаты» — юкагиры, предварительно ассимилированные тунгусами — пришельцами с востока. Результатом этой ассимиляции он считал появление уже знакомых нам ваяндов и малоизвестных тавгов, кото-

рые при взаимодействии с пясинскими «самоедами» перешли на «самоедский язык»: первые — незадолго до появления русских, вторые — в первой половине XVIII в. Название вадеевских нганасанов Долгих производил от этнонима Ваняд (1952б. с. 57—87; 1960, с. 125).

Соглашаясь с указанной гипотезой в ее общих чертах (нганасаны — результат интеграции ряда этнических компонентов), мы хотели бы внести в нее некоторые уточнения с точки зрения этнической истории тунгусов Северо-Запада. Уточнения сводятся главным образом к двум следующим положениям: 1). Ваняды — это не юкагиры, поглощенные восточными тунгусами (эвенками), а тунгусо-самодийская группа, основу которой составляют эвенки, принадлежавшие к регионам Нижней Тунгуски и Северо-Запада; 2). Тавги — это скорее всего члены эвенского рода Долган, большинство которых в первой половине XVII в. дислоцировалось на Анабаре⁴⁰.

К ванядам весьма подходит выражение нганасанского фольклора «шитолицы тунгусы» (пришельцы с юга), с которыми предки нганасанов вели ожесточенную войну. В то же время союзниками нганасанских предков в фольклоре выступают сомату (предки нынешних тундровых энцев) и долганы — пришельцы с востока. Вот эти две группы местного населения и должны, как нам кажется, рассматриваться в качестве основных этнических компонентов нганасанов.

Б. О. Долгих отмечал, что «главным предводителем тавгов» в начале 1630-х годов был Атьмавул (Долгих, 1960, с. 126). Судя по окончанию *-ул*, это имя типично тунгусское. Само название «тавги» воспринимается как этноним Долган в смягченном произношении, при котором *д*→*т*, а *л*→*в*. В записанном А. А. Поповым долганском предании долганы говорят о себе: «Мы, народ таягя» (Попов, 1937, с. 55). Весьма знаменательно, что аналогичное произношение прослеживается в названии «тавгусы», принадлежавшем в первой половине XVII в. одному из якутских родов в низовьях Вилюя. Вероятно, эта группа состояла из объехученных долганов. Во всяком случае, один из ее членов имел имя Долган (МИЯ, с. 143). Поэтому выражение источников «тавгицкая самоедь» мы воспринимаем как адекватное понятию «долганская самоедь». Сообразно с этим выражение «асицкая самоедь», относившееся в первой половине XVII в. к жителям Нясины, нами воспринимается как адекватное понятию «эдянская самоедь», поскольку энецко-нганасанское *ася* — по-видимому, не что иное, как смягченное произношение этнонима Эдян (Азян, Озян)⁵⁰. В нганасанском фольклоре *ася* — это тунгусы, выходцы с востока. Аналогичным образом толковал этноним *ася* и Б. О. Долгих (1952б, с. 71). Согласно А. Ф. Миддендорфу, в его время этноним *ася* («ося») прилагался «самоедами» к любым тунгусам, но вместе с тем так же себя называли и вадеевские нганасаны (Миддендорф, с. 671).

Сказанное позволяет предполагать, что в состав нганасанов вошли преимущественно тунгусы родов Долган и в меньшей степени — Эдян, эвены по происхождению.

Вадеевские нганасаны были наиболее поздно сформировавшейся частью нганасанов. Хотя, по наблюдениям Миддендорфа, в 40-х годах прошлого века у них не прослеживалось ничего тунгусского, их происхождение выдавала тунгусская пляска, сопровождавшаяся характерными возгласами *хейра, хойна*, неизвестными авамским «самоедам» (Миддендорф, с. 672). Возгласы эти характерны для эвенской пляски³¹. Название «вадеевские», по-видимому, образовано от имени первого главы Вадеева рода, умершего еще до ясачной ревизии 1765 г. (см. выше).

Не лишено интереса, что «самым почетным» родом авамских нганасанов был, по указанию Б. О. Долгих, род Чунанчера; из этого рода всегда избирался их «князь» (19256, с. 153). Этноним Чунанчера, на наш взгляд, не что иное, как самодийская огласовка тунгусского этнонима Синигир-Чинагир.

Б. О. Долгих указал на значительное число топонимов тунгусского происхождения на Таймыре, в области расселения нганасанов (Там же, с. 68—69). Столь же знаменательно наличие в нганасанском языке ряда терминов тунгусского происхождения, в том числе слова *нямы* — «оленья самка» (тунг. *нями*). Старинное нганасанское слово *боёна* — «дикий олень» Долгих справедливо сопоставлял с тунгусским *боюн* или *бэюн* в том же значении (Там же, с. 70). Согласно подсчетам Б. О. Долгих, сделанным им применительно к данным Приполярной переписи 1926—1927 гг., «82% нганасан происходило из племен и родов, которые в свое время были если не тунгусами, то, во всяком случае, какое-то время говорили на языках тунгусской группы» (МСИПН, с. 11).

Замечательной особенностью нганасанского фольклора является отсутствие в нем самих нганасанов. В качестве действующих лиц выступают, как правило, тундровые тунгусы (иногда прямо именуемые долганями), лесные татуированные тунгусы и энцы-сомату. Характерна диспозиция: тундровые тунгусы и сомату — добрые соседи, хотя и говорящие на разных языках; они совместно выступают против своих общих врагов — лесных тунгусов, живущих в «камне» (в горах) и за «камнем» (на юге).

Почти все нганасанские предания, даже наиболее архаичные, содержат детали, указывающие на то, что описываемые события происходят в русский период истории. К таким деталям относятся металлические котлы для варки пищи, топоры (тоже отнюдь не каменные), пилы, сети-пушальни из конского волоса, олово, бисер, чай, табак, игральные карты и т. п. (МСИПН, с. 260—261, 267, 285, 292—293).

Пришедшие с востока тундровые тунгусы поначалу воевали с хангайскими и карасинскими «самоедами» и силой забирали у них женщин себе в жены, но затем помирились с ними. В союзе с сомату (энцами) тундровые тунгусы стали воевать против «юраков» (ненцев) — прищельцев с запада — и лесных тунгусов.

В отличие от тундровых тунгусов лесные тунгусы изображаются в нганасанском фольклоре как «дикие» люди. Те и другие говорят на разных языках, но все-таки понимают друг друга. По-

добно тундровым тунгусам, лесные тунгусы — оленеводы, но среди них много пеших охотников на диких оленей. Обе группы тунгусов вооружены пальмами и луками со стрелами, увенчанными железными наконечниками. Луки лесных тунгусов нередко снабжены двумя тетивами и очень тугие.

Согласно нганасанскому фольклору, лесные «шитолицы» тунгусы были каннибалами. Их любимой пищей являлся сырой человеческий мозг из головы и костей. Считалось, что у этих тунгусов два сердца, причем одно из них покрыто шерстью. «Когда шерсть на втором сердце царапает, тогда такому человеку хочется людей убивать» (Там же, с. 207. 240). В преданиях долганского народа лесные тунгусы именуются разбойниками *чангтар* (Попов, 1934, с. 117). Таким образом, для тундровых тунгусов лесные тунгусы — это чангиты, т. е. не настоящие тунгусы. Традиционный портрет лесного тунгуса в нганасанском фольклоре: «Ноги длинные, глаза на лбу, лицо пестрое» (МСИПН, с. 216). Выражение «глаза на лбу» можно трактовать как результат преднамеренного уплощения этими тунгусами своего черепа (см. главу 4).

В итоге у нас не остается сомнений в том, что тундровые тунгусы нганасанского фольклора — это долганы и эдяны. Не случайно, что в этом фольклоре нет самих нганасанов: они сформировались весьма поздно в процессе этнического слияния долганов и эдянов с энцами-сомату. Что касается лесных татуированных тунгусов, то это — буляши (они же нюрумняли и ваянды), о которых мы говорили в предыдущей главе. Войны этих тунгусов с долганами и эдянами фактически являются продолжением войн есейских тунгусов с оленекско-анабарскими синигирами и эдянами 1639—1667 гг.

5

Межэтнические связи тунгусов Северо-Запада с якутами

Начало этнического взаимодействия тунгусов региона с якутами уходит в те времена, когда ленские якуты стали осваивать нижнее течение Вилюя. Жившие там тунгусы были объякучены. Они не имели ни оленей, ни скота и промышляли в основном рыболовством. Русские называли таких тунгусов «пешими якутами» (см. выше). К середине XVII в. «пешие якуты» исчезают из ясачной документации, что является индикатором их окончательного поглощения якутами.

Как уже отмечалось, массовое расселение якутов по территории Северо-Запада происходило со второй половины XVII в. Оно также сопровождалось ассимиляцией тунгусов — либо, главным образом, языковой, либо и языковой и культурной. И языковой и культурной ассимиляции подверглись вилюйские тунгусы. Уже в 60-х годах XIX в. вилюйский исправник П. Кларк отмечал, что многие из тамошних тунгусов «лишь называются тунгусами, но ни жилищами, ни нравами, ни одеждою, ни языком не отличаются от яку-

тов». Даже физически эти обьякученные тунгусы изменились: стали «тучны» и «неповоротливы» (Кларк, 1864, с. 129).

Происшедшие изменения были причиной того, что в 1910 г. часть вилюйских эвенков была переведена местной администрацией из разряда «бродячих инородцев» в «кочевые», что соответствовало социальному статусу якутов. Сообразно с этим прежние «роды» становились «наслегами». Конкретно речь шла о части тунгусов из родов Жакут, Калтагир («Кельтятского»), Нюрмаган⁵², Тенюргестях («Тегюргестях»⁵³, Угулят, Хатагин («Хатыг-линского»), Чорду и 2-го Шологонского (Сологон), обитавших в западной части Вилюйского округа Якутской обл. В постановлении Якутского областного управления в связи с данным мероприятием говорилось, что названные группы тунгусов «давно уже утратили признаки бродячей жизни и от оленеводства и звероловства перешли к скотоводству и даже хлебопашеству, причем забыли свой родной язык и говорят по-якутски. Домашний обиход этих тунгусов и хозяйственная обстановка ничем не отличаются от якутской». Было установлено, что «наиболее зажиточные из них живут в русских крытых тесом избах с голландскими печами» (ЦГАДВ, ф. 2411-Р, оп. 1, д. 2, л. 137)⁵⁴. Чиновник Якутского областного управления Сидоров писал о «тунгусах» 2-го Шологонского рода, что они «совершенно перероднились со своими соседями якутами»: большинство мужчин было женато на якутках, а большинство женщин состояло замужем за якутами. Это, по мнению Сидорова, и являлось причиной забвения тунгусами родного языка (Там же, л. 71—72).

Иная ситуация сложилась в других, более северных районах региона, малоподходящих для развития скотоводства и земледелия. Переселившиеся туда якуты занимались преимущественно охотой, рыболовством и оленеводством. В описании верховьев Вилюя, составленном около 1794 г., сообщалось, что тамошние «тунгусы и якуты имеют промысел зверей как в летнее, так и в зимнее время». Те и другие жили в чумах, крытых летом берестой, а зимой — выделанными лосиными кожами (Майнов, с. 9).

В результате длительного и тесного взаимодействия тунгусов с якутами, сопровождавшегося большим количеством смешанных браков, в северных районах региона во второй половине XIX в. сложилось метисное население, говорившее на якутском языке, но имевшее хозяйство и быт тунгусского типа. В настоящее время это население рассматривается как своеобразная этнографическая группа якутского народа, однако в дореволюционной демографической статистике оно именовалось тунгусами⁵⁵. Аналогичным образом именовались и те ассимилированные якутами тунгусы Вилюя, которые продолжали сохранять в своем хозяйстве оленей и, следовательно, вели образ жизни, близкий к традиционному тунгусскому. По данным Р. Маака, коренные обитатели Вилюйского округа, еще сохранявшие в его время эвенкийский язык, существовали только «на вершинах левых притоков Вилюя и на Оленеке» (Маак, 1887, с. 38). Это подтвердили материалы переписи 1897 г.,

согласно которым 96% «тунгусов» данного округа пользовались исключительно якутским языком. Родную речь у себя показали только 177 человек, в том числе члены «Комбайского» рода (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 177), т. е. рода Комбагир в регноне Нижней Тунгуски (см. главу 4).

По переписи 1897 г. в Вилюйском округе и Жиганском улусе Верхоянского округа существовали следующие административные роды «тунгусов»: 1). Брангат («Барагатский», «Барыгатинский»); 2). Бети (Бетильский, «Бетинский», «Бетюнский»); 3). Жакут («Жахутский»); 4). Калтагир («Кельтятский»); 5). Купский («Кюпский»); 6). Маймага; 7). Нюрмаган («Нермаганский»); 8). Осого-стох («Осогостахский»); 9). Тобуйский; 10). Угулят; 11). Хатагин; 12). Чорду; 13) Шологон; 14). 2-й Шологонский; 15). Эдян («Эжанский»); 16). Эспек («Оспетский») (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 1, с. 74—82; вып. 2, с. 116—117, 125—126, 160). При этом следует иметь в виду, что роды Брангат и Нюрмаган, так же как Шологон и 2-й Шологонский, восходят, соответственно, к кровным родам Нюрмаган и Сологон (см. второй раздел).

Переходя к обзору вышеназванных родов, отметим, что часть их нам уже знакома. О родах Калтагир, Нюрмаган, Сологон (Шологон), Угулят мы говорили во втором разделе настоящей главы, о роде Эдян — в третьем. Поэтому здесь мы к ним возвращаться не станем. Начнем наш обзор с рода Бети (также Бету). Этот род, хотя и носил в XIX — начале XX в. чисто административный характер, но имел в основе кровнородственную группу бетильцев — выходцев из Бетунской вол. якутов, существовавшей в XVII в. на правобережье Лены возле устья Алдана. Эта волость была своеобразным демографическим резервуаром, из которого в XVII—XVIII вв. изливались миграционные потоки, направлявшиеся как к востоку, так и к западу от Лены. Поскольку выселявшиеся из Бетунской вол. якуты образовывали платежные группы, которые в ясачной документации обыкновенно именовались тунгусскими «родами», можно предполагать, что эта волость объединяла смешанное якуто-тунгусское население, часть которого, возможно, сохраняла даже тунгусский язык.

Начало распада Бетунской вол. можно соотносить с восстанием ее жителей против ясачного ига, начавшимся в 1636—1637 гг. и закончившимся в 1642 г., когда якутский «письменный голова» Василий Поярков разгромил укрепленный острожек князя Камыка, в котором укрывалось до 300 вооруженных якутов (*Миллер*, 1961, т. 3, л. 1153—1157).

Миграционные потоки бетунцев направлялись преимущественно вверх по Алдану, вниз по Лене и вверх по Вилюю. На нижней Лене род Бети («Бетильский») стал упоминаться у местных тунгусов во второй половине XVII в. Этнически неоднородный характер этого рода определяется наличием в его списках якутских и тунгусских имен (*Гурвич*, 1966, с. 86—87). Однако легендарный основатель Бетильского рода имеет чисто якутское имя — Кэтит Туут Уллунгах (ИПРЯ, ч. 2, с. 80). На Вилюе, при Усть-Вилюй-

ском зимовье, в 1732 г. упоминался якутский «Бетюнской» род (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, ч. 7, л. 221).

Бетильцы, которые на рубеже XVII—XVIII вв. начали продвигаться на запад от нижней Лены, говорили, по-видимому, на якутском языке. Во второй половине XIX в. на Северо-Западе существовало несколько административных Бетильских родов, сведения о которых нами приведены в нижеследующей таблице⁵⁶.

Название рода	Численность (ч. л.)		Район обитания
	1858—1859 гг.	1897 г.	
Бетильский	202	—	Вилуйский округ
То же	—	11	Туруханский край
Бетюльский	505	—	Вилуйский округ
Бетинский	—	385	Там же
То же	—	48	Туруханский край
Всего:	707	544	

Учитывая заметную разницу в численности бетильцев на обе даты, С. К. Патканов предполагал, что во время ревизии 1858—1859 гг. в их составе были учтены «тунгусы» Чордунского рода, который в качестве самостоятельной этнонимической единицы тогда не упоминался. Применительно к 1926—1927 гг. Б. О. Долгих учитывал у бетильцев региона со всеми их подразделениями 939 человек (Долгих, 1950, с. 171). В их состав он включал западные группы рода Чорду, а также мелкие кровнородственные подразделения: Батагай, Бети (Бету). Мотодур и Урюнэй (Долгих, 1946, л. 443—548). Мы остановимся на них ниже.

Род Жакут мы считаем преемником более раннего рода Джактакар, который, по Я. И. Линденау, существовал в XVIII в. у вилуйских тунгусов (см. второй раздел). Этническую основу данного рода, вероятно, составляли отунгушенные якуты среднего Вилуя. Название Жакут связано с тунгусским обозначением якутов *йоко* и представляет собой якутскую огласовку данного термина. В течение XVII—XIX вв. тунгусы Жакутского рода обьякутились.

Официально Жакутский род впервые упоминается в материалах ясачных ревизий второй половины XVIII в. при Верхневилуйском зимовье; он насчитывал 120—147 человек мужского пола (Кабузин, Троцкий, 1966, с. 34). В 1828—1830 гг. жакуты были представлены двумя группами: одна во главе со старостой Ф. Софроновым — в приходе вилуйской Николаевской церкви, другая — в приходе намской Предтеченской церкви. В этой второй группе, судя по исповедным росписям, насчитывалось 520 человек (ЦГА ЯАССР, ф. 225-И, д. 13, л. 70; д. 28, л. 19 об.). Вероятно, первая группа являла собой жакутов-скотоводов, а вторая — жакутов-олеводов.

По переписи 1897 г. во всем Жакутском роде числилось 613 че-

ловек, из которых абсолютное большинство — 606 человек — проживало к западу от Лены, в Вилюйском округе, и отчасти — в Турханском крае, а 7 человек — к востоку от Лены, в Верхоянском округе (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 116, 124). Вилюйские жакуты-оленеводы к тому времени почти полностью растворились в якутах. Вышеупомянутый Тенюргестяхский «род» (50 хозяйств) представлял собой часть этих жакутов. Около 1910 г. они просили начальство о выделении их из Жакутского рода, потому что «давно не ведут бродячий образ жизни, а живут оседло, занимаясь хлебопашеством и сенокошением». Их просьба была удовлетворена (ЦГАДВ, ф. 2144-Р, оп. 1, д. 2, л. 107).

В 1926 г. вилюйских жакутов посетил А. Г. Бауэр. Ссылаясь на «предания местного населения», он писал, что Тенюргестяхский наслег был образован «осевшими тунгусами и прибывшими в их земли якутами» (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 23, 27). Жакуты-оленеводы во второй половине 1920-х годов кочевали в районе оз. Конор, а также в верховьях Мархи и Оленека. Их численность определялась в 22 хозяйства (104 человека). Кроме 301 олсняя, они имели и 6 голов домашнего скота (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 365, л. 16).

От этнонима Жакут, без сомнения, образован этноним Дёку, который служит обозначением эвенской группы Кейметиновых (Кеймети) в Саккырыском р-не ЯАССР — выходцев с Вилюя (Новикова, 1962, с. 110). Вероятно, имея в виду этот эвенский вариант этнонима Жакут, информатор А. П. Окладникова жиганский якут Н. П. Борисов говорил, что «племя» Джоку «происходит из Саккырыра». После разделения этого «племени» одна его ветвь ушла к Вилюю (Окладников, 1949а, с. 94—95). Исходя из приведенных сообщений, мы склоняемся к тому, что род Жакут имеет эвено-якутское происхождение.

Купский род образовался на нижней Лене после переселения туда в начале XVIII в. части алданских «кюпцев» и «эжанцев» (Гурвич, 1966, с. 88). В 1897 г. тунгусы тамошнего «Кюпского» рода насчитывали 140 человек (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 116, 121—122). В 1920-х годах часть обезоленивших нижнеленских «кюп-эжанцев» практиковала транспортное собаководство (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 678, л. 139; АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 354, л. 3—4)⁵⁷.

Этнические корни Купского рода, по-видимому, чисто тунгусские. Нижнеленский эвенок Г. И. Кандинский — информатор А. П. Окладникова — называл свой род Куп (Окладников, 1949а, с. 98). Предки этого рода были, по всей вероятности, потомками «рода Куны», о котором мы говорили в главе 4 применительно к роду Кулогир. Из низовьев Вилюя часть этих купцев ушла, как можно думать, на Нижнюю Тунгуску (род Кулогир), а часть — на средний Алдан. Применительно к Алдану можно говорить о кúпцах, уже перешедших на якутский язык. Первые из них появились на Алдане около середины XVII в. и считались якутами (Долгих, 1960, с. 497). Но, по-видимому, сами кúпцы считали себя тунгусами, потому что в XVIII—XIX вв. они учитывались и на Алдане, и на

нижней Лене как тунгусы. Этимология этнонима Куп, или Купа, приведена нами в главе 4.

Род Маймага под названием «Майматцкого» рода (7 ясачных плательщиков) упоминался у якутов центральной части Якутии еще в последней четверти XVII в. Позднее он входил в Намский улус (*Долгих*, 1960, с. 373—374), расположенный на Лене ниже Якутска. В середине XIX в. Маймаганский род вилюйских тунгусов (14 человек) находился на территории Верхоянского округа (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 115), т. е. скорее всего между Леной и Анабарой. Во второй половине века маймаганцы появились и в районе оз. Есей. В метрической книге Туруханского монастыря за 1885 г. указан якут Маймага «Ботулу-Катыгинского наслега» (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 78, л. 23 об.). По данным Приполярной переписи 1926—1927 гг., в роде Маймага числилось (в западной части региона) 6 семей, 41 человек (*Долгих*, 1946, л. 443—548). Административно маймаганцы принадлежали к Хатагинскому наслегу.

Есейский якут Христофор Ботулу нам говорил, что маймаганцы отличаются от других якутов светлой кожей лица. Традиционное объяснение данного факта исходит из предполагаемого происхождения маймаганцев от трех братьев, родоначальницей которых была «русская старушка». По мнению якутов, род Маймага является эвенкийским по происхождению, а этноним Маймага они из якутского языка объяснить не могут (ПМ, 1962, № 1, л. 47 об.; 1975, л. 65 об., 75 об.). Совокупность приведенных известий побуждает нас предполагать в роде Маймага обьякученных эвенков рода Мо-могир.

Род Осогостох стал известен у якутов-оленьеводов только во второй половине XIX в. По сообщению Я. Линденау, слышавшему якутское предание, началу этому роду положил древний «беглец по имени Ерсоготок, или, как его еще называют, Елей, женившийся на воспитаннице одного из прародителей якутов — Омогоя»²⁸. Линденау отмечал, что Омогой и Елей (Ерсоготок) жили на правом берегу верхней Лены, выше сел. Качуга (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 94). Имя Ерсоготок можно рассматривать как фонетический прототип этнонима Осогостох. Неправ был, конечно, Б. О. Долгих, выводивший этот род от есейских ваяндов (*Долгих*, 1952а, с. 90).

Перепись 1897 г. выявила несколько Осогостохских «родов» и «наследов» среди «тунгусов» и «якутов» Северо-Запада (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 125). В 1920 — начале 1930-х годов они упоминались практически на всей территории региона (нижняя Лена, оз. Конор, реки Вилюй, Оленек, Попигай, Хатанга, оз. Есей и т. д.), а их общая численность была вряд ли менее 1 тыс. человек (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 341, л. 16; д. 365, л. 16; д. 595, л. 35—36; д. 678, л. 147; ЦГА ЯАССР, ф. 50, д. 1459, л. 28 об.—29 об.). Часть наиболее западных осогостохов носила фамилию Катыгын-ский или Хатыгын (*Долгих*, 1946, л. 459—470), что свидетельствует об их административной принадлежности к Хатагинскому административному роду (наслегу).

Тобуйский род (также Тобийский), как уже говорилось, полу-

чил свое название от гидронима Тобуя, или Тобия, служившего обозначением озера на правом берегу Вилюя. Этнографическую основу рода составляли баягиры (см. второй раздел). Перепись 1897 г. учла в Тобуйском роде 137 человек; из них 126 проживало в Верхневилуйском улусе (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 125, 166). Священник-миссионер И. Попов в 1890 г. окрестил «в землянке» младенца тобуйских тунгусов (*Попов*, 1893, с. 29). Характер жилища указывает на то, что тобуйцы состояли из оседлых или полuosедлых баягиров. В 1926 г. Тобуйский наслег Верхневилуйского наслега (77 хозяйств, 388 человек) считался якутским (ААН, ф. 47, оп. 2, д. 7, л. 18, 27).

Род Хатагин (также Хатыгин) был одним из самых крупных у якутов-оленьеводов. Хатагины составляли основную массу этих якутов на нижней Лене, образуя там в XIX — начале XX в. четыре Хатагинских наслега. На нижнюю Лену хатагины во второй половине XVII в. переселились со среднего Алдана, где они образовывали «Каталинскую», или «Хатылинскую», ясачную вол. Мы полагаем, что жители этой волости представляли собой ассимилированных якутами тунгусов Хатагинского рода, известного в XVII в. у эвенков-скотоводов Южного Забайкалья. Забайкальские хатагины считались «мунгальскими выходцами» (*Долгих*, 1960, с. 315, 319) и без сомнения, имели многие культурные признаки последних. Поэтому представляется неслучайным, что в некоторых источниках население «Каталинской» вол. именуется «тунгусскими и брацкими людьми» (АЯФ, ф. 5, оп. I, д. 174, л. 53—54). Вместе с тем уже в то время значительная часть алданских хатагинов, видимо, подпала под якутское влияние, вследствие чего после своего переселения в низовья Лены обыкновенно именовалась там якутами. Я. Линденау писал о хатагинах (у него — «Хатылинский род») как о якутах, пришедших в Якутию после возвращения там прародителей якутов во главе с Омогом (Омогоном). Но вместе с тем Линденау аттестовал хатагинов как «воинственных» и «драчливых» людей (АЯФ, ф. 5, оп. I, д. 151, л. 95), что более характерно для тунгусов, чем для якутов.

Из якутского языка этноним Хатагин не объясняется, на что указывал еще Г. В. Ксенофонов (1937, с. 220)⁹⁹. Наиболее подходящим для этимологии данного этнонима является монгольский термин *хатан* — «крепкий», «жестокий», «неустрашимый» (МРС, с. 519).

В результате своего широкого расселения хатагины, подобно бетильцам, встречались в XIX — начале XX в. на значительной территории как к западу, так и к востоку от Лены. Хатагины Северо-Запада в 1897 г. насчитывали 812 человек (*Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 167). В 1926—1927 гг. их численность, с учетом всех приписанных к ним подразделений, составляла 1205 человек. В состав хатагинов как административного рода Б. О. Долгих включал роды Ботулу, Маймага, Осогостох, Уодай (Одай) и Эспек (1950, с. 171).

Род Чорду имеет, по нашему мнению, самоедское происхож-

дение. В состав северных якутов-оленьеводов он вошел, по-видимому, в результате предварительного включения тунгусами части энцев, у которых имеется соответствующий род Чор. Напомним, что род Чорду (Чооду, Чогды) существует у современных тувинцев. Согласно В. В. Радлову, этот тувинский род также имеет самодийское происхождение (Radloff, 1884, 205).

По рассказам, записанным в 1953–1954 гг. в Жиганском р-не, предки чордунцев раньше жили на территории Горного р-на ЯАССР, расположенного к юго-западу от Якутска, но затем бежали оттуда, спасаясь от оспы, на Вилюй. С Вилюя они, в свою очередь, перекочевали на нижнюю Лену, в район оз. Конор (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 264, л. 181) ⁶⁰.

Согласно преданиям, записанным на нижней Лене, род Чорду, имевший оленей, еще до появления русских был почти полностью истреблен соседними группами, в числе которых находились хатагины и калтагиры («кэлтэнэ»). Это произошло, по-видимому, в районе оз. Конор (Окладников, 1949а, с. 76). Поэтому можно думать, что Чордунский род, упоминаемый в источниках примерно с середины прошлого века, имел чисто административный характер; он был образован путем объединения членов кровного рода Чорду с рядом других мелких групп ясачного населения, в том числе, вероятно, и русского происхождения.

Первое упоминание о Чордунском роде тунгусов в просмотренной нами документации относится к 1847 г.: его члены (17 человек) во главе со старостой Яковом Шадриным значились прихожанами походной Благовещенской церкви, обслуживавшей население тундры и лесотундры между нижней Леной и Оленеком (ЦГА ЯАССР, ф. 225-И, д. 248, л. 3). В материалах ревизии 1858–1859 гг. такого «тунгусского» рода еще нет, но в материалах переписи 1897 г. он представлен уже весьма широко: 426 человек в Вилюйском округе, 30 — в Верхоянском и 11 — в Туруханском крае. Тогда же упоминался и одноименный «якутский» род в составе 3-го Бетюнского наслега Батурусского улуса Якутского округа — 233 человека (Патканов, 1906, ч. 1, вып. 2, с. 51, 125, 160, 167).

Приполярная перепись 1926–1927 г. выявила якутов рода Чорду в шести территориальных группировках западной части региона — Боганидской, Боярско-Хетской, Хетско-Нововской, Полигайской, Кирбейской и Есейской. Их общая численность достигала 83 семей (470 человек) с 5434 оленями. Часть чордунцев носила фамилии Бету и Бетюнский (Долгих, 1946, л. 443–478). Это указывает на то, что западные чордунцы были причислены к Бетильскому наслегу, который вследствие этого иногда также именовался Чордунским (Там же, л. 263). Более восточные чордунцы на рубеже XIX–XX вв. составляли самостоятельный Чордунский наслег якутов Вилюйского округа (ЦГА ЯАССР, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 18 об.; ф. 50, оп. 1, д. 1459, л. 28 об. — 29 об.).

Б. О. Долгих писал, что чордунцев иногда считали «потомками русских «пашенных» или «посадских» людей» (1946, л. 263). Нам тоже приходилось слышать от якутов, что род Чорду образовался

в результате женитьбы якута на русской женщине, вследствие чего среди чордунцев якобы много белокурых людей с крупным телосложением (ПМ, 1962, № 1, л. 47 об.).

Род Эспек (Эспёк) представляет собой выходцев из бывшей «Оспетской» вол. якутов, существовавшей между реками Лена и Татта. Позднее на указанной территории располагался Дюпсунский улус. По сообщению Б. О. Долгих, есейские экспеки считают своим предком «нского Петра Эспёк» — жителя этого улуса; он был приглашен на Есей более ранними переселенцами как «закон знающий человек» (Долгих, 1946, л. 260). О названии Эспек Б. О. Долгих писал, что оно «непереводимо» (Там же, л. 261).

Приполярная перепись выявила эспеков в ряде территориальных группировок западной части региона. Их оказалось 29 семей (165 человек) с 623 оленями. Часть эспеков носила фамилию Катыгинский (Там же, л. 450—478), образованную от этнонима Хатагин.

Теперь перейдем к упомянутым нами выше подразделениям Бетильского и Хатагинского административных родов. Подразделения бетильцев Батагай и Урюнэй более правильно считать составными частями административного рода Чорду. О принадлежности батагаев к этому роду свидетельствует запись в исповедальной ведомости есейской Васильевской церкви за 1909 г., согласно которой «якуты Чердунского наслега Батагай» насчитывали 121 человека (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 30, л. 37 об.—39). В отличие от собственно чордунцев батагаи считались «настоящими якутами» (Долгих, 1946, л. 264). Вероятно, этноним Батагай имеет непосредственное отношение к названию Батагайского наслега, существовавшего в конце XIX в. у якутов Дюпсунского и Верхоянского улусов Якутии. Связь батагаев с чордунцами была, по-видимому, чисто административной.

О роде Урюнэй известно, что он еще в 1678—1680 гг. упоминался среди якутов центральной Якутии, но был крайне малочисленным — всего 2 ясачных плательщика. В метрических книгах Туруханского монастыря за 1885 г. указан якут по фамилии Юриннай из «Черду-Бетинского наслега» (ГАЭАО, ф. 30, оп. 1, д. 78, л. 22 об.). Урюнэйский наслег существовал также в прошлом у якутов Абыйского наслега на Индигирке (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 243, л. 29) ⁶¹.

С родом Чорду урюнэев роднит народная этимология этнонима Урюнэй, производящая его от якутского *урун* — «белый». Наш информатор О. С. Христофоров из рода Урюнэй (пос. Джиллинда в Оленекском р-не) говорил, что его прадед был «белокожим» (ПМ, 1971, № 1, л. 150 об.).

О бетильской группе Мотодур нам мало что известно. В 1926—1927 гг. одна семья якутов этой группы (2 человека, 9 олсней) была выявлена в Хетско-Нововской территориальной группировке на Таймыре. Фамилия этой семьи была Бегу. В прошлом мотодуры принадлежали к числу жителей Намского улуса на Лене (Долгих, 1946, л. 458—460).

Членов хатагинского рода Ботулу можно считать потомками Батулинской вол. якутов XVII в., существовавшей на правых притоках Алдана — Амге и Татте. Согласно преданию, которое слышал Я. Линдснау, легендарный Омогой (Омогон) происходил «из рода Ботулу» (АЯФ. ф. 5. оп. 1. д. 151. л. 94). Народная этимология производит этноним Ботулу от соответствующего якутского термина, обозначающего столб для привязывания лошадей (ПМ, 1962, № 1, л. 47 об.). В 1926—1927 гг. род Ботулу в западной части региона насчитывал 279 человек (Долгих, 1946, л. 443—478).

Род Удай (Одай) в составе хатагинов, вероятно, представляет собой выходцев из Одайской вол. якутов XVII в., которая существовала по соседству с Батулинской. В 1920-х годах члены этого рода (20 человек) обычно относили себя к роду Ботулу (Там же, л. 478).

В заключение обзора этносоциальной структуры северных якутов-оленьеводов кратко охарактеризуем еще несколько малочисленных этнонимических групп, зафиксированных разными авторами в восточной части региона Северо-Запада. К числу таких групп относятся Архат, Асыкай, Барах, Джобулга, Кебёх, Омолдон, Сидэни, Тюмэти, Кангалас («Хангалас»), Хапах, Яджят и Эмис («Ямись»).

О группе Архат нам известно только то, что в 1916 г. она состояла из 36 хозяйств (Гурвич, 1966, с. 173). Этноним — тунгусского происхождения. Группа Асыкай, видимо, соответствует Асыкайскому наслегу Жиганского улуса и достаточно определенно идентифицируется с родом Осекуй у «пешных якутов» Вилюя в XVII в. (см. второй раздел). В 1916 г. эти асыкаи-осекуи насчитывали 9 хозяйств (Гурвич, 1966, с. 173).

Группа Барах, впервые упомянутая И. М. Суловым (1934, с. 71), представляет собой часть якутоязычного населения нижней Анзбары, носящую фамилию Спиридонов. По словам Спиридоновых, носимое ими «прозвище» Барах, или Барахтах, образовано от якутского *барах* — «маленькая птичка» (ПМ, 1971, № 2, 118) ⁶².

О группе Джобулга впервые сообщил Г. В. Ксенофонтов (1936, с. 226), однако никаких подробностей о ней он не привел. Аналогичное название существует у потомков кангаласских тунгусов, живущих в Алданском р-не ЯАССР. По сведениям С. И. Николаева, представители тамошней патронимической (?) группы Джобулга относят себя к роду «Иуягир» (Николаев, с. 14), т. е. Баягир. Естественно допустить, что и жиганские якуты — оленьеводы Джобулга — были по происхождению баягирами.

Группу Кебёх, именуя ее родом, упоминал Б. О. Долгих в составе Бетюнского наслега применительно к 1926—1927 гг. (1950, с. 171). В представителях этой группы можно видеть якутов — выходцев из бывшей Кобенокской вол. Эта волость под искаженным названием «Кобенонконская» фигурирует в материалах ясачных ревизий второй половины XVIII в. (Кабузан, Троицкий, 1966, с. 32).

Группа Омолдон скорее всего представляет собой молодой род или патронимию, происходящую от якута Батурусской вол. ⁶³ жив-

шего в XVII в. на притоках Алдана Амге и Татте. Этот Омогдон в 1670 г. приезжал на Алдан к тунгусам и расспрашивал их о местах, куда бы ему можно было откочевать, чтобы находиться подальше от ясачной администрации (*Гурвич*, 1966, с. 38). По всей видимости, тунгусы указали ему на Вилюй или на левобережье нижней Лены, куда он в конце-концов и перебрался с группой сородичей.

Отец Омогдона Куликан был в 1637 г. и позднее главой Батурской вол. (МИЯ, с. 25, 105, 159, 215, 911, 963, 1195). Имя Куликан имеет тунгусское происхождение; оно представляет уменьшительную форму от эвенкийского *кулин* — «змея», «червь», «комар» и т. п. (ТМС, т. 1, с. 428). В пользу тунгусского происхождения Омогдона косвенно свидетельствует и тот факт, что аналогичное имя — Омогдон — встречается в конце XVII в. в списке рода Лалкагир у тунгусов верхнего Алдана (ЦГАДА, ф. 1177, оп. 3, л. 1469, л. 168). Но вообще это имя мало походит на обычные тунгусские или якутские имена. Скорее всего, оно было заимствовано тунгусами от юкагиров, у которых его носил какой-нибудь военачальник.

Численность «кровного рода» Омогдон у северных якутов-оленьеводов составляла в 1924 г. 97 человек (*Ксенофонт*, 1937, с. 226). По имеющимся данным, члены этого рода жили в низовьях Анабары (*Суслов*, 1952, с. 71).

Подразделение Сидэми (мн. число — Сидэмиляры), существующее в низовьях Анабары, представляет собой патронимию: анабарские сидэмиляры носят фамилию Туприн, а их таймырские родственники — фамилию Чуприн (ИМ, 1971, № 1, л. 156 об.). Прозвучавшее Туприных (Тюприных, Чуприных) связано с существованием административного Затундринского якутского рода (см. третий раздел). Согласно П. В. Латкину, в этом роде существовало потомство «трех братьев-богатырей тунгусского племени Тюприных», которые были в начале XVIII в. окрещены туруханским комиссаром Тюприным и склонены к поселению на Хатанге. К концу XIX в. Тюприны «совершенно обьякутились» и ничего общего с тунгусами уже не имели (*Латкин*, 1982, с. 124).

К какому тунгусскому роду принадлежали братья Тюприны, мы не знаем. Б. О. Долгих предполагал в сидэмилярах обьякученных синигиров (1952а, с. 90), однако каких-либо доводов на этот счет не привел. Этноним Сидэми напрашивается на объяснение от эвенкийского *сидэ* — «разорвать» (ТМС, т. 2, т. 79). Смысл этнонима — нечто оторванное от целого, часть целого.

Группа Тюмэти (ее впервые называет Г. В. Ксенофонт) соответствует, по-видимому, Туматскому наслегу северных якутов Жиганского улуса (на левобережье нижней Лены). В 1916 г. в этом наслеге числилось 10 хозяйств (*Гурвич*, 1966, с. 173).

В группе Кангалас естественно усматривать выходцев из Кангаласской вол. якутов, существовавшей в XVII в., или из более поздних Кангаласских улусов Якутии.

Группа Эмис соответствует Эмисскому наслегу Жиганского улуса: в 1916 г. она включала 15 хозяйств (*Гурвич*, 1966, с. 1973). В материалах по землеустройству Анабарского р-на

(1934 г.) сообщается, что члены рода «Ямись» образовывали «Куладинскую группу хозяйств» (ПМ, 1970, № 2, л. 127 об.— 128) ⁶⁴ — вероятно, на одном из притоков Анабары.

Этноним Эмис, без сомнения, имеет связь с этнонимом Эмидак, существующим у эвенков региона Нижней Тунгуски (см. главу 4). Там мы приводили сообщение одного из наших информаторов о происхождении эмидакилей от якутов из рода Чорду. В восточной половине этнического ареала эвенков представители рода Эмис (также «Эмихин») встречаются в Алданском р-не ЯАССР, где живут многие потомки бывших кангаласских тунгусов (Николаев, с. 19; ИФЭ, с. 382). Можно считать, что начало этому роду положил вилюйский якут, женившийся на тунгуске.

В основе этнонима мы, вслед за С. И. Николаевым, усматриваем якутское *эмис* — «тучный», «волосатый» (Николаев, с. 20). Добавим, что на ойротском (алтайском) языке *эмис* — «сосать, кормить грудью» (Цинциус, с. 223).

Группа Яджат упоминается в материалах по землеустройству Анабарского р-на и, вероятно, представляет собой часть объякученных эвенков из рода Эдян.

Все рассмотренные в настоящем разделе административные роды и кровнородственные подразделения северных якутов-оленовдов распределялись в 1926—1927 гг. по различным улусам и наслегам Северо-Запада следующим образом (см. таблицу) ⁶⁵.

Улус, наслег, селение	Численность (чел.)	
	«якутов»	«тунгусов»
Булунский улус	1793	568
сел. Булун	184	49
Жиганский улус	85	851
Хатангско-Анабарский улус	1097	—
Осогостохский наслег	15	65
Нюрбинский улус ⁶⁶	—	1216
Хочинский улус ⁶⁷	—	341
Итого:	3174	3090

Как видим, даже в 1920-х годах почти половина северных якутов-оленовдов еще формально причислялась к тунгусам.

* * *

Этническое взаимодействие тунгусов с якутами, русскими старожилами и самодийцами в западной части региона (к западу от Анабары) привело к формированию там нового якутоязычного народа Севера — долганов.

Первым, кто поставил вопрос об этническом формировании долганов на научную основу, был Б. О. Долгих. Вначале (в своей работе 1946 г.) Долгих относил к долганскому этносу только пред-

ставителей бывших Долгано-Есейского, Долгано-тунгусского, Боганидско-тунгусского и Жиганского тунгусского административных родов, т. е. главным образом выходцев эвенского происхождения с востока. Но впоследствии он изменил свою точку зрения и стал относить к новому народу все якутоязычное население западной части региона, в том числе эвенкийских выходцев с юга, местных якутов-оленьеводов, обьякученных самодийцев и русских старожилов «за-тундры» (Долгих, 1963).

В результате произведенных Б. О. Долгих подсчетов по материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг. к долганам как народу относились следующие категории обитателей западной части региона: тунгусы — 1725 человек, якуты — 1826, русские старожилы — 452, самодийцы — 69 человек.

Отсюда следует, что общую численность долганского народа на указанную дату Б. О. Долгих определял в 4072 человека (Долгих, 1963, с. 93).

Как видно, этническим ядром долганского народа являются обьякученные тунгусы — пришельцы с востока, имеющие эвенское происхождение. В предании, записанном А. А. Поповым, они именуются «лесными людьми». Сначала эти пришельцы жили «за Хетой, в лесах», воевали друг с другом и с «самоедами», но в конце концов помирились с ними. «Когда жили так, пришли тунгусы и войной взяли лесных людей». В результате «половина» «лесных людей», как можно понять, ушла обратно к нижней Лене, а другая «половина долганами стала» (Попов, 1934, с. 120), т. е. долганским народом. Здесь в «тунгусах», напавших на «лесных людей», нужно видеть эвенков — пришельцев с юга, из региона Нижней Тунгуски.

После того, как в тундре, на краю леса, поселились русские крестьяне, долганы сблизилась с ними — стали жить в домах, вступали во взаимные браки (Там же, с. 121), переняли у них езду на собаках. Когда в 1740 г. Харитон Лаптев отправил геодезиста Чекина от устья р. Таймура (Таймыр) к устью р. Пясина, его подрядились взять местные тунгусы «на своих семи нартах, запряженных собаками» (Врангель, с. 66). Взаимные браки с русскими старожилами повлияли на антропологический тип долганов, хотя это ясно выражено лишь у части их. Нам приходилось встречать (в 1959 г.) на Таймыре совершенно русских по внешнему виду людей, называвших себя долганами и знавших только долганский диалект якутского языка (Васильев, Туголуков, с. 132). Национальное самосознание долганов как самостоятельной этнической общности к настоящему времени можно считать уже в полной мере оформившимся. Они обыкновенно называют себя долганами (долган, дулган), хотя нередко бытуют и прежние групповые самоназвания вроде *сах*⁶⁸, *тунгус*, *тыга* (*тыа*, *тэгэ*) (Васильев, Туголуков, с. 133; Народы Сибири, с. 742).

Как особый народ, отличный и от тунгусов, и якутов, долганы стали заметны уже в первой половине XIX в. Около 1838 г. сообщалось, что к востоку от нижнего Енисея администрация берет ясака с долганов, самоедов и тунгусов, живущих «за тундрой» (ЛАН,

ф. 2, оп. 1, д. 6, л. 41). В этом сообщении долганы представлены в виде самостоятельной этнической группы. Первым, обратившим внимание на долганов как на особый народ Севера, был А. Ф. Миддендорф, называвший их «баснословным племенем». Вместе с тем местная администрация, по его словам, продолжала именовать долганов тунгусами (*Миддендорф*, с. 689).

Несколько слов о культуре долганов. В долганском эпосе встречаются имена героев, знакомых нам по эпосу северных якутов-оленьеводов. Чэмпэрэ в этом фольклоре выступает под именем Чемтире, Юнгкэбил — под именем Ингкяябил. Первый олицетворяет шитолицы тунгусов, второй — долганов. Убив Чемтире, долганы, возглавляемые Куосом Кирисом, едят «лучшее мясо» поверженного врага, тогда как их союзникам достаются только кости и ягодичы. Каждый, получивший свою долю из останков Чемтире, стал якобы основателем определенного рода в долганском народе (*Полов*, 1934, с. 117—118).

Оленеводство долганов (как, впрочем, и северных якутов) носит ярко выраженный синкретический характер: летняя вьючно-верховая езда на оленях, характерная для тунгусов, сочетается с зимней ездой на нартах самодийского типа, хотя и с правым передовым, по тунгусской традиции. «Долганы доят оленей, как тунгусы, но имеют пастуших собак, как самодийцы», — писал Б. О. Долгих. Низкая долганская нарта-турку («туркучанка») напоминает русские санки для езды на собаках (*Долгих*, 1963, с. 130).

В 1920—1930-х годах долганы, наряду с тунгусским чумом и русской избой, пользовались также якутским балаганом и общим для ряда народов Севера жилищем типа голомо. Но особенно выделяет долганов употребление ими своеобразного зимнего передвижного жилища, так называемого балка, представляющего собой прямоугольный деревянный каркас на полозьях, обтянутый оленьими шкурами мехом наружу⁶⁹.

В одежде долганов выделяются некоторые детали, присущие только эвенкам, например, характер орнамента, обилие украшений (*Миддендорф*, с. 697; *Долгих*, 1963, с. 131; *Васильев*, *Туголуков*, с. 133). Но в целом долганская одежда имеет общетунгусский характер. В употреблении у долганов зимой и глухая одежда (сокуй с капюшоном), заимствованная от энцев и ненцев.

* * *

Сделаем краткие выводы из материала настоящей главы. В XII—XIII вв. на территорию Северо-Запада пришли с юго-востока эвенки, в составе которых были представители родов Баягир, Иологир, Калтагир, Нанагир и др. Часть этих эвенков, задержавшись на средней Лене, образовала там три крупные территориальные группировки — Сологон, Дулиган и Эдиган. При своем продвижении по территории региона эвенки вступали в контакты с местными аборигенами. Большинство последних составляли самодийцы — предки современных энцев и иганасанов, но на нижнем Вилюе,

прилегающем отрезке Лены и нижнем Алдане этими аборигенами были, по нашему мнению, древние уральцы — пришельцы с запада.

Появление на средней Лене большой массы якутов в XIII—XIV вв. вызвало значительные передвижки среди местных тунгусов. Часть их перешла в низовья Лены (эдиганы) и на более верхнее течение Вилюя (сологоны), а часть мигрировала к востоку от Лены. Тунгусское население (в основном долганы), оставшееся на Лене, возле устья Вилюя, было ассимилировано якутами.

В результате длительных и тесных контактов тунгусов Северо-Запада с самодийцами образовалась этнически смешанная тунгусоязычная группа буляшей. В свою очередь некоторые местные эвенки и эвены были ассимилированы самодийцами и вошли в их состав. Благодаря этому к началу XX в. сформировался новый самодийскоязычный народ Севера — нганасаны.

Происходившее в XVII—XIX вв. интенсивное освоение якутами Северо-Запада было причиной ассимиляции ими значительной массы тунгусского населения. Результатом указанного процесса было сложение нового якутоязычного народа Севера — долганов, а также этнографической группы в составе якутского народа — северных якутов-оленьеводов.

¹ В наказе царя столыпику Н. Головину и дьяку Е. Филатову говорилось, что «на низ по Лене-реке к морю живет самоедь». Но возможно, что тут имелись в виду юкагиры.

² В южной Якутии в 1820-х годах из этих выходцев с Вилюя была сформирована Кангаласская инородческая управа (так называемое Семн-Кангаласское ведомство).

³ Дубровин Е. А. Отчет о санитарно-экономическом обследовании Булунского округа за 1927—1928 гг. Рукопись.

⁴ Судя по фамилиям, это были долганы (плем. Долганского рода).

⁵ Границами Жиганского улуса считались на востоке — междуречье Яны и Лены, на западе — Анабара.

⁶ Число 1599 мы получили, вычтя из общей численности тунгусов Туруханского края (1831 человек) их численность в регионе Нижней Тунгуски (без Кондогирской и Курейской управ) и в бассейне Таза (см. главы 4 и 6).

⁷ К этой группе эвенков с родным языком следует добавить 3 семьи (17 человек) безземельных эвенков Нгаркского р-на Красноярского края (Долгих, 1946, л. 471, 524).

⁸ Другое название этой группировки — «Путарамская». Оно образовано от эвенкийского названия Хантайского озера — Путарамо (ПМ, 1959, № 1, л. 63 об.).

⁹ Нанагиры упоминались в 1630—1640-х годах на Вилюе, но либо как временные пришельцы с юго-востока, либо как единичные плательщики ясака. Их можно угадывать в тунгусах «Кагагилского» и «Кагасилского» родов (МИЯ, с. 14—15).

¹⁰ Таблица составлена по следующим данным: Долгих, 1960, с. 459—471; КПМГЯ, с. 92; МИЯ, с. 14, 20, 142—152.

¹¹ Ныне пос. Покровск, расположенный на левом берегу Лены выше Якутска.

¹² Долганский род — ныне один из крупнейших у эвенков.

¹³ Нижнезейские долганы были записаны В. Д. Поярковым как «дуланы» (ДАН, т. III, с. 53).

¹⁴ В отличие от нас сахалинский эвенк С. А. Надени считал название «Бурнагир» вполне самостоятельным этнонимом, не связанным с гидронимом Нюрба. Он

- усматривал в этом названии эвенк. *бурна* — «белосеребристая прядь волос в шерсти зверя» (письмо к автору).
- ¹⁵ Жиганский районный архив ЗАГС. Метрические книги за 1903—1904 гг.
- ¹⁶ Раньше этот «род» имел, без сомнения, гораздо большую численность. Видно, не случайно в первой половине XVII в. русские употребляли по отношению к «шолганам» выражения: «орда сидячая шолганы» и «шелганская земля» (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 79 об.; ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, д. 25, л. 9).
- ¹⁷ О «Холопной орде» см. ниже.
- ¹⁸ Члены рода Самар — ассимилированные нанайцами шамагиры.
- ¹⁹ Употреблялись также транскрипции: «Азянский», «Ачганский», «Нчанский», «Ождянский», «Озынский» и др.
- ²⁰ Название «Нангаир» (эвенки произносят «Нгангаир», «Нгангахир») часто писалось как «Какагир», «Кагасир», «Хагагир», «Хангагын» и т. д. Транскрипция «Кокогир» встречается редко.
- ²¹ Численность этой группы была 27 ясачных плательщиков (*Гуравич*, 1966, с. 45), т. е. более 100 человек всего населения.
- ²² Боганида — левый приток Хеты.
- ²³ Князец Келюнца умер в 1770 г. в возрасте 83 лет, а князец Холостой — в 1775 г. в возрасте 67 лет.
- ²⁴ Таблица составлена по следующим материалам: 1824 г. — АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52; 1860 г. — *Кривошипкин*, т. 2, с. 355; 1897 г. — *Патканов*, 1906, ч. I, вып. 2, с. 154, 160. Цифры 1824 г. получены нами путем умножения числа мужских душ на 2. В 1897 г. Боганидско-Тунгусский род назывался просто Боганидским.
- ²⁵ Летняя Курейка — то же, что теперешняя Курейка — правый приток Енисея ниже устья Нижней Тунгуски. Добавление «Летняя», видимо, вызывалось проживанием там «летних» тунгусов.
- ²⁶ Группа Хомпо была нами выявлена в процессе полевой работы.
- ²⁷ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 440, 443, 447, 451, 458).
- ²⁸ О тавгах мы говорим в следующем разделе.
- ²⁹ Названия «родов» ваяндов за 1644 г. нами извлечены из работы Б. О. Долгих (1960, с. 151). Их численность неизвестна. Сведения о «родах» ваяндов за 1682 г. получены нами из материалов ясачной переписи 1682 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 178—199, 205—207). Следует иметь в виду, что ваяндами члены этих «родов» не именовались, однако Енисейское зимовье называлось «Ваянцким».
- ³⁰ «Кюпский» род нижней Лены представлял собой выходцев с Алдана (см. заключительный раздел настоящей главы).
- ³¹ О значении этнонима *хуруличар* см. следующий раздел.
- ³² Вероятно, имеются в виду горы «Лантакайский камень».
- ³³ Согласно фольклору, обычным занятием Юнгкэбиля и его братьев была охота на диких оленей на Оленеке. Для этой цели они пользовались лодками-«вегками» и пиками. На охоту за лесным зверем они выходили на лыжах или пешком. Олени у них имелись, но в малом количестве. Булунский эвенк Н. Е. Боткинов нам рассказывал о Юнгкэбиле как об искусном охотнике, кормившем своей добычей девять семей. Охотник устроил себе жилище на вершине сопки в низовьях Оленеки, отчего теперь эта сопка носит его имя. То же название имеет и речка, протекающая у подножья сопки (ПМ, 1971, № 2, л. 22).
- ³⁴ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 435, 443, 458, 462, 469).
- ³⁵ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 419, 426, 428, 435, 444, 451, 458).
- ³⁶ Иметсяя в виду «Комиссия о расположении ясака», учрежденная по указу Екатерины II в 1763 г.
- ³⁷ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 418, 435, 439, 443, 451, 458).
- ³⁸ Материалы Туруханской земледовоустроительной экспедиции 1936—1937 гг. Рукопись.
- ³⁹ Эту архивную выписку нам любезно предоставил Р. В. Николаев.

- ⁴⁰ Термин «за-тундра» прилагался к кочевьям «инородцев», расположенным преимущественно между реками Авам и Хатаंगा в лесотундре (ГАКК, ф. 667, оп. 2, л. 20, л. 17 об.).
- ⁴¹ Долгих Б. О. Материалы по этнографии: фольклорные тексты. Ч. 1: Игана-сы (1930 г.). Рукопись.
- ⁴² В ТМС эвенкийское *чинэ* — «болезнь дерева (пук тонких ветвей на дереве)» (т. 2, с. 396).
- ⁴³ Аналогичная транскрипция принята и в местных хозяйственных книгах (ИМ, 1959, № 1, л. 54).
- ⁴⁴ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 411—412, 418—419, 422—423).
- ⁴⁵ Описание Якутской области (1912 г.). Рукопись.
- ⁴⁶ Эта деталь (бисер), вероятно, проникла в якутский фольклор уже после появления русских.
- ⁴⁷ Приведенное выражение означает «битые лица» (или «морды») (СЯЯ, т. 2, с. 2477; т. 3, с. 2662). Известно также якутское выражение *ты-лях омыклар* — «битые иноплеменники» (ИМ, 1971, № 2, л. 191 об.).
- ⁴⁸ Аналогичная манера украшать одежду была свойственна эвенкам верхнего течения Ангара в XVII в. (см. главу 1) и эвенкам нижней Колымы в начале XIX в. (Кибер, с. 43).
- ⁴⁹ В 1631 г. у татгов было 145 ясачных плательщиков, 80 из них находились возле устья Анабры и 65 платили ясак на Хете (Долгих, 1960, с. 126).
- ⁵⁰ Потомками «асинкой самоды», т. е. ассимилированных самодийцами эянов, мы считаем членов рода Аседа XVII в. у лесных эйцев на нижнем Енисее. Б. О. Долгих сообщает, что после восстания, происшедшего в 1695 г., род Аседа «откочевал в землю обдорских ненцев» и примкнул к последним. Когда этот род вернулся обратно на Енисей, его члены уже были ассимилированы ненцами (Долгих, 1970, с. 121).
- ⁵¹ Еще одним подтверждением позднего формирования вадеевских иганасанов служит наличие в их составе рода Асянду, выделенного Приполярной переписью 1926—1927 гг. Это название — несколько измененный тунгусский термин *азяндук* (эзидук), означающий «из эянов (эзидов)». Отделением рода Асянду являлся род Купчик (Долгих, 1952а), среди членов которого в 1932 г. находился «кулак» Купчик Аяул (ГАТАО, ф. 10, оп. 1, л. 24, л. 59). Аяул — без сомнения, тунгусское имя.
- ⁵² Кочевая часть рода Нюрмаган стала именоваться Нюрмагано-Чинским наделом Западно-Кангаласского улуса (ЦГА ЯАССР, ф. 158 II, оп. 1, л. 17, л. 9; л. 18, л. 1—3).
- ⁵³ Род Тенюргестях был частью рода Жакут (см. ниже).
- ⁵⁴ Постановление Якутского областного управления от 18 марта 1910 г. Стоит отметить, что указанная реформа удалась не полностью. Часть хатаинов и солдогов, переведенных в разряд «кочевых инородцев», сочетала оленеводство со скотоводством и вела «полукочевой» — полубродячий образ жизни. Землей их не наделили, и они по-прежнему арендовали ее у соседей. Как бы в отместку за это хатаины и солдоны не платили падаей, отказались вести другие земские повинности, избирать должностных лиц и т. д. Некоторые хатаины после 1910 г. «ушли вглубь тайги, на Жессей» (ЦГАДВ, ф. 2411-Р, оп. 1, л. 2, л. 301—311), т. е. на оз. Есей.
- ⁵⁵ Исключение составляли есейские якуты-оленоводы, жившие на территории Туруханского края Енисейской губ. Они именовались там якутами.
- ⁵⁶ Таблица составлена по материалам работы С. К. Пятканова (1906, ч. 1, вып. 2, с. 51). В таблице учтены только западные по отношению к Чене группы бетилюев.
- ⁵⁷ Гурвич И. С. К вопросу об этнической принадлежности населения Булунского р-на (1954 г.). Рукопись.
- ⁵⁸ У Линдензу — «Омогон».
- ⁵⁹ Г. В. Ксенофонтов называл Хатагинский род «Хатылы».
- ⁶⁰ Горохов К. И. Предварительный отчет о работе этнографической экспедиции ИЯЛИ ЯФАН СССР в Верхоянском, Саккырьском, Устьянском, Булунском и Жиганском районах ЯАССР в 1953—1954 гг. Рукопись.

- ⁶¹ Гурвич И. С. Предварительный отчет об экспедиции в бассейне р. Индигирки (1952 г.). Рукопись.
- ⁶² Имеется в виду кулик.
- ⁶³ В источниках XVII в. Батурусская вол. нередко объединяется с Хатагинской («Катылинской»).
- ⁶⁴ Проект землеустройства Анабарского р-на (1934 г.). Рукопись.— Архив МСХ ЯАССР.
- ⁶⁵ Таблица составлена по цифровым данным, приведенным в рукописном очерке Е. А. Дубровина о санитарно-экономическом обследовании Булунского округа в 1926—1928 гг. (АЯФ, ф. 5, оп. 1, д. 357, л. 103—110), а также по сведениям Якутского Комитета Севера (ЦГА ЯАССР, ф. 680, оп. 1, д. 91, л. 18, 28—29).
- ⁶⁶ Наслеги Бетюнский, Жахутский, Кельтетский, Осогостахский, 2-й Угулятский, Хатылинский, Чордунский и Шологонский.
- ⁶⁷ Наслег Братагско-Садынский. Хочинский улус по сравнению с Нюрбинским улусом находился в более верхней части Вилюя.
- ⁶⁸ Этноним *саха* — также самоназвание якутов.
- ⁶⁹ Балок известен у таймырских долганов со второй половины прошлого века. Это был «экипаж», в котором жители Таймыра привозили в тундру русских чиновников. Балок, рассчитанный на двух человек, везли четыре оленя (*Кривошапкин*, т. 2, с. 149). Характерно, что северные якуты Оленека и Нижней Лены не употребляли балка (ПМ, 1971, № 1, л. 148). В начале XX в. якутские купцы занимались в Булуне изготовлением балков на продажу для охотников, живших «на западе» (*Зензинов*, с. 11—13).

Глава шестая

ТУНГУСЫ

К ЗАПАДУ ОТ ЕНИСЕЯ

1

Обь-енисейские тунгусы в XVII — начале XX в.

Как отмечалось в главе 3, часть тунгусов-варгаганцев в XVII в. постоянно проживала на левом берегу Енисея. Для приема с них ясака там было основано Закаменное зимовье, находившееся, по-видимому, возле устья р. Дубчес, выше Осиновского порога на Енисее. В 1624 г. посланный на Подкаменную Тунгуску из Енисейского острога атаман Поздей Фирсов имел столкновение с «закаменными тунгусами», в результате которого у последних было убито пятеро мужчин (Миллер, 1941, т. 2, с. 577, примеч. А. И. Андреева). В 1629 г. в Закаменном зимовье уплатили ясак остяки — «Род Инбацкой» и тунгусы — «Род Товар» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 34—47 об.). В остояках следует видеть кетов, а в роде Товар — род Сентей эвенков нижнего течения Нижней Тунгуски (см. главу 4). Позднее род Товар в интересующем нас регионе не упоминался. В 1639 г. при Закаменном зимовье числились две группы ясачного населения: «закаменные остяки» и «род Тунгуской» общей численностью 153 ясачных плательщика. В списке «закаменных остяков» большинство имен имеет определенно тунгусский характер (Ендыга¹, Илига, Сендул, Ченгул и др.), однако первым указано имя Хенгуп — видимо, кетского происхождения. Одно из имен, Хому, указывает на то, что в состав этой группы входили эвенки-хомыли (род Кему). С другой стороны, список «Рода Тунгуского» включает почти сплошь нетунгусские имена (Сынта, Турка, Обдеда, Алчет, Сиди и т. п.) (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 651—657). Создается впечатление, что ясачные сборщики перепутали заголовки списков плательщиков ясака. Но так или иначе, эти списки свидетельствуют о том, что «закаменные» кеты и эвенки были основательно смешаны друг с другом посредством взаимных браков.

Проникновение эвенков с восточного берега Енисея на западный происходило в течение всего исследуемого нами периода. Оно имело спорадический характер и осуществлялось мелкими группами. В 1651 г. от Чунского зимовья на Подкаменной Тунгуске сбежали за Енисей тунгусы Камыга, Хомундрей, Югога, Гургокта, Дагандрей и Юлбога. В 1653 г. они жаловались, что «на Чиромбуйс-

кой вершинне»² их пограбили нарымские казаки, отобравшие у них соболей, бобров, откасы (пальмы), медные котлы и другое имущество (Долгих, 1960, с. 177).

По данным ясачной переписи 1682 г. в Закаменном зимовье платили ясак две группы эвенков: «Род Хомыли» — 10 чумов, 19 ясачных плательщиков, 34 человека мужского пола и «Род Ваявы» — 3, 10, 16 (ЦИАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 169—173 об.). Таким образом, местное эвенкийское население составляло 29 ясачных плательщиков, или около 120 человек всего населения. О других эвенкийских группах на левобережье Енисея ясачные источники XVII в. не упоминают. Несмотря на это имеются веские основания считать, что эвенки, а возможно, даже и эвены там в то время имелись, причем расселение местных тунгусов было весьма широким. Голландец Исаак Масса, находившийся в начале XVII в. в Москве, писал, что русские ещё при царе Борисе Годунове (т. е. до 1605 г.) «перешли Обь и дошли до реки Енисея через страну самоедов и тунгусов», после чего, переправившись через Енисей, оказались на р. Пясины («Писида»). Насколько можно понять, от р. Таз они шли водным путем по одному из ее правых притоков³, а затем перевалили на левый приток Енисея, который Масса называет «Тоергаеф». «Это очень удобный путь, только недавно открытый самоедами и тунгусами», — добавляет он (Алексеев, ч. I, с. 258—260).

Река «Тоергаеф» — это, без сомнения, Турухан. Данный гидроним имеет тунгусское происхождение: он образован от эвенкийского *туру* — «столб», «мачта», «шаманское дерево» и т. п.; *-хан* или *-кан* — уменьшительный суффикс. Гидронимы с аналогичной основой встречаются к востоку от Енисея: р. Туру — левый приток р. Кочечумо, впадающей справа в Нижнюю Тунгуску («Турыга» XVII в.); в среднем течении р. Туру имеет два притока — Нижний и Верхний Турухан (Маак, 1886, с. XIII). На карте Сибири, приложенной к труду И. Массы, на левом берегу Енисея, ниже устья р. «Тоергаеф», сделана надпись: «Тингоеси» («Тунгусия»); на противоположном, восточном, берегу показана «страна ненцев» — «Ненлант» (Алексеев, ч. I, с. 264—265).

Англичанин Джосисас Логан, совершивший в 1610—1611 гг. путешествие на Печору, писал из Пустозерска на родину: «Здесь есть также люди, называемые тунгусами» («Тунгуссиес»), страна которых находится за реками Обью и Тазом («Таес») и доходит до большой реки Енисея» (Там же, с. 212). В Пустозерске в то время существовала крупная пушная ярмарка. На эту ярмарку, как видно, и приходили тунгу́сы.

Наличие тунгусов в ряде местностей региона выявляется также на основании анализа личных имен и групповых этнонимов, содержащихся в ряде документов того времени. Одним из таких документов является отписка воеводы Кетского острога Посника Бельского в Томский острог от 1605 г., в которой Бельский писал, что «Могулина мужика Майгина жена Кинопсу» сообщила о том, что «Могуля, да Мастя, да Питка, и все Кецкия и иных верхних

волостей лутчие и молотчие люди» замыслили взять Кетский острог. Восвода послал служилых людей «и по Мастю, и по Питку, и по Гиргетя». Далее говорится: «И как привели тех лутчих людей, Могулю с товарищи», то Могуля под пыткой показал, что томский князец Басанда и киргизский князец Номчи присылали к нему чулымского князца Лагу, «а обский князец Байбахта и все Обские люди присылали Леглеева⁴ племянника Начеку да Нянкулова сына Кичегу», чтобы они (т. е. все эти люди включая Могулю), подожгли Кетский острог (РИБ, т. 2, с. 162).

Отписка эта замечательна тем, что некоторые из упоминаемых в ней имен плательщиков ясака в Кетском остроге — тунгусские или напоминают таковые. В самом деле: Могуля (видимо, князец этих тунгусов) напоминает нам о родовом этнониме Малгачагир, который русские XVII в. нередко писали как «Могульский» (род). Имя Гиргетя — без сомнения, искажение от эвенкийского *гургакта* — «борода», «усы» (ТМС, т. 1, с. 173). Обращает на себя внимание явно тунгусский характер имен Начека, Нянкул и Кичега, принадлежавших людям, которых присылал к Могуле обской князец Байбахта Эвенкийское *начаки* — «цапля» (ТМС, т. 1, с. 636). *нэйкэ* — «вошь» (Там же, с. 616). Слово *нэйкэ* эвенки часто произносят как *нэчихэ*, *нэсихэ* (*нэшихэ*). Имя Нянкул — вероятное искажение от соответствующего эвенкийского имени, звучавшего как Нянкаул. Имя Кичега напоминает нам о древнем тунгусском родовом этнониме Кичигир (см. главу 1). Что касается имени Байбахта, то оно скорее всего принадлежало князю нарымских селькупов Тайбохте. Последний на рубеже XVI—XVII вв. именовался русским главой «Пегой орды» (Миллер, 1937, т. 1, с. 432, 499—500). О возможных связях селькупов «Пегой орды» с эвенками мы говорили в главе 4. В грамоте царя В. И. Шуйского сургутским воеводам по поводу «Пегой орды» упоминается князец Вангай Кичев (Там же). Имя Вангай нам также представляется имеющим тунгусское происхождение: эвенкийское *вангай* — «яловая важенка» или «важенка без теленка» (ТМС, т. 1, с. 130).

Наличие эвенков среди селькупов подтверждается существованием в XVII в. Пумпокольской вол. «остяков» р. Кеть⁵. Название этой волости явно образовано от селькупского *пумпэк* — «тунгус» (ПМ, 1972, № 2, л. 35 об.). Такое название указывает на то, что в представлении других селькупов пумпокольцы были «тунгусами», т. е. скорее всего смешанной селькупо-тунгусской группой. Характерно, что М. А. Кастрен вначале называл пумпокольцев «спорным племенем», но все сомнения по поводу этнического лица этой группы у него отпали, когда к нему привели её представителя, говорившего на «самоедском» языке (Кастрен, с. 315—321).

Основываясь на численности пумпокольцев, указанной в 1633 г. (15 взрослых мужчин), примем, что третья часть их являлась эвенками. Тогда гипотетическая численность эвенкийского населения в составе Пумпокольской вол. составит на указанную дату около 20 человек всего населения.

Тунгусы, без сомнения, находились и среди обско-ваховских «остяков», т. е. хантов. З. П. Соколова любезно познакомила нас со списками фамилий этих хантов, относящихся к 1782 г. Наше внимание привлекли три фамилии: Самаров (Ваховская вол.), Чолчиков (Лумпокольская вол. на р. Вах) и Кутугин (Лумпокольская вол. на р. Обь). По мнению З. П. Соколовой, эти фамилии в своей основе не хантыйские. Мы полагаем, что первая обязана своим происхождением имени пртышского князя XVI в. Самара (см. ниже), которого мы считаем тунгусом. Вторая напоминает тунгусский родовой этноним Чильчагир⁶, а третья — уже названный нами выше тунгусский этноним Кичигир (Китигир). Нельзя не заметить также, что название «Лумпокольская» весьма созвучно названию «Пумпокольская» и, возможно, представляет собой фонетический вариант этого последнего.

М. А. Кастрен, применительно к 40-м годам XIX в., называл у обско-ваховских «остяков» «юрты» (селения) Вахпугольские, Калтагорские и Мыгалеиские. Название Калтагорских юртов он производил от «самоедского» слова *колда* — Обь (Кастрен, с. 258). Но похоже, что топоним Калтагор повторяет эвенкийский родовой этноним Калтагир⁷.

Возвращаясь к XVII в., отметим, что в 1660-х годах на Вахе упоминались три «Лумпукольские» волости «остяков», совокупная численность которых достигала 272 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 80). Если мы посчитаем тунгусами десятую часть указанного числа, то окажется, что численность ваховских тунгусов могла составлять 27 ясачных плательщиков, или около 110 человек всего населения.

Мы полагаем, что небольшое число тунгусов проживало в XVII в. также среди «самоедов» (энцев) верхнего Таза. К последним там могли принадлежать члены родов Аседа, Селирта и Ючи. О характере рода Аседа нам уже приходилось говорить в связи с эдянами Северо-Запада. Название рода Селирта тоже кажется производным от тунгусского родового этнонима Шильягир (Силягир, Силигир). В списке рода Селирта за 1682 г. мы встречаем имя Мотода (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 1—3) — явно тунгусское (Мотора). В 1682 г. в районе верхнего Таза учитывалось 62 ясачных плательщика «самоеда» (Долгих, 1960, с. 139). Допустив, что треть их была тунгусами, находим, что все тамошнее тунгусское население могло достигать 80—90 человек.

Естественно, что наиболее коротким путем к верхнему Тазу от Енисея является движение на юго-восток от устья Нижней Тунгуски. Но, видимо, существовал и другой путь — более южный — через верховья р. Елогуй. О прощиковании этим путем части эвенков в 1665 г. на верхний Таз и его правый приток Худосей мы прочли в «Материалах землеводоустроительной экспедиции», работавшей в Туруханском районе в 1936—1937 гг. (ПМ, 1963, № 2, л. 144)⁸. К сожалению, авторы не указали, каким источником они в данном случае пользовались.

Имелся тунгусы и среди чулымских татар. У последних, начи-

ная с 1623 г., существовала Корюковская вол. (также Абалакова), в которой, вплоть до эпидемии оспы 1664 г., числилось 9—11 ясачных плательщиков. Этих татар, согласно приводимому Б. О. Долгих документу, в свое время «поймали в полон киргизы» (Долгих, 1960, с. 96—97). По изысканиям Э. Л. Львовой, Корюковская (у нее — Корюкова) волость существовала в XVIII в. на левом притоке Чулыма — Кие. Один из юртов этой волости в начале XIX в. назывался Колеульским; существовала и деревня Колеульская. Корюковские «инородцы» около середины того же века были переведены в разряд оседлых, поскольку они занимались земледелием. Наполовину обруселые жители бывшей Корюковой вол. сейчас проживают в деревнях Уколь и Колеуль (АИЭАН, л. 121—122) ⁹.

Судя по окончанию *-уль*, название Колеуль отражает соответствующее тунгусское имя ¹⁰. Согласно полевым записям томских этнографов, «корюковцы сохранили память о занятии их предков оленеводством», о жизни в чуме. Они говорят о себе: «Тунгусы — наш народ. Когда мы стали в избах жить, коней стали иметь, тогда стали оседлыми, ясашными [нас] стали звать». С учетом сказанного нами, представляется весьма знаменательным, что потомки жителей Крюковой вол. называли в числе своих прежних властителей Кучума и некоего Камзу (Там же, л. 125).

Следует указать также на такой факт. В «Описании водяного пути от города Иркутска вниз по рекам Ангаре, Тунгуске и Енисею до города Енисейска» (первая половина XVIII в.) упоминается «Тюляпсина речка» — левый приток Ангары на 1581-й версте ниже Иркутска, неподалеку от д. Каменская (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. 1, № 26, л. 28). Название речки явно образовано от имени Тюляпса — скорее всего тунгусского происхождения ¹¹. Тюляпсина речка, судя по ее расположению около названной деревни, впадает в Ангару выше устья р. Тасеева. Интересным и многозначительным в данном случае является тот факт, что населенный пункт с аналогичным названием Тюляпсы мы встречаем на одной из старых карт. Он указан на левом берегу Чулыма, ниже сел. Мелецк, где, очевидно, прежде стоял Мелецкий острог. Подобное совпадение нельзя рассматривать как случайное. Оно ясно указывает на приход туда эвенков из Приангарья и Прибайкалья.

На левом берегу Чулыма существует русская деревня Митрофановка, куда чулымские тунгусы еще в начале XX в. выходили за продуктами и иными припасами. Возле этой деревни лежали два больших камня, известные среди местного русского населения под названием «Тунгусских камней». В 1927 или 1928 г. они были взорваны какими-то людьми, приезжавшими специально для этой цели из Томска. Под камнями жители находили различные предметы — костяные ножи, медные наконечники стрел, бусы, бронзовые фигурки оленя, лошади и т. д. Выезжавший для осмотра остатков этих камней И. М. Марков (видимо, сотрудник Томского музея) писал в своем отчете, что до 1925 г. оба камня «находились под

постоянным наблюдением двух одиноких тунгусов» (ТОКМ, оп. 1, д. 198, л. 1--7).

Тунгусы, без сомнения, встречались до прихода русских и среди иртышских татар. В конце XVI в. на правобережье р. Омь (правый приток Иртыша), возле истоков рек Васюган и Парабель (левые притоки Оби) существовала волость барабинских татар Чангула, называвшаяся так по имени возглавлявшего ее мурзы. Во времена Г. Ф. Миллера она именовалась Тунгусской; в ней находился небольшой укрепленный городок Тунус. В этом названии можно усматривать первоначальное слово Тунгус, в котором звук «нг» произносился татарами и другими тюрками как единый слитный звук, так что в русской транскрипции слабое *г* могло из него выпасть. Еще одна местная татарская волость — Кулема, — как сообщает Г. Ф. Миллер, называлась по-русски Кулемба, а по-татарски — Кулюба (Миллер, 1937, т. 1, с. 296—297)¹². Такое название характерно для ряда гидронимов Восточной Сибири, где кочуют или кочевали тунгусы. Среди них в первую очередь назовем Колыму. Ее название эвены производят как Кулума. Кроме того, укажем на гидронимы Кулумбе, Кулюмбе¹³.

О былом пребывании тунгусов в рассматриваемой части региона свидетельствуют также некоторые археологические памятники. Между заимками Коровьино и Завьялово (Парабельский р-н Томской обл.) расположен могильник, известный у местного населения под названием «Тунгусского кладбища». Кладбище состоит из шести курганов, в которых обнаружена керамика «архаического типа» (Дульзон, 1956, с. 203). Аналогичный курган существует на правом берегу Оби, у д. Березово (Колпашевский р-н Томской обл.). По поводу названных памятников Р. А. Ураев писал: «По словам местных стариков, эти курганы были юртами древних тунгусов, где они похоронили себя после появления белой березы» (с. 326).

Волости Тунус и Кулема (у Б. О. Долгих — Кулеба) в 1660 г. насчитывали 40 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 50). Допустив, что тунгусы составляли в них только треть населения, получаем их численность порядка 13 ясачных плательщиков, что при использовании коэффициента 5, применяемого нами для скотоводов, соответствует примерно 65 человек всего населения.

Ниже по Иртышу источники XVII в. упоминают две ясачные волости — Лобутан и Калыму. Б. О. Долгих считал их татарскими и поместил на своей этнографической карте в низовьях р. Тавда — левого нижнего притока Тобола, который сам является крупным притоком Иртыша. Калыму Долгих считал то волостью, то деревней. По его словам, «в прошлом» (до 1626 г.?) в Калыме господствовала семья «князя» Лобутана, которая образовывала самостоятельную платежную группу. Статистические данные, приводимые Долгих, свидетельствуют о том, что численность группы Лобутан в XVII в. не превышала 9 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 57—59).

Названия Лобутан и Калыма находятся в определенной взаимо-

связи и наводят на мысль, что в составе населения рассматриваемого района тоже имелись тунгусы. Имя Лобутан можно рассматривать как фонетический вариант этнонима *ламут*; название Калыма нам опять-таки напоминает о Колыме. Мы думаем, что жителями д. Калыма являлись в основном «остяки» (ханты), а Лобутан было именем управителя, ранее поставленного над этими «остяками» ханом Кучумом или его наследниками.

На возможность соотнесения Лобутана с эвенами (ламутами) косвенно указывает следующий исторический факт. Служилый человек Андрей Горелый (Горелов) в 1654 г. ходил в поход на индигирских ламутов Лаузеня и его сородичей. Сын Лаузеня Лобута был взят в аманаты и сидел в Зашиверском остроге (КПМГЯ, с. 68—69). Имя Лабута в данном случае также, возможно, повторяет этноним *ламут*. Любопытно, что имя, созвучное имени ламута Лаузеня, нам встречается и в рассматриваемом регионе. В 1660 г. калмыки во главе с тайшой Лоузаном напали на уже известную нам Тунусскую вол. и разорили в ней несколько деревень. Г. Ф. Миллер называет этих калмыков «тергетскими колмаками» и указывает, что они жили на реках Чилим и Карагат, около оз. Чана, откуда вытеснили барабинских татар, которые там ловили бобров. В апреле 1660 г. барабинские татары с помощью служилых людей атаковали калмыков. Объединенное войско наехало на группу, состоявшую из 20 или 30 кибиток, «принадлежавших людям тайши Лоузана», и частично их перебило, а частично забрало в плен (Миллер, 1961, т. 3, л. 61—64). Причиной нападения на Тунусскую вол. было, по-видимому, согласие ее жителей платить ясак русским¹⁴. Имена Лаузеня и Лоузана идентичны и, вероятно, образованы от общей смысловой основы.

Предположение о наличии ламутов (эвенов) на территории Обь-Енисейского региона выглядит парадоксальным, однако оно встречает неожиданную поддержку в местной топонимике. Название Гыданского полуострова, включающего небольшую возвышенность, тянущуюся с юго-востока, с левого берега Енисея, объясняется из эвенского *гидан* — «хребет горный» (ТМС, т. 1, с. 149). В современном эвенкийском языке такое слово отсутствует. Нельзя обойти молчанием и следующий интересный факт. Согласно Н. Спафарию, обь-иртышские татары называли Обь на своем языке «Обь-Амар» (Спафарий, с. 63). Слово *амар* в значении «большая река, текущая в море», было известно пешим тунгусам XVII в. и их потомкам — эвенам из пос. Армань в Ольском р-не Магаданской обл. (Ришес, с. 117—118).

Пойдем дальше. Ниже устья Тобола в Иртыш впадает р. Демьянка. На ней во время военных действий Ермака против Кучума существовало «остяцкое княжество» во главе со «сборным» князем Бояром. Тогда же ниже по течению Иртыша находилось другое «остяцкое княжество» во главе со сборным же князем Самаром. На местоположение данного княжества указывает название сел. Самарово (Самаровское), существовавшего позднее на правом берегу Иртыша выше его слияния с Обью¹⁵. Хантыйское

население данного района составляло, уже при русской администрации, Белогорскую вол.

Эпитет «сборный», заимствованный нами у Г. Ф. Миллера, указывает на то, что под властью Бояра и Самара состояли более мелкие «остяцкие» князцы. Похоже, что, подобно князю Лобутану, князцы Бояр и Самар исполняли функции ясачной администрации, существовавшей при хане Кучуме, и что они тоже были тунгусами, а не «остяками». Бояра мы считаем представителем рода Баягир, а Самара — представителем рода Самагир у тунгусов.

Взаимоотношения Бояра и Демьяна с русскими различные источники рисуют по-разному. И. Э. Фишер пишет, что Бояр после поражения Кучума принес «с реки Демьянки» в подарок Ермаку «много всякой рыбы» (Фишер, с. 132). Согласно Ремезовской летописи, с поклоном от демьянских «остяков» приходил не Бояр, а Демьян. В связи с этим Г. Ф. Миллер полагал, что либо Бояр к тому времени уже умер, либо у демьянских «остяков» было два князца. «Демьянская волость, — пишет он, — по обыкновенным ясачным книгам делилась на две части, причем в первой из них были описаны остяки, жившие по Иртышу, а во второй — остяки, жившие по верхнему течению реки Демьянки. По произношению остяков следовало выговаривать имя князца Демьяна Нимнян. Тем же именем они называют реку Демьянку» (Миллер, 1937, т. 1, с. 242). И. Э. Фишер указывал, что князец Демьян, имевший «крепость на горе», Ермаку не поклонился. Поэтому, как можно понять, русские взяли его «крепость» приступом (Фишер, с. 143—145).

О князце Самаре Фишер пишет, что он был «знатнейшим» у «остяков» Оби и Иртыша. Под его началом находилось восемь «меньших князцов». В сражении с казаками Самар был застрелен, а его войнство разбежалось. На место Самара русские поставили добровольно подчинившегося им «остяцкого» князца Алача (Там же, с. 149). Потомками Самара, по-видимому, являются упоминавшийся в царствование Василия Шуйского Таир Самаров и упоминавшийся в царствование Михаила Романова Байболак Самаров. Оба считались «лучшими людьми» Белогорской вол. (Бахрушин, с. 42). Позднее, как мы знаем, фамилия Самаров существовала как у хантов, так и у эвенков региона.

Потомком Бояра можно считать «лучшего человека» Кармышака Боярова, который «с товарищи» в 1629 г. возглавлял группу жителей городка Демьян, состоявшую из 37 ясачных плательщиков (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 19, л. 177).

Попытаемся ориентировочно определить возможную численность местного тунгусского населения применительно к имеющимся статистическим данным XVII в.¹⁶ В группе потомков князца Бояра (городок Демьян, волости Митькина и Григорова) в 1660 г. было 76 ясачных плательщиков (Долгих, 1960, с. 60). Будем считать, что население названных волостей было «остяцким» (хантыйским) и что в городке проживала треть всего указанного насе-

ления, причем тунгусы — жители городка — составляли только треть этой части. Тогда окажется, что тунгусское окружение князя Бояра (Демьяна) не превышало 8—9 взрослых мужчин. В Белогорской вол., существовавшей на месте бывшего княжества Самара, в том же году числилось 93 ясачных плательщика (Там же, с. 65). Если посчитать, что потомки тунгусского окружения князя Самара составляли только 10% местного ясачного населения, то окажется, что у них было 9—10 взрослых мужчин. Применяя к иртышским тунгусам (группа Лобутан, потомки князцов Бояра (Демьяна) и Самара) коэффициент 5, получаем у них примерно 125 человек всего населения. В итоге предполагаемое тунгусское население региона и его численность в XVII в. могут быть представлены в виде нижеследующей таблицы ¹⁷.

<i>Тунгусы (локальные группы)</i>	<i>Численность (чел.)</i>	<i>Окружающее население</i>
Закаменные	120	Кеты, селькупы
Кетские	20	Селькупы
Обско-ваховские	110	Ханты
Тазовско-туруханские	90	Энцы
Чулымские	40	Татары, селькупы
Барабинские	65	Татары
Иртышские	125	Татары, ханты
<i>Итого:</i>	570	

Из указанного числа примерно 360 человек приходилось на тунгусов-оленоводов и 210 — на скотоводов. Обращаем внимание читателя на то, что исчисленные нами демографические показатели по данному региону являются сугубо гипотетическими и имеют лишь ориентировочное значение.

* * *

Гораздо больше достоверных сведений у нас о тунгусах региона за период XVIII — начала XX в.

Можно думать, что в первой половине XVIII в. эвенки бывшего Закаменного зимовья образовывали вместе с кетами «Сымскую и Касовскую волость». В 1735 г. в ней числилось 104 ясачных плательщика (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 9 об.). Позднее из нее была, по-видимому, выделена Милицкая вол. эвенков, которую во время ясачной ревизии 1782 г. возглавлял князец Иван Телицын. Численность этой волости в 1782 г. определялась в 65 человек мужского пола, а в 1795 г. — в 86 (ГАКК, ф. 910. оп. 1, д. 4, л. 77, 82 об.).

Название Милицкой вол. мы связываем с названием Мелецкого острога, существовавшего с 1621 г. на Чулыме (Фишер, с. 279) ¹⁸.

Большинство эвенков Милицкой вол. носило тунгусские имена, однако фамилии у них были русские, вероятно, полученные в результате крещения: Телицын (Делицын), Лихачев, Тугунчин и др. Эти фамилии до сих пор существуют у эвенков из родов Кему, Кима и Трумби на левобережье Енисея. Женами части эвенков Милицкой вол. были женщины с Ангары и Пита, а также селькупов из «Нацкой и Пумпоколской» волостей, существовавших на р. Кеть (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 82 об.).

Тогда же на обоих берегах Енисея, возле устья р. Пит, упоминалась «Пицкая и Варгаганская волость» эвенков, главой которой в 1782 г. был князец «Макир Васкин Осипов, он же и Ондрюшка». Численность питско-варгаганских эвенков составляла в 1782 г. 72 человека мужского пола, а в 1795 г. — 167 (Там же, л. 83—88). Большинство жителей этой волости кочевало, по нашему мнению, на западной стороне Енисея.

Женами крещенных эвенков этой волости были русские крестьянки и мещанки из Анциферовского присуда, «из деревни Шарогазовой от крестьянина» и других деревень. Женами некрещенных были тунгуски из Туруханской округи, из «Пумпоколской волости от тунгуса», из «Каменского роду» чапагиров на Ангаре и из других мест (Там же).

В 1795 г. в обеих волостях числилось 253 человека мужского пола, т. е. около 500 человек всего населения. На западном берегу Енисея находилось, по-видимому, от 350 до 400 человек.

После издания Устава «Об управлении инородцев» (1822 г.) Милицкая вол. была преобразована в Милицкий административный род, а Питско-Варгаганская вол. — в Питско-Варагонский род одноименной инородческой управы¹². В 1824 г. Милицкий род насчитывал 82 взрослых мужчины, Питско-Варагонский — 108 (Костров, 1855, с. 32; АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 74, л. 52). Резкое сокращение численности милицких и питско-варагонских эвенков по сравнению с предшествующим периодом можно объяснять выселением части их на правобережье Оби и в верховья Таза. Похоже на то, что часть милицких эвенков была отнесена к Питско-Варагонскому роду — на это указывает наличие фамилии Делицын у его представителей в XIX в. (Патканов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 153).

Эвенки Питско-Варагонского рода и соседние с ними кеты в середине XIX в. числились в составе Анциферовской вол. Енисейского округа, которая охватывала 10 крестьянских селений на правом берегу Енисея и 24 — на левом, доходя на севере до устья р. Дубчес. Вероятно, к этому роду были причислены и остатки Милицкого рода, который во второй половине XIX в. не упоминался в официальной статистике Енисейского округа. По данным ревизии 1858—1859 г., питско-варагонские эвенки насчитывали 158 человек мужского пола и 83 женщины (Кривошапкин, т. 1, с. 162), однако соотношение полов заставляет усомниться в правильности приведенных цифр.

По переписи 1897 г. в этом роде было указано всего 6 человек

(Паткинов, 1906, ч. I, вып. 2, с. 152). Данная цифра отражает наличие питско-варагонских эвенков на правом берегу Енисея. На левом берегу в районе р. Малый Кас и р. Оленья (приток Кети) был учтен 31 эвенк без указания его родовой принадлежности (Там же, с. 153). Не подлежит сомнению, что в обоих случаях имел место сержинский недоучет эвенкийского населения.

М. А. Кастрен, путешествовавший в 1840-х годах по Оби, встречал тунгусов, «бродящих всюду». На р. Кеть за несколько лет до его проезда тунгусы сожгли «самоедский» (селькупский) «лос» (фетиш-охранитель) вместе с амбаром, в котором он хранится. В примечании к данному месту своих записок Кастрен пишет, что «несколько Тунгузских семейств с реки Пит переселилось на Кеть, хотя и до сих пор еще продолжают платить подать в Енисейске. Кроме того, утверждают, что Тунгузы всегда кочевали по Обьской стороне, и Самоседы жалуются, что эти инородцы овладели их оленями» (Кастрен, с. 287, 296, 323, 482)²⁰. Замечание Кастрена интересно в том отношении, что оно, во-первых, признает весьма давнее освоение тунгусами Обь-Енисейского региона и, во-вторых, указывает на тесные культурные связи последних с местным коренным населением, приведшие к появлению у части нарымских селькупов оленеводства.

В сел. Верхнеимбатское — «при устье Елогуя» — Кастрен повстречал «самоедов», которые совместно с тунгусами летом владели «рукавом Елогуя» (вероятно, занимаясь рыболовством), а зимой уходили для промысла зверей на р. Таз (Там же, с. 349).

В последней четверти XIX в. эвенки начинают упоминаться не только на правых, но и на левых притоках Оби. В 1882 г. вверх по р. Васюган (левому притоку Оби) поднимался на лодке Н. П. Григоровский. Тунгусов на Васюгане он не увидел, но слышал, что выше устья р. Нюролька (правый приток Васюгана), на берегу озера, из которого вытекает речка Кельвас-игат, «каждую весну располагается своим станом один крещеный тунгуз со стадами оленей. Семья его состоит из жены, сына-подростка лет четырнадцати и двух взрослых дочерей, у которых праздничные рубашки обшиты бисером и медными крестами». В июле эта семья куда-то откочевывала (Григоровский, с. 33).

Об относительно давнем присутствии тунгусов на Васюгане свидетельствует, на наш взгляд, миф, записанный Григоровским в низовьях этой реки от «остяков» (хантов). Согласно этому мифу, «тунгуз, самоед и остяк на промысле преследовали лося». После того, как остяк, перехитрив тунгуса, убил лося из лука, все три охотника вместе с убитым животным «были перенесены на небо и сделались звездами (созвездие Лося)». (Там же, с. 6).

О тунгусах на р. Таз сообщал в конце XIX в. благочинный священник Туруханского края Михаил Сулов. По его сведениям, в 1884 г. население Тазовского прихода составляли «остяки» (селькупы) — 787 человек, тунгусы — 62 человека, а также «юраки» (ненцы), численность которых им не указана. Тазовские эвенки принадлежали к Чапагирской управе (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 27, л. 51—

51 об.). В 1893 г. по тем же данным, жителями прихода являлись «остяки» Тымско-Караконской управы (селькупы) — 489 человек, «остяки» Верхненымбатской управы (кеты) — 10, «тунгузы Панкагирской управы» — 77, «тунгузы Елогуйской управы» — 18, «юраки» Тазовской управы — 265 человек (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 68, л. 5—6 об.). Обращает на себя внимание факт довольно заметного увеличения численности эвенков с 1884 по 1893 г. Елогуйской управы, насколько нам известно, не существовало. Вероятно, речь шла о выходцах с р. Елогуй, куда эвенки (из рода Чоноколь) перешли с Подкаменной Тунгуски (см. второй раздел настоящей главы).

Снабжение эвенков региона хлебом и боеприпасами для охотничьего промысла производилось в XIX — начале XX в. из запасных магазинов, находившихся на Енисее (Подкаменно-Тунгусский, Верхненымбатский, Туруханский, Курейский, Карасинский, Плахинский), на Турухане (Яновский) и на Тазе²¹.

Перепись 1897 г. указала на территории региона всего 113 тунгусов — главным образом в системе Таза (Патканов, 1906, ч. I, вып. I, с. 159, 164)²², что свидетельствует об их большом недоучете в других районах обитания. На территории Тобольской губ. в 1904 г. указывалось 4 тунгуса. Исследователь Тобольского Севера А. А. Дунин-Гаркавич, сообщая о тунгусах как обитателях правобережной Оби, не указывал ни их приблизительной численности, ни районов обитания (Дунин-Гаркавич, с. 27—28). Более детальные сведения об эвенках региона были собраны только в 1920-х годах, когда начал свою деятельность Комитет Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР. Отобрав, с нашей точки зрения, наиболее достоверные из них, мы свели их нижеследующую таблицу²³.

Территориальная группировка	Численность			Примечания
	семей	человек	юрак	
Сымская ²⁴	31	138	954	Реки Сым, Кас, Дубчес, Елогуй
Нарымская	70	[280]	[1500]	Реки Чулым, Кеть, Пайдугина, Тым, Вах
Васюганская	16	78	[250]	Река Васюган (верхний), Чижалка, Чузик
Демьянская	11	[44]	[150]	Река Демьянка (верхнее течение)
Верхнетазовская ²⁵	30	142	356	Реки Таз (верхний) и Худосей
Верхнетуруханская	27	165	454	Река Турухан (верховья), озера Момчик, Советское
Большехетская	14	63	244	Реки Большая Хета, Турухан
Всего:	199	910 ²⁶	3908	

Таким образом, несмотря на очевидную ассимиляцию части обьенисейских эвенков со стороны соседнего иноязычного населения, их численность с XVII до начала XX в. возросла более чем в полтора раза. Указанное явление находится в прямой связи с переселением

на территорию региона ряда эвенкийских групп, живших на восточной стороне Енисея.

В 1920-х годах дореволюционное административно-родовое устройство коренных жителей региона было заменено новым — советским. Важным событием в их жизни было образование в северо-западной части региона Тазовского национального района (в составе общего Туруханского р-на) с резиденцией на станке Янов-стан в среднем течении Турухана (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 124, л. 40).

Первоочередными мероприятиями советской власти здесь, как и в других районах Севера, было снабжение коренных жителей всем необходимым. С этой целью на территории региона в конце 1920 — начале 1930-х годов было основано несколько торговых факторий (КККМ, № $\frac{639(09)}{822}$, л. 31). Среди более южных местных эвенков региона большую работу проводили научные сотрудники Томского Комитета Севера, начавшего свою деятельность в 1925 г. (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 128, л. 29—30; д. 217, л. 8—18 об.).

2

Этносоциальная структура обь-енисейских тунгусов

Из родов, упомянутых нами в двух первых разделах, нам неизвестны только два — «Ваявы» и «Хомыли». Все прочие мы уже рассматривали в соответствующих главах настоящей работы и здесь на них останавливаться еще раз не будем.

Эвенкийские роды, обнаруженные на территории региона в 1920 — начале 1930-х годов, мы разделили на две группы. Новые для нас роды Баяки. Кему, Килтынэ, Кима, Мороко, Танимэ, Турумби и Чемба мы рассмотрим в указанной последовательности в первую очередь. При этом род «Ваявы» будет рассмотрен совместно с родом Баяки, а род «Хомыли» — совместно с родом Кему. Известные нам к востоку от Енисея роды Кильмагир, Купогир, Панкагир, Чапагир (Лютот и Мирошко), Чоноколь, представители которых были выявлены также и на территории Обь-Енисейского региона в советский период, мы рассмотрим во вторую очередь. К этой группе нами отнесен и «Неизвестный род» Приполярной переписи 1926—1927 гг.

Баяки — наиболее крупный из современных эвенкийских родов региона. В материалах Приполярной переписи он представлен фамилиями: Баяки (Баякин) — 23 семьи (104 человека), Баярин — 18 семей (74 человека), Самаров — 5 семей (21 человек)²⁷ и Петровский — 1 семья (6 человек). Всего, таким образом, баяки насчитывали 47 семей (205 человек); у них имелся 1171 олень. Они входили в Елогуйскую, Сымскую и Верхнетазовскую территориальные группировки, но в основном в последнюю, где составляли 21 семью (97 человек) с 441 оленем (Долгих, 1946, л. 538, 543, 566, 584, 665).

Не подлежит сомнению, что название Баяки — один из фонетических вариантов этнонима Баягир. Этноним Баяки известен и у

эвенков Подкаменной Тунгуски. Тамошние баякилы образуют патриинию в составе рода Момоль (см. главу 3). Они производят себя от некоего Баякана, который с группой сородичей пришел на Подкаменную Тунгуску с Ангары (ИФЭ, с. 318). В имени Баякан также просматривается производное от Баягир с добавлением уменьшительного суффикса *-кан*. Наличие баягиров среди эвенков Подкаменной Тунгуски доказывается тем фактом, что в материалах ясачной ревизии 1782 г. тунгусы тамошней Верхнечумской вол. именуются членами «Баягирского роду» (ГАКК, ф. 910, оп. 1. д. 2, л. 179 об. — 180 об.). Аналогичным образом членами «баягирского рода» Е. Н. Орлова называла в 1920-х годах эвенков жителей р. Тым в рассматриваемом нами регионе (Орлова, с. 48). Вероятно, она имела в виду Баякиных или Бояриных.

Переселение части баякилей с восточного берега Енисея на западный произошло, по-видимому, на рубеже XVII—XVIII вв. Баякилы верхнего Таза ещё в начале 1930-х годов помнили, что их предки появились там «во время войны остяко-самосдов с юраками» (КККМ, № $\frac{639 \text{ (УУ)}}{822}$, л. 43), т. е. с ненцами. Г. К. Низовцев²⁸, по

его словам, слышал предание, согласно которому примерно 150 лет назад на реки Елогуй, Дубчес и Сым прикочевало с востока три или четыре семьи баякилей, прослышавших о наличии там хороших ягельников для оленей и о низкой плотности промыслового населения (ПМ, 1962, № 1, л. 49 об., 54). В данном случае речь идет о баякилях Подкаменной Тунгуски.

Судя по рассказам эвенков, баякилы (а может быть, их предки — баягиры и момогиры) испытали на себе сильное культурное и языковое воздействие со стороны дотунгусских аборигенов, обитавших в западной части Восточной Сибири. Эвенкийка из рода Панкагир М. Е. Давиндук (пос. Советская речка) рассказывала нам о баякилях следующее. «У них не такой разговор, как у нас, и шитые лица. Своим трехмесячным младенцам они вышивали лицо. Узоры на лице сохранялись до смерти» (ПМ, 1962, № 2, л. 172 об.). По словам верхнетуруханского шамана Е. С. Аркадьева, у баякилей была татуирована одна левая щека (ПМ, 1963, № 2, л. 161). Бывшая шаманка Евдокия Хучкочар (пос. Тутотчаны на Нижней Тунгуске), слышавшая рассказы о баякилях от своей матери, не была даже уверена в их национальной принадлежности к эвенкам. Свое недоумение она выражала в вопросе: «То ли эвенки, то ли кто?» (ПМ, 1962, № 2, л. 151).

Лингвистическое своеобразие баякилей было, без сомнения, ещё большим в XVII—XVIII вв., чем теперь. Этим определяется факт фонетического искажения этнонима Баягир в Баяки, а в XVII в. — и в Ваявы. Оба эти варианта родового названия, безусловно, относятся к одной и той же группе (роду) эвенков.

Мы пытались выяснить также причину сосуществования в роде Баяки фамилий Баякин и Боярин, однако не смогли получить удовлетворительного объяснения. Так, эвенк М. В. Самаров нам говорил, что Боярины были в прошлом Баякины (ПМ, 1972, № 2, л. 9),

однако причину изменения ими фамилии он был не в состоянии объяснить. Боярины выделяются тем, что часть их именуется родом Баяки-Пильпа (*Василевич*, 1931б, с. 134), или Пилпа в нашей записи. Сымский эвенк В. А. Боярин утверждал, что большинство представителей подразделения Пилпа отнюдь не баякили по происхождению и носят свою фамилию «незаконно» (ПМ, 1974, л. 15 об.). Это наводит на мысль о нетунгусском происхождении части Бояриных (Пилпа). Для этимологии этнонима Пилпа из тунгусских языков подходит только один термин — *пэлпэрэт* — «пронзить», существующий в подкаменнотунгусских говорах южного на- речия (ТМС, т. 2, с. 47). Характер термина дает основание думать, что он попал к эвенкам из языка аборигенного населения, с кото- рым у них были военные столкновения (например, из языка кет- язычных чулуды) (см. главу 2).

Приведенные соображения, однако, не объясняют причины появ- ления в роде Баяки фамилий Баякин и Боярин. Поэтому мы склоняемся к мысли, что различие между ними обосновано истори- чески: фамилия Баякин (Баяки), вероятно, непосредственно от- ражает указанный родовой этноним, а фамилия Боярин образова- на от имени демьянского князя Бояра. Данная версия дает ос- нование предполагать, что после разгрома Ермаком «Сибирского царства» хана Кучума тунгусы-баягиры из окружения князя Бояра присоединились к своим соплеменникам, кочевавшим меж- ду Обью и Енисеем.

Наряду с Пильпа (Пилпа) Н. П. Никульшин называл у сым- ских баякилей подразделение Поригин. И то, и другое он считал самостоятельными родами. «По мнению эвенков, эти роды еще до прихода русских пришли сюда с правого берега Енисея», — писал он (АИЭАН. К-1, оп. 1, д. 65, л. 4). Судя по окончанию *-гин*, этноним Поригин представляет собой несколько искаженный ро- довой этноним. Однако рода с таким или схожим названием мы у тунгусов не знаем. Тунгусский характер этнонима определяется наличием в эвенкийском языке слова *пэригин* — «сделать один круг», «вернуться на одной ноге». Слово это существует в ряде говоров (ТМС, т. 2, с. 47). Не указывает ли «одна нога» на тех же чулуды из фольклора приангарских эвенков?

Баякили Самаровы, судя по всему, являются саагирами (ша- магами) — потомками эвенков из окружения иртышского кня- зца Самара. На это указывает сама фамилия Самаров, существо- вавшая в XVIII в. и у ваховских хантов (см. первый раздел). Когда и по какой причине произошло переосмысление Самаровы- ми своей родовой принадлежности, сказать трудно. Не исключе- но, что потомки эвенков, возглавлявшихся князем Самаром (Самаровы), за три века полностью перероднились с более мно- гочисленными на территории Обь-Енисейского региона баягирами (баякилями) и восприняли их родовое имя.

Род Кему был обнаружен в 1926—1927 гг. в трех территориаль- ных группировках — Сымской, Нарымской и Васюганской. Его суммарная численность достигала 12 семей (55 человек) с 40 оле-

нами. Все представители этого рода носили фамилию Тугундин или Тугунчин (*Долгих*, 1946, л. 556, 584, 587).

Сородичами кемулей считаются кемукагиры — недавние обитатели низовьев Нижней Тунгуски и Хантайского озера (см. главы 4 и 5). О том, что роды Кему и Кемукагир — один и тот же род, разделившийся на две части, мы слышали от пожилого сымского эвенка Т. П. Ивигина (ПМ, 1974, л. 18 об.). Можно думать, что в прошлом существовал один род Кемугир — предположительно между низовьями Ангары и Подкаменной Тунгуски, но впоследствии часть кемугиров ушла оттуда на север (добавив к родовому этнониму частицу *-ка-*), а другие кемугиры перебрались на левобережье Енисея. Эти южные кемугиры испытали на себе сильное влияние со стороны местных дотунгусских аборигенов, что выразилось, в частности, в превращении этнонима Кемугир в Ксмуль («Хомыли» русских историков XVII в.)²⁹.

Этноним Кему (Кемугир) трудно объяснить из тунгусских языков. Вряд ли его смысловой основой служит эвенкийское *келлака* — «колючко», «пряжка» или эвенское *кэман* — «хребет» *кэми* — «кость мамонтовая» (ТМС, т. I, с. 388). Более подходящим представляется записанное В. И. Скалоном у эвенков верхнего Таза слово *хомель* — «филин» (КККМ, $\frac{639(09)}{622}$, л. 89). Однако

реалистичнее всего, как кажется производить данный этноним от гидронима Кем (Ким), служащего тюркским обозначением верхнего Енисея (см. главу 2)³⁰.

Род Килтынэ (Кильтино) в 1926—1927 гг. был представлен только в Сымской территориальной группировке — 4 семьи (18 человек) с 96 оленями. Члены рода носили фамилии Кузнецов и Немчинкин (*Долгих*, 1946, л. 555—556). Г. М. Василевич установила, что в прошлом члены этого рода кочевали на правобережье Енисея в бассейне Пита, но в первой четверти прошлого века они переселились на Сым (1931а, с. 134; 1931б, с. 135).

В еще более ранний период истории эвенки рассматриваемой группы, по-видимому, обитали в бассейне Вилюя. Эвенк Н. И. Петров из Хатылинского наслега на нижней Лене говорил А. П. Окладникову, что его дед, некрещеный тунгус, принадлежал к роду Кэлтэнэ и жил в местности, примыкающей с юга к землям вилюйских якутов. «Предки наши исконно там жили. Сейчас из рода кэлтэнэ мало людей осталось», — говорил Петров (*Окладников*, 1949а, с. 74—75).

В указанной местности (вероятно, бассейн р. Тюнг) в XVII в. и позднее жили члены эвенкийского рода Калтагир. Кэлтэнэ — то же самое название в якутской огласовке. Оно весьма созвучно с интересующим нас этнонимом Килтынэ и позволяет идентифицировать обе формы как восходящее к единому прототипу (Калтагир). Данное предположение находит поддержку в названии Калтагорских юртов у обско-ваховских «остяков» XIX в., о котором мы говорили в первом разделе главы. Народная этимология приписывает происхождение этнонима Килтынэ тому об-

стоятельству, что «у людей этого рода были толстые губы. Кылынгыл — толстогубые» (*Воскобойников*, 1965, с. 10). Однако этноним Калтагир этимологизируется от другого термина (см. главу 5).

Род Кима был зафиксирован Приполярной переписью в тех же территориальных группировках, что и род Кему. Численность кималей в этих группировках составляла 19 семей (84 человека) с 763 оленями. Все они носили фамилию Лихачев (*Долгих*, 1946, л. 555, 584, 587).

На правобережье Енисея одна семья рода Кима (Кималь) была тогда же выявлена в Комовской группировке, а другая — в Питско-Вельминской. В этих двух семьях оказалось 10 человек с 25 оленями. Комовские кимали носили фамилию Боканчук, а питско-вельминские — Лихачев (Там же, л. 511, 513, 571, 673).

В главе 2 мы высказали мнение, что упоминавшиеся в начале XVII в. в самых низовьях Ангары тунгусы-кипанцы были в действительности кималями и что они скорее всего представляли собой смешанную тунгусо-кетскую или тунгусо-аринскую группу. Это отчасти подтверждается сообщением Г. М. Василевич о существовании у рода Кима еще одного названия — Кошка (*Василевич*, 1931а, с. 133—134). Такое имя носил в 1609 г. киргизский (или плативший ясак киргизам) князец (РИБ, т. 2, с. 190), а на рубеже XVII—XVIII вв. — глава Асанской вол. на Ангаре (*Долгих*, 1960, с. 206). Род Каш (Кашка) существовал в XVII в. у родственных аринам качинцев (Там же, с. 229). У эвенков мы встретили имя Кашка в списке Летней кол. на Нижней Тунгуске за 1795 г. Этому Кашке было тогда 27 лет; о нем сказано, что он возвратился «из бегов» (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 29 об.).

Очевидное сходство родового этнонима Кимá с названием тюркоязычного народа кимаки, который, согласно арабским источникам, обитал в IX—XI вв. на верхнем Иртыше (*Григорьев*, с. 31), заставляет нас предполагать в эвенках рода Кима отколовшуюся часть кимаков. По-видимому, аналогичного взгляда придерживалась Г. М. Василевич, высказавшая мысль о приходе предков рода Кимá с юга (*Василевич*, 1958, с. 162).

Согласно данным эвенкийского фольклора, былое расселение кималей не ограничивалось низовьями Ангары или левым берегом Ангары возле устья последней. Оно простиралось далеко на восток и даже за Лену. Г. М. Василевич отмечала упоминание данного этнонима в сказаниях приамурских, охотских и сахалинских эвенков: в роде «Кимо» представители указанных групп брали себе девушек в жены, для чего им приходилось предварительно одержать победу «в состязании с соперником — братом девушки» (*Василевич*, 1946, с. 45). Слова «Кимэ-кимэко» — неизменный запев девушки Нюнгурмэк, ставшей женой фольклорного героя Абданыкана. Абданыкан был, по сказанию, жителем Средней земли, заселенной эвенками, тогда как Нюнгурмэк являлась дочерью старика Маппа — обитателя Верхней земли¹⁴. Все эти особенности взаимоотношений восточных эвенков с кималями создают впечатление,

что последние первоначально рассматривались эвенками как представители хотя и родственной, но не совсем идентичной им этнографической группы.

Расселение части кималей в прошлом к востоку от Лены находит определенное подкрепление в этнонимике: р. Кима — левый приток Буреи, в ее нижнем течении (*Шнейдер*, карта). Район, откуда предки рода Кима могли переселиться в низовья Ангары или в смежный район на левом берегу Енисея, представляется в достаточной степени сложным. Мы полагаем, что скорее всего таким районом могла быть местность Кима в Каракоруме (северная Монголия), которая, по Рашид-ад-дину, являлась юртом рода или племени Джалаир (*Зуев*, с. 179). Джалаиры мы считаем предками эвенкийского рода Иологир (см. главу 4).

Учитывая территориальную и фонетическую близость этнонимов Кима и Кему, уместно задаться вопросом: имеется ли между ними какая-либо связь? Наши информаторы отвечали на этот вопрос отрицательно, считая роды Кима и Кему разными группами. Между кималами и кемулями существуют взаимные браки. Так, по сообщению эвенка Н. П. Тугундина (пос. Напас), его отец происходил из кемулей, а мать — из кималей (ПМ, 1972, № 2, л. 12). Нет оснований смешивать тех и других и применительно к XVII в. В списке «закаменных остяков» за 1639 г. мы встречаем рядом стоящие имена Хому и Киму (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 653 об.), отражающие раздельное существование родов Кему и Кима.

Род Мороко («Вороко») был обнаружен Приполярной переписью в Верхнетазовской группировке и насчитывал в 1926—1927 гг. 4 семьи (20 человек) с 81 оленем. Фамилиями членов рода были Мороков и Доканов (*Долгих*, 1946, л. 566—567). А. Юдин, составивший в начале 1930-х годов описание Елогуйского и Верхнетазовского кочевых совестов, отмечал, что «тунгусы, носящие фамилию Мороковы, и енисейцы «кэто» (кеты) перекочевали на Таз совсем недавно, всего каких-нибудь два десятка лет тому назад с Подкаменной Тунгуски» (КККМ, $\frac{639(119)}{822}$ л. 29).

К востоку от Енисея мы встречаем у эвенков ряд созвучных имен и фамилий. В материалах ясачной ревизии 1782 г. в составе «Чивчигирского» рода Чапагирской вол. упоминалась женщина по имени Морок (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 136). К Илимпейской управе в 1885 г. принадлежал «тунгуз Павел Екимов Марак» (ГАЗАО, ф. 30, оп. 1, д. 78, л. 11 об.). Список эвенков Нижнечумской управы за 1905—1906 гг. открывает «Максим Иоаннов Морок», семья которого состояла, вместе с ним, из 6 человек (Там же, д. 28, л. 29). Фамилию Марканёнок в 1926—1927 гг. носили подкаменно-тунгусские эвенки: пять семей в роде Момоль и одна семья в роде Дюмнагар (*Долгих*, 1946, л. 504, 510). Как уже отмечалось, плахинские эвенки (Большехетская группировка) в 1928—1931 гг. объединялись Мараконским кочевым советом.

Как видим, ареал распространения имен и фамилий, созвучных этнониму Мороко, был довольно широким. Однако такого родово-

го этнонима или подобного ему мы у эвенков в прошлом не знаем. Поэтому приходится думать, что речь идет о небольшой патронимической группе, основатель которой, возможно, принадлежал к числу чапагиров или панкагиров. Эвенкийское *марика* ~ *морoko* ~ *мэрэкэ* означает «залив» (на реке, озере), «излучина, извилина (реки)» (ТМС, т. 1, с. 531, 547). Согласно Г. М. Василевич, *мэрэкэ* — также «кожаная лодка» или, точнее, кожаный чехол, который эвенки натягивали на деревянный каркас, чтобы сделать лодку (Василевич, 1968, с. 49—51).

Род Танимэ (у Г. М. Василевич — Таннмо) еще в 1930 г. считался вымершим (Василевич, 1931б, с. 135). Однако в 1972 г. тымские эвенки относили к нему две семьи Сильгичевых, живших на р. Васюган. К этому же роду принадлежал и упоминавшийся выше нарымский эвенк Шолеул; его фамилия была Сильгицын (ИМ, 1972, № 2, л. 9, 20). Тунгусы Сильгицыны упоминались в Милитской управе еще в 1851 г. (ГАКК, ф. 160, оп. 3, д. 716). Род Танимэ (или Танимо), вероятно, следует считать переселившейся на запад от Енисея группой эвенков из рода Тонмогир, существовавшего в 1920-х годах у курейских эвенков на Нижней Тунгуске. В XVIII в. тот же род, судя по всему, именовался Денмагир (см. главу 4). Там же мы высказали предположение, что денмагиры были связаны происхождением с баягирами. В предании, записанном Г. М. Василевич от эвенка из рода Баяки, сообщается, что шаман Арка «из рода Танимо» победил шаманов из рода «Путугин» (Путугир), а затем сородичи Арки победили остальных «путугинов». Арка жил на Елогуе. «Путугины» приходили туда с правого берега Енисея для сражений с тамошними эвенками (СМЭТФ, с. 90). Путугиры («путугины»), как мы знаем, — обитатели верхнего течения Нижней Тунгуски.

Род Турумби (транскрипция Г. М. Василевич и Б. О. Долгих) мы записали как Трумби. В 1920 — начале 1930-х годов члены этого рода — Делицыны, Дороховы, Ленковы и Сергицыны — встречались на реках Кеть, Тым, Пайдугина и Васюган в Нарымской и Васюганской территориальных группировках. Их общая численность достигала 10 семей (44 человека) с 120 оленями (Долгих, 1946, л. 585, 587). Фамилия Сергицын, без сомнения, та же самая, что и Сильгицын (Сильгичев). Но она, как показано выше, принадлежала к роду Танимэ. Поэтому за вычетом одной безоленной семьи Сергицыных (4 человека) в роде Турумби остается 9 семей (40 человек). Б. О. Долгих отмечал, что две оседлые семьи Дороховых и одна оседлая семья Ленковых были недавними выходцами с Чулыма (Там же).

Согласно Г. М. Василевич, представители рода Турумби помнили только четыре поколения своих сородичей на левобережье Енисея. До этого их предки кочевали в бассейне р. Пит (Василевич, 1931б, с. 133). А. А. Делицын рассказывал нам о своем роде следующее: «Наш род — Юрумня, или Трумбй; два почему-то названия... Какое правильно — не знаю. Корень-то — Юрумня... Отец был из рода Юрумня. [но] родился на Енисее. Наши предки при-

шли на Кеть с Подкаменной Тунгуски» (ПМ, 1972, № 2, л. 19). Это — важное сообщение, указывающее на связь интересующего нас рода с нюрумняями («юрумня»). Этноним Турумби (Трумби) служил, по-видимому, обозначением той части нюрумнялей, которая мигрировала на левобережье Енисея с р. Туры в системе Нижней Тунгуски.

У сымских эвенков существуют предания о сонинге Шиктовуле. Согласно Г. М. Василевич, он происходил из рода Кима, однако по более ранним записям К. М. Рычкова Шиктовуль был из рода Турумби (Воскобойников, 1965, с. 29), т. е. имел отношение к нюрумняям (буляшам). Это более правдоподобно, потому что Шиктовуль воевал с эвенками «рода калгал» (Там же) — судя по всему, калтагирами. Последние были жителями Вилюя, а между эвенками Вилюя и Нижней Тунгуски происходили, как мы знаем, кровопролитные столкновения (см. главы 4 и 5). О Шиктовуле известно, что он «бродяжничал» (*булэкэтчирэн*), убивая эвенков. Когда он, уже будучи в преклонном возрасте, был смертельно ранен, эвенки — по его же совету — разрезали ему грудь и извлекли сердце, чтобы съесть и тем самым приобщиться к доблести знаменитого сонинга. Но его сердце оказалось «все волосатое» (СМЭТФ, с. 86—87). Покрытое шерстью сердце эвенкийский фольклор обычно упоминает у чангитов. Указанная деталь и глагол *булэкэтчирэн*, образованный от смысловой основы *булэ* — «болото», «ходить по болотам» (ТМС, т. 1, с. 109), достаточно определенно указывают на буляшское происхождение Шиктовуля³².

Представители рода Чемба — эвенки Ивигины — в 1926—1927 гг. входили в две территориальные группировки — Нарымскую и Сымскую. В составе первой они насчитывали 4 семьи (18 человек) при 125 оленях, в составе второй — 8 семей (41 человек) при 296 оленях (Долгих, 1946, л. 555, 584—585). Происхождение рода Чемба не вызывает особых затруднений: он — часть рода Чемпогир, рассмотренного нами в главе 5. Сымский эвенк Т. П. Ивигин на наш вопрос о чемпогирах Таймыра отвечал: «Чамбагир — наш род» (ПМ, 1974, л. 18 об.). О времени прихода части чемпогиров на левобережье Енисея нет точных сведений, но думается, что оно не столь давнее.

Две северо-западные группировки эвенков рассматриваемого региона — Верхнетуруханская и Большехетская (Плахинская) — включали в 1920-х годах представителей эвенкийских родов, хорошо известных на правобережье Енисея. Сведения Приполярной переписи о родовом составе названных групп см. в таблице на с. 257³³.

Все местные кильмагиры в 1926—1927 гг. носили фамилию Яроцкий. панкагиры — Тавиндук (Давиндук), чапагиры-лютокили-Иванов, Курбатов (Курматов) и Сапожников, а чапагиры-мирош-коли — Дярдауль. Пять семей эвенков Орловых из Верхнетуруханской группировки Б. О. Долгих относил к панкагирам (1946, л. 530), однако, по нашим данным, они были чапагирами и принадлежали к подразделению Люток (*Туголуков*, 1975, с. 74). Все

Род	Большехетская группировка			Верхнетунгуская группировка		
	семей	человек	олений	семей	человек	олений
Кильмагир	6	23	70	—	—	—
Панкагир	—	—	—	12	88	189
Чапагир—Лютук	6	32	149	5	24	100
Чапагир-Мирошко	—	—	—	1	3	13
Чоноколь	—	—	—	6	41	134
«Неизвестный»	2	8	25	3	9	18
Всего:	14	63	244	27	165	454

местные чоноколы носили фамилию Аркадьев. Они входили в две территориальные группировки — Верхнетунгускую (6 семей, 41 человек при 134 оленях) и Тазовско-Худосейскую (2 семьи, 10 человек при 18 оленях) (Долгих, 1946, л. 529, 559).

По сообщению селькупа И. С. Безруких (пос. Советская речка), чоноколы — относительно недавние выходцы с Подкаменной Тунгуски. Уже «после Мангазеи» (т. е. после прихода русских на р. Таз) одна семья чоноколов, состоявшая из нескольких братьев, переселилась в верховья Таза. Там эти переселенцы долго жили в соседстве с селькупам, а затем перебрались — «из-за тесноты» — на р. Худосей и оз. Момчик. В этих передвижениях их всюду сопровождали селькупы, с которыми чоноколов связывали тесные узы. Поэтому сейчас среди верхнетунгуских чоноколов много эвенкийско-селькупских метисов. Одни из них относят себя к эвенкам, другие (как И. С. Безруких) — к селькупам. По мнению названного информатора, эвенкийский язык чоноколов представляет собой «смесь с селькупским языком» (ПМ, 1962, № 2, л. 169 об., 171, 175; 1974, оп. 1, л. 48—49).

Интересно, что эвенки, живущие в пос. Ратта, где чоноколы сейчас отсутствуют, называют Аркадьевых не Чоноколь, а Чунак. Такой этноним мы, в частности, записали от эвенка Г. Н. Баякина (ПМ, 1972, № 2, л. 43 об.). Б. О. Долгих отмечал, что в материалах Приполярной переписи 1926—1927 гг., относящихся к верхнетазовским эвенкам, «встречалось какое-то прозвище «Чинах» (1946, л. 567). Несомненно, что Чинах и Чунак — одно и то же местное обозначение чоноколов, проливающее некоторый свет на их происхождение. В слове «Чинах» («Чунак») следует, как нам кажется, видеть усеченный (лишенный суффикса *-гир*) тунгусский родовой этноним XVII в. Синигир, переозвученный затем под влиянием якутов в Чинагир (см. главу 5); позднее этот последний превратился в Чинах или Чунак, а Чунак — в Чоноколь. В итоге, если наши рассуждения справедливы, происхождение данного рода рисуется как весьма недавнее и связанное с переселением небольшой группы синигиров из западной части региона Северо-Запада на Подкаменную Тунгуску, а оттуда — на Таз.

Эвенки, не назвавшие в 1926—1927 гг. своего кровного рода и отнесенные Б. О. Долгих к «Неизвестному роду», принадлежали в прошлом к административному Нижнечумскому роду. В Верхнетуруханской группировке эти эвенки были представлены фамилией Лапушкин, а в Большехетской группировке — фамилией Даурский. Одна безоленная семья из рода Купогир в числе четырех человек с фамилией Полигус, обнаруженная на левом берегу Енисея между станками Верещагино и Черноостровское (Черноостровская группировка кетов), тоже относилась к Нижнечумскому роду. Подробнее о купогирах и других нижнечумских тунгусах мы говорили в главе 4.

3

Межэтнические связи обь-енисейских тунгусов и особенности их традиционной культуры

Из таблицы, приведенной в первом разделе главы, видно, что в 1920-х годах в регионе существовало семь территориальных группировок эвенков. Практически все эвенки, входившие в эти группировки, состояли в давних и тесных связях с более ранними обитателями региона — кетами, селькупам, хантами, а также с представителями соседних этнических групп — энцами, ненцами, татарами, русскими. В настоящем разделе мы рассмотрим, как осуществлялись эти связи применительно к отдельным территориальным группировкам эвенков. Начнем с группировки сымских эвенков.

В 1920-х годах сымские эвенки кочевали в бассейне р. Сым на расстоянии до 100 км от центра их экономического тяготения — фактории Низенький яр, которая находилась в 250—300 км от устья реки (т. е. от Енисея). У сымских эвенков имелись олени, но они были малорослыми. Основными занятиями этих эвенков являлись охота и рыболовство. Первые советские авторы, писавшие о сымских эвенках, А. Н. Шаболин и Д. А. Кытманов, указывали на их сильное обрусение и хорошее знание ими русского языка. По наблюдениям Шаболина, некоторые из них «великолепно» говорили по-русски (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 114, л. 13). Д. А. Кытманов писал: «Они ходят в русском платье с известным щегольством. Среди них есть и грамотные». Некоторые сымские эвенки даже «ездили по железной дороге» (Кытманов, с. 60—61).

В 1930 г. сымских эвенков посетила Г. М. Василевич. Она привела ряд сведений об их хозяйстве и образе жизни. По её данным, сымские эвенки использовали своих оленей в основном как вьючных и упряжных животных. На «санях» (нартах)³⁴ они перевозили грузы даже летом. Сани и упряжь были «самоедского» типа. С оленями обычно имели дело женщины. Сани им помогали тянуть две — три промысловые собаки (ААН, ф. 135, оп. 2, д. 76, л. 26³⁵; Василевич, 1931 б, с. 138; 1931а, с. 136—137). На охотничий промысел сымские эвенки выходили пешком, оставляя оленей

«на бору» вместе с женщинами и детьми. Промысловое снаряжение они везли либо на ручной корытообразной нарте, либо на замороженной шкуре, к которой для этого пришивали специальную лямку (Василевич, 1931 а, с. 136—137). В 1930 г. у сымских эвенков еще сохранял свое значение лук как орудие промысла. Лук был сложный, двояковыгнутый, склеенный из трех слоев дерева и обмотанный берестой (Там же). Рыбу сымские эвенки ловили с помощью своеобразной удочки *печер*³⁶, оснащенной деревянным крючком, на который насаживали наживку — чебака либо сорогу. Иногда вместо живой наживки пользовались пучком белого подшейного волоса оленя (*пехи*). С помощью этого снаряда обычно ловили шук (Василевич, 1931б, с. 139; ЭРС, с. 332—333).

Кроме традиционного чума, Василевич обнаружила у сымских эвенков куполообразную «юрту» *марма* «типа гольдского хоморана», которой они пользовались в качестве временного жилища при перекочевке. Летом эту «юрту», как и чум, покрывали берестой, зимой — ровдугой. Дым якобы выходил через «дверное отверстие» (ААН, ф. 135, оп. 2, д. 76, л. 15). Однако эти сведения не попали в опубликованные статьи Василевич.

Летом 1940 г. у сымских эвенков побывал Н. П. Никульшин. Он несколько иначе описал их материальную культуру. Их оленеводство он характеризовал главным образом как вьючное. Нартенное (санное) оленеводство, по его данным, было заимствовано этими эвенками во второй половине XIX в. от ненцев (?). Использование корытообразной ручной нарты («натарь») практиковалось эвенками только в густом лесу, где ехать на оленьей нарте нельзя. Нарту «натарь» тащили за собой женщины, припрягая себе в помощь охотничьих собак (АИЭАН, К-1, оп. 1, д. 65, л. 2—3)³⁷.

В рыболовстве, согласно Никульшину, сымские эвенки пользовались не только удочкой *печер*, но применяли также сети, а иногда и неводы (Там же, л. 3).

Сравнивая сведения, приведенные Г. М. Василевич и Н. П. Никульшиным, нельзя не обратить внимания на то, что Василевич всячески подчеркивает пеший характер культуры сымских эвенков. «Всю жизнь мужчина-тунгус только ходит», — писала она (1931а, с. 136—137). Как известно, Василевич считала пешую охоту основным способом добывания пищи у древних тунгусов, причем сымские эвенки, по ее мнению, представляли собой реликтовую группу этих тунгусов, уцелевшую почти до наших дней благодаря якобы их изолированному положению на левом берегу Енисея (Василевич, 1972а, с. 198).

Атрибутами пешей культуры сымских эвенков Василевич считала корытообразную нарту и удочку-печер. Между тем имеющие этнографические данные не дают возможности рассматривать эти два элемента культуры как издревле свойственные тунгусам. Эвенкийское название корытообразной нарты³⁸ выдает его русское происхождение (от рус. *нарта*) (ТМС, т. 1, с. 586). По описаниям наших информаторов, она представляла собой кузов из

досок, в виде корыта, прикрепленный («пришитый») к трем полозьям из лиственничной крени. Хрупкость конструкции была главной причиной того, что ее тащили не олени, а люди (ПМ, 1972, № 2, л. 23; 1974, л. 16 об., 17) ³⁹. Мы полагаем, что эвенки заимствовали эту нарту от русских землепроходцев XVII в., которые в условиях болотистой низменности левобережного Енисея нередко прибегали именно к такому способу транспортировки своих вещей как в летнее, так и в зимнее время. Что касается терминов *печер* и *пехи*, то они стоят весьма изолированно среди другой тунгусской лексики. По нашему мнению, основа указанных терминов — селькупская. В частности, у тазовских селькупов термин *пече* означает сорогу, а термин *пиче* — шуку (Скалон, 1931б, с. 45—46). Согласно Б. Шостаковичу, рыболовный снаряд, аналогичный *печеру* сымских эвенков, существовал в конце прошлого века у нарымских селькупов (Шостакович, с. 31).

Жилище куполообразной формы (*марма*) мы видели в 1962—1963 гг. у эвенков верхнего Турухана, у которых оно служит временным укрытием. Виденное нами жилище представляло собой ряд установленных по кругу березок, связанные верхушки которых образовывали кровлю. Сверху это сооружение было покрыто брезентом с отверстием для выхода дыма. Жилище-марма было, без сомнения, заимствовано эвенками от селькупов, которые его называют *кумар* (ПМ, 1963, № 2, л. 158).

Разговаривая с сымскими эвенками, мы выяснили, что ещё не так давно — вероятно, на рубеже XIX—XX вв. — они передвигались по тайге преимущественно верхом на оленях. Верховая езда сохранялась у некоторых из них даже после Великой Отечественной войны. Основная причина отказа от такой езды — «олень стал слабый, не держит» (ПМ, 1974, л. 19). Измельчание оленей сымские эвенки объясняют недостатком ягеля, жарким летом и другими причинами экологического характера. На оленя они садились, как и другие эвенки, справа (ПМ, 1972, № 2, л. 23; 1974, л. 13 об. — 14, 19—20 об.).

По нашим данным, сымские эвенки в отношении езды на оленях испытали на себе большее влияние со стороны самодийцев, нежели их соседи, кетские эвенки. Так, например, у сымских эвенков передовой (управляемый) олесь в нартежной упряжке — левый, как это принято у самодийцев, а у кетских эвенков — правый, как у всех тунгусов (ПМ, 1972, № 2, л. 23; 1974, л. 15, 20 об., 40) ⁴⁰. Мы объясняем это различие тем, что в состав сымских эвенков вошли выходцы из более северных районов Обь-Енисейского региона, где они подпали под влияние туруханских селькупов, а отчасти и ненцев ⁴¹. Прежнее пребывание части сымских эвенков на Турухане засвидетельствовано их преданиями, в которых говорится, что когда-то они кочевали около рек Елогуй и Турухан (Василевич, 1931а, с. 134). Не случайно и то, что сымские эвенки хорошо знают такие весьма древние этнонимы Нижней Тунгуски, как *булэн* и *нюрумня* (ПМ, 1974, л. 20—23).

Переходим к эвенкам Нарымской группировки, к которой мы

относим обитателей рек Чулым, Нарым, Кеть, Пайдугина и Тым. В системе Чулыма эвенки встречались вплоть до начала XX в. Они осваивали р. Большой Кемчуг, которая вместе с р. Малый Кемчуг образует р. Кемчуг — правый приток Чулыма в его среднем течении. По сообщению красноярского этнографа А. П. Ермолаева, последние из кемчугских эвенков в 1906 г. перешли на жительство в более северную Анциферовскую вол. Енисейского у. (Ермолаев, с. 659), к которой они, как можно думать, административно принадлежали и раньше (например, в рамках Милицкого рода). Поэтому этнографически кемчугские эвенки, видимо, составляли одно целое с сымскими эвенками. Ермолаев сообщает, что эвенков из кемчугской тайги вытеснили чулымские татары (Там же), однако никаких подробностей на этот счет не приводит.

В 1920-х годах некоторое число эвенков-оленоводов кочевало и в низовьях Чулыма. Об их относительно давнем там пребывании свидетельствует название русской д. Тунгусово, существующей на левобережье Оби возле устья Чулыма. Кетский эвенк А. А. Делицын нам говорил, что на месте этой деревни некогда находилось тунгусское стойбище. Эвенки там останавливались зимой для охоты на соболей и лосей. Там жил и умер от оспы дед Делицына (ПМ, 1972, № 2, л. 23).

Эвенки рек Кеть, Пайдугина, Тым тоже могут считаться достаточно давними обитателями Нарымского края. Как отмечает Е. Н. Орлова, их предки кочевали по правобережью Оби не менее десяти поколений (с. 48). Эти предки угадываются в тех тунгусах, о которых писал в 1781 г. в своем путевом журнале прапорщик геодезии Козловский. Он отмечал, что по берегам Кети кочуют «Енисейского ведомства крещенные остяки», а к ним приходят в гости из хребтов Енисея тунгусы: платье носят из оленьих кож, парки длинные подпоясываются; лицом, как и по Енисею, — одинакие; ростом средни. Лица широкие, нравом тихи. Женщины носят платье так, как и русские. Держат для зимы собак с нартами, а летом — лотки» (АВГО, разр. 55, оп. 1, д. 1, л. 7 об.). Судя по приведенному описанию, речь идет о представителях смешанной тунгусо-кетской или тунгусо-селькупской группы вроде уже известных нам варгаганцев или пумпокольцев. В собачьей нарте, о которой сообщает Козловский, можно предполагать корытообразную нарту натар.

В 1920-х годах интересующие нас эвенки были сравнительно хорошо обеспечены оленями, имея их от 35 до 40 на хозяйство. В прошлом среди них встречались оленоводы, имевшие от 100 до 700 голов. Наиболее многооленными были эвенки р. Пайдугина (Орлова, с. 50—51). Основным способом транспортного использования оленей был выючный; верхом местные эвенки ездили мало. Е. Н. Орлова сообщала, что, «по наблюдениям тунгусов, олень в Нарымском крае мельчает и становится менее выносливым». Нартенная езда на оленях практиковалась эвенками редко и в основном лишь зимой. В нарту запрягали двух оленей. Отмечено доение этими эвенками оленей (Там же, с. 52).

В 1920 — начале 1930-х годов значительная часть нарымских эвенков переселилась на правобережье Кети, где в 1932 г. образовалась группа из 42 хозяйств и 172 человек, входившая в Орловский туземный совет (ТОКМ, оп. 3, д. 49, л. 136)⁴². Возле пос. Нарым на Оби в 1924 г. работал сотрудник Томского музея М. Б. Шатилов, который посетил стойбище эвенка Шолеула — шамана и главы семьи, состоявшей из десяти человек. Большое стадо оленей (около 100 голов) «паслось у целой системы кострищ» — дымоуров, что позволяло животным спасаться от гнуса. Шолеул, по его словам, пришел на Обь с Тыма, а на Тым — с Сыма (Шатилов, с. 8—11). Отсюда следует, что он был выходцем из сымской группировки эвенков.

Эвенки Васюганской группировки, жившие на левобережье Оби, тогда же входили в Нюрольский сельский совет Каргасокского р-на Томской обл. Река Нюролька — правый приток Васюгана в его нижнем течении. В 1928 г. васюганские эвенки жили в основном на р. Чижатка — тоже правом притоке Васюгана, ниже Нюрольки. Они составляли четыре стойбища, на которых находилось 20 семей. Восемь из этих семей носили фамилию Сильгичев, семь — Самаров и пять — Лихачев (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 575, л. 143). Как выяснил научный сотрудник Томского государственного университета В. М. Кулемзин, эвенки уже довольно давно заселяют низовья Васюгана, причем «в начале нашего века была последняя волна их прихода. На оз. Тух-Сигот имеется «Тунгусов мыс», который носит это название с незапамятных времен». Там, по выражению местного ханта П. И. Синорбина, издревле «властвовали тунгусы». Синорбин указал, что ханты научились у эвенков строить лабазы, стоящие на одном столбе. Шаманские бубны к хантам также были, по его словам «привезены тунгусами» (письмо В. М. Кулемзина к автору).

Демьянская группировка представляла собой наиболее далеко выдвинутый на запад авангард эвенков-оленоводо-в. Территорией расселения этой группировки являлись верховья р. Демьянка, о которой мы упоминали в первом разделе настоящей главы в связи с существованием там княжества «сборного» князца Бояра. Учитывая близость верховьев Демьянки к верховьям Васюгана, закономерно предполагать, что демьянские эвенки являлись выходцами с этой реки. На то же указывает и распространенная среди них фамилия Лихачев («Нихачев»).

Согласно отчету В. В. Васильева (1925 г.), эвенки-оленоводы появились на Демьянке около середины прошлого века. В верховьях левых притоков этой реки кочевала группа «Нихачевых» (Лихачевых), состоявшая из семьи К. И. Нихачева и семей пяти его сыновей. Данная локальная группа (община) выпасала около 300 оленей. Зимнее стойбище Нихачевых находилось на озере, расположенном в верховьях р. Куньяк. Другую группу демьянских эвенков составляли две семьи Нихачевых. Их зимнее стойбище находилось на оз. Парфеновское, расположенном недалеко от р. Югорас. В третью группу входили три семьи братьев Ваговских,

стоявших в зимнее время на озере в верховьях Югораса и на его притоке Кацысе (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 41, л. 39).

В. В. Васильев привел любопытные подробности о демьянской группировке: 1). Все женщины приписаны (по слухам) к Загвоздинскому району Тобольского округа; 2). Летом тунгусы устраивают для оленей дымокуры в виде подков, в середину которых и загоняют их; 3). Во время летних перекочевок тунгусы «таскают» с собой тлеющие головешки для защиты от гнуса (Там же). Первая из приведенных подробностей, вероятно, указывает на то, что женами демьянских эвенков были преимущественно хантыйки. Вторая и третья свидетельствуют об обилии гнуса и крайне тяжелых условиях для оленеводства в данном районе. Возможно, именно этим объясняется отсутствие более поздних известий о демьянской группировке. Тымский эвенок М. В. Самаров, который в молодости тоже кочевал в верховьях Демьянки, был вынужден уйти оттуда на Обь и ее притоки (ПМ, 1972, № 2, л. 13).

Кочуя по верховьям Сыма, Тыма, Ваха и Елогуя, сымские, чулымские и другие эвенки юго-западной части региона оказывались в непосредственной близости от истоков р. Таз. Проникновение их на эту реку происходило, несомненно, вышеуказанным способом, причем главным путем, ведущим к Тазу, был путь с верховьев Елогуя (ПМ, 1972, № 2, л. 43 об.).

В верховьях Таза в 1929—1930 гг. работал В. Н. Скалон. Местное коренное население в то время объединялось Верхнетазовским родовым советом Туруханского р-на и насчитывало 85 хозяйств, из которых 29 были эвенкийскими, а прочие — «остяко-самоедскими» (Скалон, 1931а, с. 73; 1931б, с. 47); т. е. селькупскими. В число последних входили и отдельные хозяйства кетов. По выражению Скалона, верхнетазовские эвенки были «сымско-елогуйского происхождения» (1931б, с. 47). Но их предки, без сомнения, были выходцами с правого берега Енисея между устьями Ангарты и Подкаменной Тунгуски. Согласно записанному В. В. Лебедевым рассказу тазовских селькупов Каргачевых об их прошлом, они говорили о себе: «Мат Лопат пеляй-кум» — «Я Лапы-стороны человек» или «Мат Лопат тамдыр-кум» — «Я Лапы-рода человек» (Лебедев, 1976, с. 73). Здесь род «Лапы» — это, очевидно, Лапагир.

На рубеже 1920—1930-х годов часть эвенков проникла уже и в низовья Таза. Там, в районе Сидоровской пристани, Скалон указывал два хозяйства эвенков (1931а, с. 74) — выходцев из Верхнетуруханской группировки. На правобережье среднего Таза, возле оз. Момчик, обосновалась группа эвенков Аркадьевых (см. ниже). Верхнетазовские эвенки рассказывают, что когда их предки пришли на верховья Таза, они застали там селькупов, «самоедов» Вай⁴³ и юраков (ненцев). Наличие селькупов свидетельствует о том, что эвенки появились на Тазе не ранее второй половины XVII в. ⁴⁴ Учитывая добрососедский характер связей эвенков с нарымскими селькупам (см. первый раздел), представляется неудивительным, почему после своего прихода на Таз эвенки стали оказывать помощь селькупам в их борьбе с энцами и нен-

цами. В результате совместных военных акций эвенков и селькупов энцы и ненцы ушли с верхнего Таза (ПМ, 1972, № 2, л. 41 об.).

Ненцы («юраки»), по рассказам наших информаторов, раньше жили по р. Ратта (левый приток верхнего Таза) в землянках, имевших прямоугольную форму. Следы землянок будто бы видны до сих пор. Эвенки называют такое жилище *дундома-дю* — «земляной дом» (ПМ, 1972, № 2, л. 46). Мы усматриваем в обитателях этих землянок не ненцев, а энцев, которых русские XVII в. называли «тазовской самоедью»⁴³. Вместе с тем не вызывает сомнений, что ненцы здесь тоже жили до прихода селькупов и эвенков. На это указывают топонимы Юрацкая сопка и Юрацкая могила, существующие в районе между верхним Тазом и Елогуем (КККМ, $\frac{4(09)}{152}$, л. 3)⁴⁶.

Эвенки приходили в верховья Таза также в XVIII—XIX в. От 1834 г. сохранился рапорт князца верхнетазовских «остяков» (селькупов) Тымской и Караконской волостей Егора Андреева, в котором он жалуется на обиды его подопечным со стороны тунгусов Нижнечумской управы. Последние, по его словам, «во множестве» приходили на Таз «с реки Енисея», «выжгли землю всю, так что негде уже и добывать государственных ясаков», и, кроме того, грабят оленей у «остяков» (Долгих, 1946, л. 713—714).

Живя в тесном соседстве с селькупам, верхнетазовские эвенки смешивались с ними посредством взаимных браков. Автор описания Елогуйского и Верхнетазовского родовых советов А. Юдин отмечал, что родственные отношения у туземцев верхнего Таза «перепутаны» из-за обычая «сургутов» (селькупов) брать жен-тунгусок и обычая тунгусов брать жен-сургуток (КККМ, $\frac{639(09)}{822}$, л. 36). Смешанные браки способствовали ассимиляции верхнетазовских эвенков более многочисленными селькупам. По данным В. Н. Скалона, родной язык сохранялся в начале 1930-х годов лишь «в некоторых семьях» эвенков. Тунгусы, — писал Скалон, — «почти в полной мере слились с остяко-самоедами» (КККМ, $\frac{639(09)}{822}$, л. 119).

В прошлом местные эвенки практиковали верховую езду на оленях. Отец нашего информатора Г. Н. Баяки, родившегося в 1907 г., ездил верхом на олене с р. Ратта на р. Худосей (ПМ, 1972, № 2, л. 44). Однако уже в конце 1920-х годов верхнетазовские эвенки перестали использовать оленя под седло. Лишь в одном хозяйстве верхнетазовских эвенков В. Н. Скалон «встретил быка, обученного под верх» (Скалон, 1931б, с. 83). Утратила свое значение и традиционная для эвенков перевозка клади во व्यюках. Скалон писал, что хотя местные туземцы «производят выючную перевозку, но седел почти не имеют, приготавливая их на случай надобности. Навьючивание несовершенно» (КККМ, $\frac{639(09)}{822}$, л. 27 об.).

Несмотря на отсутствие в рассматриваемом районе ненцев к началу XX в., здешние селькупы и эвенки на рубеже 20—30-х годов XX в. пользовались зимней ненецкой одеждой — малицей и сокуем. Малица представляла собой обшитую сукном оленью шубу мехом внутрь, надеваемую через голову. К ней наглухо пришивали «капор из пыжика» и камусные рукавицы. Сокуй шили по фасону малицы, но мехом наружу; эвенки надевали его во время переездов зимой на нарте. Лишь малооленные продолжали носить оленьи или суконные парки (КККМ, $\frac{639(09)}{822}$, л. 55).

В заключение остановимся на двух северо-западных группировках об-енисейских эвенков — Большехетской и Верхнетуруханской. Большехетская группировка соответствовала существовавшему в конце 1920 — начале 1930-х годов Плахино-Эвенкийскому, или Мараконскому, родовому совету и чаще была известна под названием Плахинской группировки. Это объясняется экономическим тяготением большехетских эвенков к станку Плахино на левом берегу Енисея, ниже г. Игарка. Большехетские эвенки осваивали район, где сходятся истоки рек Большая Хета, Турухан и Игарка. Соседями этих эвенков были эвенки Лантакайской группировки, жившие на правом берегу Енисея (см. главу 5). Согласно Б. О. Долгих, плахинские эвенки включали главным образом представителей бывшей Нижнечумской управы (КККМ, $\frac{572.4(06)}{458}$), л. 12).

В 1930—1931 гг. Большехетская (Плахинская) группировка насчитывала 19 хозяйств, в том числе 17 эвенкийских и 2 энцких (судя по фамилиям, Пальчин и Ямкин). Отмечалось, что местные эвенки ради промысла песцов заходили на территорию большехетских «юраков» (ненцев), а те, в свою очередь, приходили на эвенкийскую территорию (ПМ, 1959, № 1, л. 18) ⁴⁷. Б. О. Долгих указывал на «значительное культурно-бытовое влияние ненцев» на плахинских эвенков (Долгих, 1946, л. 424). Н. М. Рымшан, обследовавший в 1930—1931 гг. Большехетскую группировку, писал, что она оформилась «всего несколько лет тому назад», хотя эвенки заходили в этот район еще до революции (АИЭАН, К-2, оп. 1, д. 274, л. 3—9).

Будучи небогаты оленями (их имелось от 10 до 14 голов на хозяйство), большехетские эвенки занимались добычей диких оленей, промыслом песцов и рыболовством. Для выпаса оленей они пользовались оленегонными лайками, которых имели штук по шесть на хозяйство. Основной промысел песца был пастный. В среднем на одно хозяйство плахинских эвенков приходилось по 88 пастей и меньше одного ружья; на 10 хозяйств в среднем приходилась 1 собака. Пасты охотники устанавливали на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому для осмотра пастей требовались верховые олени (Там же).

Рыбу плахинские эвенки ловили сетями-пушальнями, которых имели в среднем по 5,5 штук на хозяйство. Крупных дощатых лодок у населения не было; применялись «ветки» (Там же).

Другие подробности об этой группировке отсутствуют, но их недостаток отчасти восполняется тем, что нам известно об эвенках Советской речки и оз. Момчик (Верхнетуруханская группировка), к которым мы теперь переходим. Советская речка, вытекающая из большого оз. Советское⁴⁸, является правым притоком Турухана в его верхнем течении. Озеро Момчик расположено к юго-западу от Советской речки, на правобережье Таза, с которым оно связано протокой. Эвенки Аркадьевы, жившие в окрестностях этого озера, фактически составляли отдельную этнографическую группу верхнетуруханских эвенков, поскольку, как показано во втором разделе главы, они в недавнем прошлом тяготели к верхнему Тазу, куда их предки пришли с Подкаменной Тунгуски. К эвенкам верхнетуруханской группировки нужно относить две семьи Аркадьевых и одну семью Тавиндук, выявленные Приполярной переписью на р. Худосей (Долгих, 1946, л. 560).

Из главы 4 нам известно, что чапагирские эвенки появились в рассматриваемом районе лишь в начале второй половины прошлого века. Вероятно, тогда же сюда стали проникать и отдельные нижне-чумские эвенки. До эвенков здесь, по-видимому, кочевали лишь немногие ненецкие семьи. Селькупов там не было: они жили ниже по Турухану. В Баишинском зимовье на Турухане в 1730-х годах платили ясак одни «остяки». Но в XVII в. там находились кочевья «самоедов» (энцев), на что красноречиво указывает название «Самоешка», прилагавшееся к двум небольшим притокам Турухана (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, № 5, л. 107 об., 141 об.— 142 об., 173 об.). В 1920-х годах в пос. Янов-стан на среднем течении Турухана был образован Тымско-Караконский родовой совет местных селькупов (Скалон, 1931б, с. 47—48). Северной границей туруханских селькупов считается оз. Язевое, расположенное в 25 км к юго-востоку от пос. Советская речка. Селькупское название этого озера — Ичиба, т. е. «Обжитое». На его берегах еще недавно стояли «оленьи сараи» селькупов с дымокурами для защиты животных от гнуса. Две или три селькупских семьи издавна жили вместе с эвенками Аркадьевыми на оз. Момчик. О приоритете селькупов в данном районе свидетельствует первоначальное селькупское название этого озера — Кэндиль⁴⁹.

Ненцы, по-видимому, оказали эвенкам сопротивление при их попытке продвинуться вглубь Чистой тундры. По рассказам А. С. Давиндука, который был до революции местным эвенкийским «князем», во времена его детства эвенки «дрались с юраками». Столкновения эти происходили в конце XIX в. (ПМ, 1962, № 2, л. 154 об.).

Являясь весьма недавними выходцами с восточного берега Енисея, местные чапагирские эвенки в гораздо большей степени сумели сохранить основные черты своей традиционной культуры. Однако ненецко-селькупское влияние коснулось и их. В советское время у них большое распространение приобрела нартенная езда самодийского типа — с посадкой на нарту слева и передовым (управляемым) левым оленем. Еще до образования у них колхоза

местные эвенки начали пользоваться для пастьбы оленей ненецкими оленегонными лайками и обученными с их помощью эвенкийскими лайками (ПМ, 1962, № 2, л. 176; 1974, оп. 1, л. 44 об.).

Под влиянием ненцев верхнетуруханские эвенки перешли от градиционного горизонтального сочленения нюков покрышки чума к характерному для ненцев вертикальному способу, более совершенному в условиях открытых пространств и сильных ветров. По той же причине некоторые из эвенков стали укреплять конструкцию чума деревянным кольцом *мáринтын*. Сделанное из тонкого гибкого шеста, оно прикрепляется к шестам внутри чума и служит распоркой, препятствующей заваливанию каркаса при сильном ветре. Данный элемент конструкции заимствован эвенками у селькупов и кетов. Селькупы называют такое кольцо *мóтэкут-тáн-гэ* («обруч для жердей»), а кеты — *тэл* (ПМ, 1974, л. 42 об.).

На зимней одежде верхнетуруханских эвенков отразилось влияние ненцев. Происшедшие изменения в данной сфере быта полностью соответствуют тем, о которых мы говорили применительно к эвенкам Верхнетазовской группировки⁵⁰.

* * *

Сказанное в настоящей главе позволяет, как нам кажется, утверждать, что тунгусы появились на территории Обь-Енисейского региона задолго до XVII в. Возможно, они попали туда либо с кимаками или кипчаками (IX—XI вв.), либо несколько позднее — с чжурчжэнями (XII в.), преследовавшими разгромленных ими киданей. Название одного из местных эвенкийских родов — Кима — как бы повторяет этноним кимаки. К чжурчжэням, по-видимому, относятся могильники, находящиеся на территории Томской области («Тунгусское кладбище» и другие). Обнаруженная в них керамика вряд ли могла принадлежать сибирским эвенкам или эвенам.

О давности появления на Иртыше и Оби тюрков, а заодно и тунгусов, свидетельствуют селькупские предания о матурах («железных» богатырях), которые оказывались среди селькупов «езде» и воевали, сидя верхом на лошадях. Сообщается, что один «старший» матур взял в жены тунгуску «и в тунгусскую жизнь перешел». Одна из селькупских сказок повествует о том, что матуры, жившие в низовьях Тыма, сделали себе «круглый балаган» (чум) и «оленей купили у тунгусов» (Пелих, 1972, с. 342—343). Русские в XVII в. заметили только одну группу местных тунгусов — приписанную к Закаменному зимовью, однако это не означает, что других тунгусов там в это время не было. Приведенные нами материалы указывают на их присутствие среди селькупских, хантыйских и татарских групп.

Иртышские татары (XVI—XVII вв.) именовались кипчаками. Кипчаком был и их предводитель хан Кучум (Путешествия по Сибири..., с. 78; Валеев, с. 17). Пребывание части тунгусов, в частности баягиров и шамагиров, на службе у хана Кучума представляется вполне естественным, учитывая древние генетические связи тунгусов с тюрками. Укажем и на возможное, особо близкое родство

тунгусов с кипчаками. Брат отца Кучума носил имя Алтаул (Фишер, с. 115, примеч.). Это имя, судя по окончанию *-ул*, — типично тунгусское. Аналогичным образом мы трактуем название города Барнаул в барабинской степи: оно, по-видимому, повторяет имя одного из татарских князев тунгусского происхождения. Аналогичное имя Барнауль принадлежало в 1782 г. тунгусу из рода Чапак-гир, кочевавшему в районе р. Иркиннеева — правого притока Ангара (ГАКК, ф. 910, оп. 1, д. 4, л. 13). Там же, на Ангаре, русские в XVIII в. называли «Барнаулев остров» — в 1039 верстах ниже Иркутска (ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 517, ч. I, № 26, л. 21). Приполярная перенпись 1926—1927 гг. зафиксировала семью эвенка Барнаулова в роде «Чимдягир» (Чемдаль) в верхнем течении Нижней Тунгуски (Долгих, 1946, л. 611). Как видим, имя Барнаул было довольно-таки распространенным у западных эвенков.

После ликвидации Сибирского ханства Кучума небольшие группы баягиров и самагиров (шамагиров), составлявшие личное окружение князев Бояра, Демьяна и Самара, частично вошли в состав рода Баяки (Баягир), а частично растворились среди хантов, селькупов, а может быть, и среди более северных ненцев¹. Сказанное в значительной степени объясняет многие этнонимические и культурные особенности эвенков Обь-Енисейского региона.

¹ Вероятно, тот самый тунгус, который под именем Индега упоминался в 1622—1623 гг. на Подкаменной Тунгуске.

² «Чиромбу» — эвенкийское название р. Сым.

³ Наиболее коротким путем с Таза на Енисей является маршрут: Худосей — Покольки (левый приток Банхи) — Банха. Между верховьями Худосея и Покольки существовал волок длиной всего 9 км (ПМ, 1963, № 2, л. 158 об.—159).

⁴ Также «Мегликова племянника» (РИБ, т. 2, с. 163).

⁵ В ясачной книге 1633 г. читаем: «На реке ж на Кети волость Пумпукулская, а в ней лутчей человек князец Урнук Пиминов с товарищи — 15 человек» (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 48, л. 48 об.). Имеются в виду взрослые мужчины-охотники.

⁶ Чильчагиры — обитатели региона северного Забайкалья к востоку от Лены. Мы упоминали о них в главе 4.

⁷ О роде Калтагир мы говорили в главе 5.

⁸ Хранятся в Туруханском райисполкоме.

⁹ Львова Э. Л. Чулымские тюрки (историко-этнографические очерки). Томск, 1977 г. Рукопись.

¹⁰ Имя Колеул мы встречаем, например, в списке «Конырова рода» на Нижней Тунгуске, 1682 г. (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 732, л. 97 об.).

¹¹ Сравни эвенкийское *тулэксен* — «безымянный палец» (ЭРС, с. 400).

¹² Волости барабинских татар в конце XVI в. подчинялись хану Кучуму. Последний в 1595 г. зимовал в верховьях Иртыша (Миллер, 1937, т. 1, с. 369—370). Позднее татары этих волостей платили ясак русским в Тару (Там же, с. 296) — острог, расположенный в болотистой местности, где берут начало реки Васюган и Демьянка.

¹³ Река Кулумбе — один из верхних притоков р. Иман (последний — правый приток р. Усури). Река Кулюмбе (Кулэмбе) — левый приток р. Хантайка, соединяющей Хантайское озеро с нижним Енисеем. В том же районе находится и оз. Кулембе (Карта КИПС; ГАКК, ф. 1987, л. 25).

¹⁴ Калмыки-торгоуты (торготы, тергеты) около 1620 г. в большом числе перешли в Россию из Чжунгарии и обосновались в степи между верховьями рек Эмба и Ишим. Состоя в союзе с «Кучумовыми царевичами» (сыновьями и

- внуками Кучума), они грабили и разоряли сибирских татар — подданных Рос-
сии. Нападали они и на русские города, например на Тару (Миллер, 1961,
т. 3, л. 61—64; Иакинф, с. 41—46, 141—149).
- ¹⁵ С именем Самар или, что точнее, с этнонимом Самагир (Шамагир) в данном
районе связано довольно большое количество топонимов. Н. Спафарий в по-
следней четверти XVII в. называл там Самаровский ям (будущее сел. Сама-
рово), Самаровскую протоку, Самаровские горы. Один из притоков нижнего
Иртыша тогда, по-видимому, назывался Яком. Спафарий писал, что правыми
притоками последнего были (сверху — вниз): Юрюк-Самар, Тругун-Самар и
Камыш-Самар (Спафарий, с. 42).
- ¹⁶ О роде Баягир мы говорили в главах 4 и 5, о роде Самагир (Шамагир) —
в главах 1 и 5. Заметим, что аналогичное сопоставление Самар — Самагир,
Бояр — Баягир проводит в своем исследовании венгерский ученый И. Фута-
ки (Futaky, 1975, с. 21—22).
- ¹⁷ По отношению к первым пяти группам нами применен коэффициент 4, а по
отношению к остальным — коэффициент 5. Чулымских эвенков мы считаем
наполовину скотоводами, наполовину — оленеводами.
- ¹⁸ Название Мелецкого острога связано, по-видимому, с некими мелесами или
милесами; так во всяком случае думал Г. Ф. Миллер (Миллер, 1941, т. 2,
с. 48). О мелесах нет каких-либо точных документальных данных. Ясачная
администрация считала (в 1884 г.), что Кызыльский и Мелецкий роды чу-
лымских «инородцев» «произошли от пришельцев из разных стран, поселив-
шихся в Сибири с незапамятных времен по берегам рек Чулыма и Кемчуга»
(ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 27, л. 59 об.). В числе этих пришельцев были, как
можно думать, потомки древних тюрков-тугу, один из аймаков которых име-
новался Милигэ (Бичурин, с. 354). Упомянутые роды Кызыльский и Мелецкий
входили в состав Мелецкой инородческой управы.
- ¹⁹ Другим административным родом Питско-Варагонской управы был Верхне-
чумский (см. главу 3).
- ²⁰ Местные селькупы не были оленеводами, но олени могли у них быть благо-
даря подаркам или каймы, получаемым от эвенков. Такие разжившиеся оле-
нями селькупы, вероятно, отдавали их эвенкам на выпас, а те, должно быть,
не всегда возвращали этих животных хозяевам.
- ²¹ В одном архивном источнике Яновский магазин указан на р. Таз (ГАКК,
ф. 217, оп. 1, д. 1143, л. 10), но мы думаем, что это ошибка, поскольку пос.
Янов-стан находится на р. Турухан. В 1840-х годах этот магазин, видимо, на-
ходился ниже вышеуказанного поселка (тогда еще не существовавшего), возле
устья р. Баиха — правого притока Турухана (Кастрен, с. 482). В 1877 г. тот же
магазин именовался Баншинским. Существовавший тогда же Тазовский мага-
зин находился на правом берегу Таза выше часовни, стоявшей на месте быв-
шего города Мангазея (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 16, л. 56 об., 70).
- ²² 31 человек — в Анциферовской вол. Енисейского округа (реки Малый Кас,
Оленья и др.) и 82 человека — в Туруханском крае (р. Таз).
- ²³ Таблица составлена по следующим материалам: ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 41,
л. 39; д. 81, л. 3; д. 129, л. 108; д. 130, л. 196; АИЭАН, К-2, оп. 1, д. 274, л. 5—8;
Б. О. Долгих (1946, л. 424, 529, 537, 560, 584). Использованы также материалы
Туруханской землеустроительной экспедиции 1936—1937 гг. В квадратные
скобки нами заключены цифры, исчисленные на основании приближенных рас-
четов и более поздних источников.
- ²⁴ К Сымской группировке нами отнесены 2 семьи (7 человек) эвенков с 18 оле-
нями из Елогуйской группировки.
- ²⁵ К Верхнетазовской группировке отнесены 3 семьи (15 человек) с 34 оленями
из Тазовско-Худосейской группировки и 2 семьи (10 человек) без оленей из
Черноостровской группировки. Эту группировку не следует смешивать с Чер-
ноостровской группировкой региона Подкаменной Тунгуски (см. главу 3).
- ²⁶ К полученной нами цифре близка цифра, называемая Г. М. Василевич: более
800 человек (Василевич, 1931б, с. 133).
- ²⁷ Б. О. Долгих относил Самаровых к роду Кему, но отмечал, что их родовая
принадлежность нуждается в уточнении (1946, л. 585).
- ²⁸ О нашем информаторе Г. К. Низовцеве мы говорили в главе 3.
- ²⁹ Смешенне кемулей («хомылей») с кетами («остяками») находит отражение в

кетском фольклоре. В сказке «Хэмырын-Хомыран» девушка, носящая это имя, изображается жительницей некоего острова. К ней сватаются женихи, и она в конце-концов выходит замуж за оленевода: «на оленях они уехали» (Дульзон, 1966, с. 105). Имя героини идентифицируется с этнонимом Кему («Хо-мылн»), а наличие оленей у жениха свидетельствует о его тунгусском происхождении.

³⁰ Русские в первой половине XVII в. иногда называли Енисей Большой Кемой (ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 41).

³¹ Древнее эвенкийское сказание «Абданыкан» нам прислал в собственной записи и с комментариями сахалинский эвенок С. А. Наденин.

³² Не лишено интереса, что в списке рода Кондогир за 1639 г. имеется имя Шихтоул (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 127, л. 662). Вероятно, именно этот тунгус и увековечен в фольклоре. Ведь кондогиры, как мы знаем, принимали участие в формировании нюрюнгялей (см. главу 4).

³³ Таблица составлена по материалам работы Б. О. Долгих (1946, л. 424, 529).

³⁴ Во избежание путаницы с терминами мы, как и Г. М. Василевич, будем называть санкой оленью нарту, а нартой — корытообразную нарту-волокушу.

³⁵ Василевич Г. М. Отчет о командировке к. Сымским тунгусам Туруханского края в VI—IX 1930 г. Рукопись.

³⁶ Фактически печер представлял собой не удочку, а плавучую снасть — большой деревянный поплавок, к которому с помощью кедрового корня прикреплялся деревянный крючок (АИЭАН, К-1, оп. 1, д. 65, л. 3).

³⁷ Никулышин Н. Предварительный отчет «Этнографическая экспедиция к сымским эвенкам летом 1940 г.» Рукопись.

³⁸ Мы записали от наших информаторов-эвенков два варианта названия такой нарты: *натар* и *натарэ* (ПМ, 1972, № 2, л. 23; 1974, л. 16 об.—17, 39).

³⁹ Сейчас сымские эвенки обыкновенно пользуются пятикопильной оленьей санкой (*толгоки*).

⁴⁰ Заслуживает внимания и тот факт, что термин *аккель*, употребляемый сымскими эвенками для обозначения левого (управляемого) оленя в нартенной упряжке (ПМ, 1974, л. 14 об.) — не эвенкийский. Он образован от соответствующего селькупского термина, который мы записали у туруханских селькупов в выражении *аккалыль олыль отэ* — «вожжевой олень». Собственно, слово *аккаль* у последних означает вожжу (Там же, л. 54—55).

⁴¹ Мы имеем в виду, в частности, представителей этнонимических групп Танимэ (Танимо), Турумби (Трумби) и Чемба. Первых можно соотносить с членами рода Денмагир в низовьях Нижней Тунгуски (XVIII в.), вторых — с гидронимом Туру в бассейне той же реки, третьих — с родом Чемпогир у эвенков Северо-Запада.

⁴² Проект землеустройства Орловского тузсовета Колпашевского р-на Томской обл. (1937 г.). Рукопись.

⁴³ Имеется в виду род Бай у лесных энцев.

⁴⁴ Тазовские селькупы были выходцами из Нарымского края. Их переселение на Таз произошло в XVII в., вскоре после прихода русских (ПМ, 1963, № 2, л. 145 об.). О том же сообщается в рукописном отчете В. Н. Скалона о результатах охотоведческого обследования р. Таз в 1929—1930 гг. (КККМ, 629 (09), л. 99).

622

⁴⁵ На энцев прямо указывает сообщение селькупа И. С. Безруких (пос. Советская речка). Согласно слышанным им преданиям, селькупы после их прихода с юга на Таз подверглись нападению со стороны «самоедов» Вай во главе с неким Кондо (ПМ, 1974, л. 49 об.).

⁴⁶ Материалы к словарю «Красноярский край».

⁴⁷ Материалы Дудинской землеустроительной экспедиции (1932 г.). Рукопись. Хранится в Таймырском окрисполкоме.

⁴⁸ Эвенки называют Советское озеро *Ховоки-амут*, что является калькой ненецкого названия *Нум-то* — «Божье озеро». Эвенкийское название Советской реки — *Богдентун* (ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 1054, л. 5), где эвенкийское *богдэ* — «святой» (ТМС, т. 1, с. 87). Советская речка вытекает из Советского озера.

⁴⁹ Селькупское *кэнды* является названием основной промысловой рыбы этого

озера — сибирского ельца. Прежнее русское название оз. Момчик — Парусовое. Его называет в своем путевом журнале туруханский священник М. Суслов. Он писал, что «Парусово озеро» изобилует «мелкою рыбою, известной по туземному наименованию под именем момчиков». В то время на берегу озера жили «остяки» (селькупы) — около 15 человек (ГАКК, ф. 667, оп. 2, д. 16, л. 67 об.). Таким образом, название Момчик, по-видимому, не селькупское.

⁵⁰ Подробнее о культуре верхнетуруханских эвенков см.: *Туголуков*, 1974.

⁵¹ В этой связи нельзя не обратить внимания на сообщение проф. А. И. Якобия «О существовании на р. Надыме какого-то народа (няхсамарях), отличного от самоедов и остяков», о котором упоминает Б. Н. Городков (1926, 62). Как известно, р. Надым впадает в Обскую губу восточнее устья Оби. Одним из ее крупных левых притоков является р. Хетта — название, которое встречается как на левобережье, так и на правобережье нижнего Енисея. Этноним *нях-самар-ях* (его следует писать, по нашему мнению, именно так), судя по всему, имеет хантыйское происхождение. На это указывает хантыйское *ях* — «люди», «народ» (*Терешкин*, с. 135). Вместе с тем основа данного этнонима — слово *самар* — из хантыйского языка не объясняется. Мы полагаем, что оно отражает имя князя Самара и тем самым — родовой этноним Самагир (Шамагир) у эвенков. К сожалению, самого сочинения А. И. Якобия на эту тему мы не нашли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование этнической истории эвенков и эвенков Западной и Средней Сибири, мы предлагаем читателю две таблицы. Первая показывает численность тунгусов в XVII в. по отдельным регионам их расселения, а также наличие в их составе различных культурно-хозяйственных групп; вторая иллюстрирует изменение численности с XVII в по 1920-е годы.

Таблица 1.

Регион	Численность (тыс. чел.)			
	оленеводы	скотоводы	бездомные и бескотельные группы	всего
Прибайкалье	1,5	1,9	0,2	3,6
Среднее и нижнее Приангарье	1,5	—	0,2	1,7
Бассейн Подкаменной Тунгуски	0,4	—	—	0,4
Бассейн Нижней Тунгуски	2,3	—	—	2,3
Северо-Запад Восточной Сибири	3,6	—	0,4	4,0
Обь-Енисейское междуречье	0,4	0,2	—	0,6
<i>Итого:</i>	9,7	2,1	0,8	12,6

Таблица 2.

Регион	Численность (тыс. чел.)		
	XVII в.	1897 г.	1926—1927 гг.
Прибайкалье	3,6	1,5	0,3
Среднее и нижнее Приангарье	1,7	1,3	0,1
Бассейн Подкаменной Тунгуски	0,4	0,04	2,3
Бассейн Нижней Тунгуски	2,3	0,8	3,2
Северо-Запад Восточной Сибири	4,0	6,1	0,7
Обь-Енисейское междуречье	0,6	0,1	0,9
<i>Итого:</i>	12,6	9,8	7,7

Необходимость параллельно данным Всероссийской переписи 1897 г. приводить данные Приполярной переписи 1926—1927 г. вызывается тем, что, во-первых, в переписи 1897 г. учтены далеко

не все западные тунгусы, а во-вторых, из числа учтенных не исключены группы якутоязычных тунгусов, вошедших в состав северных якутов-оленьеводов и долганов. Б. О. Долгих по материалам Приполярной переписи указывал численность западных эвенков порядка 8,5 тыс. человек, из которых на родном языке говорили 7,7 тыс. человек. Таким образом, полученные им и нами статистические результаты почти полностью совпадают.

Из таблицы видно, что в XVII в. сибирские эвенки и эвены заселяли преимущественно регионы Прибайкалья, среднего и нижнего Приангарья, Нижней Тунгуски и Северо-Запада Восточной Сибири. При этом нужно иметь в виду, что большинство их тяготело к восточным районам перечисленных регионов. Данное обстоятельство — красноречивое подтверждение того факта, что область первоначального расселения тунгусов находилась к востоку от Байкала и Лены, а именно — в северном Забайкалье и Приамурье. Проникновение тунгусов в западную часть региона Северо-Запада, на Подкаменную Тунгуску и в междуречье Енисея и Оби произошло главным образом в XVIII в.

Исход древних тунгусов со своей исторической прародины начался предположительно в XII в. Приход якутов на среднюю Лену вынудил местных тунгусов отойти как к востоку, так и к западу от этой реки, а также вниз по ее течению. Это обстоятельство известное обособление западных и восточных тунгусов.

Очевидное наличие эвенков, также, возможно, и эвенов на крайнем западе этнического ареала тунгусов в период, предшествующих приходу туда русских, представляет собой весьма знаменательный факт с точки зрения выявления древних связей тунгусов с тюрками. Приход кимаков на Иртыш с юго-востока — с верховья Иртыша (Ким, Кем), а еще раньше — из степей Монголии, где следом их пребывания является местность: Кима в верховьях р. Орхон (Зуев, с. 180), а также фонетическая близость этнонима кимаки к этнониму кумохи позволяют идентифицировать тех и других в рамках более древней этнической общности хи, которую мы считаем южными скотоводческими предками тунгусов (Туголуков, 1980а, с. 158—159). Нельзя исключить того, что керамика «архаического типа», обнаруженная в курганах «Тунгусского кладбища» на Оби (см. главу 6), принадлежала именно предкам сибирских тунгусов — хисцам (кумохи, кимаки).

В аспекте тунгусо-татарских связей на территории Обь-Енисейского региона весьма интересным представляется следующее обстоятельство. Ряд фактов, отмеченных нами применительно к приангарским эвенкам XVII в., довольно прозрачно указывает на то, что их отдельные князцы до прихода русских осуществляли власть над некоторыми группами асанов и кетов и, возможно, получали с них ясак. Очень похоже на то, что эти князцы выполняли те же функции, какие были возложены ханом Кучумом на князцов Бояра, Демьяна и Самара.

В процессе заселения пространств Средней и Западной Сибири эвенки и эвены подвергались многостороннему воздействию со

стороны предшествовавшего им там коренного населения. В Прибайкалье и Приангарье это население было представлено кетоязычными, а в более северных регионах Средней Сибири — уралоязычными, в том числе самодийскоязычными племенами. К западу от Енисея в межэтнические связи с тунгусами были вовлечены также тюркоязычные и уралоязычные группы. Длительные и тесные контакты со всеми этими племенами и группами не могли не сказаться на культуре, языке и физическом облике западных эвенков и эвенов. В культурном отношении западные эвенки заметным образом отличаются от восточных наличием татуировки лица. Изменения антропологического характера выражаются в существовании у западных эвенков своеобразного катангского типа, который антрополог Ю. Г. Рычков характеризует как имеющий явное «западное или уральское уклонение» (Рычков, 1961, с. 246—250).

Важным результатом этнических процессов, происходивших на территории региона Северо-Запада при активном участии эвенков и эвенов, мы считаем формирование там в русский период истории двух новых этнических общностей — нганасанов и долганов, а также новой этнографической группы в составе якутского народа — северных якутов-оленьеводов.

Общее изложение этнической истории тунгусов Средней и Западной Сибири мы вели параллельно с изложением истории их отдельных родов и других этнонимических подразделений. Всего нами было исследовано до 250 таких компонентов. Это позволило не только максимальным образом конкретизировать многие аспекты истории этнографии, относящиеся к тунгусам как к этническому целому, но и ввести в научный оборот дополнительные данные, необходимые для суждения о социальной структуре и общественных отношениях у тунгусов.

Одной из нерешенных проблем указанного плана является существование племени у тунгусов. Данный вопрос интересовал многих исследователей. А. Ф. Анисимов, Б. О. Долгих, Н. Н. Степанов пришли к заключению, что племя у тунгусов существовало, однако никто из них не доказал этого. Г. М. Василевич считала, что применительно к позднему периоду истории эвенков (с XVI—XVII вв.) можно говорить лишь о существовании у них временных объединений двух, реже — трех родов, взаимосвязанных брачными отношениями и взаимопомощью. Она не исключала того, что «традиция парных объединений и представляла одну из форм племени» у эвенков (Василевич, 1970, с. 460—468).

Приведенный в настоящей работе материал позволяет нам высказать следующее суждение по затронутой теме. Если рассматривать племя как организованное целое с племенным вождем, советом родовых вождей, диалектом, религиозными церемониями и прочими атрибутами, то такого племени у тунгусов, по-видимому, не существовало после того, как они вышли за пределы своей исторической прародины. Но вместе с тем у них в XVII—XVIII вв. просматриваются контуры былого существования более крупных, чем род, кровнородственных объединений. Мы имеем в

виду шилигиров (момогиров), буляшей, чапагиров, а к востоку от Лены — нанагиров и некоторые другие объединения. Генезис таких объединений не всегда ясен, но в ряде случаев они без сомнения, сложились на основе межэтнических связей тунгусов с предшествовавшим населением.

В XVII в. и позднее основными социальными и объединениями западных тунгусов считались «роды», реже «волости» и «улусы». Термином «род» русские нередко обозначали патронимии, и большие семьи, если они платили ясак под своего аманата. Термин «волость» чаще прилагался к части прибайкальских и приангарских эвенков, у которых тогда уже не было четкой этносоциальной структуры и которые жили чересполосно с иноязычными обитателями — бурятами, асанами, коттами, русскими. Лишь в редких случаях термин «волость» служил обозначением кровнородственных групп, связанных общностью происхождения («Нанагирская волость»). Термин «улус» употреблялся главным образом в ясачной документации Прибайкалья, где большинство жителей составляли буряты. Улусами обыкновенно именовались мелкие подразделения какой-либо более крупной общности (например, рода), имевшие собственного главу — «князца», «шуленгу», «зайсана». Иногда улусом называли и небольшой род (например, роды Кармагир и Мурмугир в Прибайкалье).

Не совсем ясно, что собой представляли те части крупных эвенкийских родов, которые в ясачной документации отделяются одна от другой подзаголовками типа «Род Маугири ж» (см. главу 4). Если бы речь шла о кровных родах племени Шилигир (Момогир), то писцам было бы проще употреблять по отношению к ним их собственные родовые названия. Но, поскольку этого не делалось, приходится думать, что в данном случае имелись в виду либо локально обособленные группы одного и того же крупного рода, либо, что ближе к истине, — патронимии.

Проведенное нами исследование позволяет, как кажется, ответить на вопрос, что способствовало тунгусам при их незначительной численности освоить столь огромное пространство Сибири.

У них, по нашему мнению, можно выявить следующие присущие им, как этносу, качества: во-первых — необычайную географическую мобильность, которая, вероятно, обусловлена их охотничье-оленьеводческим комплексом; во-вторых — замечательную способность к адаптации в различных климатических зонах. Наряду с этим нужно отметить легкую восприимчивость эвенков к усвоению новых форм хозяйства и быта и слабую резистентность к ассимиляции со стороны своих более многочисленных соседей.

Литература

- Абулгачи Балдур-хан* [б. м. и б. г.]. Родословная история о татарах. Издание Российской Академии наук. Автономная Якутия, 1929, 20 ноября.
- Агаджанов С. Г.* 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад.
- Аксенов А. В.* 1913. Ангарский край. Томск.
- Александров В. А.* 1964. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М.
- Алексеев М. П.* 1932. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск. Ч. I—II.
- Алексеев Е. А.* 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.
- Анисимов А. Ф.* 1936. Родовое общество эвенков. Л.
- Артамонов М. И.* 1936. Очерки древнейшей истории хазар. Л.
- Бахрушин С. В.* 1955. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв.— Научные труды. В 3-х т. М. Т. III.
- Бичурин Н. Я.* 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 1.
- Бромлей Ю. В.* 1973. Этнос и этнография. М.
- Брук С. И.* 1981. Население мира: Этнодемографический справочник. М.
- Бычков А.* 1899. Очерки Якутской области. Томск.
- Вайнгейтс С. И.* 1972. Историческая этнография тувинцев. М.
- Валеев Ф. Т.* 1980. Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань.
- Вамбери А.* 1867. Путешествие по Средней Азии. М.
- Василевич Г. М.* 1926. На Нижней Тунгуске.— СА, № 5/6.
- Василевич Г. М.* 1930. Токминские тунгусы.— Сов. Север, № 5.
- Василевич Г. М.* 1931а. Сымские тунгусы.— Сов. Север, № 2.
- Василевич Г. М.* 1931б. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея.— Сов. Север, № 10.
- Василевич Г. М.* 1946. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенки-ских родов.— СЭ, № 4.
- Василевич Г. М.* 1949а. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков.— Труды/Всесоюзный географический съезд.
- Василевич Г. М.* 1949б. Кoryтообразная нарта сымских эвенков.— В кн.: Сб. МАЭ. М.; Л. Т. X.
- Василевич Г. М.* 1951. Енисейско-чирингинские эвенки.— В кн.: Сб. МАЭ. М.; Л. Т. XIII.
- Василевич Г. М.* 1957. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков.— В кн.: Сб. МАЭ. Л. Т. XVII.
- Василевич Г. М.* 1958. Топонимика Восточной Сибири.— Изв. ВГО, т. 90, вып. 4.
- Василевич Г. М.* 1962. Эвенки Катангского района.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М. Вып. IV.
- Василевич Г. М.* 1965. Этноним саман—самая у народов Сибири.— СЭ, № 3.
- Василевич Г. М.* 1968. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.
- Василевич Г. М.* 1969. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л.
- Василевич Г. М.* 1970. Выступление на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.— Труды/VII МКАЭН. Т. 10.
- Василевич Г. М.* 1972а. Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем.— В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск.
- Василевич Г. М.* 1972б. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков.— Там же.
- Васильев В. И.* 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.
- Васильев В. И., Туголуков В. А.* 1960.

- Этнографические исследования на Таймыре.— СЭ, № 5.
- Вдовин И. С. 1965. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.
- Вдовин И. С. 1974. Очерки этнической истории коряков. Л.
- Воскобойников М. Г. 1960. Эвенкийский фольклор. Л.
- Воскобойников М. Г. 1965. Эвенкийские народные предания — улгурил.— В кн.: Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л.
- Воскобойников М. Г. 1969. Современные устные рассказы и предания эвенков.— В кн.: Этнографический сб. Улан-Удэ. Вып. 5.
- Врангель Ф. П. 1948. Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820-1824. М.
- Вронский Б. 1968. Тропой Кулика. М.
- Гафуров Б. Г. 1972. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Георги И. Г. 1777. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. СПб. Ч. III.
- Гольденберг Л. А. 1965. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М.
- Городков Б. Н. 1926. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири.— Изв. РГО, т. VIII, вып. 2.
- Григоровский Н. П. 1884. Описание Васюганской тундры.— Зап. ЗСОРГО, кн. VI.
- Григорьев В. В. 1872. Об арабском путешествии Х в. Абу-Долефе и странствии его по Средней Азии. СПб.
- Гурвич И. С. 1950. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР.— СЭ, № 4.
- Гурвич И. С. 1966. Этническая история северо-востока Сибири. М.
- Дневник поисковой экспедиции, снаряженной Н. В. Асташевым в систему р. Нижней Тунгуски в 1896 г./Сост. на основании материалов И. А. Хейна. 1909. Красноярск.
- Долгих Б. О. 1946. О родо-племенном составе и распространении энцев.— СЭ, № 4.
- Долгих Б. О. 1950. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары.— СЭ, № 4.
- Долгих Б. О. 1952а. О населении бассейнов рек Оленека и Анабары.— СЭ, № 2.
- Долгих Б. О. 1952б. Происхождение нганасанов.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М.; Л. Вып. I.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенного состав народов Сибири в XVII в. М.
- Долгих Б. О. 1962. Предания о тотемических названиях родов у нганасан.— СЭ, № 3.
- Долгих Б. О. 1963. Происхождение долган.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. М. Вып. V.
- Долгих Б. О. 1970. Выступление на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.— Труды/VII МКАЭН. Т. 10. М.
- Долгих Б. О. 1970а. Племя у народов Севера.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX в.). М.
- Долгих Б. О. 1970б. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.
- Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. II; 1848. Т. III; 1851. Т. IV; 1862. Т. VIII; 1867. Т. X; 1869. Т. XI.
- Дорофеев Х. 1932. Эвенки. Быт тутурских тунгусов.— Тайга и тундра. № 1/4.
- Дульзон А. П. 1956. Археологические памятники Томской области.— Труды/ТОКМ. Т. V.
- Дульзон А. П. 1966. Кетские сказки. Томск.
- Дунин-Гаркавич А. А. 1911. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск.
- Ермолаев А. 1912. О тунгусах в Красноярском уезде Енисейской губ.— Сибирский архив, № 8.
- Жданко Т. А. 1950. Очерки исторической этнографии каракалпаков.— М.
- Залкинд Е. М. 1958. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ.
- Записки лейтенанта Х. П. Лаптева и замечания других описателей. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—1742 годов. 1851.— Зап. гидрографического департамента Морского министерства. Т. IX.
- Захаров И. 1875. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.
- Зензинов В. М. 1916. Очерки торговли на севере Якутской области. М.
- Зиннер Э. П. 1968. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск.

- Зуев Ю. А. 1972. «Джами от таварих» Рашид-Ад-дина как источник по ранней истории джалаириков.— В кн.: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. М.
- Иакинф. 1834. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XI столетия до настоящего времени. СПб.
- Идес Избрант и Брант Адам. 1967. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М.
- Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции/Собр. и изд. Андрей Попов. 1869. М.
- Иохельсон В. И. 1900. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб.
- Исторические предания и рассказы якутов/Под ред. Г. У. Эргиса. 1960. М.: Л. В 2-х ч.
- Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания/Запись текстов, пер. и ком. Г. М. Василевич. 1966. М.: Л.
- История Якутии. Якутск. Т. 1.
- Кабузан В. М., Троцкий С. М. 1962. Движение населения Сибири в XVIII в.— В кн.: Материалы по истории Сибири: Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск. Вып. 1.
- Кабузан В. М., Троцкий С. М. 1966. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в.— СЭ, № 3.
- Карлов В. В. 1982. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). М.
- Кармышева Б. Х. 1976. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.
- Карта расселения племен и народов России и сопредельных стран/Изд. КИПС. 1926. Л.
- Кастрен М. А. 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири.— В кн.: Собрание старых и новых путешествий. М. Ч. II.
- Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. 1979. Томск. Ч. 1. Народы Сибири.
- Кибер А. Э. 1823. Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах.— Сибирский вестник. СПб., ч. III.
- К истории Енисейской епархии: Краткое описание приходов Енисейской губернии. 1916. Красноярск.
- Кларк П. 1863. Очульские и тугурские тунгусы в Верхотенском округе (Иркутской губернии).— Зап. СОРГО, кн. VI.
- Кларк П. 1864. Вилуйск и его округ.— Зап. СОРГО, кн. VII.
- Ковязин Н. М. 1931. Комовские тунгусы.— Сов. Север, № 7—8.
- Ковязин Н. М. и Кузак Г. Г. 1963. Советская Эвенкия: Экономико-географический очерк. М., Л.
- Козьмин Н. Н. 1927. Историческое изучение и родословные.— В кн.: Бурятоведческий сборник. Иркутск. Вып. III—IV.
- Костров Н. А. 1855. Енисейские тунгусы.— Москвитянин, № 11, кн. 1.
- Костров Н. А. 1857. Очерки Туруханского края.— Зап. СОРГО, кн. IV.
- Копылов И. П. 1928. Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края по данным статистико-экономического обследования 1927 г. Новосибирск. Красноярск, 1908. № 127—128.
- Кривошапкин М. 1863. Об остяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа.— Зап. СОРГО, кн. IV.
- Кривошапкин М. Ф. 1865. Енисейский округ и его жизнь. СПб. Т. 1, 2.
- Ксенофонов Г. В. 1937. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск. Т. 1.
- Ксенофонов Г. В. 1977. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.
- Кудрявцев Ф. А. 1940. История бурят-монгольского народа от XVII до 60-х годов XIX в.: Очерки. М.: Л.
- Курилович А. П. и Наумов Н. П. 1934. Советская Тунгусия. М.: Л.
- Кытманов Д. А. 1927. Туземцы Туруханского края.— СА, № 2, 3.
- Латкин П. В. 1892. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.
- Лебедев В. В. 1976. К вопросу о брачно-родовых связях тазовских селкупов.— ПИИЭ.
- Лебедева Е. П., 1957. Расселение маньчжурских родов в конце XVI — начале XVII в.— Уч. зап. ЛГПИ, Т. 132.
- Лебедева Е. П. 1958. К вопросу о родовой составе монголов.— В кн.: Филология и история монгольских народов. М.
- Левенталь Л. Г. 1929. Подати, повинности и земля у якутов.— В кн.: Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.
- Левин М. Г. 1958. Этническая антропо-

- логия и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М.
- Маак Р. 1883, 1886, 1887. Вилуйский округ Якутской области. СПб. Ч. I—III.
- Майнов И. И. 1898. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск.
- Материалы Комиссии по изучению Якутской автономной социалистической республики. 1928. Л., вып. X.
- Мельхеев М. Н. 1974. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимики.— В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ. Вып. VI.
- Миддендорф А. Ф. 1878. Путешествие на север и восток Сибири. СПб. Ч. II.
- Миллер Г. Ф. 1937, 1941. История Сибири. М.; Л. Т. 1—2.
- Мифологические сказки и исторические предания энецов/Записки, введ. и ком. Б. О. Долгих. 1961. М.
- Мифологические сказки и исторические предания нганасан/Записки и подгот. текстов, введ. и ком. Б. О. Долгих. 1976. М.
- Монгольско-русский словарь. 1957. М.
- Мордвинов А. 1860. Инородцы, обитающие в Туруханском крае.— Вестн. РГО, ч. 28.
- Мыльников К. М. и Цинциус В. И. 1931. Материалы по исследованию негидальского языка.— В кн.: Тунгусский сборник. М.; Л. Т. 1.
- Народы Сибири. 1956. М.; Л.
- Николаев С. И. 1964. Эвенки и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск.
- Новикова К. А. 1958. Эвенский фольклор. Магадан.
- Новикова К. А. 1962. О расселении, численности и родо-племенных названиях эвенов Якутской АССР.— Краевед. записки, вып. 4. Магадан.
- Нюргун Боотур Стремительный (Якутский эпос олонхо). 1975. Якутск.
- Окладников А. П. 1937. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л.
- Окладников А. П. 1949а. Исторические рассказы и предания Нижней Лены.— В кн.: Сб. МАЭ. М.; Л. Т. XI.
- Окладников А. П. 1949б. Пенда — забытый русский землепроходец XVII в.— В кн.: Летопись Севера. М.; Л.
- Окладников А. П. 1958. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье.— В кн.: Филология и история монгольских народов. М.
- Окладников А. П. 1968. Курейские тунгусы в XVIII в.— В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск.
- Ойунский П. А. 1927. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание.— В кн.: Saqa Keskiye. Якутск. Вып. 1/4.
- Оленекская экспедиция (из путевого журнала). 1875.— В кн.: Сборник исторических известий о Сибири. СПб. Т. II, вып. 1.
- Орлова Е. Н. 1928. Население по рекам Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск.
- Патканов С. 1906. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. СПб. Ч. I: Тунгусы собственно. Вып. 1 и 2.
- Патканов С. 1911. О приросте инородческого населения Сибири (статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен). СПб.
- Пекарский Э. К. 1958—1959. Словарь якутского языка. Фотокопия издания 1907—1930 гг. (СПб). Л. Т. I—III.
- Пелих Г. И. 1972. Происхождение селкупов. Томск.
- Пестов И. 1833. Записка об Енисейской губернии в 1831 г. М.
- Петри Б. Э. 1922. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск.
- Петри Б. Э. 1930. Описание охотничьей территории тугурских тунгусов.— Изв. Биолого-Географического научно-исследовательского института при Государственном Иркутском университете, т. V, вып. 2.
- Плотников А. Ф. 1901. Нарымский край. 5 стан Томского уезда Томской губ.— Зап. РГО по отд. статистики, т. X, вып. 1.
- Полевой Б. П. 1965. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (о сочинении Адама Каменского-Длужика).— СЭ, № 5.
- Попов И. 1893. Из дневника походного священника, посещающего тунгусские кочевья Якутской епархии.— Православный проповедник, № 14, кн. 2. М.
- Попов А. А. 1931. Поездка к долганам.— СЭ, № 3—4.
- Попов А. А. 1934. Материалы по родо-племенному строю долган.— СЭ, № 6.
- Попов А. А. 1937. Долганский фольклор. Л.
- [Потанин Г. Н.]. 1881. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. по поручению Императорского Русского географического обще-

- ства членом-сотрудником одного Г. Н. Потаниным. СПб. Вып. 11.
- Потапов Л. П. 1953. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.
- Посемейный список тунгусов Туруханского края Илимпейской тунгусской управы, составленный в 1888 г. и проверенный Туруханским отдельным управлением. 1909.—Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отд. РГО, т. II, вып. 5.
- Прокофьев Г. Н. 1928. Остяко-самоеды Туруханского края.—В кн.: Этнография. М.; Л.
- Путешествие и журнал по указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 г. марта 14 дня. 1789.—В кн.: Древняя Российская Вивлиофика. М. Ч. VIII—IX.
- Путешествия по Сибири и прилежащим к ней странам Центральной Азии по писаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. Миддендорфа, Г. Радде и др. 1865. СПб.
- [Рашид-Эддин]. 1858. Сборник летописей: История монголов/Соч. Рашид-Эддина/Пер. с персидского с введ. и примеч. И. Н. Березина. СПб. Т. 1. Введение: О турецких и монгольских племенах.
- Ришес Л. Д. 1955. Основные особенности арманского диалекта эвенского языка.—В кн.: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 7.
- Русская историческая библиотека. 1875. СПб. Т. 2.
- Рычков К. М. 1915. В Туруханском крае.—Сибирский архив, № 6.
- Рычков К. М. 1917, 1923. Енисейские тунгусы.—Землеведение, кн. 1/2; 3/4.
- Рычков Ю. Г. 1961. Материалы по антропологии западных эвенков.—В кн.: Антропологический сборник. М. Вып. III.
- Салаткин А. (эвенки) 1930. Состояние советской, кооперативной и культурно-просветительной работы в районе Верхнекатангского тузовета.—Тайга и тундра, № 2.
- Салаткин И. (эвенки) 1930. Эвенкийский коллектив Киренского округа.—Тайга и тундра, № 2.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. 1960. Улан-Удэ. Вып. 1.
- Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. 1936. Л.
- Серебрянников И. И. 1913. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова.—Сибирский архив, № 1.
- Серовский В. Л. 1896. Якуты (опыт этнографического исследования). СПб. Т. 1.
- Сибирская газета, 1875, № 26.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями. 1890. Иркутск.
- Скалон В. Н. 1931а. Оленеводство в бассейне р. Таза.—Сов. Север, № 3—4.
- Скалон В. Н. 1931б. Рыбные промыслы в бассейне р. Таз.—Сов. Север, № 9.
- Собрание путешествий к татарам. 1825. СПб.
- Соколова З. П. 1962. Заметки об эвенках бассейна Кети.—В кн.: Сибирский этнографический сборник. Вып. IV.
- Советская Эвенкия. 1954, 2 июня.
- Спафарий Н. М. 1960. Сибирь и Китай. Кишинев.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. 1975, 1977. Л. Т. 1—2.
- Степанов А. 1835. Енисейская губерния. СПб. Ч. I—II.
- Степанов Н. Н. 1939. Социальный строй тунгусов в XVII в.—Сов. Север, № 3.
- Степанов Н. Н. 1961. Хозяйство тунгусских племен Сибири в XVII в.—Уч. зап. ЛГПИ, т. 222.
- Стелов Е. Д. 1916. Акты архивов Якутской области (с. 1650 г. до 1800 г.). Якутск.
- Суслов И. М. 1928. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры (из материалов Чунской экспедиции 1926 г.).—СА, № 1.
- Суслов И. М. 1952. О национальной принадлежности современного населения северо-запада Якутской АССР.—СЭ, № 2.
- Сушили Н. 1929. К вопросу о новой границе между Приангарским краем Канского округа и районом Подкаменной Тунгуски.—СА, № 3.
- Талько-Гринцевич Ю. Д. 1926. Материалы по антропологии и этнографии Центральной Азии. Л.
- Терешкин Н. И. 1961. Очерки диалектов хантыйского языка. М.; Л.
- Токарев С. А. 1959. Расселение бурятских племен в XVII в.—Зап. Бурят-монгольского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 1.

- Токарев С. А. 1940. Очерки истории якутского народа. М.
- Токарев С. А. 1945. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск.
- Туголуков В. А. 1960. Экондские эвенки.— В кн.: Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1969. Следопыты верхом на оленях. М.
- Туголуков В. А. 1970. Социальная организация эвенков и эвснов.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М.
- Туголуков В. А. 1974. Эвенки бассейна реки Турухан.— В кн.: Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1975. Конные тунгусы: Этническая история и этногенез.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1976. Древние связи тунгусов с тюрками.— В кн.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Алма-Ата.
- Туголуков В. А. 1979а. Кто вы, юкагиры? М.
- Туголуков В. А. 1979б. Эвенки-ганальчи (к вопросу о существовании племени у тунгусов). СЭ, № 4.
- Туголуков В. А. 1980а. Этнические корни тунгусов.— В кн.: Этногенез народов Севера. М.
- Туголуков В. А. 1980б. Тунгусы среди татар и хантов на Иртыше и Оби в XVI—XVII вв.— В кн.: III Всесоюзная тюркологическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Ташкент.
- Туголуков В. А. 1980в. Тунгусские имена как этнографический источник. В кн.: Ономастика Востока. М.
- Увачан В. Н. 1971. Путь народов Севера к социализму. М.
- Ураев Р. А. 1956. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области».— Труды ТОКМ. Т. V.
- Фишер И. Э. 1774. Сибирская история с самого открытия Сибири и до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.
- Ходукин Я. Н. 1927. Тунгусы реки Коченги. Иркутск.
- Хомич Л. В. 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.
- [Худяков И. А.]. 1890. «Верхоянский сборник»: Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, собранные в Верхоянском крае И. А. Худяковым.— Зап. ВСОРГО по отд. этнографии, т. I, вып. 3.
- Цинциус В. И. 1965. Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов.— В кн.: Язык и фольклор народов Крайнего Севера. Л.
- Чеканинский И. А. 1914. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуне в Енисейской губ.— Этнографическое обозрение, № 3—4.
- Чеканинский Ив. 1915. Енисейские старины и исторические песни: Этнографические материалы и наблюдения по реке Чуне.— Этнографическое обозрение, № 1—2.
- Черончин А. (эвенки). 1932. Работа кооперации в Токминском районе.— Тайга и тундра, 1/4.
- Черепнин Л. В. 1970. Монголо-татары на Руси (XIII в.).— В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1888. М. Кн. I.
- Шерстобоев В. Н. 1949, 1957. Илимская пашня. Иркутск. Т. I—II.
- Шимкевич П. П. 1895. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни.— Приамурские ведомости, № 63—65.
- Шнейдер Д. И. 1897. Наш Дальний Восток: Три года в Уссурийском крае. СПб.
- Шостакович Б. 1882. Промыслы Нарымского края.— Зап. ЗСОРГО, кн. IV.
- Шубин А. С. 1973. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII—XX вв.). Улан-Удэ.
- Эвенкийские сказки/Записал и перевел И. И. Суворов. 1960. Красноярск Эвенкийско-русский словарь/Сост. Г. М. Васильевич. 1958. М.
- Futaky J. 1975. Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen.— В кн.: Veröffentlichungen der Societas uralo-altaica. Wiesbaden. Bd. 10.
- Messerschmidt D. G. 1964. Forschungsreise durch Sibirien (1720—1727). Berlin. Teil. 2.
- [Radloff W.]. 1884. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem eines reisen den Linguisten von Wilhelm Radloff. Bd. 1. Leipzig.
- Shirokogoroff S. M. 1929. Social organization of the northern Tungus Shanghai.

Список сокращений

- ААН — Архив Академии наук СССР
ААЭМ
ТГУ — Архив археолого-этнографического музея Томского государственного университета
АВГО — Архив Всесоюзного географического общества
АИВАН — Архив Института востоковедения АН СССР
АИЭАН — Архив Института этнографии АН СССР
АЯФ — Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВНИИЖП — Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАТАО — Государственный архив Таймырского автономного округа
ГАЧО — Государственный архив Читинской области
ГЛЭАО — Государственный архив Эвенкийского автономного округа
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ЕФ
ГАКК — Енисейский филиал Государственного архива Красноярского края
ИПРЯ — Исторические предания и рассказы якутов
ИФЭ — Исторический фольклор эвенков
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран (при Российской Академии наук)
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей
КПМГЯ — Колоннальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИЮЯФ — Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора
МИЯ — Материалы по истории Якутии XVII века
МРС — Монгольско-русский словарь
МХС — Министерство сельского хозяйства
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МСИПН — Мифологические сказки и исторические предания иганасан
МСИПЭ — Мифологические сказки и исторические предания энцев
ПИИЭ — Полевые материалы Института этнографии
ПМ — Полевые материалы автора
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека

РЭС — Русско-эвенский словарь
СА — Северная Азия
СДИБ — Сборник документов по истории Бурятии
СМЭТФ — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору
СОРГО — Сибирский отдел Русского географического общества
СЭ — Советская этнография
СЯЯ — Словарь якутского языка
ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
ЦГА — Центральный государственных архив Бурятской АССР
БАССР
ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГА — Центральный государственный архив Якутской АССР
ЯАССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
ЭРС — Эвенкийско-русский словарь

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ПРИБАЙКАЛЬСКИЕ ЭВЕНКИ	8
1. Прибайкальские эвенки в XVII — начале XX в.	8
2. Этносоциальная структура прибайкальских эвенков	22
3. Межэтнические связи прибайкальских эвенков и особенности их традиционной культуры	38
Глава 2. ЭВЕНКИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ	47
1. Приангарские эвенки в XVII — начале XX в.	47
2. Этносоциальная структура приангарских эвенков	56
3. Межэтнические связи приангарских эвенков и особенности их традиционной культуры	62
Глава 3. ЭВЕНКИ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ	71
1. Эвенки Подкаменной Тунгуски в XVII — начале XX в.	71
2. Этносоциальная структура эвенков Подкаменной Тунгуски	80
3. Межэтнические связи эвенков Подкаменной Тунгуски и особенности их традиционной культуры	93
Глава 4. ЭВЕНКИ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ	100
1. Эвенки Нижней Тунгуски в XVII — начале XX в.	100
2. Летние и нижнечумские эвенки	105
3. Чапагирские и панкагирские эвенки	113
4. Турыжские и илимпийские эвенки	122
5. Кондогирские эвенки	134
6. Курейские эвенки	143
7. Межэтнические связи эвенков Нижней Тунгуски и особенности их традиционной культуры	162
Глава 5. ТУНГУСЫ (ЭВЕНКИ И ЭВЕНЫ) СЕВЕРО-ЗАПАДА	175
1. Тунгусы Северо-Запада в XVII — начале XX в.	175
2. Вилюйские и нижнеленские тунгусы	182
3. Тунгусы Есея, Таймыра, Анабары и Оленека	194
4. Межэтнические связи тунгусов Северо-Запада с местными аборигенами	213
5. Межэтнические связи тунгусов Северо-Запада с якутами	219
Глава 6. ТУНГУСЫ К ЗАПАДУ ОТ ЕНИСЕЯ	237
1. Обь-енисейские тунгусы в XVII — начале XX в.	237
2. Этносоциальная структура обь-енисейских тунгусов	249
3. Межэтнические связи обь-енисейских тунгусов и особенности их традиционной культуры	258
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	272
Литература	276
Список сокращений	282

Владилен Александрович
Туголуков
ТУНГУСЫ
(эвенки и эвены)
СРЕДНЕЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор
С. Н. Романова
Художник
Э. А. Дорохова
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
М. Н. Комарова
Корректоры Н. И. Казарина, Л. В. Письман

ИБ № 29442

Сдано в набор 11.04.85 Подписано к печати 22.07.85
Т-16801 Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная. Импортная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18,375 Уч. изд. л. 21,5
Тираж 1400 экз. Тип. зак. 4420
Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В 485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6